СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М. Н. Покровский. А. П. Щапов 5
Огюст Бланки. Инструкция к вооруженному восстанию 14
Д. Я. Кин. Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова . . 40
М. Н. Покровский. Буржуазная концепция пролетарской революции . 56
Ц. Фридлянд. Переписка Робеспьера 78
И. Игнатович. Месячина в России в первой половине XIX века . . 90
С. Д. Куниский. Жорес—историк 117

Преподавание истории

А. Иоаннисиани. История в школе II ступени (доклад) 152
Прения: М. Н. Покровский 165
А. Рындич. Лабораторный план и преподавание истории (доклад) . 172
Прения: Ц. Фридлянд, М. Нечкина, А. Шестаков 178

Библиография

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

М. В. Нечкина. Украинская юбилейная литература о декабристах 187
С. Д. Куниский. Обзор литературы о Парижской Коммуне за последние два года 196
Е. А. Косминский. Новые проблемы в аграрной истории Англии 199

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

А. В. Шестаков. Русские исторические журналы 2-й половины 1926 г. . . . 201
А. Рахлина. Обзор журнала „Архивное дело“ 207
О. Л. Вайнштейн. Научно-исследовательская работа по истории Западной Европы в советских вузах в 1924—1926 г.г. по их публикациям 209
А. М. Васютинский. Обзор немецких исторических журналов за 1926 г. . . 212

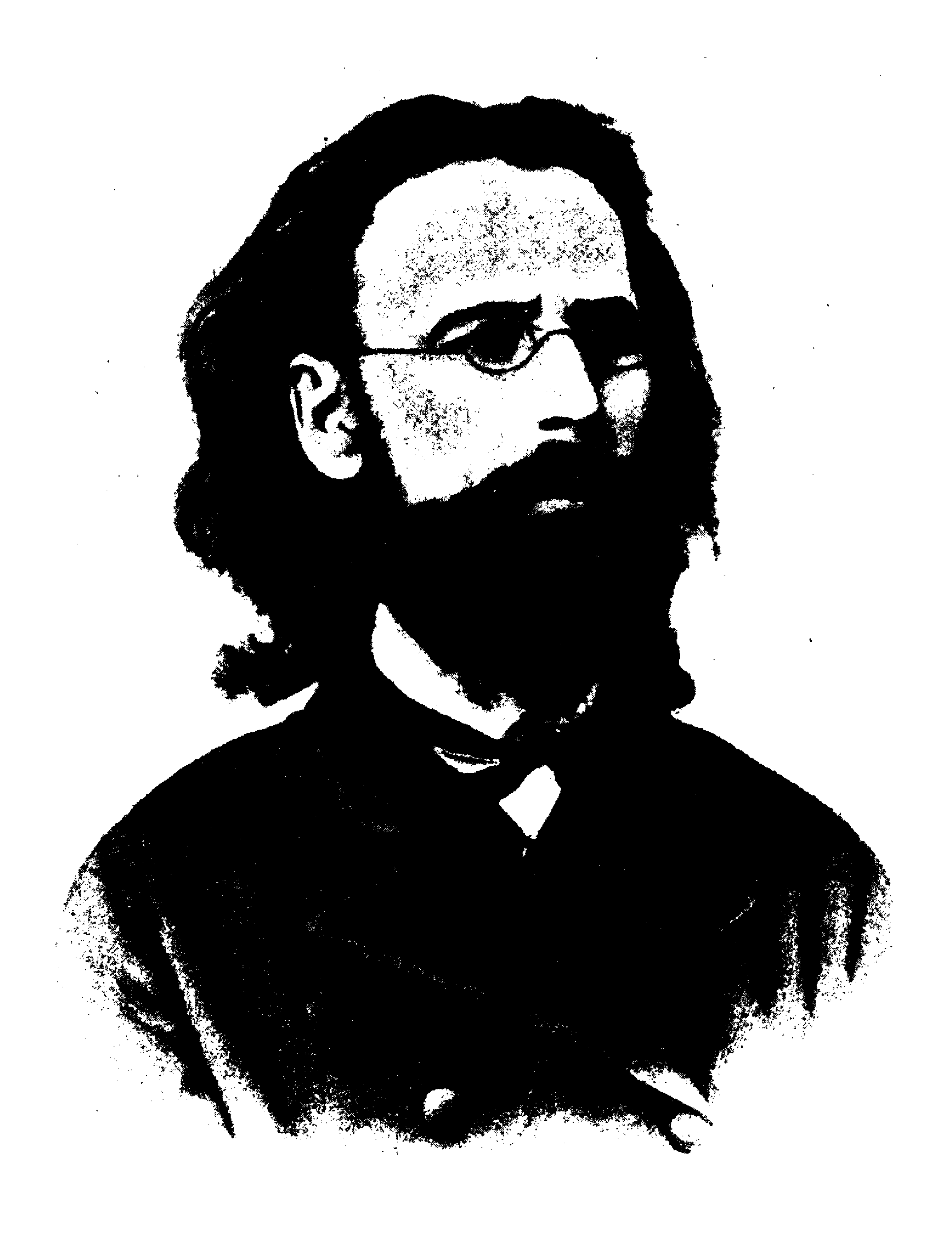
РЕЦЕНЗИИ

М. Покровский. Н. Чужак. Правда о Пугачеве. **М. Нечкина.** Е. С. Коц. Крепостная интеллигенция. **П. Лященко.** Проф. И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. I—II. **М. Югов.** С. Л. Данишевский. Опыт библиографии октябрьской революции. **И. Минц.** В. П. Семенников. Политика Романовых накануне революции. **П. Преображенский.** Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890г.г.). **Н. Рубинштейн.** Центрархив. Последние дни Колчаковщины. **Г. Стопалов.** Группа „Освобождение Труда“ (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). **А. Васютинский.** Г. Ландауэр. Письма о французской революции; Генрих Кунов. Политические партии. Силуэты времен Великой французской революции. **К. Котрохов.** Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794 г.г.), сборник документов и материалов. **Г. Кокиев.** В. П. Пожидаев. Горцы Сев. Кавказа. **Е. Зелькина.** П. Г. Галузо. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. **Г. Рейхберг.** К. Харнский. Япония в прошлом и настоящем. **Л. Мамет.** Лабораторный план в преподавании истории.

Хроника

Хроника 245
М. Н. Покровский. Н. А. Рожков (некролог) 254

Ответственный редактор **А. В. Шестаков**

М. Н. Покровский

А. П. Щапов

(К 50-летию со дня его кончины)

Три концепции русского исторического процесса боролись в середине XIX века, когда вступил в историческую литературу А. П. Щапов. Две из этих концепций очень хорошо известны, третья почти забыта, о ней не говорят. А между тем, если мы подойдем с точки зрения классового содержания этих концепций, она по крайней мере стоит всякой другой.

Первая концепция—это концепция буржуазная, та концепция, которая господствовала в нашей академической литературе сплошь и без всяких из'ятий, и которая из академической русской литературы, забралась и в весьма неакадемическую—марксистскую литературу, забралась на страницы таких авторов, как Плеханов, как т. Троцкий и т. д., с которой приходится, таким образом, бороться уже в известной мере внутрипартийным путем, потому что это спор уже наш внутренний, поскольку не так давно некоторые еще держались за эту концепцию. Эта концепция чрезвычайно четко отразила в себе тот момент в развитии русской буржуазии, который совпадает как раз с серединой XIX века, момент возникновения и окончательного оформления у нас промышленного капитализма.

Естественно, что промышленный капитализм имеет перед собой первую задачу, основную, без чего он не может просто стать, не может возникнуть,—это отбиться от своих конкурентов, от других промышленных капитализмов. В странах, где промышленный капитализм родился раньше, чем где бы то ни было в другом месте, например, в Англии, это выявляется, главным образом, в агрессивных действиях растущего промышленного капитализма против других стран. Англия была первой страной промышленной революции, и непосредственно после этого в течение, примерно, столетия, если не больше, она воевала с Францией. Эти англо-французские войны отразили как раз наступление английского промышленного капитала на континент. Окончились они блестящей победой английского промышленного капитала, овладением европейским рынком и фактической монополией английской крупной индустрии на этом рынке, которая держалась до конца XIX века.

Что касается стран, которые позже Англии вступили на этот путь, то они естественным образом должны были не только наступать,—они наступали тоже, обыкновенно на восток,—они должны были и обороняться.

И та же самая Франция создала в начале XIX века самую грандиозную систему обороны своего промышленного капитала—это континентальную блокаду. Совершенно в такое же оборонительное положение попадали после этого и все другие европейские страны, где усиленно развивался промышленный капитализм, попала после Франции Германия, которой пришлось отбиваться уже от Франции, попала Италия, которой пришлось отбиваться от Австрии, и т. д., и т. д. В конце концов в такое же положение должна была попасть и попала Россия. И вот как раз в начале характеризуемого мною периода—в 1822/23 г.—мы имеем первую жесткую протекционистскую программу, которая была проведена у нас. Мы имеем первое возведение такой таможенной стены, которая отделила Россию от западных стран и которая дала возможность развиваться нашему промышленному капитализму, которая эмансипировала его от засилья Запада, главным образом, засилья англичан, но, конечно, и французов, и немцев, и всяких других «насильников» и «нападателей» на невинную русскую промышленность.

Этот процесс развития национальной промышленности лежит в основе всего идеологического движения буржуазии в то время. Представляясь нам тривиальным, материальным процессом, делом кошелька и пятачка, он ведь мог сублимироваться, как сублимируется все на свете,—нет такой вещи, которую сублимировать было бы нельзя,—и сублимируясь, он вырастает в те роскошные националистические движения, которые знают массу героических эпизодов в истории Италии, в истории Франции, в истории Германии. «Марсельеза»—не только революционная песня, но и великая националистическая песня. Так что тут был известный политический ореол, но вокруг великого материального исторического процесса. Вот этот ореол национализма, этот пафос национализма, в основе которого лежал в сущности тривиальный факт образования внутреннего рынка,—это ведь лежало в основе всего,—этот пафос проникает собою всю соответствующую литературу и, между прочим, литературу историческую, которая дает нам целый ряд ярких националистических произведений. В особенности это заметно, конечно, в германской исторической школе Ранке, основной националистической школе XIX в., и соответственной параллелью к этому является наша русская историческая литература середины XIX в., историческая литература, связанная с именами Соловьева, Чичерина, Кавелина и др.

Эта русская литература, как и вся русская классическая литература, насквозь великодержавна. И великодержавие чрезвычайно характерно для этой националистической политики. Для всех этих историков русская история есть история великорусского племени. И это чрезвычайно характерно, потому что главным агентом того исторического процесса, который я характеризую, является именно великорусская народность. Русский промышленный капитализм складывался около Москвы—великорусского центра,—и московский отпечаток чрезвычайно резко лежит на всей его политике. Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы, то, что она смотрит с московской колокольни. Министр финансов Александра II Грейг сказал в одной своей речи, что он смотрит на Рос-

сию с высоты Кремля. Один остряк прибавил: «Потому он и видит только Замоскворечье». Вот такую позицию занимала и наша националистическая историческая литература. Это — одна из ее черт.

Другая ее черта, еще более характерная для нее, это—черта, тоже роднящая ее со всякой подобной литературой, в том числе и с германской и французской соответствующего периода, это то, что для создания внутреннего рынка нужно было прежде всего сильною рукою сломать всякие внутренние перегородки, об'единить страну. При чем, чем больше этих перегородок было сломано, чем шире был рынок, тем было лучше. Во Франции пришлось это делать довольно решительным путем, поскольку во французской революции промышленный капитал столкнулся еще с живыми феодальными перегородками, с живыми местными властями и т. д. У нас это все было попроще, не было такой борьбы. Но перегородки у нас были. Главной перегородкой было, конечно, крепостное право, которое являлось помехой на пути развития капитализма. Отсюда наш пафос сосредоточивается на борьбе с крепостным правом. Так или иначе, внутри нужна была очень сильная, крепкая государственная власть, которая сломила бы эти перегородки, какого бы вида они ни были, и создала ту унификацию внутреннего рынка со свободным передвижением рабочих рук, с резервной армией этих рабочих рук и т. д., всем, что необходимо для развития промышленного капитализма.

Отсюда вопрос о государстве и происхождении государства занимает громадное место в наших исторических идеологиях середины XIX в. Все они ставят вопрос, как возникло государство, в чем его сущность. Государство играло во всех их построениях, точнее говоря, во всей практической системе промышленного капитализма колоссальную роль. Без государственной власти нельзя было прежде всего сломать этих перегородок, нельзя было сломать крепостного права. Его можно было сломать, конечно, и революционным путем, путем взрывов снизу. Но я думаю, что вы не заставите меня об'яснять, что такой путь не был путем промышленного капитализма ни в одной стране. Только Франция должна была пойти этим путем, но и то она быстро справилась с этим низовым движением, и уже при Наполеоне там царствовал «полный порядок». Совершенно естественно, что в других местах надо было сломать эту перегородку сверху, путем реформ, и для этого нужна была сильная государственная власть, и для этого нужно было всячески возвеличивать государство. Отсюда все эти буржуазные историки суть историки-государственники. Прежде всего они договариваются до теории, которую они выдают за особенность русского исторического процесса, но которая на самом деле отражала их об'ективное положение в России, до теории, которая гласила, что само русское общество создано государством. Нигде до такой степени известная гегелевская фраза, что государство есть своего рода бог, не оправдалась так, как именно в русской исторической литературе, которая считала, что все общество со всеми его сословиями создано государством. До этого договорилась только одна русская историческая литература и никакая другая так далеко в своем преклонении перед государственной властью,

в своем возвеличении государственной власти не шла. Это было, повторяю, совершенно естественно потому, что сильная государственная власть была нужна той основной производственной силе, которая в это время росла, — промышленному капитализму. При помощи этой государственной власти был пробит барьер крепостного права в 1861 г., были открыты пути для более или менее беспрепятственного развития промышленного капитализма в будущем. Совершенно ясно, на кого опиралась эта идеология. Это для нас служит иллюстрацией того, кто командовал в это время русским общественным мнением. Командовал фактически промышленный капитал. Тут совершенно не приходится стесняться тем, что ни у Чичерина, ни у Кавелина, ни у Соловьева, ни у кого другого из историков-государственников не было никаких фабрик. Тут применимо то, что говорил Маркс о мелкобуржуазной идеологии, о мелкобуржуазных идеологах: не обязательно, чтобы у них была лавка, но их кругозор не выходит за пределы кругозора лавочника. Так же для наших историков-государственников не обязательно было, чтобы они были фабрикантами, но их кругозор был кругозором крупных предпринимателей, кругозором буржуазии, которой были нужны известного рода государственные учреждения.

И вот почему те общественные классы, которые при этом развитии промышленного капитализма являлись не суб'ектом, а об'ектом, которых этот развивающийся промышленный капитализм мял и трепал, они, естественно, должны были занять противоположную позицию. И прежде всего такую позицию заняли славянофилы, т.-е. помещики. Что для помещиков означал рост промышленного капитализма? Он означал прежде всего колоссальные таможенные пошлины, которые били по карману помещиков потому, что в каждом аршине и в каждом фунте того, что они покупали, сидели эти самые таможенные пошлины. И вот на почве этой противоположности интересов промышленного капитализма и помещиков возникла славянофильская теория, которая отрицала государство и которая договаривается местами до демократических и даже анархических положений. Я знаю, что этот взгляд не все разделяют, некоторые считают, что славянофилы являются будто бы представителями прогрессивных помещиков. Я не хочу отрицать того, что славянофильская теория многогранна, что в ней, кроме отрицательного отношения к государству, как двигателю промышленно-капиталистического развития, а таковой, несомненно, была империя Николая I, что кроме этого примешивалась еще и борьба с революционным движением снизу, и что для славянофилов момент страховки от возможности социальной революции играл также очень большую роль. Это совершенно верно; никто не станет отрицать того, что их историческая теория многогранна, и никакую историческую теорию вы не исчерпаете одним положением и тезисом. Но все-таки я считаю, что основным моментом в славянофильстве было отрицательное отношение к государству, как носителю, как возглавлению, как политическому орудию того промышленного капитализма, от которого больно приходилось помещикам, от которого помещики экономически страдали, в особенности страдали в тот период, когда был аграрный кризис и когда помещикам и без того при-

ходилось туго, а тут фабрики росли и оттуда раздавались голоса, что крепостное право нужно отменить и т. д., и т. д. Все это вместе создало известное настроение славянофильства, и этим об'ясняется его отрицательное отношение к государству, то, что оно государство выдвигало за скобки, как чуждую силу, как насильника, как что-то наносное в русской истории, с чем народные массы вовсе не желают считаться.

Но в этом хоре не звучал голос того класса, на котором сидела вся эта пирамида, сидел помещик, сидел фабрикант, сидел чиновник, сидел и царь. В нашем обычном классическом изображении русской историографии средины XIX века крестьянин совершенно отсутствует, его не было, его голоса не было слышно. Это довольно естественно. Этот безграмотный крестьянин,—по подсчетам Щапова, в России на 65 млн. населения было всего 4 млн. грамотных, при чем большая часть неграмотных падала, разумеется, на крестьян, мы ведь находились в периоде до возникновения даже земских школ, которые возникли позднее, этот безграмотный крестьянин, конечно, не мог проявить себя в исторической литературе, никак не мог. И, однако, проявил. И интерес Щапова, и суть его классовой позиции заключаются в том, что он учитывал весь этот процесс, о котором я говорю, чувствуя его на себе, и представлял идеологические интересы именно этого якобы молчавшего класса. Щапов—типичный крестьянский историк. Разрешите мне прочесть довольно большой отрывок из вновь опубликованной одной его лекции: «Господа,—говорил он тут,—не осуждайте меня, если буду я еще откровеннее. Не могу удержаться, чтобы не высказать... Когда я в первый раз в жизни выезжал в одежде крестьянского мальчика одной отдаленной провинции из самого глухого захолустья, из деревни в главный губернский город, меня тогда сильно поразило резкое различие города и деревни, городских и сельских жителей; там—крайне убогие хижины, в городе—чересчур высокие, огромные, каменные палаты; там люди проще и грубее, здесь хитры и говорят каким-то особенным языком, и т. п. Я задумался. Потом меня всегда погружало в думу какую-то грустную, когда я в месячную зимнюю ночь, русскую, морозную, градусов в 35, видел длинный обоз с кладью, как он тянется, напр., от Казани до Перми, или от Томска до Казани; мужички идут кряхтя подле воза то одиноко, то артелями с обнаженными лицами... Да, наша обширная, разнообразная сельская Русь—это загадка истории русской. Когда я изучал историю Устрялова и Карамзина, мне всегда казалось странным, отчего в их историях не видно нашей сельской Руси, истории масс, так назыв. простого, черного народа. Разве это гражданское большинство вечно и в истории должно быть безгласно, пассивно, недеятельно? Разве это огромное большинство не имеет права на просвещение, историческое развитие, на жизнь и значение, как баре и духовенство? Что же, оно провинилось перед природою? Неужели природа в самом деле мачеха ему?.. А прочитайте летописи, исторические акты до XVIII века,—кто устроил, основал, заселил, обработал русскую землю из-под лесов и болот? Кто, как не селянин общины? Послушайте целые века, начиная от IX и до XVIII века: акты исторические и юридические почти на

каждой странице говорят о неутомимой, богатырской, страдальческой работе русского сельского народа, о движении его на все четыре стороны сквозь леса дремучие, болота и мхи непроходимые с своими заветными спутниками—топором, косой, сохой и бороной. Акты юридические о том только почти и говорят: куда ходили топор, коса и соха, или где крестьяне посажали, поставляли починки на лесах, разрабатывали своей... живой [1]) страдой оставить леса, деревни. И так как колонизация, культура, обстройка русской земли почти до конца XVII века и особенно до XVI века имели единичный починочный характер, среди непочатых лесов и пустошей, то в актах, то в писцовых книгах отметились даже имена всех первых основателей, строителей нашей обширной сельской Руси, отметились в названии сел, деревень и починков. Раскройте любую писцовую книгу,—она вся испещрена именами этих строителей починков и деревень; напр., деревню Иванова посажал на лесу Сидорко Иванов и т. д. Самые города основаны, построены большею частью крестьянами. Кому неизвестно так называемое городовое дело, эта тяжелая повинность, лежавшая на крестьянах наших в XVI, XVII и XVIII столетиях. И эти-то строители, сеятели и хранители России в награду за свою вековую страдальческую, богатырскую работу обречены были на злую неволю—крепостное состояние (по исключительной вольности, привилегированности дворянства в XVIII, столетии, за которые теперь они тяжело платятся), обложены тяжелым, жестоким тяглом несоразмерно с другими сословиями, обременены рекрутчиной, осуждены на вечную тяжелую работу зимой по дорогам на морозе, летом с топором, косой, серпом и сохой, в поле, на жару; лишены всяких средств, всякой возможности и даже самого права на просвещение, как словно не люди, не имеющие нужды в просвещении и проч. И гуманно ли, благородно ли не признавать братства и равенства с нами той сельской Руси, из которой произошли наши первые самостоятельные личности, замечательные в истории просвещения нашего. Напр., кто первый в век грубого староверства и суеверия зачал первую реформу в порядке духовном (каковы бы ни были на первый раз эти реформы)? Сын нижегородского крестьянина Никон. Кто первый смело предложил первому императору Петру В. о земском народосоветии и первый высказал такие высокие политико-экономические идеи, какие в Западной Европе в то время не высказывались и которые еще в XIX веке ждут осуществления? Новгородский крестьянин Посошков в своих знаменитых сочинениях. Кто первый положил начало нашей новой литературе, поэзии и науке? Сын холмогорского крестьянина-рыбака—бессмертный Ломоносов, и проч. А сколько бы наука, литература, словом, все сферы цивилизации считали в своих рядах таких самородков, как выражается наш народ, если бы была свобода, которым бы был легкий доступ к развитию, открыта была бы, напр., дверь в университеты в каждом областном городе и не открыта была бы вместо того у каждой церкви и заставы одна дорога торная в царский кабак?»

---

[1]) Неразборчиво в обеих рукописях до конца фразы.

Целая поэма в прозе об исторической роли русского крестьянства. Я еще не все вам прочел. Ничего подобного во всей русской исторической литературе вы не встретите, не встретите, конечно, ни у Соловьева, ни у Чичерина, ни позже у Ключевского. Эта была подлинная крестьянская история. И как совершенно не беда, что у Чичерина и Соловьева не было фабрик, так не беда, что Щапов был профессором. Это был человек, отразивший крестьянское мировоззрение и чрезвычайно любопытно подходивший с этой точки зрения ко всем решительно явлениям русской жизни.

Я не буду касаться методологической стороны. Он ведь подавал и политические проекты. Он, например, подал известное письмо Александру II, и в этом письме Александру II есть одно любопытнейшее место, где он говорит о народном образовании. Я не знаю, насколько вы в курсе всей нашей педагогики, но когда я это читал, передо мною встала чрезвычайно знакомая картина. Он пишет там, что нужно образовывать школы и т. д., и говорит так:

«Областные общества сельских школ, при посильном содействии самих сельских обществ, могли бы: 1) устроить училища как для мальчиков, так и для девиц крестьянских, по селам—первоначальные, элементарные, по волостным центрам—общие для всех волостных сел и деревень, высшие или специальные, сельскохозяйственные, реальные школы и педагогические, для образования сельских учителей; 2) основать особые педагогические училища в губернских и уездных городах для приготовления сельских учителей из сельских грамотников, влиятельных на народ или, по желанию и выбору, способных к тому людей из других сословий; 3) издавать учебники и популярные книги, именно: по сельскому хозяйству приспособительно к местности, по сельскохозяйственной механике для приучения к устройству и починке искусственных сельскохозяйственных орудий и машин; по ботанике и зоологии применительно к местности и крестьянским нуждам и для ознакомления воспитанников, между прочим, в зоологии—с физиологическими началами рационального воспитания и употребления домашних животных, в ботанике—не только со всеми земледельческими, но и с лекарственными растениями, к разведению которых необходимо даже приучать крестьян; по физике—преимущественно раскрывая те стороны предмета, которые играют важную роль в современных открытиях и изобретениях и которые необходимы для рассеяния крестьянских предрассудков, суеверий относительно природы, и, в частности, по земледельческой климатологии и метеорологии; по географии и истории, преимущественно русской, обращая особенное внимание на историю сельского народа в связи с городским и на сельскохозяйственную и торгово-промышленную географию России; по технологии и химии—приспособительно к сельскому хозяйству; по законоведению, преимущественно относительно крестьян, по нравственно-христианскому учению, не искореняя при этом, а облагораживая и возвышая природные сельско-русские нравы, обычаи и привычки, не противоречащие просвещению; по словесности русской, преимущественно народной, и по другим наукам, нужным и полезным в сельском быту».

Программа ГУС'а, программа семилетки с сельскохозяйственным уклоном. Да, это семилетка с сельскохозяйственным уклоном, но проект ее был написан в 1861 г., когда не было даже того, о чем тут говорит Щапов, не было, напр., учительских семинарий—наших педтехникумов. Ничего еще не было.

Этот типичный крестьянин в литературе, идеолог крестьянства, ко всему подходил с такой же сельской точки зрения, и этим все его исторические произведения чрезвычайно любопытны. А отсюда его исторический материализм—не наш, не марксистский, не пролетарский, не рабочий, а чисто мужицкий материализм, как вы увидите.

Вот каково было положение Щапова в борьбе разных исторических течений, какие существовали в середине XIX века. Это был типичный крестьянский историк, и это, конечно, делает его для нас в высшей степени любопытным, независимо даже от того, что он высказывает те или иные мысли, какие впоследствии развивались и нами относительно влияния хозяйства на исторический процесс и т. д., и т. д. Это было уже производное, а в основе было классовое положение Щапова. Это, конечно, и об'ясняет нам в значительной степени его судьбу.

Крестьянский историк не мог приладиться к тогдашней городской истории. Сохранился любопытный анекдот о том, как Щапов спорил с Чернышевским. Этот анекдот рассказывает, между прочим, Плеханов в своей статье о Щапове, как они спорили очень долго, целый вечер, и как Щапов ушел, не убежденный Чернышевским. И, чрезвычайно метко схватывая разницу между ними, Плеханов говорит: «Тут спорили демократ с социал-демократом». Чернышевский был уже зародышем социал-демократии, т.-е. представителем городского рабочего движения, Щапов и тут остается настоящим мужичком,—он стоял на своей мужицкой позиции. Что социал-демократию не крестьянство выдумало, как и не дошло бы само крестьянство одно до социализма, это совершенно ясно для всякого марксиста. И вот столкнувшись с социал-демократом-горожанином, Щапов не сдал своих позиций. Чернышевский отличался могучей диалектикой, но эта могучая диалектика не победила Щапова. Он, как пришел мужичком к Чернышевскому, так и ушел.

Вот это и делает Щапова чрезвычайно любопытным, независимо от методологической стороны его произведений, делает его самым интересным явлением в нашей русской истории середины XIX века и бросает свет на всего Щапова, не только на содержание его писаний, на его взгляды и т. д., которые я уже охарактеризовал, но даже на стиль его.

Я прочитал вам кое-какие отрывки. Они в своем роде очень характерны. Этот отрывок о крестьянах чрезвычайно живой, яркий, и стиль его корявый, типично мужицкий стиль. Мужик чувствуется тут во всем. И естественным образом Щапову не удалось довести до конца свою работу, и не могло удаться не только потому, что он, как идеолог крестьянства и как историк крестьянства, был поставлен внешним образом в чрезвычайно плохие условия, что он работал в таких условиях, в каких никогда не работали и не работают ученые. Он исторически был осужден на неудачу,

ибо совершенно ясно, что одно крестьянство не могло выпутаться из того положения, какое создалось в середине XIX века. Все-таки победителем, тем, кто шел впереди и кто вел исторический процесс, был промышленный капитал в этот исторический период развития, все-таки это было не крестьянство. Этот промышленный капитал жил за счет крестьянства, высасывая все его соки. И это все наши симпатии перемещает на сторону Щапова. Но приходится историку признать, что только промышленный капитализм с его идеологией и его антагонист—пролетарский социализм—могли бы идеологически командовать над писанием истории во вторую половину XIX века. Так оно и произошло. До, примерно, 80-х г.г. безраздельно господствовали промышленный капитал и его идеология, с конца XIX века, с 90-х г.г., начинается господство марксизма и пролетарской идеологии.

Крестьянской идеологии не удалось завоевать себе места под солнцем, и не могло удаться. Но поскольку эта идеология представляет собой колоссальный общественный класс, представлявший в те времена почти всю Россию, историческое значение Щапова, несмотря на неизбежные неудачи, гораздо крупнее, чем всех его современников. И я не беру назад слов, которые я недавно сказал, что в лице Щапова царское правительство арестовало в 1861 году крупнейшего русского историка. Это был, несомненно, для своего времени крупнейший русский историк.

Огюст Бланки

Инструкция к вооруженному восстанию

Сообщил С. Красный

Реформистская легенда о Бланки, приобревшая прочность предрассудка, должна быть разрушена. Наш долг—реабилитировать величайшего революционера XIX века от множества тяготеющих над ним несправедливых приговоров. Работа по „восстановлению“ истинного Бланки уже начата [1]). Как и всегда, в таких случаях новаторы обнаруживают увлечение „героем“ и часто приписывают ему множество совершенно несвойственных черт. Но опасны пока не новаторы, а рутинеры.

Публикуя неизданную до сих пор „Инструкцию“, мы хотим помочь критике той части легенды о Бланки, в которой ему приписываются взгляды на вооруженное восстание, как на дело небольшой группки заговорщиков, несвязанных с массами [2]). Он обвиняется в игнорировании социально - политических и психологических факторов восстания, в готовности поднять его, сообразуясь лишь с настроениями заговорщиков, а не масс.

Эта версия кажется нелишенной основания. Она подкрепляется указанием на деятельность Бланки в 30-е годы.

Восстание 12 мая 1839 года было чистейшим путчем; повстанцы были разбиты полицией при полнейшем равнодушии парижского населения. Все это—бесспорно, но следует ли, однако, делать отсюда вывод, что заговорщичество и путчизм были основными положениями тактических воззрений Бланки?

Всякий, изучавший историю Франции в первой половине XIX века, знает, что тактика заговоров, покушений и восстаний была характерна для всех политических направлений; без заговоров не обходились даже вполне умеренные буржуа. Можно перечислить десятки заговорщических организаций и восстаний, ничего общего с Бланки и его единомышленниками не имеющих. Таков был стиль политической борьбы, такова была традиция освободительного движения. Бланки не был творцом этой тактики: он пользовался задолго до него изобретенным оружием и поэтому не может и не должен нести за нее исторической ответственности.

Но политическая карьера Бланки не кончается в 39 году. Мы встречаемся с ним и в революции 48 года. Вряд ли кто-либо станет утверждать, что председатель Центрального Республиканского общества хотя бы в самой отдаленной степени напоминает конспиратора 30 годов. Здесь мы имеем дело с выдающимся пролетарским политиком. Из всей массы деятелей революционного года во Франции Маркс выделяет лишь одного „заключенного“, как п р о л е т а р с к о г о р е в о л ю ц и о н е р а.

В ответ на это нам могут указать на „дело Лавилет“, как на доказательство того, что Бланки если не в 48, то в 70 г. г. продолжал оставаться путчистом. Опровергнуть это возражение не представляет особого труда.

---

1) Укажем на работы Горева, Доманже, Фрелиха.

2) Мы не собираемся здесь подробно разбирать этот вопрос, так как надеемся вернуться к нему в одном из ближайших номеров журнала; пока же ограничимся наиболее общими замечаниями.

Политическое возбуждение Парижа и Франции в 70 году под влиянием военных неудач росло с часу на час. Обстановка для революции против империи казалась благоприятной не только Бланки, но и интернационалистам (их-то обвинить в „бланкизме" никак нельзя). Они образовали „Комитет Действия" и назначили восстание на 9 августа. Лишь арест Пенди, намеченного руководителем движения, предотвратил выступление. Бланкисты сделали попытку захватить власть 4, но она не удалась. Возбуждение народных масс не достигло еще кульминационного пункта, а грязная сплетня полиции и прессы о прусских шпионах находила еще веру в умах парижан.

Что Бланки не считал возможным восстание без участия в нем масс, видно из следующего: „Вожди предприятия,—пишет Бланки об этом восстании,—полагали, что острота положения и волнения предшествующих дней будут достаточны, чтобы массы присоединились к ним" [1]. И далее: „Они (восставшие. *С. К.*), без сомнения ошиблись, время еще не настало; нужно уметь угадывать момент. В этих грозных вопросах промах, просчет обязывают к тяжелой ответственности. „Я думал"—никогда не оправдание" [2]). Все это мало похоже на рассуждения конспиратора.

Вернемся к инструкции. Она написана в 1867—68 г.г., т.-е. в известном смысле уже на закате политической карьеры Бланки. Наравне со статьями из „Critique Sociale", инструкция может быть рассматриваема как одна из частей его политического завещания. Можно ли из нее извлечь материал для подтверждения старых обвинений? Нет. Инструкция посвящена лишь военным вопросам (на это указывает сам автор), но даже трактовка военно-технической стороны восстания разрушает „легенду". Предполагающиеся по инструкции военно-оборонительные работы должны принять столь грандиозные размеры, что о выполнении их кучкой заговорщиков не может быть и речи. Всякий, кто внимательно прочтет „Инструкцию", без труда убедится в том, что восстание, по мысли Бланки, должно быть массовым народным движением. Столь же категорически определяет он и социальный состав повстанцев. Многократно подчеркивается, что основную роль в восстании играют парижские рабочие. Смышленность рабочего, организованность, знакомство с достижениями индустрии—на все это рассчитывает Бланки при разработке вопросов вооруженного восстания. Революционная интеллигенция и мелкая буржуазия не рассматриваются им как активный революционный фактор; все надежды свои он возлагает на преданность рабочего класса революционным идеям.

Но, быть может, в подготовке восстания имеются какие-либо „грехи"? По Бланки, восстание следует подготовить заранее: выделяется штаб, намечаются основные пункты борьбы, точно распределяются обязанности между руководителями восстания, определяются средства борьбы и т. д. Эта предусмотрительность, эта тщательная разработка технических деталей есть ведь не что иное, как „отношение к восстанию, как к искусству", т.-е. именно то, чего требовали Маркс и Ленин от настоящих пролетарских революционеров.

Конечно, большинство указаний Бланки касательно военно-технической стороны восстания устарело. Грандиозные перевороты в области военного дела и общее изменение социально-политических условий, в которых борется современный пролетариат, требуют и изменения самих методов вооруженного захвата власти. При всем этом ряд положений Бланки, в частности те из них, которые трактуют вопрос о баррикадной борьбе, и поныне не утратили своего значения. Определение места баррикад в системе боевых действий повстанцев было сделано им на основании тщательного изучения опыта баррикадных боев в востаниях 30-х годов и революции 48 года. Он не ограничился лишь французским опытом, а заимствовал многое у немцев. Укажем на то, что рекомендуемая им система проламывания стен домов по линии фронта обороны в целях безопасности передвижения и свободы маневрирования баррикадных гарнизонов была впервые применена Виндишгрецом при подавлении революционных восстаний в Праге и Вене.

---

[1]) „Patrie en danger". Paris. 1871, стр. 51.
[2]) Там же, стр. 59.

Опыт Коммуны и русской революции 1917 года как бы пошатнул значение баррикад в борьбе против правительственных войск. но гамбургское восстание 1923 года, где роль баррикад была значительна, вновь ставит этот вопрос в порядок дня; поэтому соображения Бланки о баррикадной борьбе требуют к себе внимания со стороны товарищей, занятых вопросами тактики гражданской войны.

В отделе „Инсуррекционные меры", равно как и в приложенных к инструкции проектах воззваний к солдатам, офицерам и парижанам. читатель найдет также перечисление мероприятий не военного, а политико-организационного характера: там в крайне сжатой форме дается программа правительственной деятельности в дни восстания. Этот круг вопросов был позднее подробно разработан Бланки в „Le communisme, avenir de la Société" (Critique Sociale, t. I), где дан уже развернутый план диктатуры пролетариата в переходную эпоху.

* * *

Публикуемый документ обнаружен нами среди бумаг Бланки, хранящихся в отделе рукописей Национальной Библиотеки в Париже. Они переданы туда учеником Бланки—Гранже. Все литературное наследие Бланки составляет 15 пачек (liasse). Среди бумаг имеются оригиналы и копии уже увидевших свет сочинений (Critique Sociale, L'eternité par les astres и др.); значительная же часть рукописей не опубликована. В Liasse № 9 (Библиотечный номер: Nouvelles acquisitions françaises № 9592) среди разных бумаг имеются две тетради, написанные рукой Бланки. Они озаглавлены: „Instruction pour une prise d'armes". Каждая из них представляет собой черновой набросок. Мы даем здесь перевод более полной тетради. В тех случаях, где на ряду со старым перечеркнутым текстом имеются поправки, мы воспроизводим лишь последние, так как при сравнении оказалось, что зачеркнутый текст отличается от поправок лишь меньшей стилистической законченностью. Мы стремились дать перевод возможно более близкий к тексту, что не могло, конечно, не отразиться на его литературной форме. особенно потому, что французский текст есть лишь очень несовершенный черновик.

В тетрадях нет никаких указаний о времени, когда „Инструкция" написана. Мы относим ее к 1867 — 68 г. потому, что в составленном одновременно с нею воззвании к парижанам Бланки восклицает; „16 лет неволи!"... и т. д. По содержанию воззвания видно, что этот срок исчисляется с момента декабрьского переворота Луи-Бонапарта (1851 г.).

К инструкции приложены упомянутые три воззвания.

Эта программа—всецело военная—нисколько не затрагивает ни политического, ни социального вопросов, которым здесь не место. Само собою разумеется, что революция должна совершиться в пользу труда и против тирании капитала и воссоздать общество на основах справедливости.

Восстание в Париже по старым методам в настоящее время не имеет никаких шансов на успех.

В 1830 г. одного лишь народного порыва было достаточно для того, чтобы ниспровергнуть правительство, захваченное врасплох и поверженное в ужас вооруженным восстанием—неслыханным и непредвиденным событием. Это было пригодно лишь для одного раза. Урок пошел на пользу правительству, которое, будучи создано революцией, осталось все же монархическим и контрреволюционным. Оно принялось за изучение уличной войны и вскоре вернуло себе в этом деле естественное превосходство искусства и дисциплины над неопытностью и неорганизованностью. Однако, скажут нам, народ победил в 48 г. методами 1830 г. Допустим, но не будем

обольщаться. Февральская победа — лишь случайная удача. Если бы Луи-Филипп серьезно защищался, перевес остался бы на стороне мундиров.

Доказательством этому служат июньские дни. Тогда-то можно было видеть, сколь гибельна была тактика или, лучше сказать, отсутствие тактики восстания.

Никогда восстанию не представлялось лучшего случая: оно имело десять шансов против одного. С одной стороны, правительство в состоянии полной анархии, деморализованные войска; с другой — единодушно восставшие рабочие, почти уверенные в успехе.

Почему же они потерпели поражение? Из-за отсутствия организации. Для того, чтобы выяснить причины поражения, достаточно проанализировать их стратегию.

Восстание вспыхнуло. Тотчас же в рабочих кварталах возводятся баррикады, они сооружаются где попало, на удачу, во множестве пунктов. Пять, десять, двадцать, тридцать, пятьдесят человек, случайно соединившихся, в большинстве невооруженных, начинают опрокидывать экипажи, разбирать мостовые и нагромождать посередине улиц и на перекрестках кучи камней. Большинство подобных заграждений вряд ли оказалось бы препятствием для проезда кавалерии. Порою, соорудив несовершенные укрепления, строители удалялись в поисках ружей и снаряжения.

В июне насчитывали более шестисот баррикад. Не более тридцати из них выдержали на себе всю тяжесть боя. Остальные девятнадцать из двадцати не дали ни одного выстрела. Вот где разгадка победоносных бюллетеней, которые с треском повествовали о захвате пятидесяти баррикад, на которых не было ни души.

В то время, как одни подымают уличные мостовые, другие мелкие группы идут разоружать караулы или захватывают порох и оружие у оружейных мастеров. Все это выполняется без согласованности и руководства, по прихоти каждого.

Мало-помалу, однако, некоторое число баррикад более высоких, более мощных, лучше построенных привлекает к себе большинство сражающихся, которые там и сосредоточиваются. Не расчет, но случай определяет расположение этих главных укреплений. Лишь некоторые из них по какому-то воинскому наитию, впрочем вполне понятному, занимают значительные выходы улиц.

В течение этого первого периода восстания собираются в свою очередь войска. Генералы изучают донесения полиции. Они воздерживаются до получения определенных данных от военных действий, не желая потерпеть неудачу, которая деморализовала бы солдат. Лишь вполне ознакомившись с расположением инсургентов, они стягивают полки к различным пунктам, которые становятся базой для операций.

Армии стоят друг против друга. Взглянем на их образ действий. Здесь-то и обнаружатся дефекты народной тактики, являющейся основной причиной поражения.

Нет ни руководства, ни общего командования. Нет даже согласованности между сражающимися. У каждой баррикады своя особая группа,

более или менее многочисленная, но всегда изолированная. Насчитывает ли она десять или сто человек, она не имеет никакой связи с другими постами. Часто нет даже начальника для руководства защитой; если же он имеется, то его влияние сводится почти к нулю. Солдаты действуют каждый по-своему. Одни остаются на месте, другие уходят и приходят, как кому вздумается. Вечером отправляются спать.

Вследствие этих непрерывных хождений взад и вперед, число присутствующих граждан часто меняется на треть, на половину, иногда даже на три четверти. Никто ни на кого не может рассчитывать. Отсюда вскоре неверие в успех и упадок духа. О том, что происходит в других местах, ничего неизвестно. Это никого и не беспокоит. Циркулируют слухи (canards) то мрачные, то розовые [1]). Спокойно слушают пушечные выстрелы и ружейную стрельбу за стаканом вина у прилавка виноторговца. О том, чтоб пойти на помощь осажденным позициям, никому не приходит в голову: «Пусть каждый защищает свой пост, и все пойдет хорошо"— говорят наиболее стойкие. Это своеобразное рассуждение об'ясняется тем, что большинство инсургентов сражается в своем собственном квартале (капитальная ошибка, следствия которой гибельны между прочим и потому, что за поражением следуют доносы соседей).

При такой системе поражение неизбежно. Оно наступает под натиском двух или трех полков, которые обрушиваются на баррикаду и сокрушают немногих ее защитников. Весь бой сводится к однообразному повторению этого неизменного приема. В то время как инсургенты покуривают трубку позади куч мостовых, неприятель направляет последовательно все свои силы на один пункт, потом на другой, на третий, на четвертый и таким способом уничтожает по частям все восстание.

Народ не заботится о том, чтобы мешать этой «приятной» работе. Каждая группа философски ожидает своей очереди и ей не приходит в голову спешить на помощь подвергающемуся опасности соседу: «Нет! Он защищает свой пост, он не может его покинуть». Вот как погибают от глупости!

Если из-за такой тяжелой ошибки великое парижское восстание 48 года было, подобно стакану, разбито самым жалким из правительств, то какой катастрофы нужно ждать в случае повторения подобной глупости в условиях дикого милитаризма, к услугам которого имеются новые чудовищные завоевания науки и искусства, железные дороги, электрический телеграф, нарезные пушки.

Кстати, то, чего не следует считать одним из новых преимуществ врага,—это стратегические дороги, которые в настоящее время бороздят город во всех направлениях. Их боятся напрасно.

---

[1]) Вот „утка", самая популярная на баррикадах в июне 48 г.: Коссидьер находится в таком-то месте с тридцатью пушками. Само собой разумеется, что т а к о е м е с т о находилось всегда в другом конце Парижа. Это не важно. Инсургенты понимали необходимость главаря и, не имея ни одного, выдумывали воображаемого.

В этот момент Коссидьер, послуживши делу реакции, стал в свою очередь предметом ненависти роялистов. За неимением других сражающиеся взяли его себе генералом.

К несчастью, пушки Коссидьера появлялись лишь у буфета Национального собрания.

(*Примечание автора*).

Не создавая лишней опасности для восстания, как это принято думать, они представляют собою, напротив, смесь неудобств и преимуществ для обеих сторон. Если войска передвигаются по ним с большим удобством, то, вместе с тем, они подвергаются большей опасности за отсутствием прикрытия.

Под ружейным огнем по таким улицам передвигаться нельзя. Сверх того, балконы — миниатюрные бастионы — служат для флангового огня, для чего не годятся обыкновенные окна. Наконец, длинные прямые проезды вполне заслуживают названия бульваров [1]), которое им было дано. На самом деле, это — настоящие бульвары, представляющие естественные защитные форты чрезвычайной силы.

Лучшее оружие в уличной войне—ружье. Пушка производит больше шума, чем дела. Артиллерия могла бы оказать серьезное действие только пожаром. Но подобная жестокость, допущенная в крупных размерах, вскоре обратилась бы против своих авторов и вызвала бы их гибель.

Граната, которую, по усвоенной дурной привычке, назвали б о м б о й, представляет второстепенное средство, имеющее к тому же массу неудобств. Она потребляет много пороху при незначительном эффекте и обращение с нею крайне опасно; она годится лишь для очень коротких расстояний и может действовать только будучи брошенной из окон. Булыжники с мостовых наносят такой же вред, но они стоят дешевле. Рабочим не зачем тратить деньги понапрасну.

Внутри домов служат револьвер и холодное оружие: штык, шпага сабля и кинжал. В рукопашном бою пика и восьмифутовая аллебарда имели бы перевес над штыком.

У армии, по сравнению с народом, имеется только два крупных преимущества: ружье шаспо и организация.

Значение последней — громадно, неопреодолимо. Но, к счастью, это преимущество может быть приобретено народом, и тогда перевес перейдет на сторону восстания.

В гражданской войне солдаты, за редким исключением, участвуют с отвращением, по принуждению и из-за водки. Им хотелось бы быть в другом месте, и они охотнее смотрят назад, чем вперед. Но железная рука делает их рабами и жертвами невыносимой дисциплины. Они повинуются ей не из любви к власти, а из страха, и неспособны поэтому к самой ничтожной инициативе. Отряд отрезанный—отряд потерянный. Начальник, который это знает, заботится прежде всего о том, чтобы поддержать связь между всеми частями. Это обстоятельство аннулирует часть наличных сил.

В народных рядах нет ничего подобного. Там сражаются из-за идеи. Там имеются лишь добровольцы, движимые энтузиазмом, а не страхом. Превосходя неприятеля своей самоотверженностью, они на много выше его по умственному развитию. Они обладают над ним нравственным и физическим преимуществом в силу своей убежденности. Их духовная и

[1]) Бульваром (boulevard) некогда во Франции называлась внутренняя часть укрепления (*С. К.*).

физическая энергия неисчерпаемы. У них нет разлада между чувством и мыслью. Никакое войско в мире не сравнится с этими отборными людьми.

Чего же им недостает, чтобы победить? Им нехватает единства и организованности—качеств, необходимых для достижения цели; эти качества, одно без другого, поражены бессилием. Без организации нет никаких шансов на успех. Организация—это победа, разрозненность—это смерть.

Июнь 48 г. сделал эту истину неоспоримой. Что же было бы в настоящее время? Употребляя свои старые приемы, народ погиб бы, если б войска захотели сражаться, а они станут сражаться, пока будут видеть перед собою лишь нерегулярные силы, не имеющие руководства. Наоборот, вид армии парижан в полном порядке, маневрирующей согласно всем правилам тактики, повергнет солдат в ужас и сломит их сопротивление.

Военная организация, особенно когда ее нужно импровизировать на поле битвы, представляет большие трудности для нашей партии.

Она предполагает верховное главное командование и, до известной степени, обычный ряд офицеров всяких степеней. Где взять этот персонал? Буржуа-революционеры и социалисты редки; даже та незначительная группа, которая имеется, воюет только пером. Эти господа думают перевернуть мир при помощи своих книг и газет: в течение шестнадцати лет, несмотря на неудачи, они только и делают, что марают бумагу в необозримом количестве. Они сносят, не моргнув, удила, седло и хлыст. Отвечать на удары? Это прилично для хамов!

Эти герои письменного прибора питают к шпаге такое же презрение, какое проявляет офицеришка к их грубой обуви. Им не приходит в голову, что сила представляет единственную гарантию свободы, что страна порабощена там, где граждане не знают военного дела и предоставляют привилегию на него касте или корпорации.

В античных республиках, у греков и римлян, все знали и занимались военным делом. Воин-профессионал представлял собою неизвестный вид. Цицерон был генералом. Цезарь—адвокатом. Оставляя тогу для мундира, первый встречный оказывался полковником или капитаном, закаленным в деле. Пока во Франции не будет того же самого, мы останемся обывателями (pekins), которых будут своевольно стегать обладатели сабель.

Тысячи молодых людей, образованных рабочих и буржуа стонут под ненавистным игом. Но разве они помышляют для сокрушения его о шпаге? Нет! Перо, всегда перо, одно только перо. Но почему же не то и другое, как того требует долг Республиканца? Во время тирании писать хорошо, но тогда, когда рабское перо остается бессильным, лучше сражаться. Так нет! Создают газету, идут в тюрьму, и никому не приходит в голову раскрыть руководство по маневрам для того, чтобы там научиться в 24 часа мастерству, составляющему всю силу наших угнетателей, знание которого даст нам в руки реванш и их кару.

Но к чему эти жалобы? Это глупая привычка нашего времени плакаться вместо того, чтобы противодействовать. Теперь мода на иеремиады. Иеремия позирует во всех положениях, он плачет, бичует, догматизирует, правит, гремит, сам же он—бич среди всех бичей. Оставим все эти цер-

ковные бредни, могильщиков свободы. Вечный долг революционера—борьба, борьба во что бы то ни стало, борьба до последнего издыхания.

Недостает кадров для формирования армии? Так надо создавать их на поле брани, во время действий. Парижский народ доставит кадры — старых солдат, бывших национальных гвардейцев. Их малочисленность принудит свести до минимума число офицеров и унтер-офицеров. Не важно! Рвение, пыл и смышленность добровольцев возместят эту недостачу.

Главное—это сорганизоваться какой бы то ни было ценой. Довольно беспорядочных восстаний с десятью тысячами разрозненных голов, действующих на удачу, в беспорядке, без помысла о совместном действии, каждый в своем углу и по своей фантазии! Долой баррикады, возведенные вкривь и вкось, расточающие время, загромождающие улицы и стесняющие движение, необходимое для той и другой стороны! Республиканцам нужна свобода движений не меньше, чем войскам.

Не нужно лишних хождений, сумятицы и выкриков. Минуты и шпаги одинаково ценны. Особенно,—не замуровываться в своем квартале, как постоянно делали инсургенты с громадным для себя ущербом! Этот обычай, приведя к поражению, облегчил затем изгнание. Нужно от этого исцелиться из опасения катастрофы.

* * *

Установивши эти предварительные истины, укажем на способ организации.

Основная военная единица—батальон; он состоит из восьми рот.

Каждая рота включает лейтенанта, четырех сержантов, пятьдесят шесть солдат; в общем—шестьдесят человек.

Две роты составляют дивизион под командой капитана. В батальоне следовательно, тринадцать офицеров, а именно: один командир, четыре капитана, восемь лейтенантов, сверх того 32 сержанта, 448 солдат и знаменосец; в итоге—494 человека. Барабанщики, если таковые окажутся,—сверх того.

Отмеченный ранее недостаток людей, пригодных для образования кадров, вынуждает сокращать в каждой роте число офицеров на два—капитана и подпоручика, двух унтер-офицеров—старшего сержанта и фуражира, наконец, восемь капралов. Штаб роты, таким образом, сводится с шестнадцати человек до пяти. Правда, рота менее многочисленна, чем в армии, где она в военное время насчитывает 90 человек. При той же пропорции это сводится к разнице в штабе от пяти до одиннадцати. Цифра роты незначительна для того, чтобы облегчить маневрирование как для дивизиона, так и для батальона.

Капитан вместо того, чтобы командовать одной ротой, как в войсках, командует двумя, т.-е. дивизионом. Однако маневрирование дивизионами вряд ли будет иметь место; почти невыполнимое в Париже, оно может служить лишь для свертывания батальонов по дивизионным колоннам на площади или на больших улицах.

Но важно снабдить дивизион специальным начальником, занимает ли он одну, две или четыре баррикады. В первом случае баррикада важна по числу своих защитников, в двух других—существенно не оставлять без высшего управления два или четыре поста.

Организация роты

Рота делится на 2 секции, каждая из 28 солдат и двух унтер-офицеров.

Секция подразделяется на две полусекции, каждая из 14 солдат и одного унтер-офицера.

Место офицеров и унтер-офицеров во время боя

Лейтенант—направо от своей роты, в первом ряду.

Первый сержант—позади лейтенанта, во втором ряду.

Второй сержант—на левом фланге правой секции, в первом ряду.

Третий сержант—позади второго, на правом фланге левой секции, во втором ряду.

Четвертый сержант—на левом фланге левой секции и роты, в первом ряду.

О вожаках

Первый сержант — вожак с правой стороны роты и правой секции, он вожак справа и слева первой полусекции с правой стороны.

Второй сержант — левый вожак правой секции, и правый и левый вожак второй полусекции правой стороны и он же флагоносец роты.

Третий сержант-вожак—справа левой секции, он же вожак справа и слева первой левой полусекции.

Четвертый сержант-вожак—слева роты и левой секции, он же вожак справа и слева второй полусекции слева.

Место офицеров и унтер-офицеров, когда батальон построен колонной, с правой или левой во главе.

1. В колонне по ротам лейтенант находится на правой стороне роты. Первый, второй и четвертый сержанты — в первом ряду, третий во втором ряду, сзади второго.

2. В колонне по секциям лейтенант находится на правой стороне секции, во главе. Четыре сержанта держатся направо и налево от соответствующих секций, в первом ряду.

3. В колонне по полусекциям лейтенант держится на правой стороне головной полусекции.

4. Четыре сержанта, состоя вожаками справа и слева своих соответствующих секций, находятся то справа, то слева, согласно приказу, всегда в первом ряду.

Два сержанта, которые находятся в конце батальона, построенного в боевом порядке, состоят его вожаками справа и слева и держатся в первом ряду. Ротный лейтенант справа отступает направо, дабы дать место вожаку.

Место капитанов в боевом строю и в колонне

Когда батальон находится в боевом строю, капитаны держатся в нескольких шагах позади центра своих дивизионов.

Когда батальон построен в колонну, каждый капитан держится на левом фланге своего дивизиона.

У батальонного командира нет постоянного места.

Примечание. Четыре унтер-офицера остаются постоянно в рядах, которые они обрамляют; они никогда не располагаются позади для замыкания колонны, как в войсках. Парижские рабочие, добровольцы на службе у свободы, не нуждаются в сержантах-толкачах.

Место знаменосца. Знамя в боевом строю и в колонне

1. В боевом строю знаменосец держится на левой стороне четвертого взвода, в первом ряду.

2. В колонне по дивизионам знаменосец находится в центре, на равном расстоянии между вторым и третьим дивизионом.

3. В колонне по ротам знаменосец держится слева, в ряду вожаков, на равном расстоянии между четвертым и пятым взводами.

4. В колонне по секциям или по полусекциям знаменосец находится в центре, на равном расстоянии между четвертым и пятым взводом.

Знамя — красного цвета. У каждой роты—свой флаг или значок особого цвета.

1	взвод	— красный	значок.
2	„	— фиолетовый	„
3	„	— зеленый	„
4	„	— желтый	„
5	„	— голубой	„
6	„	— розовый	„
7	„	— оранжевый	„
8	„	— черный	„

Офицеры и унтер-офицеры будут носить в качестве значка ленту цвета флажка их роты, лейтенанты — на левой руке между плечом и локтем, сержанты на левой пясти. Лента 8-й роты должна быть черной с двойной красной полоской.

Капитаны носят между плечом и локтем ленту того же цвета, каков цвет ленты рот, образующих их дивизион, на правой руке ленту нечетной роты, на левой руке ленту четной. Черная лента 4-го капитана будет иметь двойную красную полосу.

Батальонный командир носит на левой руке, между плечом и локтем, широкую красную ленту со свешивающейся бахромой.

Номер каждого батальона будет написан вверху древка каждого флажка рот, входящих в его состав.

Эти различные цвета как для флажков, так и для офицеров и унтер-офицеров служат для того, чтобы в свалке с первого взгляда можно было бы распознать различные роты и быстро их собрать.

Так как каждый человек занимает 2 фута в ряду, полусекция имеет 5 метров по фронту, секция — 10, рота — 20, дивизион — 40, батальон—165.

Следует всегда маневрировать при 70 или 75 сантиметрах расстояния между двумя рядами для того, чтобы второму ряду не приходилось ступать по следам—обстоятельство весьма неудобное для новичков. Если приходится стрелять, то второй ряд находит на первый, для того, чтобы пропустить ружья меж голов людей первого ряда.

О маневрировании

Все офицеры должны превосходно знать ротную и батальонную школу. Полезнее знать больше, чем меньше.

Совершенно очевидно, что можно будет использовать лишь небольшое число приемов, описанных в той и другой школе. Прежде всего необходимо изучить те, которые регулируют построение и движение колонны и боевой строй.

Вот главные

1. Батальон в боевом строю построить направо или налево по-ротно, по секциям или полусекциям.

2. Батальон в боевом строю — построить кругом направо или налево по-ротно, по секциям или полусекциям.

NB. В этом перестроении оперировать на фланге, не сдваивая рядов. В остальных случаях предпочтительнее вздваивать.

3. Батальон, идущий колонной по ротам, перестроить по секциям.

4. Батальон, идущий колонной по секциям, перестроить по полусекциям.

NB. Последние движения должны быть выполнены гимнастическим шагом, дабы не терять ни времени, ни места.

5. Батальон, идущий колонной по полусекциям, построить по секциям.

6. Батальон, идущий колонной по секциям, построить по-ротно.

NB. Так как роты имеют на фронте 20 метров, батальон будет в состоянии двигаться только по самым широким шоссе.

Самое обычное передвижение будет в колонне по секциям, занимающим только 11 метров по фронту.

Прежде, чем вступить в улицу, имеющую менее 12 метров ширины, секцию следует разделить.

7. Батальон, идущий колонной по-ротно — или по секциям и полусекциям, — построить в боевом порядке.

NB. Так как этот боевой строй наиболее быстро выполним, он и есть самый лучший. Но он сопряжен с затруднениями. Можно построить правильно колонну в боевой строй направо и налево только в том случае, если ряды секции или полусекции сохранили вполне точно свои взаимные расстояния, т.-е. если расстояние, которое их отделяет, равно их фронту. Если же оно больше, то в батальонах, построенных в боевом порядке, остаются незаполненные промежутки. Наоборот, если расстояние, отделяющее их, меньше, чем фронт, то отдельные части батальона при выравнивании сталкиваются и находят друг на друга из-за недостатка места.

8. Колонну, идущую по-ротно, по секциям или полусекциям, построить налево и направо в боевом порядке.

NB. Это перестроение не имеет недостатков предыдущего и обладает тем преимуществом, что при нем можно открывать огонь по неприятелю тотчас же, при самом начале построения. Но обратное построение колонны в боевом порядке можно произвести лишь с большой затратой времени.

Фланговое движение вздваиванием обладает чрезвычайным преимуществом: батальон мгновенно выстраивается в колонну, если он в боевом строю, или обратно из колонны в боевой строй. Но у него тот недостаток, что невозможно сжать колонну. Кроме того, для людей, которые никогда не упражнялись, представляется затруднительным выполнение этих перестроений с фланга. Тем не менее, полезно будет обучить этому маневру батальон, как только он сорганизуется. Смышленность парижских рабочих будет способствовать усвоению методов перестроения в несколько минут.

Когда батальон в движении должен итти во главе колонны справа или слева, то для того, чтобы вступить в боковую улицу, нужно просто повернуть направо или налево. Это предпочтительнее, чем правильная конверсия, которая медленнее и труднее.

Все перемены направления колонны должны выполняться при посредстве этого движения: поверните направо, поверните налево.

Батальон должен всегда итти и маневрировать походным шагом, т.-е. держа ряды на расстоянии 70 или 75 сантиметров, дабы второй ряд не был вынужден ступать по пятам, а мог бы свободно двигаться.

Все движения должны быть выполняемы быстро, не преследуя точности и изящества.

Ружье носить на унтер-офицерский лад в правой руке с вытянутой вдоль бедра рукой; спускная скоба обращена вперед.

Нужно будет призвать людей, умеющих бить в барабан. Барабаны чрезвычайно нужны для командования.

Маневрирование по-дивизионно

Внутри Парижа движение по-дивизионно будет происходить крайне редко. Тем не менее, важно изучить следующее:

1. Батальон, построенный по-ротно, свернуть в сжатую колонну на половине или на всей дистанции по-дивизионно.

2. Батальон — в боевом порядке — свернуть в сжатую колонну по-дивизионно, с каким-нибудь из четырех дивизионов, левым или правым, во главе.

3. Батальон, построенный в сжатую колонну по-дивизионно, развернуть по одному из четырех дивизионов, на ходу или на месте.

О методах, какими нужно пользоваться при вооруженном восстании в Париже

Люди, берущие на себя инициативу восстания, должны избрать заранее главного командира и некоторое число офицеров, функции которых начинаются с началом самого восстания.

О порядке организации

Как только граждане сбегутся при виде восстания, выстроить их в боевой порядок, в два ряда.

Просить их безмолвствовать и сохранять спокойствие; обратиться к ним с краткой речью. Об'явить им затем, что всякий гражданин, идущий под знаменем республики, получит продовольствие и пять франков ежедневно, взамен жалованья, во все время борьбы.

Пригласить всех, служивших в армии или числившихся в национальной гвардии, выйти из рядов и стать на передней линии.

Распределить их на офицеров, унтер-офицеров и простых солдат. Оставить в резерве первых, как высших офицеров, назначить унтер-офицеров лейтенантами и командирами рот, а простых солдат—сержантами.

Раздать лейтенантам и сержантам печатное руководство, раз'ясняющее им организацию народной армии и разные мероприятия, которые надлежит выполнить.

Распределить их по соответствующим местам в качестве офицеров и унтер-офицеров, включить между ними солдат каждого взвода и таким образом формировать роты до использования наличного персонала.

Если нет достаточного количества людей для укомплектования батальона, надлежит построить вслед за укомплектованными ротами кадры, которые нужно сформировать, для того, чтобы быть в состоянии принять новых добровольцев.

Наоборот, если командный состав для кадров недостаточен, то следует обратиться к людям, которые чувствуют себя достаточно способными для командования, и возложить на них обязанности лейтенантов и сержантов и выдать им напечатанную инструкцию, которая познакомила бы их с организацией.

Если число сформированных рот будет ниже восьми, все же считать батальон сформированным. Если же их окажется больше восьми, то из излишка образовать второй батальон, который будет пополняться присоединением новых добровольцев.

Раздать лейтенантам и сержантам ленты различных цветов, которые они обязаны носить в качестве значков; развернуть знамя батальона, равно как и флажки рот, которые (флажки) поручить вторым сержантам. Как только знамя будет распущено—привести офицеров, унтер-офицеров к нижеследующей присяге:

«Клянусь сражаться до смерти за республику, повиноваться приказам начальников и не покидать ни на одно мгновение знамени, ни днем, ни ночью, до окончания боя».

Распределить свободное оружие между ротами и батальонами в порядке их формирования. Сорганизовавшиеся первыми — первыми и должны быть вооружены.

Если будет только несколько ружей—выдать их сержантам-флагоносцам.

Офицерам и унтер-офицерам преподать следующие советы:

«Никогда не терять ни одной секунды, сохранять порядок и соблюдать тишину (за исключением возгласа «Да здравствует республика»

провозглашаемого по данному сигналу), итти быстрым шагом. Если завяжется бой—действовать только по команде. Если перевес будет на стороне неприятеля—быстро, без сумятицы стянуться вокруг знамени и значков.

Если же перевес окажется на нашей стороне—оставаться в рядах, без шума и криков, готовыми к выступлению. Выполнять все приказы возможно быстрее.

Если для исполнения приказа требуется удалиться от знамени, то, тотчас же по выполнении распоряжения, следует к нему возвратиться. «Да здравствует республика» должно провозглашать только по сигналу начальников, так как безмолвие при выступлении часто вызывается настоятельнейшей необходимостью.

Колонна—на привале или в движении—должна немедля организовать всех встречающихся в пути рабочих. В случае избытка кадров, последние идут в хвосте колонны, присоединяя по пути, не останавливаясь, всех желающих, включая их в порядке номеров в хвост колонны.

Офицеры и унтер-офицеры взводов, сформированных таким образом во время похода, тотчас же спрашивают вновь включенных граждан о том, служили ли они в армии или национальной гвардии, и если таковые окажутся, то выделяют их на фланг колонны.

Офицеры главного штаба сопровождают колонну, дабы из этих новых элементов составить кадры роты и батальона, возводя в чины согласно вышеуказанному правилу. Они распределяют ленты, служащие значками, приказывают развернуть флажки и знамена новых частей, идущих позади.

Организация новых батальонов будет продолжаться, таким образом. непрерывно во все время борьбы. Всякая колонна во время похода соберет встретившихся на пути рабочих и сформирует их в роты и батальоны, согласно вышеуказанному приему.

Как только число батальонов превысит девять, их можно будет собрать в полки и бригады. С начала восстания преданным гражданам будет поручено перерезать различные телеграфные провода и уничтожить сообщения правительства с провизионными складами.

Инсуррекционные меры

Как только станет возможным, главный командир назначит комиссии по вооружению, продовольствию и общественной безопасности.

Комиссия по вооружению

Комиссия по вооружению добудет либо в магазинах и на оружейных фабриках, либо у частных лиц все свободное оружие, ружья военные и охотничьи, пистолеты и револьверы, сабли и шпаги, точно так же и порох, хранящийся у продавцов или на складах, особенно у фейерверкеров.

Она добудет свинец, находящийся у свинцовых дел мастеров, формы для отливки пуль всех калибров—в железных лавках, заготовит токарные станки для токарей, мерки для пороха, устроит мастерские, где за определенную плату женщины и дети будут отливать пули и выделывать патроны.

Она заготовит знамена, флажки и ленты для значков.

Она добудет у фабрикантов химических продуктов вещества, входящие в состав различных сортов пороха, а именно: серную кислоту, эндигрид азотной кислоты и в сконцентрированном виде элементы, служащие дли приготовления гремучей ваты (пироксилина). С этой целью мобилизуют учеников фармацевтов.

Комиссия по продовольствию

Продовольственная комиссия возьмет у булочников, мясников и на складах напитков хлеб, мясо, вина и ликеры, требующиеся для нужд республиканской армии. Она завербует содержателей ресторанов и других заведений того же рода для приготовления пищи.

В каждом батальоне будет комиссар по продовольствию, которому будет поручено следить за распределением продовольствия и ознакомлять комиссию с нуждами батальона.

Комиссия общественной безопасности

На комиссию общественной безопасности возлагается обязанность препятствовать выполнению замыслов полиции и контрроволюционеров, напечатать, раздать и расклеить прокламации или постановления главного командира, наблюдать за телеграфами, железными дорогами, имперскими учреждениями, одним словом, уничтожать активные средства борьбы неприятеля, организовать и обеспечить мероприятия республики.

Необходимые фонды для обслуживания этих трех комиссий и для выплаты ежедневного вознаграждения в 5 франков, назначенного гражданам, состоящим под знаменем, будут взяты из общественных касс.

Купцам и промышленникам будут выдаваться расписки на реквизированные у них товары.

Все эти три комиссии будут давать отчет о своих работах ежечасно главному командиру и исполнять его приказания.

Баррикады

Никакое военное действие не должно происходить без приказания командира; баррикады будут возводиться лишь на указанных им местах. Под угрозой быстрого разрушения, баррикады не могут быть ныне (как в 1830 и 1848 г.г.) беспорядочным и путаным делом. Они должны быть частью заранее установленного плана действий.

По этому плану каждое укрепление занято гарнизоном, который держит постоянную связь с резервами, посылая ему подкрепления, соответствующие опасностям атаки.

Хаос и разбросанность были не единственным недостатком прежних баррикад. Их конструкция имела не меньшие недостатки.

Бесформенная груда булыжников, смешанная по бокам с экипажами, бревнами и досками, не могла служить препятствием пехоте, бравшей ее сразбегу. Несколько крупных укреплений были исключением. Но из них

не было ни одного, защищенного от приступа, наоборот, они сами служили врагу лестницей.

Останавливать полки, вынуждать их к осаде, долго противостоять пушке,—таково назначение баррикады. Нужно, следовательно, ее строить, следуя этим заданиям так, чтобы она достигала этой тройной цели. До сих пор баррикада ни в какой степени не удовлетворяла этим требованиям.

В современном состоянии Парижа, несмотря на распространение битого камня, мостовая все же остается настоящим материалом временного укрепления; однако, нужно использовать его лучше, чем в прошлом.

А это уже дело здравого смысла и расчета.

Старая мостовина, покрывающая большую часть улиц, представляет из себя куб со стороной в 25 сантиметров.

Можно на этом основании вычислить заранее количество кубов, которое будет необходимо для постройки стены, три измерения которой—длина, ширина и высота—определены.

Правильная баррикада

Законченная баррикада состоит из ограды и контргарда или прикрытия.

Ограда строится из мостовин, скрепленных известью, в один метр шириной, три высотой, и края ее врезываются в стены фасадов домов.

Контргард, расположенный в шести метрах перед оградой, составляется из двух частей, примыкающих друг к другу, а именно: внутренней стены, тех же размеров и конструкций, что и ограда, и гласиса (ската), нагроможденного из несмазанных мостовин; он простирается в длину на 4 метра до входа в улицу.

Один кубический метр состоит из 64 мостовин со стороной в 25 сантиметров.

Ограда и внутренняя стена контргарда всегда строятся в 3 метра вышины и в один метр ширины или толщины.

Только длина баррикады меняется. Она зависит от ширины улицы. Если ширина улицы 12 метров, длина ее соответственно будет равняться 12, а высота и ширина ограды, внутренней стены, выложенной стены гласиса и самого гласиса остаются постоянными. Тогда мы получим следующий расчет.

Ограда	$= 3 \times 1 \times 12 = 36$
Внутренняя стена гласиса. .	$= 3 \times 1 \times 12 = 36$
Гласис	$= 3 \times 2 \times 12 = 72$
	144

Вся кубатура баррикады и ее контргарда равняется 144 куб. метрам, что, считая по 64 мостовины на кубический метр, составляет 9.186 мостовин, то-есть 191 ряд по 4×12 или 48 в ряд.

Эти 191 ряд занимают 48 метров длины. Таким образом, для того, чтобы поставить материалы для законченного укрепления, мостовая должна быть разворочена на протяжении 48 метров.

Профиль всей баррикады

Ограда, контргард и гласис.

Ограда и внутренняя стена контргарда скреплены известью.

Если при расчете принять во внимание место, занимаемое известкой, то число мостовин окажется значительно меньшим. Это число будет еще меньшим в гласисах вследствие пустот между беспорядочно наваленными мостовинами.

Маленькие прямоугольные мостовины, которые заменили частью битый камень больших улиц, могут равным образом служить возведению баррикад. Но сооружение из них частей укреплений, выложенных известью, было бы очень продолжительным и потребовало бы больше извести.

Во всяком случае, совершенно ясно, что подобное укрепление не может быть состряпано в один час. Между тем очень важно приготовиться к обороне наискорейшим образом. Это затруднение может быть преодолено.

Отряд, которому будет поручено возводить и занимать баррикаду, должен явиться на место с возом извести, с тачками, рычагами, мотыгами, лопатами, ручными тележками, кирками, молотками, зубилами, лопатками для каменщиков, ведрами и корытами.

Все эти предметы должны быть реквизированы у торговцев, адреса которых находятся в торговом альманахе; при этом следует выбирать ближайшие от места отправления.

По прибытии на место командир поста закладывает ограду приблизительно в 15 метрах от начала улицы, высотой в полтора метра, вместо полагающихся трех. Эта стена, четырех с половиною футов, является нормальной высотой для стрельбы стоящего пехотинца. Ее, конечно, можно взять приступом, но такая операция будет уже делом трудным.

Эта баррикада будет препятствием, внушающим уважение. Несмотря на то, что она имеет лишь 18 куб. метров или 1.152 мостовины, что составляет 24 ряда или 6 метров мостовой, которую надлежит разобрать. Это может быть сделано достаточно быстро.

Затем оканчивают ограду, доводя ее до трех метров. На половинной высоте, то-есть на высоте одного с половиною метра, на известном расстоянии друг от друга оставляют отверстия, предназначенные для балок, на которые затем кладутся доски, образующие, таким образом, подмостки для стрельбы.

Верх внутренней стены контргарда должен быть плоским, без наклона ни внутрь, ни наружу, чтобы не подставлять под ядра верхнюю утоньшенную часть стены, ибо они ее быстро раскрошат.

Верх ограды может быть слегка наклонен, чтобы устроить для стрельбы род парапета. Он должен быть оштукатурен и выравнен лопаткой так же, как и лицевая сторона контргарда. Отверстия, сделанные для подмостков постройки, как в стене контргарда, так и в ограде должны быть тщательно заделаны. Стенки ограды и контргарда, составляющие лицевую часть, должны быть выравнены лопаткой и не должны иметь никаких неровностей, благоприятствующих влезанию.

Ряды мостовин каждого слоя стен будут положены в шахматном порядке так же, как и сами слои в соотношении друг с другом.

Если ограда превысит вышину стены контргарда, то ядра разрушат выступающую наверх часть. Однако, в случае, если захотят с ограды, издали, стрелять по врагу, будет достаточно положить на нее мешки из-под извести, наполненные землей.

Сами же сражающиеся могут приподниматься при посредстве мостовин.

Впрочем, укрепление является скорее барьером, чем полем действия. Окна—вот настоящие посты во время битвы. Из них сотни стрелков могут направлять во все стороны смертоносный огонь.

Офицер, которому поручено защищать выходы улицы, придя на место, приказывает занять два угловых дома третьей частью своих людей, вооруженной лучше других; он посылает вперед несколько конных караулов для разведки на соседних улицах, с целью предупредить неожиданности и, приняв все меры предосторожности, начинает работы по укреплению в порядке, указанном выше.

В случае атаки до окончания возведения простой стены в полтора метра вышины, офицер отступает со всеми своими людьми в угловые дома, отведя заранее в безопасное место, во внутренний двор, возы, лошадей и материалы всех родов.

Он защищается из окон огнем и мостовинами, бросаемыми с верхних этажей.

Маленькие прямоугольные мостовины с больших мощеных улиц чрезвычайно хороши для этой цели.

Как только атака будет отбита, он возобновляет и ускоряет постройку баррикады. В случае же нужды подходят подкрепления.

По окончании постройки следует установить связь с двумя боковыми баррикадами, пробивая толстые стены, разделяющие дома, расположенные на линии обороны. Та же операция одновременно проделывается в домах, расположенных по обе стороны забаррикадированной улицы, вплоть до ее конца на противоположной фронту стороне, а затем направо и налево вдоль улицы, параллельной линии обороны позади.

Пробоины проделываются в первом и последнем этажах для того, чтобы иметь два пути; работа производится одновременно в четырех направлениях.

Все островки или кучки домов, примыкающие к баррикадам, должны быть пробиты так, чтобы сражающиеся могли входить и выходить по находящейся позади параллельной улице незаметно для врага, вне досягаемости его выстрелов.

В этой работе гарнизон каждой баррикады должен встречаться (сходиться), как по линии защиты, так и на находящейся позади улице, с гарнизонами двух соседних баррикад слева и справа.

Образец баррикад, связанных между собой пробоинами в домах

Предположив, что Севастопольский бульвар будет фронтом защиты, возьмем на этом фронте расстояние приблизительно в 140 метров, включающее в себе выходы трех улиц, именно улицы Обри-ле-Бушэ, Рэни и Ломбардов

Эти улицы при выходах на бульвар преграждаются баррикадами с контргардами. Размеры и расстояния в плане определены точнейшим образом.

Гарнизон укрепления улицы Ла-Рэни, кончив постройку баррикады, пробивает дома вдоль бульвара, по направлению к улице Обри-ле-Бушэ справа и к улице Ломбардов налево.

Ту же операцию производит он с двух сторон улицы Ла-Рэни, доходя до улицы Сенк-Диаман, и, дойдя до конца, поворачивает налево, к улице Обри-ле-Бушэ, направо—к улице Ломбардов.

Со своей стороны, гарнизоны баррикад Обри-ле-Бушэ и Ломбардов идут навстречу рабочим Ла-Рэни, следуя тому же методу, и, таким образом, на полпути происходит соединение.

Дома по Севастопольскому бульвару намечены произвольно, но на улицах Ла-Рэни, Обри-ле-Бушэ и Сенк-Диаман число домов или, точнее, толстых стен, отделяющих их, было намечено с точностью на одном старом подробном плане.

Гарнизон укрепления Ла-Рэни должен, следовательно, пробить кроме половины домов бульвара, между двумя боковыми улицами, двенадцать стен по улице Рэни, пять с одной стороны, семь с другой, сверх того семь других по улице Сенк-Диаман, пять направо и два слева.

Если число домов по Севастопольскому бульвару равно десяти, то на каждый дом приходится только девять метров по фасаду, и, следовательно, надлежит пробить всего 24 стены, по шести на каждый отряд, принимая во внимание, что работа будет производится в четырех направлениях одновременно. Впрочем, если людей достаточно, можно пробивать одновременно все дома забаррикадированной улицы и улицы, пролегающей позади укрепления, чтобы обеспечить себе свободное сообщение.

Внутреннее пространство островков домов обыкновенно состоит из дворов и садов. Можно было бы устроить сообщения между этими пространствами, обычно отделенными слабыми стенами. Это даже станет необходимым в тех пунктах, которые, по своему специальному положению, будут подвержены наиболее серьезным атакам. Следовательно, будет полезно организовать из сражающихся рабочих отряды каменщиков, плотников и т. д. для выполнения работ совместно с инфантерией.

В случае, если какому-либо дому будет угрожать особая опасность, следует разрушить лестницу нижнего этажа и проделать отверстия в полах различных комнат первого этажа, чтобы стрелять по солдатам, занявшим нижний этаж для закладки петард. Кипяток сыграет в этом случае полезную роль.

Если атака будет происходить на значительном участке фронта, то следует разрушить лестницы и пробить полы во всех домах.

Вообще же, если позволяет время и нет других более важных работ, следует разрушить лестницы нижнего этажа во всех домах, за исключением одного, находящегося позади и наименее угрожаемого.

Войска всегда довольно легко захватывают баррикады вследствие незначительности числа ее защитников, изолированности, в какой их оставляют, и из-за недостатка взаимного доверия, вызываемого отсутствием

организации и командования. Дело приняло бы иной оборот при энергичной и последовательной посылке сильных подкреплений.

До сего времени в парижской борьбе инсургенты всегда оставались бездеятельными позади своих мнимых укреплений; эта праздность—роковая для бойцов, очень плохо вооруженных, без артиллерии, почти без припасов. Одной храбрости недостаточно для того, чтобы возместить материальные недостачи.

Парижские рабочие как бы не знают своих главных преимуществ—понятливости, развития и ловкости, неистощимой изобретательности и стойкости. Будучи знакомы со всеми достижениями индустрии, они могли бы легко в несколько часов сымпровизировать военный материал. Плотники, столяры, механики, слесаря, литейщики, токаря, каменщики и т. п. могли бы удовлетворить все нужды и выставить сотню саперов на одного неприятельского.

Но для этого требуется непрестанная деятельность. Ни один человек не должен оставаться праздным. Одно дело кончено—берись за другое. Оно всегда найдется. Вот, например, работы, имеющие большое значение:

Насадить прямо на семифутовые древки лезвия кос, крюки которых выпрямлены на огне, а тыловой валик срезан. Древки вытачиваются в мастерской ближайшего токаря. Лезвия кос найдутся у торговцев железными изделиями.

Снять двери квартир или взять досок в лавках, просверлить в них узкие бойницы шести сантиметров длины, покрыть их толстыми лист ами железа, прорубленными таким же образом, и загородить этими передвижными ставнями окна и балконы, чтобы направить фланговый огонь вдоль улиц.

Собрать мостовины во всех этажах, самые мелкие на четвертом или пятом, в мансардах, самые крупные—на втором или третьем. В особенности снабдить ими комнаты, расположенные над укреплением.

Каждый командир баррикады распорядится взять у ближайших торговцев материалы и приспособления, пригодные для защиты. Он мобилизует ремесленников, токарей, столяров, слесарей, для изготовления предметов, которых гарнизонные солдаты не были бы в состоянии сделать сами. В обмен он выдаст формальные расписки, равноценные фактурам.

Баррикадные командиры не должны задерживать при себе людей, которые к ним примкнут. Они их направляют к своему ближайшему начальнику, лейтенанты—капитанам, капитаны—батальонному командиру, дабы люди были направляемы в резерв, где производится комплектование новых частей. Это правило диктуется самыми настоятельными мотивами:

1. Вознаграждение может быть выдано добровольцам лишь на основании официального удостоверения их пребывания под знаменем, с указанием точной даты.

2. Главному начальнику должна быть известна точная цифра сил каждого укрепления.

3. Хороший порядок требует, чтобы наличный состав рот и батальонов оставался постоянным.

Командиры баррикад должны почаще направлять частые рапорты своим начальникам, которые в свою очередь препровождают их в главный штаб.

Защита баррикад

Предполагая, что армия будет стойка и ожесточится в борьбе, легко предугадать ее методы нападения на республиканские позиции.

Сначала более или менее многочисленные отряды, стреляя на ходу по окнам, подойдут, чтобы захватить баррикаду. Если они будут отбиты, они пробьют дома островков, расположенных против инсургентов, и достигнут таким образом внутренним путем фронта; они могут сделать это и не предпринимая непосредственного штурма баррикады. Когда же обе стороны будут отделены друг от друга лишь улицей, солдаты направят жестокий огонь по окнам противоположной стороны для того, чтобы выбить оттуда защитников. Нужно также ожидать, что войска в случае упорного и продолжительного сопротивления привезут артиллерию через островок, занятый ими.

Они расположат батарею за воротами, против одного из домов фронта обороны, затем, открыв внезапно ворота, начнут обстрел стен в упор; чтобы разрушить здание,—оно от первых выстрелов не упадет,—для этого потребуется всё же известное время.

Как только пушки будут обнаружены, республиканцы начнут стрелять по артиллеристам через отверстия нижнего этажа, отдушины, двери, окна и балконы, расположенные против ворот. Они пробьют побыстрей бойницы напротив для того, чтобы усилить огонь.

Общее правило: бесполезно отвечать солдатам, стреляющим из окон. Это потеря пороха. У неприятеля он в избытке, у инсургентов же его мало; следовательно, его надо беречь. От пуль нужно защищаться при посредстве ставень, покрытых листовым железом, заставляя ими окна и балконы.

Гарнизон баррикады, не обращая внимания на перекрестный огонь, сосредоточит свои усилия на том, чтобы не дать врагу перейти улицу. При попытке сделать это, следует направить на него беспощадный огонь, осыпать его сверху из домов камнями и мостовинами. В то же время нужно быть готовыми к тому, чтобы в случае, если он, несмотря на забаррикадирование дверей и окон, проникнет в нижний этаж, расстреливать его и поливать кипятком через пол первого этажа. Тщательно следить за тем, чтобы он не прикрепил петард, и не жалеть мостовин, бутылок, наполненных водой, даже мебели, если нет других метательных снарядов. Снять с верхних этажей железные ставни для того, чтобы бросать камни, избегая при этом пуль с противоположной стороны.

Что касается до укрепления, то справиться с ним будет нелегко. Ядро может попасть в ограду только рикошетом, а небольшой промежуток в 6 метров, отделяющий его от контргарда, сделал бы эту стрельбу безрезультатной.

Граната будет в той же мере безрезультатна. Оно разорвется либо впереди, либо позади, либо в промежутках между двумя укреплениями, ее осколки обдерут только штукатурку стен,—ничего более. Там она никого не застигнет. Баррикада будет защищаться из окон. Штурм баррикады

был бы убийственным для осаждающих. Им пришлось бы выдержать ружейную стрельбу на всем пути до основания склона гласиса, а с этого пункта— дерзнуть на еще более опасное дело. Спуститься с внутренней стены и перейти затем через ограду они смогли бы только при помощи восьмифутовых лестниц, представляющих собой, особенно под градом пуль и мостовин, крайне неудобную ношу.

Если при возведении баррикад успели вделать ворота в шестиметровый промежуток между оградой и контргардом, то в случае, если солдаты спустятся с контргарда, следует эти ворота внезапно открыть, бросить роты, вооруженные косами, на солдат и разнести их в этой мышеловке в клочья. Солдатские штыки недостаточно длинны, чтобы противодействовать аллебардам. Если же ворот нет, то косцы должны собраться в нижнем этаже, чтобы броситься из входных дверей и из нижних окон. Предварительно командир распорядится прекратить град пуль и мостовин, что может быть сочтено неприятелями за признак поражения. Этот расчет может стать для врага роковым.

Если неприятель будет отражен продолжительным сопротивлением одной или нескольких баррикад, он прибегнет, быть может, к поджогу домов при помощи гранат. Потушить огонь будет трудно. Если это не удастся, отступление станет неизбежным. Нужно будет отступать от одного дома к другому, на вторую линию обороны. Войска не долго смогут выдерживать эту игру. Париж не превратят во вторую Сарагоссу.

Борьба на баррикадах даст возможность главному командиру перейти в свою очередь к наступлению и бросить колонны в атаку с фланга и с тыла осаждающих.

Раненые будут эвакуированы походными лазаретами, отведенными в распоряжение командиров частей; мертвые будут перевезены в госпиталя.

О минах

Войска могли бы прибегнуть к минному подкопу, чтобы сломить слишком упорное сопротивление фронта обороны. Применение этого могучего средства мало вероятно.

Враг, конечно, не воспользуется им в начале боя. Это средство, требующее времени и к тому же свидетельствующее о некотором испуге, поколебало бы дух солдат, так как представило бы им атаку делом весьма опасным.

Однако, может случиться, что необходимость заставит пренебречь этими отрицательными сторонами минного подкопа. В этом случае канализационная сеть приобретет огромное значение. На всех улицах, где она имеется, ее сделают исходным пунктом для минных галлерей.

У врага есть подробный план парижских стоков. Они различных размеров. Карта самых крупных, так называемых сточных коллекторов, известна всякому. Ее можно найти во втором томе парижского путеводителя. Но это составляет лишь незначительную часть канализационной сети. Масса истоков средней величины и труб остается неизвестной; было бы полезно получить о них сведения у рабочих по канализации. Во время боя

будет необходимо ознакомиться с подземными ходами при помощи многочисленных отрядов, которым начертят путеводную карту; они будут снабжены лестницами для выхода из любого канализационного окна и забаррикадируют по плану, согласованному с операциями под открытым небом, коллекторы и ходы, к ним примыкающие.

Каждая улица, служащая фронтом обороны, может быть пересечена минной галлереей; нужно будет поэтому удостовериться, не проходит ли она поверх стока. В этом случае—занять сток баррикадами.

Когда фронт обороны подвергнется мощной атаке неприятеля, часовые пройдут по стоку на цыпочках, прикладывая ухо к стене, обращенной к врагу, чтобы услышать, не производят ли подкопа, и тотчас же дадут знать об этом. Впрочем, враг только в том случае попытался бы проникнуть в сток саперным путем, если бы он не смог проникнуть туда, пользуясь канализационными разветвлениями. Встреча с ним в этих подземных ходах сигнализировала бы подкоп. Эти встречи увеличили бы препятствия для операции и сделали бы ее менее вероятной.

На улицах без стоков, если таковые имеются, галлерея может быть вырыта прямо из какого-нибудь погреба, через всю улицу, вплоть до противоположного дома. Обнаружить это было бы труднее врасплох, чем работу в стоке. Чтобы узнать, не ведется ли такой подкоп, часовые должны прикладывать ухо к стене погреба, выходящей на улицу. В случае обнаружения работ, гарнизон баррикады должен устроить засаду у выхода подкопа.

В общем минная война мало вероятна, пользование для этого сточными трубами еще менее возможно.

О жителях занятых домов

Жителям домов, занятых республиканцами, будет предложено удалиться с своими деньгами, всякими ценностями и серебряными вещами и запереть всю мебель. Им напомнят о том, как 2 декабря солдаты Бонапарта в каждом доме, откуда раздавался выстрел, перерезали горло без различия—мужчинам, женщинам, старикам, лежащим на смертном одре, и детям, находящимся у материнской груди.

Если же старцы, женщины и дети удалятся, мужчины должны будут последовать за ними. Не следует оставлять их в квартире.

Когда пробьют стены всех домов островка, можно будет удалить семьи, проживающие по фронту обороны, в противоположную часть островка.

Если вследствие перерыва сообщений мирные жители лишились бы провианта, республиканцы должны им выдать его, предупредив батальонных комиссаров, чтобы при доставке провианта сообразовались с этим.

Следует еще раз подчеркнуть, что conditio sine qua non победы, это—организация, сплоченность, порядок и дисциплина. Сомнительно, чтобы войска смогли долго сопротивляться организованному восстанию, применяющему методы правительственной армии. Их охватят нерешительность, смятение, затем наступит упадок духа и, наконец, развал.

* * *

«Солдаты! Парижский народ берется за оружие. Пойдете ли вы против него? Освобождая Францию, он освобождает прежде всего вас. Разве вы не так же порабощены, как и мы?

Под видом дисциплины надменные офицеришки попирают вас сапогами. За одно слово или жест—арест, карцер, военный суд. Покорные, безмолвные вы должны склонить голову перед насилиями.

Вы более не граждане, даже не люди. С эскадронными лошадьми обращаются лучше, чем с вами; когда они падают, их замена обходится дорого, вы же ничего не стоите. Когда вас не станет, всегда найдутся другие. Есть достаточно матерей, чтобы доставлять мясо для тюрем и пушек.

Может ли мундир, который на вас напяливают, заставить вас забыть, чем вы были вчера, и чем будете завтра, когда превратитесь в таких же, как и мы, обывателей, безнаказанно оскорбляемых и расстреливаемых картечью?

Мундир — знак вашего порабощения, и он послужит саваном для ваших останков в далеких краях, куда повелителям угодно будет послать вас умирать. Сколько вас покоится там, в Мексике, откуда уцелевшие вынесли лишь разрушенное здоровье и позор поражения!

Внутри страны вас превращают в сыщиков, сторожей каторжников, вне—в спутников тирана, желающего повсюду уничтожить свободу.

Народы вас ненавидят, а между тем они жаждут любить вас. Чего они хотят? Того же, что и вы—добывать себе пропитание в поле и мастерской. Рабочие всех наций—братья, у них только один враг—притеснители, заставляющие их перерезывать друг другу горло на полях сражений.

Что общего у нас с этими позолоченными лентяями, которые не удовлетворяются тем, что живут нашим потом, но хотят пить и кровь?

Солдаты! Не давайте им одурачивать себя и не будьте их жертвами! Для этих наглецов гибель человека из народа—рабочего или солдата—означает лишь, что одной сволочью стало меньше,—вот и все. Если они вам скомандуют «стреляй», стреляйте по самим этим подлецам. Настало время наказать их за преступления и отмстить им за нанесенные вам оскорбления. Стреляйте! Вам нечего больше бояться военных судов. Народ здесь. Сомкнитесь с ним, ваше дело—общее дело.

Пожелаете ли вы причинить парижанам страдание тем, что они вынуждены будут стрелять в вас, убивать вас, своих товарищей, в то время как они жаждут протянуть вам руки и крикнуть вам: «Придите! Будем свободны. Вернитесь к своим хижинам, где матери и невесты ожидают вас. Добьемся счастья трудом. Если же короли будут угрожать нам, мы повергнем их в ужас своей готовностью к отпору, в то время как пролетарии всех стран поднимут вслед за нами восстание и раздавят между своими и нашими рядами этих врагов человечества!»?

Солдаты! Руку! Да здравствует свобода!

Да здравствует мировая республика!»

* * *

«Офицеры! Вы не служите отечеству, вы служите тирану. Кто из вас сомневается в этом? Никто! Вы не невежды и не глупцы. Вы прекрасно знаете, что делаете.

Из-за чинов и орденов вы продали свободу, жизнь самой Франции. Ведь только на насилии и невежестве, только на угнетении души и тела держится иго Бонапарта.

Священники одурачивают, армия душит. Но ведь армия, это—вы. Солдат—лишь раб и козел отпущения.

Милитаризм мог бы иметь хоть одно оправдание—славу и величие страны. Но что принес он на деле? Бесчестие, разорение и упадок. Мексика—Ментана покрыли нас позором, а из-за Садовы, шедевра вашего властителя, мы пали ниже, чем после 1815 года. Сабля и кропило соединились для того, чтобы сокрушить мысль и отбросить нас к средним векам.

Не должно быть пощады для тех, которые не ограничиваются угнетением Франции, но стремятся оскотинить ее и вычеркнуть из списка наций.

Но если патриотизм жив еще в ваших сердцах и вы покинете дело преступления для дела справедливости,—благодарное отечество торжественно признает оказанную услугу. Если же вы будете упорствовать и итти по пути предательства, народ будет так же беспощаден к вам, как вы к нему».

* * *

«Парижане! Шестнадцать лет неволи! Шестнадцать лет оскорблений! Франция осмеяна, ограблена, попрана. Но это еще не все. Голод раздирает чрево народа. Бонапарт обещал славу и благоденствие. Благоденствие! Да, он один пожрал 400 миллионов, 25 миллионов в год, 70.000 франков в день. Он пресытил золотом своих мамелюков, ажиотеров, кокоток, попов, хлыщей. Вам остается на закуску штукатурка разрушенных зданий.

Слава! Вы ее знаете: Мексика, Ментана. Но это—лишь начало. Отныне все французы от 20 до 30 лет солдаты... солдаты папы.

Они будут иметь честь умирать за иезуитов, и отец Гиацинт обещает исповедывать их на полях битвы.

Избегнувшим этой чести будут раздавать супы у дверей церквей и казарм.

Нет больше мастерских. Нет браков. Все это революционно. Ничего—кроме дворцов и темниц, монастырей и публичных домов...

Парижане, к оружию! Вы унаследовали от отцов свободу и не завещаете сыновьям рабства.

Угнетатели переполнили чашу. Пусть кара, как молния, падет на них в ответ на преступления! Час великой народной революции пробил. Идем!

В виду того, что постановление военного министра от 2 декабря 1851 г., подписанное Леруа-де-сент-Арман, гласит, что «все лица, взявшиеся за оружие, будут расстреляны»;

в виду того, что после покушения 2 декабря 1851 г. защитники Конституции, взятые в плен, были преданы смерти, во время и после битвы;

что в различных местах столицы масса граждан, безобидных и безоружных, простых прохожих погибла, убитая преторианцами;

что на бульваре множество мирных зрителей, мужчин, женщин, детей было внезапно и без предупреждения изрублено Бонапартистской солдатчиной;

что эта самая солдатчина передушила у домашних очагов обитателей многих домов, без различия возраста и пола;

что в департаментах l'Hérault, l'Ain, Nièvre защитники Конституции были не только расстреляны, но и гильотинированы по приговору военного суда, спустя долгое время по окончании борьбы;

в виду того, что при этих злодеяниях великодушие, которое выказывал народ в гражданских войнах в течение сорока лет, было бы отныне преступлением и в то же время самоубийством,—

Главный командир республиканской армии постановляет:

Ст. 1. Бонапарт, министры, законодательный корпус и сенат об'явлены врагами народа.

Ст. 2. Все без исключения чиновники отрешаются от их должностей; противящиеся будут расстреляны.

Ст. 3. Городовым и полицейским агентам предлагается не выходить из своих квартир. Те из них, которые появятся на улице в форменной одежде или в другом виде, будут расстреляны.

Ст. 4. Офицеры, принимающие участие в отряде, который будет стрелять по республиканцам, будут расстреляны.

Ст. 5. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты всех артиллерийских отрядов, которые будут стрелять по домам с целью вызвать пожар, будут расстреляны.

Ст. 6. Унтер-офицеры и солдаты, которые откроют огонь по народу, будут высланы в колонии. Те из них, которые будут убивать детей, женщин и стариков, будут расстреляны.

Ст. 7. Солдатам предписывается закалывать на месте всякого командира, который прикажет открыть огонь по народу.

Ст. 8. Офицеры, которые во время борьбы об'явят себя вместе со своими отрядами сторонниками республики, получат высокую награду в знак национальной признательности.

Ст. 9. Унтер-офицеры и солдаты, которые во время борьбы встанут за дело республики, будут иметь право либо на отпуск, либо на высшие чины в национальной армии.

Вместе с отпуском каждый солдат получит 300 франков сверх жалованья, каждый унтер-офицер—500 франков.

Д. Я. Кин

Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова

I

Тов. Шляпников ведет большую работу по исследованию революции 1917 года. Помимо четырех книг, посвященных кануну и первому периоду революции, т. Шляпниковым в «Пролетарской Революции» помещена статья по истории керенщины [1]. Повидимому, свою работу т. Шляпников намерен продолжать. Само собою разумеется, что работы т. Шляпникова, как участника и видного деятеля периода войны и февральской революции, должны привлекать к себе внимание не только исследователей этого периода, но и широких кругов учащейся и читательской массы, особенно в настоящее время, когда 1917 год стоит в центре нашего внимания.

Бедность исторической литературы по 1917 г. обусловила и то, что книги т. Шляпникова стали довольно распространенными пособиями в работе вузов и школ. Книги т. Шляпникова, отличающиеся богатым подбором материалов, представляют собой в этом смысле большую ценность. Но «философия истории» 1917 года, которой проникнуты книги т. Шляпникова, «концепция», которая лежит в основе его работ, является не ленинской, не большевистской и должна подвергнуться весьма основательному разбору, ибо понимание революции 1917 г. т. Шляпниковым накладывает отпечаток и на изображение им фактического хода общей картины событий, ставя тем самым под сомнение научную ценность, историческую точность и достоверность ряда фактов в работах т. Шляпникова (особенно в «Семнадцатом годе», который мы, главным образом, и подвергнем разбору в настоящей статье); ценность их не только как пособий, по которым учатся в вузах и школах, но и в качестве источника для исследователей эпохи. А ведь книги т. Шляпникова претендуют на роль такого источника.

Прежде всего необходимо поставить вопрос, к какому виду исторической литературы относятся работы т. Шляпникова? Вопрос непраздный, ибо совершенно ясно, что нельзя с одинаковым критерием подходить к мемуарам и к чисто научному исследованию. Первые две книги т. Шляпникова («Канун 1917 г.») вышли под титулом «Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917 г.г.». И дей-

[1] „П., Р“ № 7(54) и № 8(55) 1926 г.

ствительно, обе эти книги по характеру своего построения наиболее приближаются к типу мемуарной литературы. Это в гораздо меньшей степени можно сказать о «Семнадцатом годе», над которым уже нет заголовка «воспоминания». Мемуарный характер сохраняет до известной степени еще первая, очень мало -вторая часть. Статья, посвященная керенщине, сохраняет его лишь в виде некоторых отступлений мемуарного характера. Все это обязывает нас расценивать работы т. Шляпникова не только и не столько как образцы мемуарной литературы. Ряд событий т. Шляпников оценивает с точки зрения историка, а не участника их, с точки зрения того периода, когда т. Шляпников писал историю, а не того, когда он делал ее. Книги т. Шляпникова не являются простой записью, фотографическим снимком событий и личных переживаний, оценок, относящихся к тому периоду, который он описывает.

Ряд мест в «Семнадцатом годе» и в статье «Керенщина» носил и носит даже скрытый злободневно-полемический характер.

Все это нужно иметь в виду при разборе «философии истории» т. Шляпникова. Наконец, даже от Шляпникова-мемуариста можно требовать не обыкновенного «беспристрастного» рассказа о событиях, простого воспроизведения того, что видел т. Шляпников глазами 1917 года. Этот прием полного перенесения в описываемую эпоху без учета последующего богатейшего опыта революции, так сказать, метод «исторического романтизма», не является марксистским, большевистским. Но если уж т. Шляпникову было угодно избрать такой прием, то нужно было выдержать его до конца, во всей работе, между тем как т. Шляпников отбрасывает его в самом же начале «Семнадцатого года».

Если сопоставить «философию истории» 1917 года со всей системой партийно-политических воззрений т. Шляпникова, то тогда тем менее случайными покажутся высказанные т. Шляпниковым взгляды, вся данная им «концепция» 1917 года. Дело такого сопоставления, однако, мы предоставим читателю, сами же ограничимся разбором его писаний.

Ключем к пониманию «концепции» 1917 г. т. Шляпникова является следующая цитата, сжато формулирующая центральную идею труда тов. Шляпникова: «Вопрос о движущих силах приближавшейся революции был разрешен в нашей партийной литературе, испытан на опыте революции 1905 года. Соотношение классовых сил со времени первой революции мало изменилось [1]). Оправдались вполне наши предвидения относительно поправения российского либерализма, руководимого конституционно-демократической партией. Положение в стране осложнялось войной, но все сложности, противоречия и трудности военного времени способствовали обострению классовой борьбы как между промышленниками и помещиками, так и со стороны рабочих против царской и капиталистической кабальной (?) системы» [2]).

Таким образом, т. Шляпников видит в основе революционного процесса два ряда противоречий: между промышленниками в целом и

[1]) Курсив здесь и повсюду наш. Д. К.

[2]) „Семнадцатый год“, стр. 19, ч. 1.

помещиками в целом и между рабочим классом и «царской и капиталистической кабальной системой». В этой генеральной цитате, в которой тов. Шляпников дает общую формулировку всей «философии» своей истории, крестьянство совершенно отсутствует.

Далее, согласно т. Шляпникову, обстановка к 1917 г. мало изменилась по сравнению с 1905 г., положение в стране осложнялось войной, не больше.

То, что для 1917 года «принципиальная сторона вопроса (о власти и о характере революции) полностью была решена еще в эпоху первой русской революции», т. Шляпников повторяет неоднократно, никакой принципиально-новой стороны в революции 1917 г. он не видит.

Тов. Шляпников в своей книге очень много говорит о войне в связи с революцией. Но самого главного он не понимает, не понимает того, что т. Ленин в первом «Письме издалека» формулировал так: «Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней. Первый этап первой революции, именно русской революции 1 марта 1917 года... закончился» [1]... Это видно из дальнейшего разбора концепции т. Шляпникова.

Своеобразия всей обстановки мировой империалистской войны, являющейся кануном социалистической революции, т. Шляпников не понимает, он застыл на 1905 г. И изменений по сравнению с 1905 г. в системе движущих сил революции он почти не видит, отмечая лишь поправение русского либерализма, забывая то, что писал т. Шляпникову Ленин в период войны, сравнивая наше отношение к социал-патриотам с отношением к либералам до 1905 года, допуская лишь тактику «технических взаимных услуг». Между тем, уже этот один факт затрагивает ряд таких вопросов, при которых глубокомысленными замечаниями насчет поправения либералов не отделаешься, ибо речь идет о выросшей в России «империалистской демократии».

Кардинальные особенности в международной и внутренней обстановке русской революции для него только осложняющее обстоятельсто — не больше, и поэтому во всей книге т. Шляпникова о 1917 г. не видно того, что страна и партия переживала новую, особую эпоху. Людей, застывших на 1905 годе, не понимавших своеобразия «новой живой действительности», не понимавших, что «демократическая революция в России чрезвычайно приблизилась к революции социалистической», т. Ленин, как известно, предлагал сдать в «архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»)». Самый характер, основное содержание предвоенной русской экономики, осложненной последствиями аграрной реформы Столыпина, наконец, перестройка системы промышленного капитализма и его сращивание с банковским капиталом, далее, характер войны, порожденный международным финансовым капиталом, зависимость от него царизма и русской буржуазии в войне, — все это, впрочем, недо-

[1] Т. XIV, ч. I, стр. 6. Курсив наш. Д. К.

статочно уяснены т. Шляпниковым так же, как и интересы самой русской буржуазии в войне.

«Российская буржуазия, по примеру и подобно буржуазии всех других воевавших стран (!), приняла (!) войну, как свое родное весьма прибыльное дело... Однако политика (речь идет о военной политике. *Д. К.*) варварского царизма, проводившаяся не только в интересах торгово-промышленного капитала, но имевшая и чисто династические цели, часто подчинявшая интересам двора «конечные цели» российской буржуазии, вселяла тревогу в хозяйские сердца купцов и фабрикантов нашей страны» [1]).

Итак, царизм вошел в войну, преследуя, с одной стороны, чисто династические цели, а с другой—защищая интересы купцов и фабрикантов, которые в свою очередь «приняли» войну (от кого приняли—неизвестно!). Дальше такого «упрощения» в анализе итти действительно некуда. Но тов. Шляпников ухитряется «побить рекорд». На протяжении всех четырех книг у него фигурируют десятки раз «питерские промышленники» и «московские купцы», иногда «либеральные буржуа и либеральничавшие монархисты» [2]); чего стоит такое сопоставление буржуа и монархистов, чисто классового понятия с чисто-политическим! Требовать от т. Шляпникова выявления особенностей русского империализма, влияния финансового капитала в России на конфигурацию общественных классов, как до войны, так и во время ее, конечно, не приходится. Когда тов. Шляпников говорит—случайно, мимоходом—о «финансовых кругах», то и тут снова обнаруживает полное непонимание вопроса.

«С появлением Протопопова во главе министерства внутренних дел,— пишет он в одном месте,— началась «новая политика» свободной торговли. Опираясь на финансовые круги, Протопопов повел борьбу против привлечения «общественности», т.-е. промышленной буржуазии к делу организации продовольственного снабжения» [3]).

Прежде всего т. Шляпников здесь совершенно по-детски противопоставляет «финансовые круги» промышленной буржуазии.

Не говоря уже о том, что т. Шляпников прибегает к неверному противопоставлению финансовых кругов промышленной буржуазии, он чрезвычайно рискованно называет Протопопова на посту министерства внутренних дел представителем «финансовых кругов». Протопопов, порвав прежние связи, перебежал из прогрессивного блока в лагерь крепостнической бюрократии, придворной клики, самым усердным образом старался ассимилироваться со средой, в которую попал, и вел, как он выражался, «революционно-правую политику». Фактически же дело обстояло так, что Протопопов стремился с целью укрепления власти губернаторов взять в руки мин. внутр. дел продовольственное снабжение страны и попытался привлечь

---

[1]) См. „Канун 17 года“, ч. II, стр. 3.

[2]) „Канун 17 г.“. ч II, стр. 5.

[3]) Там же, стр. 6.

представителей банков и хлебных торговых фирм, но из этого ничего не вышло, и продовольственное дело от мин-ва земледелия Протопопову не было передано, несмотря на сочувствие царя [1]). Привлекая Протопопова, двор, может быть, и пытался привлечь к себе финансовые и промышленные круги, но это ему не удалось.

Терминология т. Шляпникова производит впечатление крайней теоретической неряшливости, и часто даже неизвестно, кого он разумеет под одними и теми же понятиями. И в самом деле. На странице 15 части I «17 года», т. Шляпников пишет: «Несмотря на спасительную (?) поддержку, которую оказывала царизму патриотическая буржуазия и разночинная интеллигенция, развал дома Романовых достиг неописуемых размеров». Но далее, на стр. 30, говоря о движении вокруг Думы, т. Шляпников замечает: «Ни питерский пролетариат, ни сознательная часть так называемой «революционной демократии» (разночинная интеллигенция, студенчество, военные) не могли избрать своим центром, своим вождем и руководителем прогрессивный блок».

Таким образом, на одной странице «разночинная интеллигенция» оказывает совместно с буржуазией «спасительную» поддержку царизму, а на другой «сознательная» интеллигенция оказывается настолько сознательной, что она даже не идет за прогрессивным блоком и Думой,—неважно, что в других местах т. Шляпников об интеллигенции вообще говорит иное. Помимо того, чего стоит эта чисто психологическая характеристика—«сознательная» часть революционной демократии—без анализа социального состава ее?

На стр. 19 в той формуле, которая является ключом ко всей «философии истории» т. Шляпникова, автор, как мы уже упоминали, говорит о противоречиях между промышленниками и помещиками в целом. Это вынуждает т. Шляпникова прибегнуть при анализе процесса разложения правящей верхушки к излюбленному им методу чисто психологических характеристик. Так, делая попытку об'яснить выступление части помещиков против Романовых, т. Шляпников пишет: «Наиболее дальновидные представители дворянства и монархии понимали опасности, угрожавшие господству их класса, и примкнули к расплывчатой оппозиции прогрессивного блока» («17 год», стр. 16, ч. I). Этих «дальновидных» дворян тов. Шляпников вспоминает еще не раз, нигде не проводя довольно существенного для анализа процесса разложения правящей верхушки различия между крепостнической и капиталистической обуржуазившейся частью помещиков.

Не поняв как следует международного и внутреннего соотношения, переплета классовых сил, т. Шляпников тем самым связал себе руки при анализе движущих сил и своеобразия февральской революции.

Тов. Шляпников упускает из виду следующее: «Если революция победила так скоро и так по внешности, на первый поверхностный взгляд «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исто-

---

[1]) См. „Падение царского режима“, т. IV показ. Протопопова.

рической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные [1]) потоки... Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны... Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное движение» [2]). Чем легче было свергнуть самодержавие, т.-е. осуществить буржуазную революцию, тем острее и тем раньше вставал вопрос о переходе «к новому этапу, новой революции». Из круга зрения т. Шляпникова эти обстоятельства ускользают.

Анализа роли союзнического финансового капитала в падении Николая т. Шляпников не дает, политику буржуазии он, в общем, изображает несколько одноцветно, как политику, до последнего направленную к тому, чтобы добиться «единения царя с народом». О плане дворцового переворота т. Шляпников знает, но не останавливается на нем, оценить его значение и сущность не может. Неверными красками изображает т. Шляпников роль отдельных отрядов в революционном движении, неверно характеризует их. К питерскому пролетариату т. Шляпников питает законную, но чрезмерную слабость, придерживаясь, напр., весьма невысокой оценки одного из передовых флангов «провинциального» пролетариата, московского.

«Москва в конце 1916 года, в начале семнадцатого года переживала революционно-патриотический под‘ем... Рабочие не отставали (!) от настроений мелкобуржуазных элементов, но патриотических восторгов не выявляли. В то время как в Москве тон всем настроениям задавали торгово-промышленные круги и мелкобуржуазная интеллигенция, в Петербурге дело было иначе. Несмотря на то, что в Питере заседала Государственная Дума, вели борьбу военно-промышленные комитеты, тон всего движения определяли рабочие фабрик и заводов» («17 год», ч. I, стр. 18).

Как это примирить с тем, что тот же т. Шляпников указывает, что во время войны имел среди московских рабочих место ряд выступлений под лозунгом «долой войну», и что именно рабочее движение революционизировало мелкобуржуазные интеллигентские массы, от которых по Шляпникову всего-навсего лишь «не отставали» рабочие [3]). Сам же т. Шляпников во второй книге «Кануна» для декабря 1916 дает такую характеристику Москве: «Настроение московских рабочих и «демократических» кругов населения было родственно питерскому» [4]). Но об этом т. Шляпников забывает в «17 годе». Говоря о питерских рабочих, т. Шляпников прибегает к прикрашиванию действительности, в чем никакой необходимости нет, ибо питерский пролетариат и без того был на высоте положения. Тов. Шляпников, анализируя социальный состав рабочих Питера во время войны, отрицает влияние чужеродных элементов и какое бы то

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Ленин, т. XIV, I, стр. 9.

[3]) См. об этом кн. Меницкого „Революционное движение военных годов“ (стр. 18, часть I).

[4]) „Канун 17 года“, ч. II, стр. 98.

ни было влияние буржуазии. Об этом т. Ш-в твердит на протяжении всех своих книг и по отношению ко всему периоду войны. Вообще говоря, он изображает дело так, что в Питере социальной базой оборончества была только интеллигенция, в том числе и партийная, среди рабочих же ни в каких слоях никакого оборончества не было. «Хотя состав рабочих за время войны,—пишет т. Ш-в,—и был изменен не в пользу пролетарских элементов, тем не менее рабочее движение все время сохраняло в общем независимость от буржуазных влияний... К началу семнадцатого года настроение и отношение петербургских рабочих к развертывающимся событиям можно определить, как сознательно революционное». Эта суммарная характеристика в общем верна, но она слишком обща, одноцветна, не видит изменений во времени и различия в прослойках рабочего класса, затушевывает очень важные факты, ибо как иначе примирить приведенное утверждение т. Шляпникова с другими его заявлениями о том, что воззвание рабочей группы Ц. Военн.-Пром. К-та, которое распространялось по Питеру в декабре 1916 г. и призывало к поддержке Думы, кое-где на заводах было принято... (там же, стр. 30, ч. I).

Но это еще мелочь. Интересен другой факт, приводимый т. Шляпниковым. «Уже в те дни (мартовские. *Д. К.*) нам приходилось наблюдать, как легко подавались широкие рабочие массы на удочки «всенародного братства» или единства «революционной демократии», в лоно которой попали и петербургские промышленники и московские купцы» (стр. 224, I). Раньше т. Ш-в характеризовал настроение и отношение к событиям как сознательно-революционное в массе. А тут новое заявление. Откуда сие, если не от влияния непролетарских элементов в рабочем классе? Чем об'яснит т. Шляпников перевес меньшевистских и эсеровских голосов в советах, как не этим влиянием на рабочие массы непролетарских элементов.

В анализе движущих сил революции т. Шляпников, разумеется, не мог забыть армии, это было бы слишком чудовищно, но крестьянство для него quantité négligeable, при чем самую армию, как это мы дальше покажем, он берет изолированно от деревни, вместе с тем для него крестьянство целиком покрывается армией. Крайне показательно следующее место у т. Шляпникова: «В середине марта эсеры повели работу по организации особого Крестьянского Совета Депутатов... В своем обращении в Петроградский С. Р. и С. Д. и во временное правительство инициаторы изложили цели Совета: подготовка многомиллионного крестьянства к выборам в Учредительное Собрание посредством об'единения крестьян во Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов, имеющий свое пребывание в Петрограде. В Исполнительном Комитете С. Р. и С. Д. не придавали тогда большого значения такому Крестьянскому Совету, т. к. участие солдат в Советах по всей стране фактически разрешило (!!) дело организации крестьянства» (ч. II, стр. 164).

Так об'ясняет и оправдывает т. Шляпников точку зрения Исполнительного К-та и не говорит ничего о том, было ли это «тогда» правильно, правильно ли это вообще; совершенно не останавливается на том, как

отнеслись к этому вопросу большевики в Исполнительном Комитете и, в частности, сам т. Шляпников. А между тем, вопрос крайне интересный, ибо тот факт, что инициатива в деле организации крестьянства в первый период революции целиком принадлежала эсерам, является немаловажным. Тов. Шляпникова этот вопрос не занимал и в то время, когда он писал историю «Семнадцатого года». Между тем т. Ленин еще в первом «Письме издалека» во всей широте ставил вопрос об организации крестьянства вообще, бедняцких и батрацких элементов в частности. В первом «Письме издалека» т. Ленин, ставя вопрос о союзниках пролетариата в революции, в первую очередь останавливается на крестьянстве и говорит: «Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих—вот одна из насущнейших задач» [1]).

Надо думать, что если об этой задаче не было известно т. Шляпникову в марте 1917 года, то уж тогда, когда он писал историю, он должен был о ней помнить.

Вообще говоря, т. Шляпников в четырех книгах, посвященных истории предреволюционного периода и первому периоду семнадцатого года, на крестьянстве почти не останавливается,—говорим почти, ибо в одной главе второй части «Семнадцатого года»,—«Революция в провинции» — он вскользь упоминает о настроении крестьянства в районе Киева, ограничиваясь следующим довольно поверхностным замечанием по поводу приводимого им небольшого отчета о заседании губернского земского собрания: «Основным средством ее (новой власти в деревне. *Д. К.*) осуществления были земские учреждения, как наиболее тесно связанные с крестьянством («17 год», ч. II, стр. 41). М. б., т. Ш-в в дальнейшем восполнит этот пробел, хотя вся установка его работ не говорит за это. Не делает он этого и в последней статье — о керенщине, а ведь здесь необходимо было бы поставить вопрос о крестьянстве хотя бы в связи с анализом социального состава и роли эсеровской партии при керенщине.

Вопрос о движении крестьянства во время и в начале революции (как и в более поздний период, впрочем), обо всех процессах, происходивших в деревне, крайне слабо разработан в нашей литературе. В этом никакой индивидуальной вины т. Шляпникова нет, но крайне характерно, что он этого недостатка не видит, не оговаривает, вопроса о крестьянстве не ставит даже в виде... вопроса.

Нет ничего удивительного в отношении т. Шляпникова к позиции Исполнительного Комитета, для которого вопрос о крестьянстве целиком покрывался вопросом об армии, если т. Шляпников в своем историческом труде сам недалеко ушел от этой позиции. Тов. Шляпников в своей книге берет армию оторванно от крестьянства. Ряд глав в его книге посвящен армии. В этом заслуга т. Шляпникова, но нельзя простить ему того, что он переживаний, хода революции в армии совершенно не ставит в связь с настроениями крестьянства. Этот чисто «городской» подход мешает ему видеть вещи в настоящем их свете.

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 12.

Анализируя причины перехода армии на сторону революции, он останавливается на тяжелом материальном положении солдат, на их бесправном положении и т. д., в общем на различных «профессионально» солдатских моментах недовольства. Но не это ведь являлось первостепенным фактором революционизирования армии. Настроение армии в гораздо большей степени зависело от настроения деревни и всей страны, ибо когда при Керенском положение армии улучшилось, развал в ней не приостанавливался. Тов. Шляпников располагал большими материалами о положении армии во время войны и революции, что видно из его книги, но вопроса о крестьянстве он себе не ставил [1]). Наоборот, он исходит из факта оторванности солдат от земли, при чем даже не кадровых солдат, а запасных, которые только что приходили из деревни, только что отрывались от сохи. «Запасной солдат,—говорит тов. Шляпников,—оторванный от своей земли, батрацкой работы, от фабричного станка или иной службы, был близок по своим настроениям населению рабочих кварталов, так называемой демократии (!!)» («17 год», ч. I, стр. 16).

Пребывание в городе, конечно, способствовало сближению солдата-крестьянина с рабочим. Но в этом ли главное об'яснение причины близости настроений крестьянина-солдата и рабочего? Нужен ли тут для об'яснения отрыв солдата-крестьянина от земли?

Крестьянина война отрывала от земли, но он, находясь в армии, с землей не порывал, и настроения пролетариата были ему созвучны потому, что он, как крестьянин и, само собой разумеется, как солдат, одинаково с пролетарием чувствовал тяжесть империалистической войны, гнет царизма, результаты военной разрухи и т. д. Тов. Шляпников видит близость солдата-крестьянина к рабочему, но не видит его связи, более существенной для об'яснения причин разложения армии, с деревней. Это происходит не потому, что т. Шляпников в целях исследования одной определенной стороны вопроса временно абстрагируется от другой, чтобы к ней еще вернуться, он этого не делает, забывая о влиянии и роли деревни, притом не только в «случае» с армией, но и в общем анализе движущих сил революции.

После рассмотрения анализа движущих сил революции, данного тов. Шляпниковым, перейдем к наиболее важному вопросу, первородному греху т. Шляпникова, к его характеристике революции. Само собой разумеется, что она целиком увязывается с этим анализом.

«Я помню случаи,—рассказывает т. Шляпников,—когда споры (среди большевиков. *Д. К.*) поднимались до вопросов о характере нашей грядущей революции. Многим товарищам,—иронически замечает т. Ш-в,—было «не по душе» ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка» («17 год», ч. I, стр. 67). А кому это «ограничение» было «по душе» и когда оно было «по душе» большевикам: в

[1]) Вообще говоря, собирание и изучение этих материалов, хотя бы тех, которые давала перлюстрация писем на фронт и с фронта—чрезвычайно интересная и актуальная задача для историков революционного движения в армии.

1905 году, в 1917 г.? И не взят ли самый термин «ограничение» у т. Троцкого, именно в этом всегда и без всякого основания упрекавшего большевиков? Далее Шляпников говорит:

«Мы соглашались с с.-д. меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие «свободы», свойственные буржуазным отношениям. «Мы отказывались понимать буржуазный характер нашей революции в том вульгарно урезанном виде (только и всего? *Д. К.*), как хотели того другие» (часть I, стр. 220).

Продолжая эти рассуждения, т. Шляпников говорит: «Для жизни партии начиналась новая эпоха»... Читатель ждет, что здесь уж т. Шляпников заговорит настоящим языком, но увы!.. т. Шляпников продолжает: «Политические выводы были такие: наши лозунги не укорачивать в угоду сегодняшнего дня» (ч. I, стр. 224). Таким образом, вопрос о характере революции т. Шляпников сводит к вопросу об урезанных или неурезанных лозунгах буржуазной революции. Не ясно ли, что все эти рассуждения тов. Шляпникова устарели не только для того времени, когда т. Шляпников писал книгу и резонерствовал об этом, но и для начала 17 года, и являются механическим и не всегда удачным повторением того, что говорили большевики в споре с меньшевиками в эпоху первой революции и до войны. Стоит только сравнить это с «Несколькими тезисами», помещенными в № 47 заграничного «Социал-Демократа», или же с тем, что писал Ленин т. Шляпникову еще в начале 1915 г.

«Я думаю, что и у нас, в России [1]), и во всем мире намечается новая основная группировка внутри с.-д.: шовинисты («социал-демократы») и их друзья—их защитники,—и антишовинисты. В основном это деление соответствует делению на оппортунистов и рев. с.-д., но оно plus précis (более точно. *Д. К.*) представляет, так сказать, высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития» [2]).

Таким образом, т. Ленин, устанавливая деление на социал-шовинистов и антишовинистов, подчеркивал, что и в России должно быть проведено такое деление, которое соответствует высшей, близкой к социалистическому перевороту стадии развития.

Тов. Шляпников в ленинском письме к нему «проглядел» указание на главные особенности и содержание эпохи для России и для всего мира. Особенно выпукло обнаруживается «нищета философии» 1917 года у тов. Шляпникова в следующей цитате:

«Буржуазия великолепно и умело использовала войну для самоорганизации. У нас же не было ни политических, ни профессиональных, ни просветительных свободных организаций даже в той степени, как имела их буржуазия нашей страны. Но именно поэтому-то и

---

[1]) Курсив здесь и дальше наш.

[2]) „Лен. Сб.“, II. стр. 227.

развивалось у нас революционное движение, которое в первую очередь должно было освободить пути к организации рабочего класса» (ч. I, стр. 69). Великолепно—«именно поэтому». И это говорится не о чем ином, как о революции 1917 года. Ведь подобная цеховая постановка вопроса о первоочередных задачах даже буржуазной русской революции вообще и в особенности 1917, выражающихся в завоевании для себя рабочим классом возможности создавать свободные политические, профессиональные, просветительные организации, ничего общего с ленинизмом не имеет. Но подобная постановка вопроса неслучайна, она вытекает из всей «концепции» тов. Шляпникова. И именно такая постановка вопроса смазывает особенности, главную суть революции 1917 г., которая, как буржуазная революция, на первом своем этапе в значительной степени закончилась уже в феврале, и затрудняет понимание условий и путей перехода к революции социалистической.

Тов. Шляпников настолько правильными считает свои взгляды, которых он придерживался накануне и в начале революции, что он, находясь в историческом отдалении от них, не считает нужным производить никакого пересмотра. Он неоднократно говорит о том, что он сам и Бюро ЦК партии стояли на той точке зрения, что в ходе революции должно быть создано Советом, «как полномочным (?!) революционным органом» [1]), временное революционное правительство из меньшевиков и эсеров, т.-е. из партий, составлявших большинство в Совете [2]). Тов. Шляпников жестоко ошибается, если думает, что эта точка зрения являлась конкретизацией и осуществлением «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», вопрос о которой точно так же видоизменялся в революции 1917 г.

Тов. Шляпников ничем не доказывает, что партийные организации именно так понимали лозунг временного революционного правительства, выставленный в манифесте ЦК, выпущенном в первые дни переворота. Наоборот, рассказывая о собрании активных работников, где т. Шляпников делал в указанном духе доклад, он сообщает, что ни к какому определенному решению не пришли и разошлись, не приняв никакой резолюции.

Тов. Шляпников обязан был подробнее и точнее осветить этот вопрос, крайне важный для уяснения позиции партийных организаций в указанный период. Сам же он пишет, что «все наши соображения и «хорошие мысли» разлетались в прах от соприкосновения с суровой действительностью, ни с.-д. меньшевики, ни социалисты-революционеры не хотели власти, боялись ее» (стр. 224). Это важно и потому, что в книге т. Шляпникова не видно достаточно четкого ленинского понимания учения о советах, как не было его в начале 1917 года, чего нельзя ставить в особый упрек т. Шляпникову-политику, но что должно было быть у Шляпникова-историка.

Характерно также для понимания, вернее непонимания, т. Шляпниковым сущности всего классового переплета и путей развития революции

[1]) „17 год“, ч. I., стр. 224. Заметьте не полновластные, а „полномочные“!
[2]) Там же.

1917 года то, что историк керенщины напутал в истории керенщины. В самом деле, по поводу воззвания, выпущенного Керенским 22 июля (ст. ст.) и прокламировавшего усиление личных полномочий Керенского, т. Шляпников пишет:

«Так начался знаменитый период керенщины с его громкими и пустыми фразами и контрреволюционными, антипролетарскими и антикрестьянскими делами» [1]). Не говоря уже о том, что тов. Шляпников ограничивается внешней характеристикой керенщины, не давая точной классовой и политической характеристики, он делает серьезную ошибку, когда заявляет, что керенщина началась в послеиюльский период. Между тем, керенщина, как попытка целиком зависимой от крупного капитала мелкобуржуазной демократии преодолеть двоевластие путем коалиции с крупной буржуазией, обреченная на неудачу и бесплодие в виду остроты классовых противоречий, керенщина, как попытка лавирования между классами, ведущая к бонапартизму и единовластию буржуазии, началась не в июле, а раньше, и вся история доиюльских коалиционных затей является точно так же неот'емлемой частью керенщины, если брать ее в целом. Послеиюльский же период характеризуется не тем, о чем говорит т. Шляпников.

«В конце июля соглашатели окончательно взяли курс на сближение с буржуазией» [2]). Окончательный курс на сближение с буржуазией соглашатели взяли гораздо раньше, а после июля они стали простым привеском генеральской контрреволюции.

Насколько неправильно т. Шляпников понимал пути перехода революции к диктатуре пролетариата, свидетельствует следующее его заявление, вырвавшееся не совсем случайно.

«Совет и его Исполнительный Комитет были действительными органами революционной власти,—говорит Шляпников,—*хотя и не приступали к овладению бюрократическими аппаратами государственной власти*» («17 год», ч. I, стр. 318). Как будто переход власти к Советам должен был или мог произойти в форме *овладения* бюрократическим аппаратом власти, а не путем разрушения царско-бюрократической, буржуазной государственной машины.

Так как свою книгу «Семнадцатый год» тов. Шляпников доводит только до апреля, поэтому свое понимание всей диалектики перехода к социалистической революции он, допустим, не мог выявить, но в статье «Керенщина», где т. Шляпников старается держаться по преимуществу чисто фактического изложения событий, подальше от «философии» («пофилософствуешь, так ум вскружится»), проскальзывает то, что этой диалектики т. Шляпников не уразумел.

В статье «Керенщина», напечатанной в 1926 г., т. Шляпников пишет: «Двухмесячный опыт коалиционной политики ничему не научил социал-соглашателей. Они по прежнему оставались верными идее соглашения с буржуазией, а *предложение образовать временное правительство*

---

1) „Прол. Револ.“, № 8(55), стр. 14.

2) Там же, стр. 17.

только из социалистов находили совершенно неприемлемым» («Пр. Рев.», № 7 (54), 1926 г., стр. 18).

Весьма и весьма туманно сказано. Чье предложение, из каких социалистов; включает ли большевиков в число социалистов Шляпников? Такое предложение, которое должны были «выучить» соглашатели, исходило от Мартова, но тогда т. Шляпников отсылает от Понтия к Пилату и рекомендует меньшевикам довольно неважного «учителя».

Большевики же ничего подобного не предлагали, и пусть т. Шляпников не пытается ссылаться на ленинскую статью «О компромиссах». Там Ленин выставлял компромисс и говорил о правительстве социалистов (без большевиков, о чем заявлял ясно в отличие от Шляпникова) после корниловщины, а не в июне—июле, к которым относится замечание тов. Шляпникова; говорил в обстановке резко изменившегося классового соотношения сил, при чем ставил условием переход всей власти к Советам. Притом предложение компромисса носило чисто тактический и мимолетный характер, ибо Ленин не обольщал себя надеждой, что предложения эти будут приняты. То, что говорит т. Шляпников в приведенной нами выдержке, отчасти похоже на то, что предлагали т.т. Шляпников, Каменев и Зиновьев в октябрьские дни—«Единое социалистическое правительство», если в числе социалистов т. Шляпников разумел и большевиков, а иначе разуметь и нельзя [1].

Тов. Шляпников в своих книгах и статьях выступает, не только как историк 1917 года вообще, но и как историк партии в указанный период. И здесь на него падает гораздо большая ответственность, ибо если при изучении общей истории 1917 года никто не обязан обращаться к т. Шляпникову, то для изучения истории партии за этот период книги т. Шляпникова являются одним из важнейших источников. Но увы, и здесь т. Шляпников далеко не на высоте своей задачи.

Свои личные взгляды т. Шляпников кое-где приписывает партии. Так, напр., Шляпников рассказывает о том, что он во время войны в беседах с товарищами, высказывавшими сомнения насчет организационной подготовленности партии и пролетариата к революции, развивал следующие мысли:

«Приходилось указывать товарищам,—пишет он,—что перед нами стоит еще стихийный революционный процесс. Мир еще не видел организованной революции» («17 год», ч. I, стр. 69). Это пишет, не забудьте, историк 1917 г., года Октябрьской революции. И по Шляпникову выходит так, что это воспевание «стихийности» пользовалось успехом в

[1]) Уже после написания статьи появилось в № 21—22 „Большевика" письмо т. Шляпникова, в котором он раз'ясняет свою позицию в октябре, при чем свою точку зрения организации власти „на основе коалиции всех социалистических элементов страны" толкует в том смысле, что он предлагал коалицию с левыми эсерами, при чем прячется за Ленина. Надо думать, что т. Шляпников задним числом „исправляет" свою точку зрения. Такие случаи в его работах по 1917 году имели место, очевидно, не раз. Так, напр., т. Ольминский сообщает, что на одном из совещаний, происходившем в 1914 г. в квартире о-ва адвокатов в Басковом пер., т. Шляпников произнес патриотическую речь (см. „Красн. Летопись" № 1 (10), 1924 г., стр. 88). Тов. Шляпников о совещании говорит („Канун", ч. I), но об этом факте не сообщает. Зато как старательно отмечает и клеймит т. Шляпников ошибки других партийных т.т.!

партийных рядах. Так, напр., описывая первые дни февральской революции, когда организационное состояние партии было по ряду об'ективных причин, о которых мы говорить не будем, еще очень неоформленным, т. Шляпников замечает: «Та доля руководства и влияния, которую имели наши партийные организации снизу доверху, нас достаточно удовлетворяла» (стр. 119).

С трудом верится, что партия по организационному вопросу была так ориентирована, так «минималистски» настроена, как это изображает тов. Шляпников. Это не подтверждается никакими фактами и всей прошлой историей партии. Если проследить переписку Ленина с т.т. Шляпниковым и Коллонтай во время войны и в первые дни революции и все документы, приводимые т. Шляпниковым, то с полной отчетливостью можно убедиться, что в смысле понимания организационных задач партия была на высоте и не собиралась «довольствоваться малым».

Тов. Шляпников не подвергает критике и разбору всего, что относится к его сообщениям по вопросу о политике питерской организации в деле вооружения рабочих и подготовки вооруженного восстания. И прав тов. Покровский, когда он в «Очерках по истории революционного движения в России» замечает: «Шляпников признается в своих воспоминаниях, что он всячески саботировал организацию рабочих в боевые дружины и вооружение рабочих. Правда, он оправдывает это тем, что он советовал рабочим распропагандировать солдат, и тогда дело пойдет гораздо лучше. Но пропагандирование солдат и выступление рабочих,—это, как вы помните из анализа 1905 года, были два акта, которые должны были итти друг другу навстречу» (стр. 210).

Возникают сомнения, насколько правильно изображает т. Шляпников тактику питерской организации в период войны. Перед участниками и историками этого периода стоит задача восстановления точной картины событий.

Неверно изображает тов. Шляпников положение в партии, начиная с середины марта, в момент возвращения из ссылки т.т. Сталина, Петровского, Каменева, Муранова. «До приезда этих т.т. из Сибири,—пишет Шляпников,—мы не верили в рассказы меньшевиков о том, что т.т. Муранов, Сталин и Каменев стоят на иной позиции, чем наша «Правда» и московский «Социал-Демократ»... «Разногласия эти были и, как показало дело редакции «Правды», с переменой ее направления могли привести организации к расколу. Мысли о расколе имелись в Питере, говорили о нем и в Сибири, особенно пролетарии, недовольные об'единенческими стремлениями партийной ссыльной интеллигенции» («17 год», ч. II, стр. 81) [1]).

---

[1]) Насколько мрачными красками изображает тов. Шляпников положение в среде большевиков в „Семнадцатом годе“, настолько он не жалеет светлых красок и пафоса, впадая в неумеренный восторг, когда говорит в ст. „Керенщина“ о вступлении тов. Троцкого в партию большевиков и о вхождении в ряды нашей партии целой группы „междурайонцев“ и других интернационалистов. „В кризисе июльских дней закончился многолетний раскол (!!) (многолетний раскол с кем? — С группой Троцкого, с „междурайонцами“? К этому

Относительно Сибири тов. Шляпников прав, но в общей части его утверждение неверно; неверно, что партия была близка к расколу по основным вопросам понимания революции. Тов. Каменев, действительно, занимал особую принципиальную точку зрения по вопросу о характере революции и занимал оборонческую позицию. Его разногласия с партией носили длительный характер. Но прежде всего т. Шляпников ничего совершенно не говорит о том, было ли полное единство во взглядах приехавших товарищей. Сам же он приводит факты, свидетельствующие о том, что единства не было. Он рассказывает о заседании Бюро ЦК и представителей ПК с приехавшими товарищами 16 марта.

«В процессе обсуждения т.т. Сталин и Муранов отказались от позиции, занятой т. Каменевым»... «Тов. Каменев, подчинившись общему решению, занял в организации «умеренную позицию» (ч. II, стр. 185). Значит, до угрозы раскола было еще чрезвычайно далеко, даже по Шляпникову. Если же взять в остальном разногласия в партии, отбросив, разумеется, крайнюю и в основе неправильную позицию т. Каменева, то так ли уж велики они были, что дело могло дойти до раскола?

Известно, что главными ошибками приехавших товарищей были, с одной стороны, критика лозунга «долой войну», с другой—идея давления на временное правительство с целью добиться мира. Разумеется, ошибки были весьма значительны, но не настолько, чтобы послужить основой для раскола. Тов. Ленин в апрельских тезисах писал: «Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости иначе подойти к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню и получал побои... Войну нельзя кончить по «желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны». Сам же тов. Шляпников вопрос о лозунге «долой войну» ставит чересчур дубовато, как «неумелый агитатор доброго старого времени». Вопрос гораздо сложнее, чем рисует т. Шляпников, и неудивительно, что отдельные товарищи делали те или иные ошибки в этом вопросе, — основы для раскола здесь не было. То же самое и в вопросе о временном правительстве. И здесь дело обстоит не так просто. К сожалению, неясности в этом вопросе были не только у приехавших из ссылки из далекой Сибири, но и у столичных товарищей.

Сам же т. Шляпников приводит выдержки из московского «Социал-Демократа» № 1, где говорилось о поддержке врем. правительства, «поскольку оно честно исполнит принятые на себя обязательства».

Тов. Шляпников же приводит резолюцию П. К., в котором последний, «считаясь с резолюцией о временном правительстве, принятой С. Р. и С. Д., заявляет, что не противодействует власти врем. прав. постольку, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа»...

сводился „многолетний раскол“? *К. Д.*), и партия рабочего класса стала сильней“ („Пр. Рев.“ № 7, 1926 г.).

Этот неумеренный восторг об‘ясняется само собой „особыми соображениями“, возникшими в 1926 году в связи с „оппозиционным блоком“. Но это между прочим.

В провинции, как это можно легко доказать, полной ясности в понимании новых перспектив тоже не было.

Трудность в постановке вопроса о врем. правительстве возникала потому, что вопреки утверждению т. Шляпникова, что «из истории мы знаем, что никакой класс добровольно от власти не отказывался» («17 год», ч. I, стр. 217), рабоче-крестьянские Советы, руководимые соглашателями, добровольно сдали власть вр. правительству, и немедленно итти против временного правительства при этом условии значило итти против Советов, его поддерживавших. Вот почему и на апрельской конференции лозунг немедленного свержения врем. правительства был отвергнут, и было принято решение о настойчивой пропаганде в массах с раз'яснением подлинной сущности врем. правительства и более гибкой тактики партии в этом вопросе.

Таким образом, по ряду важных вопросов были различные, подчас весьма существенные оттенки во взглядах, но таких глубочайших коренных разногласий, какие тщится изобразить т. Шляпников, не было. На пути к апрельской конференции не могло не быть в партии многих неясностей, среди партийных т. т., разбросанных войной, зачастую совершенно лишенных связей, но ряды партии и связь с массой были крепки, и неясности были не так значительны, чтобы их трудно было исправить.

Разговоры т. Шляпникова об опасности раскола партии—чистейшая легенда, к которой т. Шляпников прибег, руководясь «суб'ективным методом» исторического исследования. Партия после апрельских тезисов без серьезных потрясений вошла в новую полосу. Это факт. Но факт и то, что т. Шляпников и после «апрельских тезисов» застрял в ряде основных вопросов на полдороге, как это целиком подтверждается и разбором шляпниковского «Семнадцатого года» и др. работ. Крайне символично, что книги тов. Шляпникова о «Семнадцатом годе» появились—одна до выхода «Уроков Октября» т. Троцкого и другая тотчас же после «Уроков». Тов. Шляпников как будто поставил себе цель облегчить задачу т. Троцкого, отразив в кривом зеркале своего «Семнадцатого года» действительный семнадцатый год. Две книги т. Шляпникова точно костыли для хромающей на обе ноги «концепции» т. Троцкого, получившей заслуженную оценку в партии. Троцкий писал в «Уроках Октября»: «У известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на диктатуре пролетариата и крестьянства, а на ее демократическом характере, который противопоставлялся социалистическому характеру» (Л. Троцкий, т. III, ч. I, стр. XVII).

Тов. Шляпников в первой книге целиком подпирает это утверждение Троцкого. Тов. Троцкий в «Уроках» изображает состояние партии в первый период революции так, что чудом кажется апрельская конференция и сохранение единства в ее рядах; и вторая книга Шляпникова словно выполняет «урок», заказ т. Троцкого, и изображает положение в партии «соответствующим» образом. Тов. Троцкому есть за что благодарить Шляпникова.

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1—„Задачи пролетариата в нашей революции“, стр. 45.

М. Н. Покровский

Буржуазная концепция пролетарской революции [1]

(Стенограмма доклада в О-ве Ист.-Марксистов 5 ноября 1926 г.)

Товарищи! Совет Общества Историков-Марксистов давно настаивает, чтобы я сделал доклад о том, как писать историю Октябрьской революции. Я давно доказываю, что это вещь абсолютно невозможная и ненужная, ибо, прежде всего, для того, чтобы писать какую бы то ни было историю, нужно обладать специфическим историческим талантом, который есть такой же талант, как талант экспериментатора. В известной степени с этим талантом нужно родиться, в известной степени его можно выработать в себе, но он является первым условием. Без этого таланта никакой истории написать нельзя, а при наличии этого таланта и хорошего, выдержанного, выработанного марксистского мировоззрения можно написать историю Октябрьской революции безо всяких предварительных уроков, даваемых кем бы то ни было. Как вы догадываетесь, эти два признака—исторический талант и марксистское мировоззрение—нельзя приобрести сразу, в порядке слушания одного—двух докладов, даже пребывания членом Общества Историков-Марксистов в течение примерно года или полугода. И, совершенно ясно, мой доклад на такую тему «Как писать историю Октябрьской революции», никакой пользы не принес бы.

Значит ли это, что мы никаких методологических докладов по истории Октябрьской революции ставить не должны? Конечно, не значит. Прежде всего, мыслим такой доклад—надеюсь, он будет поставлен: «Состояние источников по истории Октябрьской революции». Мыслимы даже два доклада, две темы. Во-первых: «Состояние источников архивных», состояние наших архивов в этом направлении. Тов. Максаков не откажется сделать такой доклад. Второй—«Состояние печатных источников», главным образом, здесь приходится иметь в виду, конечно, зарубежную литературу, но отчасти и не зарубежную. Вот одна сторона, с которой можно подойти к этой проблеме методологии истории Октябрьской революции. Далее, вполне мыслимо поставить вопрос о различных концепциях, различных пониманиях Октябрьской революции. Стиснуть все эти концепции в один

[1] Paul Miliukow, Russlands Zusammenbruch, 2 B-de. Obelisk-Verlag Berlin, 1925—1926.

доклад мне представляется в высшей степени нерациональным. Получился бы не доклад для ученого общества, каким является Общество Историков-Марксистов, а популярная лекция для комсомольцев, которая в данной среде совершенно не нужна. Поэтому и эту тему придется дифференцировать, дать несколько докладов.

Я не буду сегодня касаться тех концепций Октябрьской революции, которые имеются в нашей партийной среде. Даже тут их несколько. С одной стороны, мне пришлось года полтора—два назад на одном, тогда казавшемся весьма авторитетным, докладе слышать нечто вроде того, что Октябрьская революция не была социалистической революцией, в том смысле, как понимал Маркс, а чем-то вроде предельной буржуазной революции, так сказать, осуществившимся идеалом буржуазной революции, после чего началось что-то вроде врастания в социализм. Каким образом в стране, которая не пережила социалистической революции в настоящем смысле слова, в смысле теории Маркса, может совершаться врастание в социализм—этого я не понимаю. Может происходить врастание нашей деревни в социализм после осуществившейся у нас социалистической революции, это может быть, это общее ходячее место, но чтобы в стране, которая совсем не пережила социалистической революции, могло начаться врастание в социализм, и для этого ненужна была социалистическая революция, это, по-моему,—стопроцентный ревизионизм. В настоящее время эти взгляды решительно отвергнуты партией, но они высказывались в литературе, они существуют, обосновываются цитатами, и некоторые из этих цитат вы слыхали на конференции. Это одна концепция Октябрьской революции, одно ее понимание. Другой полюс следующий. Я слышал сегодня, что некоторые группы деревенских комсомольцев утверждают, что есть два вида социализма. Есть пролетарский, опирающийся на крупное производство, и есть крестьянский, растущий из мелкого производства, при чем в России якобы второй сильнее первого. Вот опять концепция. Эти люди признают, что революция была социалистическая, но так как после нее, кажется им, кроме социализма ничего быть не может, все остальное исчезло совершенно, то, видя крестьянское мелкое хозяйство, они решают, что это тоже социализм и нужно найти какую-то формулу, в которую этот социализм влез бы. Опять теория совершенно не марксистская, никем из марксистов не исповедуемая, но существующая. Если там мы имели стопроцентный ревизионизм, то здесь перед нами стопроцентное народничество.

Сегодня я не собираюсь заниматься теми концепциями Октябрьской революции, которые существуют в нашей партийной среде. Но если мы выйдем за партийную среду, то встретим опять целый ряд концепций, одну интереснее другой, если хотите, одну любопытнее другой, ибо то, о чем я собираюсь говорить, более заслуживает термина «любопытное», чем «интересное», но что это любопытно—это несомненно. В особенности любопытна для нас концепция буржуазно-демократическая, любопытна потому, что буржуазная демократия—это как раз есть та военная маскировка, под которой к нам может влезть реакция. Не следует думать, что

эта реакция, если бы был удобный момент, прямо выступила бы перед нами в фашистском облике, а что она не выступит в монархистском облике, с этим соглашается и автор книги, о которой я буду говорить. Она выступит в облике буржуазной демократии, под флагом буржуазной демократии. Поэтому присмотреться, как буржуазная демократия трактует революцию, как она понимает ее, это для нас, историков-марксистов, заслуживает интереса и внимания.

Я и хочу остановиться сегодня на наиболее выпуклой исторической концепции буржуазной демократии, на самом ярком образчике буржуазно-демократического понимания нашей революции. В известной пьесе Ибсена «Гедда Габлер» есть приват-доцент Эйлерт Левборг, который написал книгу, трактующую о прошедшем, настоящем и будущем. Судьба этой книги или, точнее, ее рукописи, как вы знаете, составляет драматический узел всей пьесы. Левборг потерял ее, впал в ничтожество, запил и проч., а Гедда Габлер застрелилась. И вот, такого рода книгу, трактующую о прошедшем, настоящем и будущем, правда, одной только страны,—а Левборг, повидимому, занимался всем земным шаром,—написал не приват-доцент, а старый профессор русской истории, Павел Николаевич Милюков. Это—два тома, названные почему-то,—само заглавие уже выдает умственнную сумятицу,—«Распад России». Я говорю «почему-то», потому что в своей книге он говорит о возникновении новой России, а распад по национальной, главным образом, линии представляет собой только один из аспектов этой картины. Но это не единственная путаница.

С этой книгой я хотел бы вас познакомить. Она состоит из целого ряда отделов, составленных с чисто профессорской добросовестностью, массой цифр и т. д. И, конечно, тех глав, где Милюков касается нашего хозяйства, касается правовой структуры нашего государства, я излагать не буду. Если они представляют для соответствующих специалистов интерес, то эти специалисты могут сделать вам здесь или в другом месте соответствующий доклад, но я сомневаюсь, чтобы специалисты этим занялись. Я буду касаться только исторических глав, они составляют приблизительно половину всего содержания. Для того, чтобы вы сразу имели некоторый образ, я, извинившись чрезвычайно почтительно перед моим учителем (я слушал лекции Милюкова в университете), все-таки должен сказать, что самый лучший пример, при помощи которого я могу выразить в одном образе впечатление, какое дает эта книга, это—образ линяющей курицы (смех), у которой старые перья более или менее вылезли, а новые еще не выросли, пестрота получается неимоверная, но весьма любопытная.

Я начну с общеисторической концепции П. Н. Милюкова, с общеисторической концепции, которая интересна потому уже, что, с одной стороны, тут звучат ноты, которые вам, по крайней мере тем, кто следил за нашей методологической полемикой, покажутся чрезвычайно знакомыми, а с другой стороны, это—концепция в значительной степени новая. Старая концепция Милюкова, концепция русского исторического процесса, сводилась к тому, что наш строй развился и наше самодержавие сложилось, как организация народной обороны против натиска, главным образом, из

степи. Вы знаете, конечно, что эту концепцию усвоил т. Троцкий и положил ее в основу исторического введения к «1905 г.» и на этой почве разыгралась известная вам более или менее полемика. Это—старая милюковская концепция. Теперь Милюков ставит дело иначе. «Возникнув на границе Европы и Азии, русское государство лишь поздно появилось на исторической сцене. Если двигаться с запада на восток Европы, то можно констатировать известную правильную последовательность в деле возникновения государств. Тот процесс государственного развития, который разыгрывался на берегах Сены и Луары уже от V до VII столетия, развился одним или двумя столетиями позже (от VII до VIII столетия) в странах к востоку от Рейна, и четырьмя или пятью столетиями позже в восточной Германии (от IX по XI столетие). На безграничных равнинах будущей Российской империи государственные учреждения начали развиваться пятью или даже девятью столетиями позже, чем во Франции: самым ранним моментом такого рода, который можно найти в русской истории, была Киевская Русь (от IX до XII столетия); самым поздним—образование Московского центра (от XIV до XVI столетия)» [1]).

Как видите, тут ни о какой степи речи быть не может по той простой причине, что Франция образовалась гораздо раньше появления каких бы то ни было степняков, с V по VII столетие, а тем не менее государство возникло. Как же появилось у нас государство? Оно было импортировано с Запада, почти буквально импортировано. «На востоке государство появилось слишком поздно, чтобы оно могло возникнуть изнутри, как результат органического процесса развития. Оно было перенесено на восток извне. На западе государство развивалось постепенно из первоначальной стадии родового устройства, через промежуточные стадии родовой аристократии. На востоке дифференцировка внутри родового быта ушла еще недостаточно далеко, как уже появилась необходимость в государственной организации. При отсутствии внутренних элементов для постройки национального государства государственные учреждения были просто наложены сверху на родовой (племенной) строй». В этой связи Милюков совершенно серьезно принимает сказание о признании варягов. Он приводит его, как образчик того, как это государство импортировалось извне,—вот на русскую территорию пришли варяги и устроили первое государство. Вот каким манером происходило у нас это импортирование. К сожалению, он не об'ясняет, кто привез в кармане Ивана Калиту, или он сам пришел. Он был коренной москвич, как я сам, чем я очень горжусь, так что думаю, что Иван Калита не нуждался в импорте, хотя и не являлся предметом экспорта (смех). Этого я не знаю, но во всяком случае схема такая: государство было наложено сверху на общество. Но всякий, знающий русскую историографию, припомнит, что так изображал дело кто? Славянофилы. Да, говорит Милюков, славянофилы в этом отношении были совершенно правы, государство у нас наложено сверху на общество и не является органическим продуктом.

---

[1]) У меня был под руками немецкий текст „Распада России“, и все цитаты переведены оттуда. *М. П.*

«В течение столетий государственная власть в России оставалась тем, чем она была в то время, когда в первый раз пришли северные викинги: посторонней силой, чужаком, по отношению к которому обязанность повиновения признавалась лишь в той мере, в какой он оказывался полезным. Народ не хотел отождествлять себя с государством, он чувствовал себя не как составная часть последнего, которая отвечает за все целое. Страна чувствовала себя и фактически была независима от государственных властей». Государственная власть — чужак, не слившийся органически с массой, а масса у нас «агосударственная». Слушаемте дальше: «Население было слишком бедно, чтобы быть в состоянии нести издержки усовершенствованного местного управления, в том виде, как они существовали в передовых странах. Оно было слишком бедно даже для тех требований, которые пред'являла к нему центральная власть с ее быстро растущими требованиями. Политическое развитие и процесс расширения русского государства всегда опережали хозяйственное развитие России. Государство было поэтому принуждено извлекать из своих бедных подданных больше, чем они могли дать по добросовестному расчету. Отсюда вытекала об'ективная необходимость применять постоянно насильственные средства».

Вот откуда самодержавие выросло. Самодержавие опережало экономические возможности страны (это мы знаем из другого места) и таким образом существовало. И наконец, последнее: для чего все это Милюкову нужно? Почему с этого крыла курица полиняла? Вот вы слушайте: «Отсюда понятно, почему в России, во-первых, сельское население по своим естественным склонностям до последнего времени тяготело к некоторой естественной анархии, и, во-вторых, почему все важнейшие нововведения приходили только сверху, от государственной власти, и, в-третьих, почему каждая новая государственная власть, которая не слишком становилась поперек горла простому народу, с полным доверием могла рассчитывать на пассивное повиновение. В этом лежит на большую долю об'яснение событий русской революции» (смех). Вот почему мы с вами, товарищи большевики, сидим так прочно. Просто потому, что народ привык принимать всякую власть, которая не чересчур становится поперек горла. Если вы припомните, что народная масса Милюкова прогнала, стало быть, он стал чересчур поперек горла, то в общем получается благоприятное для нас освещение. Вы понимаете, где тут зарыта собака, почему Милюкову понадобилось слинять, так как превращение историка школы Ключевского в славянофила—это форменное линяние, несомненно. Как бы ни был несостоятелен методологически Ключевский с нашей марксистской точки зрения, но по сравнению со славянофилами это шаг вперед. Милюков делает шаг попятный, и это кладет отпечаток на всю его книгу.

Какая схема русской революции должна была получиться, исходя из этой общей схемы исторического процесса? Должна была естественно получиться простая схема, что стихийные силы, которые бродят в русской народной массе, наконец, прорвались, сбросили чужака—государственную власть, и пошел дикий разгул анархии. Но Милюков, как историк, связан

фактами (я вам дальше приведу образчик того, что он связан фактами), он является более или менее—скорее менее, чем более—добросовестным историком. Вы, правда, увидите такие вещи, которые термин «добросовестный» не позволяют употребить, но он настолько все же связан фактами, что не может отрицать того, что на самом деле происходит. Назвать то, что у нас происходит, диким разгулом страстей, невероятной анархией—никак нельзя. «Упорядоченное общежитие» у нас существует несомненно, и поэтому он не может этого сказать, он связан. Вот почему его концепция истории русской революции не укладывается в его концепцию русской истории вообще. У курицы новые перья появились, а старые еще не все вылезли.

И вот, к крайнему удивлению, мы встречаем у Милюкова вещи старые-престарые, которые опять-таки мы недавно читали в книжках, выходящих здесь. Вот, напр., образчик того, как он об'ясняет крушение первой русской революции (курьезным образом, он начинает раньше с крушения первой русской революции, а потом переходит к общей концепции); «Единый политический фронт, существовавший до октябрьского манифеста, после его появления был сломан; революционное движение отделилось от конституционного, сделало попытку провести вооруженное восстание собственными силами и в декабре 1905 года было разбито на московских баррикадах. Если после этого выборы в Думу были произведены все же на основе довольно либерального избирательного закона от 11 декабря, то это следует об'яснить тем, что правительство надеялось иметь дело с послушным, бесцветным крестьянством». Как это правительство, если оно не сидело в сумасшедшем доме, могло надеяться на послушное крестьянство, когда это крестьянство нагнало такого страху на помещиков, что Трепов предлагал отдать даром половину земли крестьянам,—это секрет Милюкова. Но это изображение похоже на то, что мы с вами читали в одной книге, вышедшей благополучно у нас. «Революция 1905 года была сорвана потому, что единый фронт исчез». Был, видите ли, единый фронт буржуазии и пролетариата. Я 1905 год пережил, но, убейте меня, не могу сказать, когда это был единый фронт буржуазии и пролетариата в 1905 году. Правда, у меньшевиков был, но они весьма условно принадлежали к революции, главным образом, они боролись против революционного левого крыла,—но когда у действительно революционной массы был единый фронт с буржуазией, этого я не представляю себе; а по Милюкову и некоторым нашим здешним авторам так выходит.

Но Милюков этим ограничиться не может, ибо это концепция меньшевистская, а он—просто кадет. И дальше мы находим великолепное место, которое я позволю себе вам процитировать. Он рассказывает о лете 1906 года, о попытке образовать кадетское министерство. «Попытка исходила от царя,—гордо заявляет он (не подумайте, что меня камерлакей позвал),—который через посредство своих министров обратился ко мне с предложением образовать кабинет из большинства Думы». Что тут было маленькое затруднение, а именно, что кадеты большинства в Думе не имели, мимо этого он проходит. «Но посредники отнеслись к этому

несерьезно» (значит, Николай-то относился серьезно, простирал об'ятия к Милюкову: батюшка, приди, спаси!). «Для них дело шло о том, чтобы приобрести для кабинета несколько популярных имен, но они не собирались делать какие-либо существенные уступки нашей политической программе. Таким образом, мы естественно не были в состоянии взять в руки правительственную власть и ответственность перед народом. Переговоры не имели успеха, и шанс на мирное политическое развитие был потерян. «Дума народных надежд» после семидесяти дней существования была распущена».

И тут великолепный, я не могу даже назвать его куриным, петушиный хвост. «Изданный в Выборге призыв оппозиции к пассивному сопротивлению, к отказу от платежа податей и даче рекрутов в случае несозвания новой Думы не имел успеха. Этот факт показал, каким чуждым народу и теоретическим был постоянный призыв к восстанию, с которым носились социалистические партии». Великолепнее этого петушиного хвоста я в жизни не видел. Что народ не послушался этого гунявого воззвания, которое было издано после того, как об'ективная возможность восстания была утрачена, когда кадеты на выборах в первую Думу сами осмеяли и оплевали идею восстания,—это служит доказательством для него, что идея вооруженного восстания была чужда народу. А Дубасов в декабре 1905 г. находил, что далеко не чужда, и поступил весьма практически. Тут мы видим, что великолепная новая теория, которую развивал Милюков,—как, я не могу сказать, боюсь, я не подберу слова. Милюков любит немецкое слово «фермутлих» (предположительно),—эта теория об'ясняется исключительно тем, что Милюков все же следит за русской исторической литературой и не может не видеть, что оборонческая теория возникновения самодержавия разбита вдрызг, от нее ничего не осталось. И так как он до известной степени добросовестный историк, он должен был переседлаться. Кстати, соблазнился идеей: почему народ большевиков терпит? Возникает новая великолепная теория, но слить ее с новой концепцией русской революции—мы увидим, что и тут есть новая концепция—нехватило уменья.

Эти места интересны только методологически. Но в книге Милюкова, как во всякой книге историка, который пишет о своем времени, неизбежно вкрапливаются автобиографические моменты мемуарного характера. Они, конечно, ни с какой исторической концепцией не связаны. Это просто куски воспоминаний, но чрезвычайно любопытные. Первая революция провалилась, провалилась потому, что не было единого фронта, а главное, царь позвал кадетов, а те, кто стали от имени царя с кадетами разговаривать, оказались людьми несерьезными. Первая революция кончилась. Начинается промежуток между двумя революциями, и тут начинаются автобиографические моменты, которые, повторяю, в высокой степени любопытны. Мне хочется говорить подлинными словами Милюкова. Вот что читаем мы у него о промежутке между 1907 и 1917 г.г., о «противоречиях, раздиравших думские группы»: «Первым было противоречие

между высокой репутацией, которой пользовалась Дума в стране и которая дала ей выдающуюся роль в начале революции, и ее фактической политической незначительностью. 4-я Дума была избрана в 1912 г. под очень сильным давлением правительства, стремившегося составить большинство, которое согласилось бы на восстановление самодержавия. Эта цель не была достигнута, и Дума не имела правительственного большинства, но в то же время в ней не было и никакого другого большинства». Это мы читаем на стр. 27, а перед этим, на стр. 22, мы читаем: «Это (неумение самодержавного правительства вести войну) побудило Думу с ее определенным консервативным большинством покрыть своим авторитетом петербургское военное восстание 11 марта». На стр. 22—«определенное консервативное большинство», а на 27 стр. оказывается, что никакого определенного большинства не было. Произошло маленькое линяние: одно перо выскочило, другое осталось, и в результате получилась такая картина.

«Славу либерализма приобрело только оппозиционное меньшинство; дух, господствовавший в палате, вообще не имел с этим ничего общего. Как целое, Дума была, таким образом, неспособна встать во главе революции». Вернитесь к стр. 22 и прочтите такого рода вещь: «Согласие Думы в тот момент имело для первого успеха революции решающее значение. Если бы Дума не стала во главе движения, ответственные вожди армии, вроде генерала Алексеева и Рузского, никогда не стали бы на сторону революционеров. Царь не был бы так легко и скоро вынужден отречься. Борьба началась бы уже на следующий день, борьба, в которой крайние элементы одни или, может быть, еще с поддержкой некоторой части петербургского гарнизона, сражались бы за революцию. Они были бы, по всей вероятности, скоро изолированы и разбиты. Таким образом, русские реакционные группы совершенно правы, когда они делают ответственными за успех революции вождей Думы». Это мы читаем на стр. 22, а на стр. 27—то, что я говорил: «Как целое, Дума была неспособна стать во главе революции. Прогрессивный блок был высшим ее достижением».

Разрешите привести характеристику этого прогрессивного блока. «Я сам отвечаю за образование в Думе случайного большинства, которое мы назвали «прогрессивным блоком», хотя по своей программе он был больше, чем умеренным. Не только либеральные, но даже и самые консервативные элементы обеих палат принадлежали к этому «блоку» (смех).

Таков этот прогрессивный блок, это высшее достижение Думы. «В тот момент, когда вспыхнула революция, в тот же самый день, 11 марта, Дума была отсрочена высочайшим указом—мера, которая не стояла ни в какой связи с революцией. Вопреки ходячей легенде, Дума вовсе не собиралась продолжать свои заседания. Она повиновалась царскому указу. Думская комиссия, образованная в тот день и назначившая двумя днями позже первое временное правительство, не была избрана в формальном заседании Думы, действующей как государственное учреждение. Выборы состоялись в неформальном собрании, которое происходило

частным образом в одном из соседних с залой заседаний Думы помещений. Таким образом, временное правительство получило свои полномочия не от какого-нибудь легального государственного органа дореволюционного времени, но от самой революции».

Это же крик души, товарищи. Я очень хорошо помню, как, когда мы составляли хронику русской революции, один юрист, беспартийный, конечно, которому мы поручили написать главу о юридической структуре временного правительства, усиленно разыскивал легальные инстанции, через которые это временное правительство пришло к власти. Милюков выше этой комедии. Народ все смел, а затем, отчасти по глупости, отчасти по другим качествам меньшевиков и с.-р., власть все-таки попала исключительно в руки Милюкова и компании. Вот, как в действительности было дело. Согласитесь сами, что это картина чрезвычайно достопримечательная. Абсолютно новой она не является. Дело в том, что уже в 6-м томе «Падения старого режима в 1917 г.» мы встречаем в показании Милюкова такие строки: «Вечером я узнал, что Государственная Дума распущена, потому что сведения об этом мне по телефону сообщил Родзянко еще 26 вечером; но очевидно, что движение не стояло ни в какой связи с роспуском Думы. Оно просто фактически совпало с этим роспуском». Совершенно верно, о Думе никто не думал, кроме с.-р. и меньшевиков, которые случайно оказались во главе движения. Рабочие удовольствовались бы советом рабочих депутатов и не вспомнили бы о Думе. Чрезвычайно ценно, что мы теперь имеем признание фактического главы первого правительства. Милюков тут буквально подтверждает то, что мне приходилось говорить в своей старой статье, в «Вестнике Агитации и Пропаганды», о возникновении этого самого временного правительства, что оно было заготовлено на случай заговора, который организовали, вождями которого были Гучков, Крымов и Терещенко. Милюков там же говорит: «Мы приготовились ко всяким случайностям и организовали на всякий случай то правительство с князем Львовым во главе, которое и стало на свое место после 27 февраля». Совершенно верно, в кармане было заготовлено «правительство народного доверия», и оно было подсунуто меньшевикам и с.-р. Я правильно угадал, что был запасен в кармане и «император народного доверия». «Тогда же,—говорит Милюков, — было намечено регентство Михаила Александровича при наследнике Алексее». Все было действительно заготовлено, в кармане держалось, затем вынули и подсунули. Подсунули благодаря тому, что народная масса, неорганизованная масса, несознательная, в достаточной степени была в тисках, в путах, в паутине того добросовестного оборончества, о котором говорил Ленин. Милюков признает, что фактическим хозяином в марте 1917 г. была народная масса, та народная масса, которая смела начисто старый режим и создала убогое первое временное правительство.

Это характеристика Думы. Дальше следует не менее убийственная характеристика и самой конституционно-демократической партии, лидером которой состоял и лидером левого крыла которой до сих пор состоит

Милюков. Я не буду приводить цитат, потому что они несколько утомляют аудиторию, а скажу своими словами. Прежде всего не могла существовать в то время никакая демократическая партия с реальным значением,—говорит Милюков,—не позволило бы этого самодержавие. Это признание Милюкова—великолепнейшая вещь. «Самодержавие, таким образом, в высокой мере ответственно за отсутствие здорового политического руководства». Можете представить себе в какой-нибудь стране самодержавие, которое организует, на манер, как организуют высшие учебные заведения, настоящую демократическую партию, связанную с массой. По вине самодержавия, этого высшего института, на ряду с московским университетом и высшим техническим училищем, не оказалось, и благодаря этому масса оказалась без руководства. «Все партии, буржуазные или социалистические, одинаково потерпели неудачу в своих попытках овладеть народными массами и просветить их» (он умалчивает, что большевики просветили, в конце концов). «Конституционно-демократическая партия состояла, главным образом, из прогрессивных земцев и интеллигентов и пользовалась высоким моральным авторитетом. К этой партии принадлежало большинство буржуазных министров четырех временных правительств, существовавших между мартом и ноябрем. Их работа протекала на основе коалиции с умеренными социалистами, в особенности аграрными социалистами (социал-революционерами). В них, разумеется, не было ничего контрреволюционного. Но массы, выдвинувшие их на первый план, не знали их. Они валили конституционных демократов в один котел с другими буржуазными группами Думы и охотно слушали экстремистских демагогов, которые называли всех безразлично «капиталистами» и «империалистами». Фамильярное прозвище партии, «кадеты», было использовано демагогами, чтобы отождествить их с юнкерами, которые считались реакционерами. Так, одного факта их участия во временных правительствах было достаточно, чтобы дискредитировать эти последние в глазах массы». Таков был результат «высокого морального авторитета», которым пользовалась кадетская партия.

Так дело происходило в течение февральской революции. Что дальше? Дальше следуют весьма любопытные моменты, где опять перемешивается официальная кадетская концепция с кусками воспоминаний, с воплями души. «В течение некоторого времени существовал свободный выбор между Корниловым и Лениным. К сожалению, никакой единый фронт от Керенского до Корнилова не оказался возможен, и, руководимые некоторого рода инстинктом, массы—потому, что решение принадлежало массам—высказались за Ленина.—Корниловское движение, которое в сентябре 1917 года перешло в восстание против правительства, первый раз показало населению действительно контрреволюционные группировки».

Итак, к сожалению, единый фронт от Керенского до Корнилова не образовался. С кем предполагался этот единый фронт, который «к сожалению» не состоялся? Кое-что мы с вами уже слышали, послушайте еще: «Корнилов всецело стоял под влиянием правых организаций, которые тогда, конечно, еще не преследовали целей реставрации и ратовали только

за создание диктатуры. Но, конечно, были правы те, кто утверждал, что сосредоточившиеся в этих организациях элементы с самого начала были тем, во что они потом развернулись, именно: представителями реакции. Уже тогда здесь зрела оппозиция, не только против эксцессов революции, но и против революции, как таковой».

Итак, корниловский заговор был заговором чисто правых организаций. А раньше мы видели, что в первый раз в корниловском заговоре массы увидели настоящую контр-революцию. «К сожалению» между этой контрреволюцией и Керенским не образовался единый фронт. Приходится об этом очень жалеть. А еще приходится жалеть, что Милюков умолчал о том, что какой-то господин М., по рассказу ген. Деникина, стоял в чрезвычайно близких отношениях к корниловскому заговору, был фактически идеологическим руководителем республиканского офицерского союза, который дал главную массу корниловского движения. Кто этот господин М., не будем догадываться—нехорошо раскрывать псевдонимы, но мне кажется, что он в некотором родстве с той облезлой курицей, о которой мы говорили. Мы понимаем, почему он пытался образовать этот единый фронт. И после этого вы оцените характеристику созданного тем же автором «прогрессивного блока», куда входили не только прогрессивные, но и консервативные элементы.

Это—момент чрезвычайно важный и серьезный. Что это значит? Это значит, что накануне Октябрьской революции 1917 года русская буржуазия представляла собой ту сплошную реакционную массу, которую буржуазия представляет только в момент или накануне социалистической революции. В буржуазной революции буржуазия всегда делится на два крыла. Так это было в 1905 г. Было левое крыло—особенно если правильно причислить к буржуазии с.-р.,—было левое крыло и довольно энергичное, эсеры действовали в первую революцию довольно решительно. А ко второй революции вся буржуазия образовала единый фронт, единый реакционный блок. Милюков заявляет, что Корнилов был определенный реакционер и что, «к сожалению», от Керенского до Корнилова через Милюкова не установилось единого фронта.

Итак, теперь на основании подлинных слов лидера буржуазного движения, лидера, чрезвычайно квалифицированного, серьезного, крупного историка и политика, редактора наиболее бойкого и боевого органа левого крыла нашей буржуазной демократии, мы знаем, что буржуазия вся в целом в августе 1917 года представляла реакционную массу, которой только вследствие разных более или менее случайных причин не удалось образовать единого фронта от Керенского до Корнилова, и благодаря этому она сорвалась. Вы видите, что тут от исторической теории Милюкова ничего не остается, но я должен сказать, что от нее не осталось ничего и по поводу первой революции; что там, где, казалось, должен был выступить наружу стихийный анархизм русского народа, мы встречаем такое «аперсю»: «Выдвинутое крестьянами требование земель фактически лежало в основе всей политической борьбы последних десятилетий... Моя партия, «буржуазная» демократия старалась соединить требования народа с юридической

точкой зрения частной собственности и с здоровыми экономическими принципами». Спрашивается, откуда же земля-то появилась? Раньше была государственная власть, которая свалилась сверху, народ, масса чуждая государственной власти, стихийно-анархическая, а вопрос оказывается в земле. Что за притча? Откуда земля? Одно перо выпало, другое не выросло.

У Милюкова здесь внезапно выступает определенная классовая точка зрения, которая, как вы увидите, торжествует всецело на протяжении последних глав книги, где он говорит о настоящем и будущем. Там классовая точка зрения стоит совершенно определенно, я к ней перейду. Но прежде необходимо закончить характеристику концепции революции 1917 года, как она дана Милюковым. Нет ничего удивительного, что, чем дальше мы от буржуазии, чем ближе мы к пролетариату, тем концепция Милюкова становится туманнее и, я бы сказал, элементарнее. Он спускается не то до кадетской листовки, не то до какого-то учебника. Начинается это, нужно сказать, необыкновенно гордо. Это гордое место я должен прочесть: «Мы можем теперь проследить все развитие большевизма от его истоков до его гибели (смех), которая в настоящее время признается самими большевиками (смех). Эти последние, разумеется, скажут вам, что это еще не конец, но только новое испытание, которое будет также преодолено, как были преодолены предшествующие. С этим об'яснением можно соглашаться и не соглашаться. Но относительно самых фактов не может быть никакого сомнения».

Вы ожидаете в этой главе, посвященной Октябрьской революции, видеть развертывание, с одной стороны, доктрины большевиков, с другой стороны, их деятельности, но вы ждете напрасно, потому что, чем дальше автор от буржуазии и чем ближе к пролетариату, тем более убога становится точка зрения, точно он сам приобщается к несознательному рабочему и начинает говорить его языком. Прежде всего, общая характеристика. К чему стремились большевики? «Вторая русская революция 7 ноября 1917 года имела своим основным принципом универсальное восстание одного единственного класса, рабочего класса, «пролетариата», против всех правительств и всех других общественных классов во всем свете» (всех, и крестьян, и кого угодно, всех сплошь). «Они, большевики, имели вначале одно единственное честолюбие, состоявшее в том, чтобы побить рекорд Парижской Коммуны 1871 г.» (смех; голос: «Спортсменская точка зрения»). Спрашивается: откуда же пришла в голову большевикам такая вредоносная идея? Этого никто не знал, пока не появилась книжка Милюкова. А от последнего мы знаем, что в 1913 г. бывший профессор Дюфур выпустил книжку под названием, кажется, «Революционный синдикализм и война», что-то в этом роде. В этой книжке в 1913 г. он высказал «новую» мысль, которая к тому времени была затрепана до полного неприличия: что ближайшая европейская война или вызовет непосредственно социалистическую революцию, или создаст для нее предпосылки. Эта мысль была свежей в 80-х годах, когда ее высказал Энгельс, и потом развивалась Каутским и целым рядом публицистов. Я помню,

в наших эмигрантских кругах и у Горького на Капри это была обычная тема разговора: «Когда разразится война...», потому что все знали, что в результате войны будет революция. Так вот в 1913 г. бывший профессор политической экономии Дюфур изложил эту «свежую» мысль в книжке, и, когда Милюков прочел эту книжку, его осенило: вот откуда большевики пришли, от Дюфура. Он говорит: «Вся теория Ленина заключаетси в этой самой книжке Дюфура» (смех). «В этой книжке, которая появилась в 1913 году и которая предвосхищает многие подробности ленинской тактики, развивается эта идея использования войны для целей сознательного меньшинства, для содействия революции».

Итак, теорию мы слямзили у Дюфура. Милюков на протяжении всей книжки стоит упорно на том, что мы с вами, большевики,—революционные синдикалисты, и никаких ни Маркс, ни Энгельс здесь не при чем. Революционные синдикалисты, ученики Сореля, Дюфура и т. д., и т. д. Это—что касается теории. Теперь, что касается практики, тут опять мы имеем эпизод, которым я и закончу первую часть доклада. Тут опять мы имеем эпизод, который наводит на мысль, что Милюков все-таки читает русскую историческую литературу и кое-что оттуда узнает. Многие из вас помнят его первый том «Истории Русской Революции», где подробно развита теория, каким образом Ленин, подкупленный немцами, что было установлено знаменитым Ермоленко, в июле 1917 г. засел в особняк Кшесинской и начал оттуда разводить революцию. Это было напечатано у него с разными характерными подробностями: появлялась фигура в военной форме, неизвестного происхождения, повидимому, переодетый шпион, цитировалась невероятно безграмотная «секретная телеграмма германского генерального штаба». В этой же книге никаких следов Ермоленко и всей этой истории с таинственной переодетой фигурой и т. д. нет. История грехопадения Ленина рассказывается совершенно иначе. Прежде всего это происходило вовсе не в 1917 г. Это было в 1913 г., когда Ленин жил под Краковом. «Фермутлих»—предположительно—тогда он связался с немцами. Это доказывается тем, что в 1915 г. 6 немецких промышленников представили Бетман-Гольвегу записку, где требовали аннексии западной окраины России, как раз тех областей, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, которые после Брестского мира оказались за пределами Р. С. Ф. С. Р. А Ленин в 1913 году начинает проповедывать самоопределение национальностей, вплоть до полного отделения (смех). Ясное дело, что это было подготовлено. Правда, не совсем выходит с хронологической стороны,—промышленники представили свою записку в 1915 г., а Ленин жил около Кракова в 1913 г. Затем, промышленники германские, а Краков был в Австрии. Но зато потом, излагая условия Брестского мира, Милюков с торжеством восклицает: «Вот оно!» «Bis aufs Haar» (до волоска!). Как две капли воды похоже на то, что писали немецкие промышленники. А Ермоленки больше нет. Возможно, что я хвастаю, и вы можете назвать меня старым хвастуном, но, право, моя статья, где я изображаю этого Ермоленко настоящим образом, сыграла в этом роль. В самом деле, почему этот Ермоленко исчез, и исчезла вся эта история с подкупом 1917 г., а выплыла в 1913 г. в Кра-

кове? По-моему, об'ясняется просто. До известной степени Милюков—историк, и по-своему—добросовестный историк, и когда ему доказали, что Ермоленко бывший царский шпик, бывший охранник, к которому относились с брезгливостью даже царские генералы, когда все это было иллюстрировано цитатами, после этого Милюков, поскольку в нем остались следы исторической совести, не мог воспроизвести Ермоленка. Но он не мог отказаться от идеи, что Ленин предатель, подкуплен немцами и т. д. И вот он подошел с другого конца: не Ермоленко, а в 1913 г. Ленин жил под Краковом, и там-то и произошла эта история. Большевистская практика все же является результатом немецкого подкупа, но только в иной плоскости, нежели это изображалось им раньше.

С этим тесно связан национальный вопрос, поскольку он зацепился за то, что Ленин проповедывал «вплоть до полного отделения». Ему необходимо было взять национальный вопрос тем более, что в конце книги он признается, что ничто так не мешает воссозданию распылившейся России, как этот окаянный Союз Советских Социалистических Республик, который всем, до самых мелких национальностей, внушил идею, что у них есть свое лицо, которое можно защищать.

Я остановился, товарищи, на том аспекте ленинской «измены», который теперь дает Милюков. Это подводит нас к его взгляду на национальный вопрос, хотя, собственно, его характеристика национального вопроса скорее относится к заключительным главам его книги, т.-е. к тем главам, где он касается будущего России, но она связана и с исторической частью, так что позвольте в виде отдельного эпизода дать ее сейчас. Само собой разумеется, что национальный вопрос выдуман в России большевиками, сам по себе он не существовал и для него никакой почвы не было. «До самого последнего времени ни одна национальность в России не стремилась к отделению от русского государства, и даже мысль об автономии не была популярна. Это настроение национальностей было в полном согласии с духом русского народа, который никогда не проявлял агрессивного национализма; даже более, он не всегда сознавал даже свою собственную национальность,—болезненное и раздраженное национальное чувство возникает всегда там, где есть опасность денационализации, которая особенно угрожает малым народам. О такой угрозе в такой стране, как Россия, не могло быть речи. Россия была слишком велика, и ее население было далеко от того, чтобы подвергаться влиянию других национальностей, и даже не догадывалось о существовании этих маленьких народов». Говорят о нашей великодержавности. Ничего подобного. Оказывается, не мы нападали, а на нас нападали чуваши, мордва, киргизы и нас насиловали. Вот как было дело в действительности.

«Какое положение по отношению к национальным проблемам заняли русский либерализм и русское общественное мнение? Само собою разумеется, что русский либерализм был чужд исключительного и шовинистического национализма. Он был всегда великодушным, свободомыслящим и космополитическим. В этом направлении действовала также русская литература и поэзия, поскольку достигало их влияние». Позвольте обратить ваше

внимание, что во всей классической русской литературе, от Пушкина до Гончарова, еврей называется не иначе, как «жид». В этом отношении классическая литература действовала чрезвычайно «умиротворяющим» образом. Кстати, по поводу отношения к евреям характерно, что в обуревающем его «миролюбии» Милюков забыл дату еврейских погромов и относит их к 1890 г.. тогда как они были в первый раз в 1881—82 г.г., а потом в начале 900-х годов. В 1890 же году, кроме «тихого» погрома в Москве, который выразился в выселении 20.000 еврейских ремесленников, погромов не было. Он говорит, что только при Николае I (1825—1855) мог быть национализм, а при Александре III, при Николае II ничего подобного не было, литература действовала умиротворяюще. (Литература наша была, конечно, проникнута великодержавностью, это не подлежит сомнению, проникнута пренебрежением к разного рода мелким народностям). Само собой разумеется, что при таком мире и благорастворении воздухов «магометанское население не желало ничего дальше свободы религиозной и культурной жизни. Оно доверило свое дело русским демократическим партиям» (в особенности конституционалистам-демократам, т.-е. «кадетам»). Вот как было дело. Если нужна была защита, то дворян или кадетов. А пришли злые большевики, «фермутлих» подкупленные в 1913 г. близ Кракова, и развели национальный вопрос. В результате Россия распалась на целый ряд народностей, и теперь это ставит «возродителей» России перед большими затруднениями (Милюков везде говорит о «возрождении»), поскольку возродить старые, мирно-великодержавные, отношения действительно чрезвычайно трудно. Теперь всякая национальность лезет в люди, всякая чувствует себя человеком,—поди подведи их под то «умиротворяющее» начало, которое господствовало в классической русской литературе, презрительно третировавшей всяких «армяшек» и разных «восточных человеков». Не сделаешь этого теперь...

Перейдем дальше, к его об'яснению революции. Тут мы натыкаемся на чрезвычайно характерные признания, их целый ряд. Прежде всего Милюков окончательно должен был расстаться с мыслью о том, что Октябрьский переворот был чем-то вроде дворцового переворота, что это сочинили большевики с некоторым количеством солдат, некоторым количеством балтийских матросов и пр. «В Москве,—говорит он,—в ноябре борьба против большевистского переворота не была поддержана массами. Здесь за русское государство сражалось пять тысяч юнкеров, студентов и прапорщиков: солдаты и рабочие были на стороне большевиков, а буржуазия не выставила никакой национальной гвардии, чтобы помочь сражающимся». Таким образом, массовый характер Октябрьской революции Милюков вынужден был признать. Это была действительно н а р о д н а я р е в о л ю ц и я; с этим он ничего больше поделать не мог. Естественно, перед ним стоит вопрос: как это случилось? Подкупили человека под Краковом немецкие промышленники и в результате—народная революция. Как понять? Правда, крестьяне выступили из-за земли довольно рано, в революцию 1905 года, ну, а рабочие? Как с этим быть? Чем действовали большевики? И ответ Милюкова в этом отношении по своей оголенности, совершенной бессо-

держательности и никчемности превосходит все ожидаемое. Если бы я был немецким читателем этой книги, то я бы обиделся, что мне подают такие вещи. Милюков отвечает: «Чем держались большевики? Обещаниями и застращиванием». Сначала обещали, потом застращивали. И это представление о народном движении, о массовом движении. Так можно поступать только со сворой собак. Сначала дать подачку, а потом плетью. Но как с народной массой, которая дала власть первому временному правительству, по признанию самого Милюкова, как с этой народной массой можно было так поступать? Я понимаю, можно соблазнить, обмануть обещаниями в первое время, но как в течение 10 лет обманывать обещаниями?

И вот для того, чтобы об'яснить «застращивание», Милюков должен прибегнуть к цифрам совершенно необыкновенным, к цифрам, которые позвольте вам привести. Это статистические результаты деятельности ЧК. Я приведу только два примера. ЧК расстреляла 6.675 профессоров, 355.250 интеллигентов, 28 архиреев. Это маленькое дело. Расстрелом архиреев не запугаешь народную массу. Поэтому в число расстрелянных вводится 260.000 солдат, 193.350 рабочих, 815.000 крестьян (голос: «А источник указан?»). Из «Таймса». Согласитесь, что такого рода колоссальными мерами можно запугать кого угодно. Вот каким образом производилось запугивание народной массы.

Так что перед нами двуликий Янус: одно лицо ласково улыбается, другое—запугивает. Так держалась большевистская власть. Это об'яснение даже для читателя Милюкова, он чувствует, совершенно недостаточно. Он пускается в социологический анализ того, на чем держалась большевистская власть, и обнаруживает большую меткость. Он в первую голову, как причину прочности большевистской власти, ставит, как вы думаете, что? Нашу партийную организацию. Это, говорит, первое условие, которое обеспечило большевикам длительное господство. Он описывает нашу партийную организацию с внешней стороны довольно правильно на основании наших газет, статистику приводит и т. д. Характерно, что этот лютый враг советской власти и коммунистической партии во главу угла ставит именно нашу партийную организацию с ее дисциплиной. Вы понимаете те радостные вопли, которые раздались, когда им показалось, что партийная дисциплина расшатана. Это не было только злорадство, это была определенная надежда, основанная на социологической предпосылке, что партия—это первое. Второе—он ссылается на Красную армию. Создание Красной армии он также считает одним из крупнейших достижений большевизма. По этому поводу он пускается в разные странные рассуждения; ставит, напр., вопрос, как же так: в Красную армию привлекали военных специалистов и в то же время интеллигентов расстреливали?—и он поясняет: красный террор не имел прямой задачей истребление интеллигенции, а хотел только запугать и заставить ее служить большевистским интересам. Самое об'яснение любопытно. Неужели Милюков имеет в виду таких читателей, которые думают, что у нас предполагалось поголовное истребление интеллигенции? Его цифры близко подводят к этому.

Таким образом, Милюков, повторяю, с шутовского, иначе нельзя назвать, и никчемного об'яснения, что большевики держались обещаниями и запугиваниями, вынужден об'ективно самим историческим материалом дойти до признания известной об'ективной базы, которая есть у большевизма, организационной базы. И он ее видит в партии, с одной стороны, и в Красной армии, с другой стороны. Вот на чем держались большевики и почему не удержались противники! На этот последний счет Милюков дает разоблачения, не новые, конечно,—говорить о новости не приходится,—но до чрезвычайной степени убийственные, поскольку они появляются на страницах такой книги. То, что я прочту сейчас, все это большинству известно, но любопытно, что сам Милюков это теперь признает.

Мы знаем, что Ленин действовал по заказу германских промышленников и в результате этого на улицах Москвы должны были, казалось бы, появиться немецкие шуцманы, переодетые в русскую форму, хватать честных кадетов, сажать их в тюрьмы и т. д. На самом деле произошло следующее: «У военной партии,—говорит Милюков,—существовал план низвергнуть большевистское правительство в Москве по возможности русскими руками (фраза, которая несколько поражает. Почему «по возможности русскими руками»? Мы знаем, что был 8-часовой рабочий день «по возможности», но «русскими руками по возможности»—это же прелестно!) и восстановить русскую монархию. Предложения этого рода не один раз делались немецкими представителями правым группам русского политического фронта, в то время как союзники обращались к левым группам. Переговоры велись, впрочем, и непосредственно с русскими офицерами через комиссию по обмену военнопленными. Существовал план одеть немецких военнопленных в русскую форму, под предводительством русских офицеров занять все командующие пункты в Москве и держаться на них 24 часа, пока под'едут германские войска из Орши. В деньгах для подкупа латышских стрелков и для приобретения оружия не было недостатка. Переворот намечен был на июнь. Трудно сказать, почему с германской стороны 18 июня (какая точная дата!) внезапно от него отказались: может быть, потому, что немцы нашли какую-нибудь другую возможность для концентрации их военнопленных в Москве, или потому, что «восточный фронт» около этого времени казался им не столь опасным, или потому, что русские политики в решительную минуту не нашли мужества сделать то, что сделал на юге генерал Краснов, именно, обязаться решительно выступить против тех русских сил, которые об'явили бы себя за ориентировку в пользу Антанты и за «восточный фронт». По изображению Гельфериха в его мемуарах, в Берлине политика соглашения с небольшевистской Россией «не встретила сочувствия»; германское министерство иностранных дел было за сотрудничество с большевиками».

Ну, хорошо. А тут кто собирался сотрудничать? С чьей стороны? Ясно, что эти планы шли не со стороны немцев. К немцам обращались, немцев просили, у немцев хлопотали. Для чего? Чтобы они, переодев в русскую форму немецких военнопленных, низвергли ставленника немецких промышленников Ленина. Какофония получается необычайная. Милю-

ков тут умалчивает о своей роли. Он-то и был «немецкой ориентацией», за это его Клемансо и в Париж не пустил, и всю русскую делегацию выслал из Парижа, потому что в ней был Милюков. Это оправдывает идею о космополитизме русской интеллигенции: вчера дрались с немцами, вешали на большевиков всех собак, говорили, что они куплены немцами, а теперь сами вот какие переговоры с немцами ведут. Если эта часть русской интеллигенции вела переговоры с немцами, то «оба левых союза, по показаниям их члена Н. И. Астрова, получали от союзников значительную финансовую поддержку, которая очень оживила деятельность этих организаций; миллионы (мы установили на с.-р. процессе, что эти миллионы были русские, бумажные) Антанты были употреблены на политическую работу центров, на открытие филиалов в провинции и отчасти на организацию вооруженной силы, в первой линии, офицерских групп, чем занялись оба союза. Эти группы были, впрочем, количественно незначительны; они были понемногу выловлены и уничтожены большевиками. Остатки их членов рассеялись по окраинам».

Дальше по поводу ярославского восстания. Это всем известный факт, я извиняюсь, что привожу его, но это интересно для милюковской концепции. Когда национальный центр усомнился в целесообразности такого восстания, Савинков для ослабления возражений привел такой аргумент: «Операция, конечно, не вполне подготовлена, но **французы настаивают**. Отсрочка, впрочем, привела бы к распаду организации, тогда как восстание, раз начавшись, может распространиться со стихийной силой и этим покрыть недочеты подготовки». Таким образом, предприятие носило, по признанию самого руководителя, характер чистейшей авантюры.

Итак, одна часть интеллигенции желала состоять на немецком жалованьи, просилась на службу к немцам, но принята не была, другая—состояла на французском жалованьи, была принята действительно, и французы поручали ей различные операции, вроде ярославского восстания. Милюкову не приходит в голову, что настоящий распад старой России в таких фактах и выражается, как выражался, впрочем, и во время Великой Французской Революции, когда поступление французских эмигрантов на службу в Австрии, в России означало их духовную смерть. Интеллигенты могли быть националистами, патриотами, шовинистами, чем угодно, но когда человек, который обличает других в недостатке патриотизма, который все свои обвинения против политических противников строит на том, что они куплены немцами, когда такой человек превращается в иностранного наемника, то это—человек, потерявший всякий, а не только «высокий моральный авторитет». И поскольку этим занималась вся русская белогвардейщина того времени, никакого смысла не имеют попытки Милюкова отмежеваться от монархизма. Он смеется над монархизмом, говорит, что никакого успеха монархизм в России иметь не может, что монархия была не популярна в России и только некоторые монархи были популярны, вроде Александра II; он смеется над тем, что в Белграде назначают симбирского и пензенского губернаторов. Все это так. Но все они одним миром мазаны, все были вместе, он сам говорит, что с немцами были монархисты, а с ними был Милюков.

Вот откровенная картина того, с чего началась гражданская война; все эти факты относятся к лету 1918 года. Она под пером Милюкова чрезвычайно выразительна. И совершенно естественно, что человек, который так реалистически смотрит на своих собратьев 1918 года, приходит к такому резюме относительно гражданской войны: «В следующем периоде проявилось действие сначала равнодушного, но потом уже и враждебного отношения населения к антибольшевистскому движению. Это отношение в первую очередь нужно отнести к уже упомянутым причинам—роковому, огульно отрицательному отношению народных масс к правящему слою, каков бы ни был состав последнего» (почему же было отрицательное отношение к белой армии, а не к большевикам, этого не поймешь...); «...а затем, уже в особенности, к тому факту, что «белые» армии несомненно носили классовый характер, который именно выступал в их отношениях к крестьянству и к аграрному вопросу; наконец, в этой же связи действовала и тяжесть реквизиций и военных повинностей, которые были наложены (на население) главнокомандованием «белых армий». Эти причины привели к тому, что «белые армии» все больше изолировались от населения и оказались в политическом одиночестве».

Итак, последний удар белогвардейщине наносит сам Милюков, признавая ее классовым движением, притом, как видно из других мест, которых я не привожу, главным образом, классовым помещичьим движением. Он очень отмежевывается, и правильно, до известной степени, отмежевывается от добровольческой армии Деникина, заявляя, что кадетов туда приглашали, как генералов на свадьбу, да и то только правых, которых от черносотенцев невозможно было отличить. Я не процитировал, но у него есть очаровательное место о том, как в 1917 г. не только прогрессивные, но даже консервативные элементы сделались формальными республиканцами, все, вплоть до черносотенцев. Эти самые формальные республиканцы из консерваторов фигурировали около Деникина, не имея никакой власти. Нужно сказать, что эти главы у Милюкова, поскольку он дает характеристику белогвардейского движения, вполне историчны, он является добросовестным историком. Эта его добросовестность об'ясняется тем, что у него самого в течение последних лет появилась определенная классовая установка, и при том классовая установка диаметрально-противоположная классовой установке белых армий.

Те были по существу помещичьи. Милюков все свои надежды возлагает на крестьянство. В этом заключается сок последних глав его книги. Герой милюковской возрождающейся России—это мужик, мужик, конечно, капиталистический, представитель мужицкого капитализма, не бедняк, не середняк, а именно крестьянская верхушка. На это крестьянство он возлагает огромные надежды. Это, по его словам, база того русского «возрождения», которого он ожидает. И тут он до известной степени возвращается к своей общеисторической концепции. Вы помните, что по этой концепции народная масса только сверху прикрыта, как колпаком, государственной властью. Колпаки были разные: сначала норманны, потом московские цари, потом Романовы, потом последние потомки Романовых,

и, наконец, явились большевики. И этот колпак будет сброшен теми парами, которые идут из крестьянской массы, поднимающейся крестьянской массы. При чем, кто подготовляет этот крестьянский переворот в России? Подготовляют, по мнению Милюкова, сами большевики. Тут у него есть целый ряд откровенностей, тоже чрезвычайно любопытных. Ведь крестьянская масса, как она изображается обыкновенно, масса безграмотная, совершенно невежественная, живущая средневековыми суевериями, словом, темная, до чрезвычайности темная масса. Он цитирует характеристику английского,—он его называет радикалом, а, по-моему, это фабианец,—Брейльсфорда и русского—Горна, довольно известного писателя, который делает совершенно неожиданный вывод. Он говорит: русский невежественный крестьянин никогда не сумеет сам организоваться, он всегда будет в полном подчинении у города, а потому—в России неизбежна монархия. Как это выходит, не знаю. Но, говорит Милюков, не нужно увлекаться этими мрачными перспективами. Большевики позаботились о том, чтобы крестьянин больше не был таким, каким изображает его этот почтенный автор. «Деревня никогда не видала такого потока печатной бумаги и такого широкого об'яснения общественных вопросов, как это происходит в настоящее время». Большевики занимаются систематическим просвещением деревни и притом политическим просвещением, и это кладет конец тому состоянию, в котором народ был инертной массой, склонной только к пассивному повиновению и больше ничего. «При этом,—говорит он,—не только действует большевистская «пропаганда» (в кавычках, т.-е. обещания и застращивания), не только большевистская пропаганда, но не подлежит никакому сомнению, что если теперешняя избирательная система удержится, то крестьяне будут в состоянии в значительном числе проникать в центральные представительные органы и в самое правительство» (это—наши беспартийные крестьяне, которые во ВЦИК сидят). Не подлежит никакому сомнению, говорит он. И дальше: «Нечто подобное в свое время имело в виду самодержавное правительство при созыве первой Государственной Думы (смех), и отчасти оно провело». Но самодержавному правительству эта операция не удалась, а большевикам удалась. Таким образом оказывается, что не только крестьяне развращаются этим потоком печатной бумаги, который сыплется в деревню, но и подкуплены они самой советской системой, откуда Милюков делает вывод, что в случае «возрождения» форма правления по всей вероятности останется та же, что и была (смех) потому, что для крестьянина,—говорит он,—ценно не то, что демократия, что от крестьян выборными будут фактически интеллигент, адвокат, литератор, но для крестьянина ценно, что его брат, мужик или баба из деревни проникают во ВЦИК и т. д. Вот это крестьянин ценит, за это он будет держаться. Поэтому самое вероятное, что после переворота останется все попрежнему, только на место т. Рыкова встанет П. Н. Милюков.

К этому все сводится. Царские министры, которые вели переговоры с Милюковым в 1906 г., оказались недостаточно серьезными; теперь, может быть, найдутся более серьезные люди, которые с ним столкуются как

следует. Само собой разумеется, что с этой точки зрения Милюков ставит окончательный крест над крупной земельной собственностью в России. Это, говорит он,—ау, помещиков в России не будет, об этом и толковать нечего, это дело раз навсегда совершенно конченное. А относительно фабрик и заводов, тут дело не так просто, тут скорее можно толковать. Но вот какая беда: их национализированная промышленность растет, а когда она окончательно вырастет, тогда зачем же старые владельцы? (Смех). Тут он видит большое затруднение для возвращения в «законную» собственность фабрик и заводов. И в конце концов у него остается одна слабая надежда. Эта надежда заключается в том, что крестьянское правительство, которое со временем сложится в России по его представлению, все же не будет чисто крестьянским, крестьяне не обойдутся без специалистов и поэтому вынуждены будут пригласить известную часть интеллигенции. Но Милюков прямо оговаривается, что «роль эмиграции при этом перевороте нам кажется в высокой степени скромной» (смех). Не только развивается наша национализированная промышленность и т. д., не только это, но, повидимому, еще и своя интеллигенция выросла. Что же делать этим несчастным эмигрантам? Эта книга должна производить впечатление похоронного звона. Имения не отдадут, фабрики и заводы не отдадут, интеллигенцию позовут в самом малом числе,—очевидно, Милюков имеет в виду себя и центральный комитет кадетской партии,—а что же остальным делать?

Я думаю, товарищи, что эта концепция в высокой степени поучительна, и вот в каком отношении. Во-первых, совершенно ясно, что буржуазная демократия не в состоянии выставить сколько-нибудь удовлетворяющего и цельного, без противоречий, понимания такого события, как Октябрьская революция. Для нас, как теоретиков и методологов марксистов, это чрезвычайно важно. Что получается у Милюкова из всех попыток об'яснения? Получается, как видите, невероятная мешанина. Вы, может быть, на меня сердитесь, что я не сумел свести к одному. Это совершенно невозможно. Это такая куча взглядов разного происхождения, относящихся к разным слоям нашего исторического бытия и нашей историографии, что что-нибудь целое составить из этого невозможно. В этом отношении книга Милюкова представляет определенный шаг назад по сравнению с позицией других историков школы Ключевского и самого Милюкова прежнего времени. Когда от Милюкова заразился Троцкий, он заразился потому, что Милюков давал цельную концепцию русской истории. Где она теперь? Ее нет. Что вместо нее появилось, вместо этой цельной концепции? Целый ряд логически не связанных между собой прыжков в классовую теорию, в нашу теорию. Вместо той теории, что есть только народная масса, прикрытая, как колпаком, государственной властью, вырастает другая теория, что русская история—крестьянская история, теория с определенным классовым подходом, которую мог бы дать и кое-какой плохой марксист, потому что известные предпосылки для этого в нашем материале есть. Классовая история. Большевистская революция—что такое, в конце концов? Вертелся, вертелся так и сяк, и немцы подкупили, и промышленники подкупили, а в конце концов—рабочие и крестьяне были

на стороне революции. Опять-таки чисто классовая точка зрения. Почему не удалась контрреволюция, почему не удалась гражданская война? Почему провалились белые армии? Потому, что они классово было неприемлемы для народной массы. Опять классовая точка зрения. Спасение России опять классовое—от крестьянства, от единственного класса, за который можно уцепиться. За рабочего Милюков не пробует уцепиться, о рабочем он умалчивает и склонен сделать намек, что в России нет пролетариев, кроме сокращенных при сокращении штатов интеллигентов, и это, настоящие пролетарии, они составляют главную массу безработных. Это любопытная черта Милюкова-теоретика, что он, кроме этих сокращенных советских барышень, никаких пролетариев у нас не находит.

По моему мнению, эта книга чрезвычайно поучительна для нас с политической точки зрения. Поучительно то громадное ударение, которое Милюков ставит на нашей партийной организации. Когда такой враг организацию ценит, ставит ее во главу угла, то мы сами и другие начинаем понимать, что это такое, что это своего рода великая армия, какая была у Наполеона,— армия, при помощи которой нами ведется классовая борьба. Далее, когда Милюков ставит не менее сильное ударение на крестьянстве, это заставляет нас насторожиться. Известный крестьянский уклон несомненно существует и в наших исторических писаниях. И нужно быть очень осторожным с этим крестьянским уклоном потому, что несомненно, что при известном развертывании это может дать милюковскую схему, совершенно антимарксистское, антипролетарское, контрреволюционное понимание русской истории.

Теперь о политической стороне милюковского трактата. С этой стороны я полагаю, что мы можем читать его с величайшим удовольствием, ибо он доказывает, что образование Союза Советских Социалистических Республик сделало невозможным возрождение старой России с тем самым космополитическим либеральным обществом, которое в классической литературе употребляло слово «жид» и т. д. Это первое. Второе, что он считает, хотя он старается позолотить пилюлю (очевидно, давалец есть, нельзя ему не угодить), насчет фабрик и заводов, это, что растет наша национализированная промышленность. А у Милюкова, когда он писал, были цифры только 1924 года. Он вырывает почву из-под ног всякой буржуазной реакции, не только феодальной,—ее он считает совершенно похороненной, на ней ставит окончательно крест. Вот какие следуют отсюда политические выводы. Их можно резюмировать так: в лице Милюкова старая концепция русской истории разбита вдребезги, и сам Милюков своим трудом доказывает, что новую концепцию можно построить только на классовом принципе. Но так как настоящий классовый принцип, признанный в России, диктатура пролетариата и рабочее государство, никаких перспектив не сулит даже в форме приглашения из-за границы кадетского ЦК,—его можно поместить в Музей Революции, там нехватает живых экспонатов,—совершенно естественно, что он хватается за те классы, которые кажутся ему враждебными социалистическому строю, но которые в действительности тоже враждебными не являются. В книге Милюкова Россия буржуазная, не говоря о помещичьей, спела сама по себе панихиду.

Ц. Фридлянд

Переписка Робеспьера

Изучение Великой Революции конца XVIII века медленно, но верно подвигается вперед. Наиболее близкой нам, марксистам, является группа французских историков во главе с Матьезом, об'единенная в „Société des étu. des Robespierrisie". Журнал О-ва по изучению жизни и деятельности Робеспьера, („Annales Historiques de la Revolution Française") дает часто богатый и поучительный материал по социальной истории революции, знакомит нас с деталями борьбы в рядах якобинцев, сообщает интересный материал по провинциальной истории. Члены общества каждый год преподносят науке исследования, углубляющие наши знания и расширяющие задачи изучения революции. Матьез отодвинул в сторону Олара и его школу. В этом большая заслуга и значение «робеспьеристов» для революционного марксизма. Но ближайшее рассмотрение работ „Société des études Robespierriste" покажет нам, как далеки еще его члены от методологии революционного марксизма, от правильного социально-экономического исследования революции. Анализ их работ будет для нас чрезвычайно ценен в методологическом отношении.

Перед нами одна из публикаций общества: „Correspondance de M. et Aug. Robespierre", изданная с примечаниями и предисловием Ж. Мишона (1926 г.). Мишон, автор книги «Essai sur l'Histoire du Parti Feullant» и издатель переписки Барнава, дал нам тщательно подобранный том писем «Неподкупного» и его младшего брата, снабдил их подробными примечаниями, с тщательным указанием источников, которыми он пользовался. Книга издана весьма тщательно в научном отношении [1]). В своем предисловии составитель указывает на огромное количество исчезнувших писем великих революционеров. Термидорианцы по мере своих сил и возможностей ликвидировали все, что могло бы говорить в пользу Робеспьера; все, кто имел основание бояться белого террора, старательно уничтожали следы своих сношений с ним; да и время, наконец, сыграло свою разрушительную роль. Но все же Ж. Мишон собрал около 500 писем из разнообразнейших

---

[1]) А. Матьез в рецензии на книгу (см. „Annales Historiques de la R. F." — № 18) отмечает некоторые ошибки составителя: не опубликованы два письма Макс., написанные в день 9 термидора; в отдельных случаях не совсем точно указана дата писем, в CCVI и CD X LIII письмах ошибочно указан, как автор первого письма Payan-младший, а второго Payan-старший и т. д. А. Матьез в заключении оправдывает свой научный ригоризм в отношении к публикации документов, но признает, однако, строго научный характер публикации Мишона.

источников. Папки Archives Nationales, муниципальной библиотеки Нанта, Версаля, собрание автографов и, наконец, публикаций на протяжении больше столетия (пресса эпохи, ревью, публикации Олара и т. д.)—все это использовано для тома переписки. Составитель вполне откровенно формулирует в предисловии задачу своего труда: «Эта переписка Робеспьера является его лучшей защитой». Ни одно из писем, как ни уничтожали термидорианцы все свидетельства в пользу братьев, не может быть использовано против них. Их честность неоспорима, и в ее лучах враги их окончательно осуждены историей. Поистине досадно, что богатство, собранное Ж. Мишоном, служит ему доказательством только этой тезы. Вопрос, казалось бы, давно решен—стоит ли спорить с врагами революции, которые будут продолжать традиции Тэна до окончательного торжества над ними новой революции? В этом слабость и некоторая беспомощность «робеспьеристов», что они все еще реабилитируют великих революционеров конца XVIII века, а наша общая задача—изучать эпоху...

Обратимся к письмам. Первое письмо относится к январю 1776 года, последние к 5 термидора II года. Мы имеем здесь не только переписку братьев, но и письма всех виднейших революционеров, друзей и врагов Робеспьра (Сен-Жюст, М. Ролан, Трейяр, жирондисты, Шапелье, Тальен Фрерон, Дюмон и т. д.), граждан, обращающихся к «Неподкупному» с просьбами и предупреждениями, официальную переписку Комитета Общественного Спасения, принадлежащую перу Максимилиана, и донесения из армии Огюстена. До революции в письмах почти не затронуты общественные вопросы, с мая 1789 г. мы редко встречаем рассуждения о личных делах. В революционные годы все подчинено одной задаче: торжеству революции. Адвокат Максимилиан Робеспьер (De Robespierre) пишет до революции галантные письма дамам. Накануне революции в письме к молодой девушке он с печалью заявляет: «Если у вас нет личного счастья, вы ищете утешения в счастьи других», и высказывает ряд сентенций в духе XVIII века. Но уже первые письма в мае 1789 г. дают много интересного и ценного. В письме к другу своему Buissart'у (24 мая 1789 г.) он подробно описывает борьбу в Генеральных Штатах и жалуется на свои первые неудачи на парламентском поприще. Для Робеспьера неприемлема позиция Рабо де-Сент-Этьена, предлагающего послать представителей к первым двум сословиям для переговоров; он считает, что это только затянет решение вопроса, даст возможность правящим сословиям сорганизоваться. Необходимо обратиться с воззванием к дворянам, а главное, к духовенству, необходимо внести раскол в их ряды. Он неодобрительно отзывается о безнравственном Мирабо, он клеймит дворян и с радостью встречает известия о переходе части духовенства на сторону революции. Робеспьер с радостью, но не без некоторого смущения сообщает 23 июля Buissart'у о восстании народа и торжественно изображает короля среди граждан французов. Робеспьер присоединяется к «paroles libres» Больи: «Вам досталась ваша корона по рождению, вам она будет принадлежать теперь лишь благодаря вашим добродетелям и верности подданных». Он сообщает другу о волнениях в столице, об опасности разгрома рынков и приветствует образование

национальной буржуазной гвардии—стража порядка. Робеспьер удивляется тому обстоятельству, что до сих пор гвардия не создана в Аррасе, и усиленно предлагает землякам приступить к ее организации.

Переписка первых лет дает нам ряд любопытных указаний об отношении братьев и к другим особо важным революционным событиям. В сентябре 1789 г. Огюстен в письме к Buissart'у сообщает о предполагаемом походе на Версаль; он утверждает, что голод—единственный стимул движения. Для братьев Национальное Собрание вскоре определилось, как контрреволюционное собрание: «Большинство собрания—ожесточенные враги свободы». Две палаты и veto—таковы лозунги врагов революции. И в следующем письме от 10 сентября он снова подчеркивает, что без политического закрепления свободы отмена десятины и феодальных прав—паллиатив, потому что «нет ничего более редкого, чем великодушный священник и бескорыстный дворянин: первый стал священником только для получения десятины, второй появился на свет лишь для грабежа». Мысль эту братья неоднократно повторяют в своих письмах: экономические задачи революции подчинены политическим, разрешите вопросы власти и вы разрешите все остальное.

Отмечая одно поражение революции за другим, братья пытаются уже в ноябре 1789 года подвести некоторый итог борьбе. В этом смысле важно письмо Максимилиана, полученное Buissart'ом 9 ноября 1789 г. Робеспьер спрашивает о том, что слышно в провинции, как укрепляется здесь революция, выполняют ли на местах революционные декреты. Он сообщает другу, что сила духовенства сломана декретом о переходе церковных земель в руки нации, феодальная аристократия почти уничтожена. Но «свободны ли мы»? Все окружающее дает основание сомневаться... Конституция полна недостатков, закон об активных гражданах—серьезное зло нового порядка. «Мне кажется,—продолжает он,—что народное представительство, основанное на указанной основе, может легко возвысить аристократию богатых над руинами феодальной аристократии».

В начале 1790 г. завязывается интересная переписка по вопросу о крестьянстве, о налогах феодальных повинностях, еще не уничтоженных Собранием. Главный контролер финансов M. Lambert сообщает Робеспьеру о том, что до него дошли сведения будто Максимилиан в письме к Moreau, канонику Парижа, брату пивовара из общины Long, распространял всяческую хулу на Главное Акцизное Управление и выступал против чиновников государства. Письмо это теперь распространяется открыто и возбуждает массы. Робеспьер в своем ответном письме категорически отрицает, что он—автор письма; он утверждает, что истинно народные представители не могут писать подобных писем, подстрекающих к смуте. Он не аристократ и, следовательно, не может предлагать сопротивление законному взиманию налогов. Спокойствие и порядок—таковы принципы друзей революции. Но клевета получила широкое распространение. Со всех сторон M. Робеспьера обвиняют в том, что он призывает не платить налоги, не выполнять повинностей, сохраненных законом. Об этом пишут ему неоднократно его друг Buissart и младший брат. В одном из писем весны 1790 г. (письмо без даты)

последний сообщает ему об организации филиала клуба общества Друзей Конституции и о пламени пожаров в деревнях округа. Огюстен сообщает брату, что до сих пор поджигатели не обнаружены, но—нет сомнения— в анархии виновны враги общественного блага. Максимилиан должен рассеять недоразумение или исправить ошибку, он не должен давать врагам революции возможности связать со своим именем анархию в деревнях. В июне 1790 года Робеспьер-младший снова предлагает брату раз'яснить крестьянам, что необходимо платить подати если не частным владельцам, то нации: надо сделать все, чтобы задержать распространение дурных примеров. Мы видели, что Максимилиан занимает в этом вопросе ясную позицию: он всецело разделяет мнение брата. В письме к Ш. Мишо (18 июня 1789) он доводит до его сведения, что деревенское самоуправление не может пока исполнять судебных функций; здесь сениоральные судьи сохранят свои полномочия до новой организации судебной власти.

Вопрос, который в эти годы занимает особо значительное место в переписке,—это закон об «активных и пассивных гражданах». Раз'ясняя патриотическому комитету Лилля (12 февраля 1790 г.) сущность понятия «прямой налог», он с горестью замечает: И мы вынуждены заниматься всем этим, вместо того, чтобы раз'яснять народу права справедливости, разума и человечности. Но все же вопрос этот занимает внимание Максимилиана. Он видит опасность победы буржуазной аристократии и ведет против нее решительную борьбу. На этой почве у него растут связи с революционными клубами в провинции. Со всех концов Франции патриоты пишут Робеспьеру о своей солидарности с ним. Патриотический клуб Тулона, муниципалитет Марселя, общество Друзей Конституции Версаля и т. д.—все истинные демократы видят в нем своего вождя. Муниципалитет Тулона сообщает Робеспьеру о пожаловании ему титула «Гражданина Тулона». Робеспьер заявляет в ответных письмах о том, что он берет на себя защиту прав революционного народа. Он отмечает огромное значение возникающего революционного самоуправления и самоорганизации на местах, он поощряет эту инициативу и ищет связи с патриотами (см. письмо тулонскому муниципалитету в июле 1791 г.). Письма 1790—91 г.г. особенно интересны именно с этой точки зрения: Робеспьер становится вождем революционной Франции. Мы оставляем в стороне первые письма К. Демулена, Сен-Жюста, Петиона к Робеспьеру, в которых завязаны были новые связи друзей революции в начальный период борьбы с победившей буржуазной аристократией. Для Сен-Жюста М. Робеспьер—непреодолимая преграда деспотизму и интриге; он приравнивает его к божеству за чудеса его деяний. Но он наивно спрашивает: почему города поглощают преимущества деревень, оставляя последним только налоги...

Обращает на себя внимание письмо M-me Ролан (27 сентября 1791 г.), в котором она преклоняется перед Макс. Робеспьером, как человеком энергии и принципов. Она отмечает, что победе народа на выборах препятствует система подкупов... Патриотам придется не мало трудиться, чтобы обеспечить победу революции.

Робеспьер в письмах 1790—91 г.г. неоднократно отмечает мобилизацию контрреволюционных сил (см. письмо 13 декабря 1790 г. Buissart'y); он упорно раз'ясняет всем, что борьба с неприсягнувшим духовенством не вопрос философии и религии, а политики. Следует покровительствовать всем культам, но не тем, которые об'являют войну инакомыслящим.

М. Робеспьер встретил Законодательное Собрание с большим сочувствием: его состав гарантирует ему, по его словам, революционную роль. Имя фельянов стало предметом насмешек. Но новое собрание не может не победить, чтобы ни говорили о нем... Спокойствие и надежды длились, однако, недолго. Переписка обнаруживает нарастание тревоги с декабря 1791 года. Младший брат пишет Максимилиану 15 декабря о том, что их общество Друзей Конституции считает «отечество в опасности» благодаря продолжающейся эмиграции. Якобинцы должны быть на-страже, опасность угрожает революции внутри страны и вне ее.

С декабря 1791 г. главный вопрос, занимающий братьев, это вопрос об об'явлении войны. Естественно, что он занимает огромное место в переписке, и нужно сказать, что мы из писем узнаем кое-что очень и очень интересное для решения вопроса о «виновниках войны» и об активной агитации якобинцев, главным образом Максимилиана Робеспьера, против войны. В письме к Gorsas'y от 30 марта 1792 года он заявляет, что в его выступлениях речь идет не вообще о войне и мире, а об о б'о р о н и т е л ь н о й или н а с т у п а т е л ь н о й в о й н е. Главная опасность в том, что внешняя война связана с г р а ж д а н с к о й в о й н о й внутри Франции. Воспользоваться разногласиями держав, избежать войны и гражданской смуты, покорить мирным (по возможности) путем контрреволюцию в стране — такова программа действий. В письме издателю «Courrier des 83 dèpartements», восстанавливая истинный смысл своей речи против войны в клубе Друзей Конституции, М. Робеспьер подчеркивает свое желание примирения с Бриссо, отмечает то, с чем он согласен и против чего он восстает. «Наш союз,—торжественно закончил Ребеспьер свою речь,— основан на священной почве патриотизма и добродетели; будем бороться, как свободные люди, энергично и с прямотой, если это необходимо, но сохраняя при этом уважение и дружбу.» В апреле к нему обращается с письмом Петион, настаивая на сохранении союза дружбы и об'единении сил. О том же пишет 17 июня 1792 г. Робеспьеру видный негоциант и член муниципалитета Монпелье. Он защищает Лафайета. Робеспьер в ответ на все настойчивые предложения примирения отвечает не без осторожности. Он упорно отклоняет приглашения M-me Ролан (см. письмо последней от 25 апреля 1792 г.) и в то же время в своих выступлениях и письмах энергично подчеркивает, что борьба за мир означает для него о т к а з от гражданской войны.

Интересно отношение к грядущей революции 10 августа. 20 июля в письме к Кутону Максимилиан говорит о приближении развязки конституционной драмы: революция должна широко развернуться, иначе ей угрожает гибель в об'ятиях военного деспотизма. Но в данной ситуации, по его словам, друзья свободы н е могут п р е д в и д е т ь и р у к о в о д и т ь

событиями. Спасение в общественном разуме народа Парижа и департаментов, в справедливости революционного дела. Ж. Мишон, автор примечаний и издатель переписки, обращает наше внимание на то, что письмо М. Робеспьера от 20 июля 1792 г. свидетельствует о том, что 10 августа не вызвано было манифестом герцога Брауншвейгского. Да, но это письмо свидетельствует также о том, что у Робеспьера не было достаточного доверия и веры в революционное движение масс накануне 10 августа, что он не считал возможным возглавить это движение. Непосредственно перед восстанием (письмо без даты) он пишет другу: Французские Бруты-федераты — в Париже. Если они уйдут и не спасут отечества, все потеряно... Надвигаются огромные события, их трудно даже характеризовать. «До свидания, возможно прощай!»

Вскоре после революции Робеспьер об‘являет о своем отказе возглавить уголовный трибунал, революционный суд секций. Он об‘ясняет свой отказ тем, что не желает судить своих врагов. Здесь проявились конституционные взгляды Робеспьера, его стремление в самые сложные моменты революции сохранить конституционные гарантии и в первую очередь соблюсти принцип разделения властей.

Переписка дает немало деталей для биографии М. Робеспьера в каждый данный этап революции. Вот интересное письмо Максимилиана к Верньо, Бриссо и Гадэ, где он обличает апеллянтов, желающих передать разрешение вопроса о казни короля на усмотрение аристократии, возможно и прусского короля. А главное: апеллянты отождествляют его, Робеспьера, с Маратом, но он ничего общего не имеет ни с Петионом, ни с Маратом, но хочет республики, основанной полезными законами и мудрой конституцией. Вот письмо Дантону, в связи со смертью его жены, где Маскимилиан заявляет, что он любит Дантона теперь более, чем когда-либо, и будет любить его до смерти. Робеспьер зовет Дантона к взаимной борьбе с тиранами...

Наступает решительный период борьбы с Жирондой. Уже в феврале 93 года письма отмечают рост активности и готовности к борьбе якобинской коалиции. В письме Buissart‘y от 21 февраля 1793 года Огюстен сетует на продовольственные беспорядки в столице. Но для него рост дороговизны и спекуляции—интрига контрреволюции. Подобными мерами хотят уничтожить якобинцев и раздавить Париж. 6 марта он отмечает рост влияния enragés и подчеркивает опасность «бешеных», влекущих революцию к дезорганизации. В апреле переписка выдвигает новые задачи якобинской политики: необходимо единство и чрезвычайные меры для спасения страны. Письмо Огюстена Buissart'y от 10 апреля 93 года интересно с точки зрения поисков якобинцами в тот момент блока всех революционных элементов в борьбе с Жирондой. «Мы можем спастись,—читаем мы в письме Огюстена,—лишь великим единством и чрезвычайными мерами». Осторожность и в то же время решительность необходимы потому, что «опасности всегда велики, наши силы разбросаны, и мы не знаем, какое сопротивление мы можем оказать многочисленным врагам революции». Необходимо якобинцам вести раз‘яснительную кампанию

в провинции. Франция не понимает истинных мотивов борьбы фракций в Конвенте. 22 апреля Огюстен в письме к Buissart'y об'ясняет ему, что речь идет не о личной склоке, а о столкновении «защитников священных прав нации, с одной стороны, и предательских проектов интриганов, губящих республику—с другой». Он думает, что поход Жиронды против Коммуны Парижа, против якобинцев, наконец, процесс Марата раскроют глаза друзьям революции, и они поймут, что на одной стороне—якобинцы и народ, а на другой—Дюмурье, интриганы и роялисты.

«Моральная революция» 31 мая 2 июня победила (см. письмо Робеспьера-младшего от 1 июня), что будут делать победители? Переписка ничего или почти ничего не дает нам для понимания событий «переходного периода» революции, июня—июля 1793 года. В письме Огюстена от 5 июля мы читаем, что сама по себе конституция не спасет революцию, не сделает народ счастливым и свободным, необходимы еще гражданский кодекс и народное образование...

В середине июля в Париже начались серьезные продовольственные беспорядки: спекуляция растет. Робеспьер-младший отмечает эти новые опасности революции в письме от 14 июля. В этом же письме он сообщает Buissart'y об убийстве Марата, о предательстве Кюстина. Все это может, замечает он, послужить причиной нового восстания. Опасность велика... На завтра в новом письме Buissart'y Огюстен торжествует: ничего чрезвычайного не случилось. Опасность миновала. В конце концов, смерть Марата будет полезна республике, благодаря обстоятельствам, которыми она сопровождалась. Обстоятельства его смерти, его челоколюбие в отношении Ш. Кордэ дают возможность «демаратизировать Марата» и открыть народу глаза на тех, кто жаждет крови. «Усердные, но малосознательные граждане в настоящий момент,—пишет Огюстен,—солидарны с заговорщиками для пантеизации Марата». Это письмо, таким образом, подтверждает наше мнение об отношении робеспьеристов к Марату [1]). Очевидно, что Огюстен высказал в этом случае общее мнение своих друзей и в первую очередь Максимилиана Робеспьера.

20 июля Огюстен с торжеством сообщает Buissart'y, что, наконец, достигнута окончательная победа над бунтовщиками... Ни страх перед голодом, ни дороговизна, ни смерть Марата,—ничто не могло поколебать революцию. Конвент занят теперь рассмотрением законов против спекуляции, и будем надеяться, пишет Робеспьер-младший, что еще немного терпения и спокойствия и республика окончательно восторжествует.

М. Робеспьер возглавил революционное правительство; Огюстен был отправлен к итальянской армии. Переписка изменяет свой характер. Письма просителей, советчиков теперь особенно многочисленны, переписка между братьями и друзьями доведена до минимума. Почти исчезли письма к другу Buissart'y. Большинство писем—сообщения Огюстена из армии или предписания Комитета Общественного Спасения, составленные М. Робеспьером. Но

---

[1]) См. нашу статью „Классовая борьба в июне—июле 1793 года“ в журнале „Историк-Марксист“, кн. I—II.

историческое значение этих писем не уменьшается. Деятельность Робеспьера развернулась среди огромных опасностей. В своем донесении Комитету Общественного Спасения Огюстен, представитель при итальянской армии, подчеркивает необходимость избежать Сциллы и Харибды революции: следует не приостанавливать и не подстегивать пылкость республиканцев в столь критический для революции момент. Письма Огюстена за август—сентябрь 93 года настойчиво требуют принятия энергичных мер против enragés, против секционеров, попавших под влияние крайних. Но часть якобинцев настаивает на принятии решительных мер. Один из них, Jullien, активный корреспондент Максимилиана, в письме от 1 октября 1793 года требует принятия ряда решительных революционных мер: надо санкюлотам дать почувствовать, что они не напрасно боролись и победили. Jullien предлагает принять меры для распространения народных обществ и изгнания из клубов богатых.

Макс. Робеспьер, глава революционного правительства, несет теперь ответственность за Францию, он выслушивает советы, но принимает лишь целесообразные решения. В обращении Ком. Общ. Спасения к Изабо, представителю в армии Зап. Пиринеев, и Тальену, уполномоченному Конвента, в ряде департаментов от 13 октября 93 года перу Робеспьера принадлежит примечание: «Наказывайте беспощадно и решительно предателей, роялистов, особенно вождей и главных агентов жирондистских и контрреволюционных интриг»...—Только отсутствием колебаний и революционной твердостью можно победить. Но в то же время в письме к Dumont'у Робеспьер от имени Комитета предлагает не давать врагам лишних мотивов для контрреволюционной деятельности особенно в вопросах религиозных. Надо преследовать неприсягнувших священников или предателей, но не следует об'являть гонение на духовенство, как таковое.

В конце 1793 года Макс. Робеспьер пытается сохранить «в чистом виде» свою борьбу с левыми и правыми. Каков социальный состав тех, с кем приходится бороться в это время революционному правительству? Среди писем имеется одно, которое дает кое-что интересное и по этому вопросу. 4 ноября 1793 г. Комитет Общественного Спасения сообщает A. Dumont'у о предполагаемом заговоре в его департаменте. Здесь же сообщается и список предполагаемых участников заговора: администратор дистрикта, два сельских хозяина, бывший дворянин, спекулянт, procureur-syndic, слуга, бывший маркиз, торговец вином. Пестрый состав заговорщиков в данном случае удачно вскрывает социальный состав того контрреволюционного блока, который, в дальнейшем расширяясь, привел революционную диктатуру к гибели.

В ноябре 1793 г. Макс. Робеспьер пишет от имени Комитета Общественного Спасения обращение к народным обществам. Он предлагает им взять на себя великую задачу нового воспитания, но при этом во чтобы то ни стало избежать насилия в борьбе с «пережитками прошлого». «Проникнитесь той истиной, что нельзя командовать над сознанием», замечает он. Пережитки прошлого, предрассудки могут быть излечены, но их нельзя лечить насилием... Гораздо более серьезная опасность, однако, грозит

революции, благодаря тому, что нет необходимых средств для пропитания городов и армии. Огюстен в брюмере II года пишет Комитету из Ниццы о том, что общины департамента Альп гибнут, что итальянская армия не имеет продовольствия, что достать хлеб можно только реквизацией и что бессистемность последней серьезно подрывает ресурсы. Сделано все, чтобы получить иностранный хлеб. Но пока это не дало результатов. Что же делать? Огюстен развертывает в письме программу завоевательной войны. На территории Женевы, в Ломбардии значительные богатства. Прорваться туда, значит, обеспечить армию и республику... Но выполнима ли эта программа завоеваний?

Фор из Нанси 16 фримера II года жалуется Робеспьеру на реквизиции и бесчинства армии... О том же пишут Максимилиану анонимы. Комитет в письме Hentz'у, уполномоченному при северной армии, снова и снова напоминает на необходимость сопротивления модерантизму и «бешеным». Переписка прекрасно иллюстрирует то положение, что сохранить социальное равновесие Робеспьеру, революционному правительству, не удавалось, и в этом была трагичность их положения. Вот два письма от 24 фримера II года: одно принадлежит Леба и Сен-Жюсту, другое—Jérôme'у Gillet. В первом мы читаем: «Фабриканты не являются патриотами, они не желают работать, их следует к этому принудить». Во втором письме сказано: «Деревни не принимаются в счет, сельское хозяйство и торговля в плачевном состоянии», необходимо об'явить свободу культов.

Революция приближалась к тупику. Jullien в письме к Робеспьеру от 5 нивоза II года сообщает из Lorient'a о начавшемся бунте: причиной бунта послужил скверный хлеб. Мюскадены под маской рабочих вносят анархию, не желают возвращаться на работу и говорят о том, что известия о победах только басни. В такой обстановке можно ожидать всяческих сюрпризов. Робеспьер пишет Сен-Жюсту и Леба 9 нивоза II года: «Я боюсь, что среди наших успехов и накануне решительной победы могут обнаружиться печальные последствия какой-либо мерзкой интриги».

В какую сторону обратить террор? Переписка показывает, что справа и слева производилось серьезное давление на М. Робеспьера. Мы писали об этом выше. Здесь еще несколько примеров: в них особый интерес переписки. 10 нивоза II года Годефруа жалуется, что Комитеты не изгнали из своей среды атеистов, всех тех, кто об'являет войну религии. Он снова требует свободы культов и умеренности. 19 нивоза Jullien пишет Робеспьеру, что основное зло в модерантизме и дороговизне. Он предлагает послать агентов в департаменты для *учета* и выяснения на местах состояния производства и потребления: тогда только легко будет обеспечить страну продовольствием. Эта идея о *регулировании хозяйства* государством повторяется несколько раз в письмах корреспондентов Максимилиана.

Генерал Диеш из Страсбурга пишет Робеспьеру о положении города: «Аристократы задрали носы; ассигнации падают; цены на хлеб растут»., необходимо принять срочные революционные меры (28 нивоза II года). О том же пишет Jullien 10 плювиоза из Нанта. В дистрикте Morbihan, как и повсюду, господствует фанатизм и модерантизм, революционные

законы не исполняются, как будто бы не было никогда революции; ассигнации отвергаются; ажиотаж распространился и в деревнях. Jullien, со своей стороны, делает все, чтобы помочь беде мирными средствами, но их недостаточно. Он предлагает Парижу организовать обмен гражданами с провинцией. Провинциалы в Париже революционизируются, парижане на местах организуют и распространят революционные идеи. 14 плювиоза Buissart обращается к Робеспьеру из Арраса с одобрением мер Лебона по изгнанию всех бывших дворян и священников из народных обществ и из рядов администрации. Он обращает внимание своего друга на то, что подчинение максимуму делает республиканцев жертвами окружающих общин, не желающих ему подчиняться. Необходимо уничтожить аристократию меркантилизма, заявляет Buissart. Только коммуны совместно с комитетом средств существования и обмена единственно должны вести торговлю... Таков один из проектов «национализации торговли», который не был принят Робеспьером.

Характерно, что в тягчайшие месяцы революции многие бывшие фельяны и конституционалисты заявляют о своем согласии работать с Робеспьером. Любопытно в этом отношении письмо депутата Конституанты Ле-Шапелье. Последний заявляет, что хотя он не всегда и не во всем согласен с Робеспьером, он любит, как и последний, республику. Шапелье считает, что всякий друг свободы должен ее поддержать. Мы находим в сборнике ряд подобных писем. Они приобретают особый интерес, если мы вспомним колебание робеспьеристской политики в последние месяцы господства революционного правительства.

Необходимость борьбы с крайностями особенно занимает Робеспьера-младшего. В своем письме брату от 3 вентоза II года он в ответ на клеветнические обвинения заявляет: «Необходимо воспитать народ, но не деморализовать его». По его словам, стремление нивелировать все—самая опасная система для революции. Если не будут приняты предупредительные меры, все будет дезорганизовано. В письме из Лиона (Commune Affranchie, 6 вентоза II года) Огюстен указывает на необходимость позаботиться о снабжении голодающих общин продовольствием. Он требует принятия решительных мер, чтобы уничтожить препятствия для свободы обмена между отдельными департаментами. Разрушение хозяйства, отмечает Огюстен, зашло так далеко, что хлеб из богатых районов не может быть доставлен в нуждающиеся департаменты. Он в письме к Максимилиану с тревогой отмечает рост врагов народа, скрывающихся под маской революционеров. Робеспьер-младший, со своей стороны, ведет жестокую борьбу с подобным лицемерием и потому особенно решительно возражает против преследования культа, против всего того, что может «вандеизировать» департаменты (письмо Комитету Общественного Спасения от 6 жерминаля II года).

В жерминале переписка отмечает новый взрыв продовольственных беспорядков (письмо от 3 жерминаля). Но с падением эбертистов начинается наступление на дантонистов. Огюстен в письме своему брату от 16 жерминаля указывает, что собственно не Эбер, а «les deux gros D. et D.» (Дантон и Делакруа) Национального Конвента возглавляют контрреволю-

ционный заговор. И в том же письме он указывает на то, что «революционная армия» неизбежно должна превратиться в контрреволюционную армию. Эта армия, естественно изолирована от общественного контроля, она опасна для революции. Но ее трудно в данный момент распустить. Что делать? Максимилиан просил еще раньше своего брата указать ему новых людей, патриотов, которых он встречал в своих командировках, чтобы заменить ими ушедших или уходящих. Но с грустью Огюстен отмечает, что их нет или их очень мало. Ряд патриотов излишне радикален. Их поведение свидетельствует о том, что они революцию понимают, как право делать все по своему желанию, не признавая ограничений. Среди патриотов, которых Огюстен рекомендует своему брату, мы находим гражданина Буонапарта, уроженца Корсики...

Наступил прериаль II года. Контрреволюция выросла и окрепла. От имени Комитета Общественного Спасения Робеспьер извещает Сен-Жюста о продовольственных беспорядках в столице, о бунтах в тюрьмах, о попытках террора против отдельных членов Комитета. Письмо предупреждает Сен-Жюста о возможном выступлении аристократии против свободы. И снова переписка свидетельствует об усилении умеренных, о росте модерантизма в это время. Фор предлагает Робеспьеру об'явить всеобщую амнистию; Gadillot обращает его внимание на то, что виноторговля, как и индустрия, на юге приостановились. Последний предлагает об'явить вне закона больших преступников и амнистировать массу мелких преступников. Много интересного мы находим в письме агента Комитета Общественного Безопасности Merouze о положении дел в его округе (письмо второй декады мессидора II года). Merouze отмечает рост спекуляции. Буржуазию интересует только мир, пишет он, потому что на завтра после окончания войны начнется оживление торговли. Негоцианты думают только о своих барышах, закон о максимуме не выполняется. В деревнях царствует фанатизм; священники пользуются своим влиянием, чтобы подчинить себе темных крестьян. Он тут же отмечает, что земледельцы игнорируют закон об обработке пустующих земель, потому что боятся реквизиции их урожая... Но все это особенно опасно, добавляет Merouze, потому, что негоцианты публично заявляют: «мы являемся знатью» и требуют «мира», чтобы господствовать, благодаря своим богатствам.

На этом кончается переписка. Дальнейшие письма вплоть до 5 термидора не представляют особенного интереса.

Мы отнюдь не исчерпали богатств сборника, составленного Ж. Мишоном. Нам пришлось оставить в стороне интересные письма термидорианцев, коленопреклоненных перед Робеспьером, и десятки писем благодарных граждан, спасенных Робеспьером. Нас мало интересовал вопрос о реабилитации Максимилиана Робеспьера от контрреволюционных обвинений. Стоит только разве из серии писем биографического характера обратить внимание читателей на характеристику Шарлотты Робеспьер, данную Огюстеном в письме к брату в прериале II года. Эта ничтожная сестра великих братьев пыталась потом эксплоатировать память последних, не

брезгуя пенсией императора. Огюстен утверждает, что Шарлотта своим поведением их дискредитирует, что против нее необходимо принять решительные меры...

Но переписка, как мы видели, имеет не только биографическое значение. Эти документы имеют большое историческое значение. Перед ними отражена этап за этапом бурная эпоха революции. Конституционалист-демократ вначале революции, Максимилиан Робеспьер, спустя несколько месяцев, начинает ожесточенную войну с буржуазной олигархией. Он продолжает ее, об'единяя вокруг себя решительных демократов во всех углах Франции, и возглавляет их в борьбе с монархией вплоть до 10 августа. Переписка отмечает здесь две характерные особенности деятельности братьев: чрезвычайную осторожность в вопросах экономических, согласие примириться с постепенным конституционным разрешением крестьянского вопроса и недоверие или, вернее, сугубую осторожность в оценке стихийного революционного движения масс.

В эпоху Конвента личное обаяние Максимилиана выросло, он стал общепризнанным главой революции. В борьбе за демократию Робеспьер ищет союза всех последовательно-республиканских элементов для борьбы с Жирондой, но в то же время устами Огюстена предупреждает от увлечения крайностями. Как характерно это стремление «демаратизировать» революцию! Робеспьеристы побеждают. И переписка дает нам огромный материал для оценки того классового давления, которое оказывали на Робеспьера и «справа» и «слева». Он ищет социального равновесия. Твердой рукой направляя корабль революции, Робеспьер видит свою главную заботу в обеспечении нормального хода буржуазного общества и дальнейшего успешного капиталистического накопления и одновременно охраны интересов мелкого люда. Но это ему не удается. Углубление социальных противоречий, обнищание масс и обогащение «новой знати»—решающие препятствия его политики. И переписка, блестяще иллюстрируя эту Сциллу и Харибду революции, вместе с тем дает указание на крутой поворот робеспьеризма вправо: с весны 1794 года имущая часть мелкой буржуазии, которая в феврале 1793 г. взяла на себя инициативу блока с народными трудящимися массами, ищет теперь союза с окрепшей торгово-промышленной буржуазией Франции против крайностей слева. Но зачем нужен был мелкобуржуазный революционер и демократ-республиканец буржуазии после победы революции, тем более, что честь и нравственность были знаменем Робеспьера? Не характерно ли, что в письмах Робеспьера и его младшего брата мы не находим проектов и предложений экономических мероприятий, которые не совпадали бы с обычной буржуазной программой эпохи?

Переписка братьев дает богатейший материал не только для реабилитации Максимилиана и Огюстена, но и для выяснения исторической трагедии робеспьеризма.

И. Игнатович

Месячина в России в первой половине XIX века

Развитие помещичьего хозяйства приводило в первой половине XIX века к целому ряду отрицательных явлений в жизни крепостного населения. Одним из таких явлений было образование земледельческого крепостного пролетариата, известного под названием месячников. Эта группа крепостных не вела собственного земледельческого хозяйства и была занята исключительно или почти исключительно в помещичьем хозяйстве, получая от помещиков в том или другом виде готовое содержание и постоянно работая на них.

Развитие месячничества стояло в тесной связи с развитием хлебной торговли[1]).

Вследствие близости портов помещичьи имения южных губерний захватывались в торговый хлебооборот, и они начали усиленно производить род хлеба, наиболее требуемый и наилучше оплачиваемый на ближайших к ним рынках, т.-е. пшеницу. Слабая населенность южных губерний, ничтожное количество крепостных при благоприятных условиях сбыта хлеба на рынке—заставляли помещиков усиленно применять барщину, прибегать к месячничеству, пользоваться, где и как возможно, наемным трудом, вообще всяческими способами увеличивать количество труда для наибольшей эксплоатации своих земель. Поэтому a priori можно сказать, что в этих «экспортных» губерниях месячничество должно получить сильное развитие.

Система месячничества, т.-е. обращение крепостных в постоянных безземельных земледельческих рабочих, имела ряд достоинств с точки зрения интересов помещиков. Сокращение крестьянской надельной земли делало возможным увеличение господской запашки в малоземельных местностях. В то же время можно было сократить и регулировать расходы на рабочую

---

[1]) М. Н. Покровский ставит развитие месячничества в связь вообще со стремлением помещиков по тем же причинам возможно интенсивнее использовать барщинный труд и землю (Покровский—„Очерки истории русской культуры", ч. I, стр. 115—116).

Н. Рожков также определенно ставит это явление, т.-е. обращение части крепостных в сельскохозяйственных рабочих, в связь с вовлечением помещичьего хозяйства в торговый оборот (Рожков—„Город и деревня в русской истории", Петроград, 1919 г., стр. 96—97). Огановский выделяет помещичьи хозяйства, применявшие труд месячников, в особый тип плантаторских хозяйств и ставит возникновение их также в связь с развитием товарного помещичьего хозяйства (Огановский—„Закономерность аграрной эволюции", т. I, стр. 299).

силу при большем надзоре за рабочими. В местностях, где чувствовался недостаток рабочей силы, крайне важна была возможность иметь постоянных рабочих в горячую рабочую пору в полном своем распоряжении, увеличивая до maximum'а как рабочую силу, так и рабочее время. Конечно, месячничество имело для помещичьего хозяйства и теневые стороны. Не говоря уже о малой интенсивности подневольного труда, что было общим больным местом в хозяйствах, основанных на крепостном труде, помещикам приходилось содержать месячников и их семейства круглый год, что не совпадало с временем сельскохозяйственного производства. С другой стороны, приходилось затрачивать капитал на орудия производства, на живой и мертвый инвентарь в виде скота и земледельческих орудий; при барщинной же системе, как известно, помещичья запашка обрабатывалась крестьянским скотом и крестьянскими земледельческими орудиями. При обращении крестьян в земледельческий крепостной пролетариат уничтожалась крайне важная для помещичьего хозяйства подводная повинность, которой при плохих путях сообщения и отсутствии железных дорог разрешался один из важнейших вопросов помещичьего хозяйства — вопрос о доставке сельскохозяйственных продуктов на рынок. Наконец, немалым препятствием для распространения этой системы служило и отношение к ней как самих крестьян, так отчасти и правительства.

Если на месячничество у мелких земле- и душевладельцев, у которых было мало земли и менее 20 душ, правительство склонно было смотреть сквозь пальцы, как на неизбежное зло, то не так снисходительно относилось оно к обезземелению крестьян и переводу их на месячину средними и крупными помещиками. В своих предположениях об устройстве мелкопоместных имений, где обезземеление и обращение крестьян в батраков было нередким явлением, министр внутренних дел Ланской полагал нужным давать им пособие при немедленном освобождении безземельных крестьян, но не допускать этого по отношению к «немелкопоместным владельцам, которые отняли земли у своих крестьян и обратили их в батраки». Обнаружение месячничества у ставропольских помещиков Гриэльской и Майвалдова накануне крестьянской реформы, как увидим ниже, повлекло за собою предание их уголовному суду.

Ответственность за продовольствие крепостных, налагаемая правительством на помещиков, также сильно стесняла последних в их отношениях к месячникам. Казалось бы, в случае забастовки таких рабочих помещику достаточно было бы лишить их содержания, и голод заставил бы месячников смириться. Но как раз в этом отношении помещики оказывались в худшем положении, чем предприниматели, имевшие дело с вольнонаемными рабочими. По закону помещик был обязан не допускать крепостных до нищенства и заботиться об их пропитании. Если помещик отказывался продовольствовать забастовавших месячников, его к тому администрация принуждала или продовольствовала сама за счет помещиков. Так было с помещиком Гриэльским в Ставропольской губ. Вольных батраков помещик мог прогнать, но по отношению к своим крепостным он этого не мог сделать, ибо это квалифицировалось бы администрацией, как злоупотребление

помещичьей властью. Освободить таких «забастовщиков» также было невозможно, ибо требовало соблюдения ряда формальностей. Помимо этого, при недостатке вольных рабочих, можно было остаться без всяких рабочих рук.

Немало затрудняли помещиков и волнения крестьян, с ненавистью относившихся к обезземелению и переводу на месячину. Это знаменовало для них усиление, как экономической, так и всякой другой зависимости от помещика, увеличение надзора за ними со стороны последнего, увеличение рабочего времени, рабское существование, подневольную работу изо дня в день без просвета впереди. Крестьяне реагировали на эту систему всеми возможными для них средствами. Они слали жалобы начальству на усиленную эксплоатацию и обезземеление; они устраивали забастовки, возбуждали иски о воле и настойчиво вели их, как бы юридически они ни были безнадежны; они бежали от помещиков, если было возможно, и т. д.. Все это нарушало непрерывность и безответственность повиновения крепостных, без чего невозможно было правильное ведение помещичьего хозяйства.

В виду такого значения месячничества в истории помещичьего хозяйства и в истории трудящихся было бы важно выяснить степень развития этого явления и количество земледельческого пролетариата среди крепостных.

Это явление отмечалось современниками уже в XVIII веке. Так, Радищев в своем «Путешествии»... описал помещика, который отнял от крестьян землю, скупил скот по произвольной цене и заставлял их всю неделю работать на барщине; кормил он крестьян частью на господском дворе, частью выдавал месячину. Другой помещик, также обезземеливший крестьян и переведший их на постоянную барщину, месячину выдавал только семейным, а холостых кормил на дворе. О том же явлении говорит и Рычков, называя таких помещиков «строгими»; о существовании помещиков, обезземеливавших крестьян, говорит и Екатерина II в своих примечаниях на книгу Радищева [1]. В. И. Семевский сделал даже попытку подсчитать приблизительное количество таких месячников в XVIII веке. Таких дворовых, о которых в «Экономических примечаниях» по двадцати губерниям Великороссии прямо сказано, что они состоят «на издельи», «на пашне» или «обрабатывают землю», нашлось только 963 души в 41 даче (23 на 1 дачу [2]). Это, конечно, ничтожное количество для всей Великороссии, и недаром Рычков говорит о таких «строгих» помещиках в тоне исключительности их, а Радищев прямо считал месячничество злоупотреблением помещичьей властью. По утверждению В. И. Семевского, «вообще обезземеление крестьян было тогда в Великороссии очень редким явле-

---

[1]) В. И. Семевский. „Крестьяне при имп. Екатерине II", т. I, изд. II, стр. 43.

[2]) В общем количестве населенных дач В. И. Семевскому удалось отметить 108 дач, где находились о д н и т о л ь к о д в о р о в ы е в количестве 1675 д. м. п., но, конечно, нельзя считать, чтобы эти 1675 душ были все месячниками, т.-е. интересующими нас земледельческими постоянными крепостными рабочими на господском содержании; часть из них были, конечно, дворовыми в прямом смысле этого слова (В. И. Семевский. Кр. при Екатерине II, т. I, стр. 44).

нием»[1]). В XIX веке месячничество, несомненно, развивалось, хотя и накануне крестьянской реформы о нем говорили, как о злоупотреблении, а обнаружение такой системы хозяйства навлекало неприятности на помещика, применявшего ее.

К сожалению, приходится сознаться, что и в XIX веке чрезвычайно трудно выяснить степень развития месячничества, а тем более его эволюцию. Несмотря на всю важность и интерес этих вопросов, вряд ли они могут быть разрешены когда-либо за неимением статистических данных, пригодных для их разрешения. При ревизиях отмечались лишь крестьяне и дворовые, при чем месячники иногда записывались дворовыми, иногда продолжали носить название крестьян. Выделить таких месячников из группы крестьян мы не имеем возможности. Нельзя также выделить месячников и из группы дворовых, ибо на ряду с земледельческими рабочими немало было дворовых, занятых в домашнем хозяйстве, отхожими промыслами, фабричнозаводскими работами и т. д. Были и такие дворовые, которые по существу—по наделению землею и по повинностям—не отличались от крестьян. Поэтому рост числа дворовых может лишь косвенно указывать на рост месячничества.

Сведения об имениях, доставленные самими помещиками в губернские дворянские комитеты в 1858 г., также не дают нам интересующих нас сведений. Правда, в описании имений, в которых было более 100 душ[2]), в значительном количестве имений отмечены крестьяне «на дворовом положении», «на господском содержании», «при особых должностях» и пр. Если не все, то значительная часть таких крестьян были, конечно, месячниками. От причисления таких крестьян к дворовым % последних в ряде губерний значительно повышается[3]). К таким губерниям относятся: Харьковская, Самарская, Воронежская, Тульская, Новгородская, Тверская, Псковская и Вологодская. Таких крестьян («на дворовом положении», «господском содержании» и т. п.) в имениях, имевших более 100 душ, больше всего отмечено в губерниях Харьковской (4,67% крепостных), Воронежской (2,92%), Новгородской (1.56%, Тверской (1,48%). Но сведения, доставлявшиеся в губернские комитеты о помещичьих имениях, отличаются вообще случайным, неточным характером, и их никак нельзя считать исчерпывающими и полными. Можно сказать с уверенностью, что действительное количество подобных крестьян было больше, чем то явствует из «Описания имений» в «Приложениях» к «Трудам Редакционных Комиссий».

Не забудем при этом, что часть таких крестьян, особенно состоящих на дворовом положении, могла быть в действительности оторванной от земледелия; часть же, состоящая, например, «при особых должностях», как бурмистры, старшины, старосты, фактически большею частью не отрывались от земледелия и имели собственное крестьянское хозяйство. По ведомости, приложенной к проекту освобождения крестьян Ставропольского

[1]) Ibid., стр. 44.

[2]) „Извлечения из описаний имений, имеющих более 100 душ". Приложения к „Материалам Ред. Комиссий", т. I—VI.

[3]) Н. Игнатович. „Помещичьи крестьяне накануне освобождения", изд. III, стр. 251.

губернского комитета, видно, что у помещиков Ставропольской губернии «в должностях» числилось 519 крестьян-дворовых, что составляло 6,7% крепостных. Из этих 519 человек 163, или 31%, оказывали личные услуги помещикам; 272, или 53%, были заняты в помещичьем хозяйстве и, наконец, 77, или 15%, входили в администрацию имения. Таким образом, большая половина этих крестьян и дворовых обслуживала потребности помещичьего хозяйства (главным образом скотоводство и садоводство). Характерно, что месячников в этих сведениях не помечено, между тем как мы имеем определенные указания [1], что в Ставропольской губернии они были в значительном количестве.

Относительно мелкопоместных дворян и цифры и показания современников определенно говорят о наличности среди их крестьян большого числа безземельных, и в том числе месячников. По сведениям министерства внутренних дел, собранным в конце 50 г.г. XIX века, в имениях мелкопоместных владельцев, в которых было менее 20 рев. душ, а всего земли (господской и крестьянской) менее 4½ десятин на душу, из 60.282 рев. душ, имевшихся в них по 10 ревизий, 25.405 душ (42,1%) жили в виде дворовых или батраков в господских строениях, не имея земли, и 4.215 (7%) рев. душ были также безземельными, но имели дома. Таким образом, безземельными была половина (49,1%) крепостных таких мелкопоместных дворян. В отдельных же губерниях процент таких крестьян был еще выше. В Курской губернии, например, все крепостные таких помещиков были безземельными и жили в виде дворовых или батраков в господских строениях; в Черниговской губернии батраков в таких имениях было 73,7%, в Воронежской губернии—62,8%, в Рязанской—50,8%, в Орловской—50%, в Полтавской—48,7%. Из этих губерний в Полтавской губернии в таких имениях наделено землею было только 7% крепостных, в Черниговской губернии—только 15% [2]) и т. д.

Впрочем, если группа крестьян, принадлежавших мелкопоместным помещикам, ясно обнаруживает громадное количество безземельных (почти половина), живущих батраками в господских строениях или особых домах, то нельзя забывать, что в руках этих помещиков находилось сравнительно ничтожное количество крестьян: по 10 ревизии у помещиков, имеющих менее 20 душ, было лишь 3,1% всех крепостных. Предполагая даже, что во всей этой группе крепостных было то же отношение безземельных к наделенным землею, как и в вышеуказанной группе мелкопоместных помещиков, имевших менее 4½ десятин (господской и крестьянской) земли на душу, то и тогда безземельных батраков было не более 42,1%, что составляет $1^1/_8$% всех крепостных по 10 ревизии, а всех безземельных — не более 49,1% всех ревизских душ в этой группе, что составляет около 1½% всех крепостных по 10 ревизии.

---

[1]) О них см. выше.

[2]) Все процентные вычисления сделаны на основании „Ведомости о положении имений мелкопоместных владельцев . . . “, помещенной у Скребицкого „Крестьянское дело в царствование имп. Александра II“, т. IV, стр. 1252 — 1258.

О большом количестве земледельческого пролетариата в мелких имениях свидетельствуют и современники. Так, по указанию Я. Соловьева в Смоленской губернии месячина встречалась в мелкопоместных имениях, где было менее 20 душ. В более крупных имениях на месячину поступали исключительно ленивые, не умеющие вести свое хозяйство»[1]).

Как редкие случаи, перевод на месячину встречался по указанию Преображенского и в Тверской губернии, как наказание за нерадивость, неумение поправить свое хозяйство, несмотря на помощь помещика[2]).

Повалишин сделал попытку подсчитать количество месячников в Рязанской губернии, принимая, подобно В. И. Семевскому, имения с одними дворовыми (без крестьян) за имения с месячниками. По ревизии 1833 года оказалось 1.570 таких имений с 7.641 дворовыми, или 1,92% всех крепостных в губернии; по ревизии 1850 года было 1.100 имений с 5.571 дворовыми (1,40%); и по ревизии 1857 года—1.225 имений с 6.886 дворовыми (1, 74%). Таким образом, между 8 и 9 ревизиями количество таких месячников уменьшилось и абсолютно, и относительно; к 1857 году оно, правда, опять повысилось, но такое повышение могло быть следствием усиленного перевода при ревизии крестьян в дворовые под влиянием слухов о грядущем земельном освобождении крестьян. Если мы обратим внимание на число душ в таких имениях, то увидим, что в них было не более 5 душ в каждом. При таком количестве душ помещики мало чем отличались от крестьян и нередко сами работали по хозяйству на ряду с крепостными для увеличения рабочей силы. Повидимому, именно об этой группе помещиков говорил Заблоцкий-Десятовский, указывая, что «Рязанская губерния особенно замечательна множеством мелкопоместных владельцев; у тех, которые обрабатывают землю лично, крестьяне живут вместе с помещиками, мало от них отличаясь. Но имеющие несколько десятков душ большею частью обременяют крестьян, переводя их часто на месячину»[3]). Сколько крестьян-месячников было у последних помещиков, неизвестно, ибо, судя по среднему количеству дворовых на одно имение, месячники таких помещиков если и попали в подсчет Повалишина, то в небольшом количестве. Во всяком случае, месячничество, судя по свидетельству Заблоцкого-Десятовского, было заметным явлением в Рязанской губернии и наблюдалось главным образом, если не исключительно, в мелких имениях.

Костромской дворянский губернский комитет, делая при выработке проекта освобождения крестьян предположения о вознаграждении мелкопоместных дворян, различал в Костромской губернии между мелкими помещиками одних, у которых крестьяне жили отдельно от помещиков и имели достаточно земли, от тех, у которых 1—2 двора крестьян были поселены отдельно, а остальные жили в виде батраков в одном доме с помещиками, и таких, наконец, у которых все крестьяне жили в виде батраков без собственного хозяйства в одном доме с владельцем[4]). Нужно сказать,

[1]) Я. Соловьев. „Сельскохозяйств. статистика", стр. 195.
[2]) Преображенский. „Описание Тверск. губ.", стр. 82 — 83.
[3]) Заблоцкий-Десятовский. „Граф Киселев и его время", IV, стр. 279.
[4]) Скребицкий. „Крестьянское дело в царств. имп. Александра II", IV, стр. 558 — 559.

впрочем, что по сведениям министерства внутренних дел безземельных крепостных в подобных имениях Костромской губернии было только около 20%[1]).

Не имея возможности выяснить количество месячников, как таковых, во всех имениях, было бы важно выяснить количество безземельных, в числе которых были и месячники. Группа безземельных включает в себя не только месячников, но и безземельных оброчных крестьян, безземельных, работавших на помещика из доли урожая, месячников фабрично-заводских; наконец, в число безземельных приходится зачислять и дворовых, состав которых сам по себе был также крайне разнообразен.

Относительно Великороссии мы не имеем таких данных, но, несомненно, и здесь развивалось обезземеление крестьян. Правда, по свидетельству Редакционных Комиссий, месячина была здесь редким явлением. Но количество дворовых, как увидим выше, увеличивалось здесь в ряде губерний. Не забудем также образование в XIX веке особой группы затяглых крестьян, т.-е. таких, которых помещики уже не наделяли землею. Затяглые образовывались в таких имениях, где помещик считал невозможным увеличивать количество крестьянской земли, а душевой надел был ограничен в своем размере до minimum'а, а потому дальнейшего дробления его при переделах помещик не желал допускать. Поэтому по мере роста населения росло количество таких крестьян, которые земли не получали ни от помещика путем прирезки земли, ни от крестьянского мира путем передела земли и отпускались обыкновенно на оброк. Затяглые были заметным явлением в такой малоземельной губернии, как Курская, но подсчитать их число невозможно.

В Малороссии же, по свидетельству тех же Редакционных Комиссий, обезземеление производилось в больших размерах[2]). Мы знаем, что в Черниговской губернии «всех дворовых людей и крестьян, не имеющих ни земли, ни усадьбы, а живущих при помещичьих дворах и имениях», было 33.444 души мужского пола, или 24% всех крепостных; в Полтавской губ. «дворовой прислуги и крестьян, живущих в избах при господских домах», было 24.940 душ мужского пола, или 15%; в Харьковской губернии дворовых людей и крестьян, состоявших на дворовом положении, было 53.534 души мужского пола, или 24%, помимо крестьян, наделенных лишь усадьбою и огородами (огородников), составлявших 4% в Черниговской губернии и 32% в Полтавской губернии[3]). Пахотной и сенокосной землей, таким образом, в Полтавской губернии не пользовалось около половины крепостного населения, в Черниговской—около трети и в Харьковской—почти четверть. В некоторых уездах количество безземельных было еще больше. Так, в Константиноградском уезде безземельные относились к числу наделенных землею, как 2 : 1; в Зеньковском уезде, по свидетельству земского исправника, крестьяне, за исключением небольшого количества имеющих рабочий скот в некоторых больших экономиях, совсем не имели определенного и

[1]) Ibid., IV, стр. 1254.
[2]) Скребицкий, II, стр. 1072.
[3]) Игнатович. „Пом. крестьяне накануне освобождения". Изд. III, стр. 192 — 193.

постоянного надела пахотной земли [1]). В числе таких безземельных была часть дворовых, часть месячников в указанном нами смысле, часть деревенского пролетариата, работавшего на помещика из той или другой доли урожая. По указанию хозяйственного отделения Редакционных Комиссий в Черниговской и Полтавской губернии «нет почти ни одного имения, в котором бы все крестьяне были наделены землею» [2]). Даже в более крупных имениях, где было более 100 душ, безземельные встречались в большей или меньшей степени во всех почти имениях. В Полтавской губернии в 36 таких имениях (5,18%) все крестьяне были безземельными, в 121 имении (17,41%) более десятой части всех крестьян были безземельными. В 179 имениях Полтавской губернии, о которых имеются более детальные сведения, 9,54% всех крестьян были безземельными.

В правобережной Украине количество безземельных крестьян также было велико. Так, в Подольской, Волынской и Киевской губерниях крестьян, вовсе не наделенных землею, было 7½%, а пользующихся только усадьбою без полевой земли (огородников—9¼%,—итого 16¾%, т.-е. более шестой части крестьян не имели наделов и должны были жить или на господском содержании, или работая на помещика из доли урожая, или заработком на стороне (а иногда у своих же односельчан).

Количество безземельных в литовских губерниях нам неизвестно. Но в одной из них—Гродненской—в конце 50 г.г. бобылей, т.-е. безземельных крестьян, не имевших даже огородной земли, было 1,8% крестьян, а огородников, не имевших пахатной земли и владевших только усадьбами и огородами, было 3,7%; другими словами, 5,5%, или $^1/_{20}$ часть крепостных крестьян, были почти полными пролетариями и собственного земледельческого хозяйства не имели.

Велико ли было число обезземеленных крестьян в Белоруссии, нам также неизвестно; но о крайне бедственном положении крестьян в этих губерниях единодушно говорят современники и официальные донесения и свидетельства. На Белоруссию, на ряду с Украиной, указывает Самарин, как на место, где, «кажется, прежде всего появились месячники» [3]).

Министр внутренних дел Ланской указывал в конце 50 годов, что в некоторых местах литовских губерний и в ряде уездов Витебской губернии издавна существовал особый класс безземельных крестьян, или батраков.

Рост числа дворовых, как было выше указано, также может косвенно указывать на рост количества месячников. Ознакомимся поэтому с эволюцией количества дворовых.

Как известно, с развитием денежного и разрушением натурального хозяйства дворня теряла свое прежнее значение в помещичьем хозяйстве. Количество покупаемого на рынке постоянно увеличивалось, и труд дворовых ремесленников и мастеровых, шедший на обслуживание различных

---

[1]) Ibid., стр. 193.

[2]) I издание Матер. Редакц. Комиссий, т. III. Дополнение к докладу Хозяйств. Отделения, № 15, стр. 6,

[3]) Самарин. Сочинения, т. II, стр. 55.

потребностей в помещичьем хозяйстве, делался излишним. С развитием денежного хозяйства помещики стремились использовать труд дворовых наиболее рационально. Количество дворовой челяди, как таковой, уменьшалось; часть дворовых отпускалась на оброк, часть эксплоатировалась в виде рабочих на вотчинных фабриках и заводах; в некоторых местах дворовых наделяли землею, и они лишь юридически считались дворовыми, как записанные по ревизии, фактически же, положение таких дворовых мало отличалось от положения крестьян. Наконец, в местностях, где помещики нуждались в земледельческих рабочих, дворовые обращались в таковых и являлись месячниками. С другой стороны, малоземелье или недостаток рабочих рук, как выше указано, вели к переводу и крестьян на положение месячников, занятых земледельческими работами, и записи их при ревизиях в дворовые. Этим и об'ясняется, что, несмотря на указания современников, что размер дворни с развитием денежного хозяйства уменьшался, мы имеем неоспоримый факт, что общее количество дворовых в николаевскую эпоху росло. Процент дворовых относительно всей массы крепостных рос непрерывно с 8 ревизии, а именно [1]):

8 ревизия — 4,14%, 9 ревизия — 4,79%, 10 ревизия — 6,79%.

Несомненно, что Редакционные Комиссии были вполне правы, об'ясняя резкое повышение количества дворовых между 9 и 10 ревизиями слухами об освобождении. Так, по 10 ревизии крестьян убыло на 233.008, а дворовых прибыло до 201.688 душ. Значительное совпадение этих цифр явно показывает, что при 10 ревизии количество дворовых возросло за счет крестьян. При этом, по мнению Редакционных Комиссий, запись крестьян в дворовые при 10 ревизии являлась в значительной степени результатом стремления, в виду слухов о грядущем наделении крестьян землею при освобождении, зафиксировать действительное количество дворовых. По указанию Редакционных Комиссий, «в старину помещики для разных своих надобностей довольно часто брали крестьян из деревни во двор, а по ревизским сказкам продолжали показывать их попрежнему в крестьянах» [2]). Такие помещики, естественно, поспешили при 10 ревизии записать таких номинальных крестьян дворовыми; Редакционные Комиссии признавали, что в общем записанные по 10 ревизии дворовыми, действительно, содержались и жили на положении дворовых. Но, «обращаясь к исключениям из этого правила, Редакционные Комиссии убедились, что на практике, особенно в настоящую минуту (после 10 ревизии. *И. И.*) встречается гораздо более таких людей, которые по ревизии зачислены дворовыми, а на самом деле по своим занятиям, образу жизни, связям, привычкам и хозяйственному быту ничем не разнятся от крестьян, чем обратных случаев, т.-е. таких крепостных людей, которые, будучи записаны крестьянами, проживали бы на положении дворовых» [3]). Судя по этим указаниям Редакционных Комиссий, слухи

---

1) Тройницкий. „Крепостное население в России по 10 народной переписи", стр. 58.
2) Скребицкий. „Крестьянское дело в царств. имп. Александра II", т. IV, стр. 180—181.
3) Скребицкий. „Крестьянское дело в царствование имп. Александра II", т. IV, стр. 180.

об освобождении заставили помещиков поспешить при 10 ревизии записать месячников или земледельческий пролетариат в число дворовых, дабы избежать наделения их землею. По этим же соображениям при 10 ревизии запись месячников крестьянами могла быть лишь исключением более редким, чем запись фактических крестьян дворовыми.

В виду этого полезно сравнить данные 10 ревизии с данными 8 и 9 ревизии, чтобы выяснить, насколько и в каких местностях развились такие явления, как месячничество, обезземеление и т. д., ко времени освобождения крестьян.

Взяв лишь те губернии, данные о которых не возбуждают подозрений, и распределив их по районам, мы получим такую картину движения числа дворовых с 8 по 10 ревизию (в процентах):

	8 рев.	9 рев.	10 рев.	К 9 рев. прибыль или убыль	К 10 рев. прибыль или убыль
Нечерноземные губернии [1] . .	5,7	5,2	4,7	— 0,5	— 0,5
Черноземные „ [2] . .	7,0	8,4	11,2	+ 1,4	+ 2,8
Поволж. и восточно-степные „ [3] . .	6,3	6,1	7,1	— 0,2	+ 1,0
Приуральские „ [4] . .	1,2	3,7	3,6	+ 2,5	— 0,1
Новороссийские „ [5] . .	4,8	4,8	19,4	± 0,0	+ 14,6
Левобережн. Укр. „ [6] . .	3,2	3,9	13,5	+ 0,7	+ 9,5
Правобережн. Укр. „ [7] . .	1,0	0,7	0,7	— 0,3	± 0,0
Во всех 28 губ. . . .	5,1	5,6	7,8	+ 0,5	+ 2,2

Как показывает таблица, количество дворовых возросло в тех районах, где была относительная перенаселенность при выгодности ведения сельского хозяйства для помещиков или недостаток рабочих рук в помещичьих имениях при выгодности земледелия. Таковы, с одной стороны, районы черноземной и левобережной Украины, с другой—новороссийские губернии,

[1]) 8 губерний: 1) Вологодская, 2) Владимирская, 3) Калужская, 4) Нижегородская, 5) Олонецкая, 6) Псковская, 7) Смоленская, 8) Тверская.

[2]) 7 губерний: 1) Воронежская, 2) Курская, 3) Орловская, 4) Пензенская, 5) Рязанская, 6) Тамбовская, 7) Тульская.

[3]) 5 губерний: 1) Казанская, 2) Саратовская, 3) Симбирская, 4) Оренбургская, 5) Самарская.

[4]) 2 губернии: 1) Вятская, 2) Пермская.

[5]) 1 губерния: Херсонская.

[6]) 3 губернии: 1) Полтавская, 2) Черниговская, 3) Харьковская.

[7]) 2 губернии: 1) Киевская, 2) Подольская.

Ставропольская. В нечерноземных губерниях, напротив, заметно уменьшение числа дворовых, что указывает на отсутствие стимулов для перевода крестьян в дворовые; даже слухи об освобождении не обнаружили этой тенденции: очевидно, помещики имели мало месячников или безземельных крестьян, что зависело, вероятно, от того, что там землею дорожили меньше, чем на юге, и труд крепостных эксплоатировали в других формах. При этом следует отметить, что в общем слухи об освобождении, вызвавшие, по указанию Редакционных Комиссий и Тройницкого, усиленную запись крестьян в число дворовых при 10 ревизии, лишь сильнее обнаружили ту тенденцию к увеличению числа дворовых и в тех же местностях, которую показывают данные 9 ревизии по отношению к данным 8 ревизии. Так, в черноземных губерниях и в левобережной Украине заметно повышение процента дворовых и к 9 ревизии, когда не было фактора, вызвавшего резкое повышение процента дворовых при 10 ревизии. В нечерноземных губерниях число дворовых продолжало уменьшаться, несмотря на слухи об освобождении; в правобережной Украине уменьшение числа дворовых несколько задержалось, не дав ни прироста, ни уменьшения, в то время как между 8 и 9 ревизиями оно немного уменьшилось; впрочем, в этих районах дворовые были вообще очень немногочисленны по сравнению со всей крепостной массой. Резкое повышение дают новороссийские губернии при стационарном положении между 8 и 9 ревизиями, но, к сожалению, данные эти касаются лишь одной Херсонской губернии, и нам неизвестно изменение процента дворовых между 8 и 9 ревизиями в других новороссийских губерниях. Повышение к 10 ревизии вместо замечавшегося между 8 и 9 ревизиями понижения было в восточных степных и поволжских губерниях; возможно, что это было результатом слухов об освобождении и усиленной из-за этого записи крестьян в дворовые. Менее понятно уменьшение числа дворовых к 10 ревизии в приуральских губерниях вместо увеличения, бывшего между 8 и 9 ревизиями; но именно данные по этим губерниям возбуждают сомнения, ибо в одну и ту же группу зачисляли, повидимому [1]), и владельческих крестьян и заводских, т.-е., вероятно, поссессионных. В северо-западных губерниях, по об'яснению виленской общей комиссии, дворовые не составляли особой группы: «служба их в господском дворе есть только временная, и они часто по собственному желанию возвращаются в крестьянство» [2]). Эта легкость перехода от земледельческих занятий к дворовой службе и обратно вела к тому, что, например, в Минской губернии во многих имениях, по замечанию минского комитета, дворовых людей по ревизским сказкам вовсе не значилось» [3]). Этою особенностью края и об'ясняется, быть может, сравнительно ничтожное здесь количество дворовых.

Отмеченные явления резче выступают при сравнении данных 9 и 10 ревизий, более полных, а потому позволяющих охватить сравнением большее количество губерний.

---

1) По крайней мере, на это имеются указания относительно 8 и 9 ревизий в Пермской губ. Здесь значительная часть дворовых служила при управлении имениями и лишь небольшое количество состояло домашней прислугой (Скребицкий, т. IV, стр. 14).

2) Скребицкий, т. IV, стр. 39.

3) Ibid., т. IV, стр. 3, 4.

В 41 губернии процентное отношение дворовых ко всему крепостному населению по районам давало такую картину:

Губернии	% дворовых по отнош. ко всем крепостным		Прибыль или убыль к 10 рев.
	9 рев.	10 рев.	
Нечерноземные 12	5,4	4,9	— 0,5
Черноземные 7	8,4	11,2	+ 2,8
Поволжские 3	5,3	6,7	+ 1,4
Приуральские 2	3,7	3,6	— 0,1
Восточные степные 2	9,3	8,7	— 0,6
Новороссийские степные 2	5,1	18,1	+ 13,0
Левобережная Украина 3	3,9	13,4	+ 9,5
Правобережная Украина 3	0,5	0,5	± 0,0
Северо-западные 5	3,7	3,6	— 0,1
Ставропольская 1	8,1	11,2	+ 3,1
Всего в 41 губ.	5,2	7,0	+ 1,8

Как видим, в 41 губернии произошло увеличение числа дворовых на 1,8%. Но это увеличение происходило неравномерно: в то время как в ряде районов число дворовых уменьшилось (нечерноземные, восточно-степные губернии, Северо-Западный и Приуральский край), в правобережной Украине осталось прежним, в ряде других районов оно сильно увеличилось. Такими районами были: новороссийский степной, левобережная Украина, Ставропольская губерния, черноземные и поволжские губернии. Увеличилось число дворовых как раз в земледельческих районах, при чем наиболее сильное увеличение мы замечаем в таких многоземельных губерниях, как новороссийские, Ставропольская, с другой—в таких малоземельных с большим количеством безземельных крестьян, как губернии левобережной Украины. Повышение замечается и в многоземельных поволжских губерниях. Если мы присмотримся внимательнее к черноземным губерниям, то здесь мы заметим, что фактически повышение произошло не во всех черноземных губерниях. Оно резко повысилось в Курской губернии, отличающейся относительною перенаселенностью помещичьих имений: в этой губернии уже при восьмой ревизии было 7,7% дворовых, при девятой—11,9% и при десятой—19,2% крепостного населения. Резко повысилось число дворовых в Воронежской губернии (до 12,7% с 8,5% при 9 ревизии), повысилось оно в Орловской и Тамбовской, меньше — в Пензенской и Рязанской и почти не изменилось в Тульской губ. Таким образом, в этой группе наиболее резкое повышение числа дворовых дала губерния мелкопоместная и относительно малоземельная.

Эти данные указывают, что при 10 ревизии в дворовые усиленно записывали, с одной стороны, те помещики, которые стремились сохранить за собою возможно больше земли. Если правы Редакционные Комиссии, полагая, что в дворовые при 10 ревизии записывали главным образом месячников, безземельных и вообще крестьян, бывших фактически на положении дворовых и лишь по ревизии числившихся крестьянами, то это приращение дворовых показывает нам те местности и губернии, где было наиболее развито месячничество и т. п. явления, и указывает на мелкопоместность и относительное малоземелье при развитом помещичьем хозяйстве, как основные причины развития этих явлений.

Но это не единственная причина месячничества. Как видим, особенно резко повысилось число дворовых как раз в наиболее многоземельных губерниях, как новороссийско-степные; Ставропольская губерния, также крупнопоместная и многоземельная, занимает третье место по относительной величине группы дворовых; наконец, заметное увеличение дворовых произошло в поволжских губерниях, где помещики также не ощущали недостатка земли. При переводе крестьян в дворовые некоторую роль, конечно, могло играть и желание сохранить за собою как можно больше земли. Но главную роль играла другая причина. В этих губерниях помещичьи хозяйства, как указывалось ниже, были заняты усиленным производством хлеба на внешний рынок. Крепостных здесь было относительно мало; наемных рабочих было также недостаточно, и они были дороги. Для расширения производства хлеба приходилось усиленно напрягать силы наличных крепостных. В результате в этих изобильных землею губерниях при плодородной почве почти все крестьяне, как известно, состояли на барщине, их переводили на месячину, на дворовсе положение и т. п. Именно здесь, где в помещичьих хозяйствах нехватало рабочих рук, а сельское хозяйство приносило крупные барыши, помещики предпочитали нередко иметь постоянных рабочих на своем содержании, чем держать их на барщине, отдавая им половину драгоценного рабочего времени; именно здесь уменьшение подводной крестьянской повинности меньше чувствовалось, ибо близки были порты для вывоза хлеба, а в Ставропольской губернии, кроме того, кавказская армия была близким потребителем продуктов помещичьего сельского хозяйства. Этим, повидимому, и об'ясняется, что группа дворовых в этих губерниях была значительнее, чем в других районах. Руководствуясь указанием Редакционных Комиссий, можно предположить, что стремление иметь в полном своем распоряжении весь труд крепостных, все их рабочее время заставляло помещиков не только пользоваться дворовыми в виде сельскохозяйственных рабочих, но и держать многих крестьян на том же положении,—другими словами, на положении месячников. И когда грянул гром приближающейся крестьянской реформы и начала вырисовываться будущая необходимость наделить всех крестьян землею, помещики поспешили записать подобных крестьян в дворовые,—благо, производившаяся в 1858 г. 10 ревизия дала возможность для этого. В результате резкое увеличение группы дворовых по 10 ревизии, что мы и видели в вышеприведенной таблице.

Ряд современников подтверждает соображения о том, что в районах и губерниях, где процент дворовых был особенно велик, дворня имела в значительной мере сельскохозяйственное значение, поставляя помещикам необходимых для них постоянных земледельческих рабочих. Так, депутаты екатеринославского губернского комитета Поль и Миклашевский указывали, что из 28.380 душ мужского пола дворовых, имевшихся по 10 ревизии в Екатеринославской губернии, 4.000 (14%) были плугарями, или земледельческими рабочими; 18.000 (64%) были чабанами и пастухами, и, примерно, 6.380 душ (22%) должностными при хозяйстве (ключники, писаря, конторщики, атаманы и собственно домашняя прислуга). Чтобы понять, какую роль играли эти 4.000 плугарей и 18.000 чабанов и пастухов, обратим внимание на то, что, по указанию тех же Поля и Миклашевского, «главную основу благосостояния помещичьих имений Екатеринославской губернии составляло сельское хозяйство, состоящее преимущественно в хлебопашестве и скотоводстве... Приготовление земли под посев в каждом помещичьем хозяйстве производится ежегодно в течение весны, лета, осени с помощью собственного рабочего скота помещиков, дворовыми, так называемыми плугарями, которыми и поднимается, по крайней мере, половина общего количества засеваемой земли (т.-е., примерно, около 600.000 десятин), а остальная половина производится барщинным трудом крестьян и их рабочим скотом». «Этим,—указывали они,—объясняются огромные посевы помещиков Екатеринославской губернии». Развитое скотоводство требовало наличности, примерно, труда 27.000 душ мужского пола для исполнения обязанностей чабанов и пастухов; $^2/_3$ этих рабочих поставляли, как видим, дворовые, а лишь, «примерно, 9.000 пастухов пополняются крестьянскими мальчиками от 12 до 18 лет». «Число наемных незначительно, но невозможно иметь их» [1]). Таким образом, половина помещичьих посевов обрабатывалась дворовыми, $^2/_3$ пастухов состояли из дворовых. Так было велико значение этих рабочих из дворовых в двух главнейших отраслях помещичьего хозяйства Екатеринославской губернии.

Депутаты от таврического губернского комитета также указывали на то, что среди дворовых числятся нередко садовники, чабаны и т. п. служащие, имевшие в хозяйстве помещика в условиях Таврической губернии большое значение. Освобождение дворовых от обязательной службы ранее крестьян привело бы хозяйства помещиков «в совершенное расстройство» в виду невозможности заменить их другими рабочими. «Недостаточность населения края» заставляла и херсонский комитет настаивать на 8-летнем переходном периоде для дворовых, дабы сохранить на более долгий срок необходимый для помещичьего хозяйства труд дворовых [2]). Ставропольский губернатор, ген. Волоцкий, в своем мнении о работах ставропольского губернского комитета пишет, что в Ставропольской губернии дворовые, «не неся собственно дворовой службы, тем отличаются от других крестьян, что, не

[1]) Скребицкий, т. IV, стр. 149—150.

[2]) Скребицкий, т. IV, стр. 192—193. По указанию таврического комитета, среди дворовых в этой губернии были такие, которые занимались хлебопашеством, имели свой рабочий скот и посевы. Комитет проектировал даже обязательное наделение землею таких дворовых (Id,. стр. 46).

имея собственного домообзаведения и не получая в пользование свое земли, состоят на всем господском содержании и круглый год работают на помещика и, следовательно, отправляют постоянную барщину». «Они носят, — считал он,—только название дворовых». По раз'яснению же кн. Барятинского, «дворовые люди в Ставропольской губернии разделяются на две категории: одни принадлежат владельцам, земли не имеющим, а другие—помещикам, владеющим землею. Первых находится 180 у 63 владельцев, а других число неизвестно, потому что они показаны в общем числе со всеми крестьянами» [1]). Эти 180 человек или состояли прислугою при владельцах, или отпускались на заработки на весьма тяжелый оброк. Так как по 10 ревизии в Ставропольской губернии было 865 дворовых, то, следовательно, дворовых, бывших по существу сельскохозяйственными рабочими, было 685 душ мужского пола, или 79,2% всех дворовых, или 8,9% всех крепостных губернии. Как видим, сельскохозяйственные рабочие, каковыми были в большинстве случаев, по свидетельству Волоцкого, дворовые в Ставропольской губернии, составляли довольно значительную группу среди крепостного населения этой многоземельной губернии. Причиною тому была дороговизна рабочих рук в Ставропольской губернии, а порою и полная невозможность найти их.

Хотя в поволжских губерниях и незаметно резкого увеличения дворовых, но там эти дворовые имели сельскохозяйственное значение. По указанию как меньшинства, так и большинства самарского комитета, там были, с одной стороны, дворовые, пользовавшиеся землею наравне с крестьянами и несшие крестьянские повинности; с другой—такие, которые пользовались от владельца готовым содержанием, но употреблялись постоянно на полевые крестьянские работы, т.-е. составляли «несчастный класс так называемых месячников, составлявших нечто среднее между крестьянами и дворовыми» [2]). Большинство и меньшинство самарского комитета сходились на признании необходимости наделить землею таких дворовых при освобождении.

Сельскохозяйственное значение дворовых в Малороссии у небогатых помещиков подтверждается указанием депутата от губернского комитета Подвысоцкого, что с освобождением дворовых они «лишаются рабочих рук, чем причинено будет сильное расстройство домохозяйству большинства помещичьих имений» [3]).

Сельскохозяйственное значение дворовых в Курской губернии подтверждается замечанием курского губернатора Бибикова на проект курского губернского комитета, что из числа дворовых Курской губернии две трети составляет чернорабочий класс, занимающийся исключительно земледельческими работами» [4]).

---

[1]) Архив Гос. Совета. Дела Секр. и Главного Комитетов, XIX — проекты положений губернских комитетов. № 159—проекты положения Бессарабской, Екатеринославской, Ставропольской и Таврической губ.

[2]) Скребицкий, т. IV, стр. 46, 48.

[3]) Ibid., стр. 150.

[4]) Скребицкий, т. IV, стр. 13. По указанию 7 членов курского комитета число дворовых было еще больше, ибо при 10 ревизии, по их словам, были показаны крестьянами такие крепостные, которые уже давно жили на положении дворовых и состояли в услужении у помещиков (стр. 3).

На дворовых, как сельскохозяйственных рабочих, указывали и в губернском комитете Рязанской губернии. «Дворовые пахари», т.-е. дворовые, «занятые возделыванием помещичьей земли, по указанию в этом комитете членов от правительства, принадлежали большею частью мелкопоместным владельцам[1]). Дворовые люди для таких дворян, по их указанию, были полезнее крестьян, ибо отправляли все обязанности по дому, по хозяйству, а при возделывании помещичьей земли они работали втрое против крестьян» [2]). Впрочем, по мнению тех же членов, ходатайствовавших о пособии от правительства на обзаведение дворовых пахарей, число таких дворовых было «незначительно» и, по их мнению, «они находились только в плодородных губерниях» [3]).

Из всего вышеуказанного следует, что месячничество или обращение крестьян в земледельческих безземельных крепостных рабочих было распространено очень неравномерно и почти исключительно в черноземных губерниях. Месячников было много у мелкопоместных дворян, в многоземельных малонаселенных губерниях, где было мало рабочих рук, и в малоземельных губерниях, где была очень ценна земля. Определить численность этой группы крепостных почти невозможно, но приблизительное представление об этом дает количество дворовых. В то время как дворня теряла прежнее значение, как домашняя прислуга и как аппарат, перерабатывавший продукты сельского хозяйства, значение дворовых, как земледельческих рабочих, росло и сообразно с этим росло там и абсолютное, и относительное количество дворовых. Как видим, в некоторых районах количество дворовых составляло перед освобождением от $^1/_{10}$ населения и выше, доходя в новороссийских губерниях почти до $^1/_5$ крепостного населения.

II

Не имея возможности статистически выяснить количество месячников, их группировку и экономическое положение, попытаемся на конкретных примерах ознакомиться с их положением и с тем, как сами крестьяне реагировали на него.

Как мы уже выяснили, месячники встречались чаще всего у мелкопоместных душевладельцев. Но как раз о событиях в имениях мелких помещиков местные власти реже доносили в центр. С малым количеством крестьян легко было справиться силами земской полиции и в худших случаях— губернскими силами. Мелкий помещик редко имел достаточно влияния, чтобы поднять шум в губернии, а тем более привлечь к себе внимание центра. События в мелких имениях, кроме того, мало привлекали внимание соседей, не имели того влияния на настроение и поведение крепостных крестьян соседних имений, какое имели крестьяне крупных поместий. Поэтому и местная администрация имела меньше стимулов обрушиваться всем

---

[1]) Скребицкий, т. IV, стр. 77.
[2]) Ibid., стр. 68.
[3]) Ibid., стр. 77.

аппаратом принудительной власти на ничтожные группы волнующихся крестьян в мелких имениях. Вот почему, вероятно, данные центральных архивов, воспоминания современников и тому подобные источники дают сравнительно очень мало материалов для характеристики положения месячников.

В нашем распоряжении имеется 4 дела, где волновавшиеся крестьяне находились в положении месячников. Два из них относятся к 30 г.г., два других к 50 г.г. XIX века. Одно из них, относящееся к 1834 г., касается как раз левобережной Украины, где, как указано, было развито месячничество. Месячники были обнаружены в одном из мелкопоместных имений Черниговской губернии, Стародубского уезда, у помещика Якимовича. Второе дело относится к 1839 г. и касается положения крестьян-месячников у одной из любопытных разновидностей помещиков, живших со своими крепостными не на своей, а на арендуемой земле. Эти крестьяне-месячники принадлежали опять-таки мелким душевладельцам Лавровым, арендовавшим землю в многоземельной Екатеринославской губернии. Наконец, два случая месячничества были обнаружены в 1856 г. в многоземельной Ставропольской губернии, опять-таки у мелких душевладельцев, хотя и довольно крупных землевладельцев.

Следует сказать, что обращение крестьян Якимовича[1] в месячников было, повидимому, недавним новшеством, ибо, по словам самого Якимовича, он управлял имением после отца только 10 лет. Имея ничтожное количество крестьян в деревне Обуховке (всего 21 душу мужского пола), он разрешил вопрос о земле и о рабочей силе радикальным способом: крестьянские земли взял себе, а крестьян перевел на свое содержание. В летнее страдное время, когда каждая минута дорога и нужен как женский, так и мужской труд, Якимович экономил, повидимому, и на женском труде, питая рабочих за общим столом, на что требовалось, конечно, меньше женского труда, чем при готовке пищи в каждом семействе отдельно. Зимою, когда в женском труде нужды было меньше, крестьяне получали месячину и вели отдельные домашние хозяйства.

При «нетрезвом беспрестанно поведении», «неукротимом нраве» Якимовича, положение таких безземельных крепостных было крайне тяжелым. По сообщению уездного предводителя, Якимович «то отягощал людей работами, то чрезмерно наказывал их». Находясь на постоянных барских работах под постоянным наблюдением вечно пьяного, жестокого человека, крестьяне должны были вести поистине каторжную жизнь. Неудивительно, что из крестьян «многие разбежались», а оставшиеся решились, наконец, в августе 1834 г. толпой пойти в Чернигов подать жалобу губернатору. Дознание подтвердило жалобу крестьян как на жестокость, так и на обременение их работами. Уездный предводитель «сверх того обнаружил», что и хозяйственное управление его дурно и чрезвычайно запущено, «что он отобрал земли и что крестьяне не имеют у себя никакой собственности, получая от него продовольствие только в летнее рабочее время за одним общим для всех столом, а в зимнее отпуском от помещика провизии». Делу дан был ход.

[1]) Центр. Архив Мин. Внутр. Дел. Деп. Пол. Исп. 1834. № 371.

и оно окончилось наложением опеки на имение Якимовича. Характерно, что министр внутренних дел Блудов, в своем мнении по этому делу, выразил полное осуждение Якимовичу особенно за то, что он обезземелил крестьян и сделал их месячниками.

Положение крестьян у екатеринославских помещиков Лавровых[1]) зависило не только от общих условий развития помещичьего хозяйства в Новороссийском крае, но и от особенностей самого хозяйства Лавровых. Уездный предводитель дворянства, констатируя крайне тяжелое положение крестьян у Лавровых, считал это проистекающим не столько от намеренного отягощения их владельцами, сколько от совершенно расстроенного состояния Лавровых, которые, «переходя с места на место и поселившись на оброчном участке земли временно, не имеют способов упрочить благосостояние своих крестьян». Крестьянам своим они земли не давали, употребляя их на ежедневные господские работы; жилища крестьян поражали своею теснотою; бедность их останавливала внимание чиновников, бывших на месте для расследования. К этому прибавлялись, по словам крестьян, частые жестокие наказания. Положение крестьян ухудшилось, по их указанию, с тех пор, как предположено было взять крестьян Лавровых в казну за долги владельцев. С тех пор эксплоатация их стала сильнее; Лавровы стали распродавать крестьянский скот, оставляя вырученные деньги у себя, «не доставляли продовольствия» ни им, ни их семействам. Вообще, судя по показаниям крестьян, Лавровы стремились выжать из отходящих от них крестьян все соки, стараясь сократить расходы на их содержание до minimum'а и получить от них максимальную выгоду.

Крестьяне не могли безропотно переносить такое положение. Между ними и помещиками начали происходить какие-то столкновения. Хотя сами крестьяне заявляли, что «никогда ни в чем господ своих не ослушивались», в имение вызвана была военная команда, часть крестьян была арестована и предана суду. Лавровы выехали из имения, выразив сами желание, чтобы имение было взято в опеку. Управление имением было поручено особому чиновнику, вопрос же о наложении опеки на имение, в конце концов, был передан на обсуждение депутатского дворянского собрания, решение которого нам неизвестно. Во всяком случае министр внутренних дел и сенат считали, что обнаружившееся у Лавровых угнетение крестьян может служить основанием для наложения опеки.

В 50 г.г., накануне освобождения, отношение правительства к помещикам, обезземеливавшим своих крестьян и обращавших их в земледельческий крепостной пролетариат, стало, повидимому, суровее. По крайней мере, в двух известных нам случаях дело шло уже не только о наложении опеки на имения, но и о предании двух помещиков уголовному суду.

Оба эти помещика имели имения в Ставропольской губернии и уезде. Ставропольская губерния обнимала собою в то время, за исключением Черноморья, все северное Предкавказье и оканчивалось знаменитой Кавказской линией, куда уходили из крепостной России чаявшие воли крестьяне.

---

[1]) Центр. Архив Мин. Внутр. Дел. Деп. Пол. Исп. 1839 г. № 225.

Сюда устремлялся один из колонизационных потоков Великороссии, но население страны русским населением тормозилось в то время борьбою правительства с кавказскими народностями, и русские поселенцы подвергались опасностям набегов, боровшихся за свою независимость и землю, кавказских народов. Обилие свободной земли, плодородная почва, благоприятный климат, близость внутреннего рынка в виде нуждавшейся в продовольствии кавказской армии, а также внешнего рынка, — все это создавало ряд благоприятных условий для развития сельского хозяйства. Помещиков здесь было еще сравнительно очень мало, а крепостные составляли лишь ничтожную группу населения, не покрывавшую нужды помещичьих хозяйств в рабочих руках. При таких условиях в помещичьих имениях неизбежно развивалась барщинная система. Необходимостью увеличить количество труда об'ясняется и развитие месячничества в этой изобильной землею плодородной губернии.

Имения Майвалдова и Гриэльской, расположенные в черноземной части Ставропольского уезда, где земледелие и скотоводство были почти исключительными занятиями жителей, принадлежали как раз к числу имений, где нужда в рабочих руках вызывала развитие месячничества.

В 40 г.г. за Майвалдовым в Ставропольском уезде числилось 1.000 десятин и при них 19 душ мужского пола[1]). К 10 ревизии количество душ возросло до 34 душ мужского пола. При таком количесте ревизских душ взрослых работников в лучшем случае могло быть не более $^2/_3$, т.-е. 22—25 человек. С таким количеством рабочих, особенно при 3-дневной барщине, справляться с хозяйством было очень трудно, а между тем Майвалдов считался одним из лучших помещиков-скотоводов в губернии. Такое развитие скотоводства у Майвалдова вызывалось, весьма вероятно, именно указанным обилием земли при малом количестве рабочих рук, ибо примитивное скотоводство, какое было в Ставропольской губернии, требовало меньше рабочих рук, чем земледелие.

Повышенная эксплоатация крестьян, которой помещик заполнял недостаток рабочих сил, вызывала, естественно, непрерывные жалобы со стороны крепостных. Крестьяне жаловались местным властям на помещика в течение более 15 лет, но без всякого результата, навлекая на себя лишь тяжелые наказания и усиленные преследования со стороны помещика. Помимо жалоб, крестьяне, повидимому, пытались начать иск о воле, оспаривая самое право помещика владеть ими, как записанными за ним неправильно.

Расследование обнаружило, что Майвалдов не отводил крестьянам земли и в то же время «постоянно обращал их на господские работы», заставляя в то же время оплачивать казенные подати и другие повинности. «Изну-

---

[1]) О Майвалдове см.: 1) Архив Гос. Совета—дело кавказского комитета, 1858 г. № 341; 2) журнал кавказск. комитета от 15 и 22 декабря 1858 г.; 3) дела кавказск. комитета — губернаторские отчеты по ставроп. губ. за 1846, 1851, 1853 — 55, 1857, 1858, 1860, 1861—63 г. г.; 4) дела Секретного и Главного Комитетов, XIX. Проекты положений губернск. комитетов № 159. Проект положения ставропольск. губернск. комитета. См. также „Труды Ставропольской Ученой Архивн. Комиссии“, вып. II.—Ведомость о количестве земель, состоящих в помещ. имениях в Кавказской области в 1842 г.

ряя людей тяжелыми работами, Майвалдов в то же время отпускал им самую скудную пищу и лишал их почти необходимой одежды». Подтвердило расследование и жестокие, без всякой вины, наказания крестьян. Все это, по признанию кн. Барятинского, разорило и повергло в «жалкую нищету деревню Приютино».

Такое положение крестьян было признано злоупотреблением помещичьей властью, и на имение была наложена опека; сам же Майвалдов подлежал преданию уголовному суду. Впрочем, чья-то благодетельная рука помогла Майвалдову выйти сухим из воды. В 1858 г., когда уже в основу подготовлявшейся крестьянской реформы прочно было положено обязательное наделение крестьян землею, кн. Барятинский разрешил Майвалдову, согласно его прошению, отпустить на волю без земли всех без из'ятия крестьян дер. Приютино со всем их имуществом, с выдачею каждому особой отпускной в обход закона, запрещавшего подобное безземельное освобождение крестьян целыми селениями [1]). Мало того, по ходатайству кн. Барятинского Майвалдов вслед за тем был освобожден и от уголовного суда. После такого разрешения крестьянского вопроса в имении Майвалдова хозяйство его продолжало, повидимому, процветать, ибо и после 1858 г. оно фигурировало из года в год в числе трех имений, где были лучшие в имении заводы тонкорунных овец [2]).

Не так легко сошла подобная же организация хозяйства для помещиков Гриэльских [3]).

Деревня Дамиансвка (или Демьяновка), Ставропольского уезда, официально принадлежала помещице Гриэльской [4]).

Имение Гриэльской лежало «в самом выгоднейшем, по словам Гриэльского, для хозяйства месте» [5]) и заключало в себе, как сказано, 2.000 дес. прекрасной, по отзыву помещика, земли, «наилучшего чернозема». Из этой земли лишь около 500 десятин были распаханы по одному или по два раза: 1.500 десятин лежали нетронутою черноземною целиной. При таком большом количестве земли у Гриэльских была лишь одна деревня Демьяновка с незначительным числом душ, затерянная среди казацких

---

[1]) Крестьяне дер. Приютиной были отпущены на волю в сентябре 1888 г. „по одиночным отпускным, одновременно и в полном составе семейств". Обращенные в государственных крестьян, они были причислены к казенному селению Привольному с наделением надлежащим количеством земли и обложением податями.

[2]) Мы проследили губернаторские отчеты по Ставропольской губ. до 1863 г.

[3]) О крестьянах помещицы Гриэльской см. 1) Центр. Архив Мин. Внутр. Дел Деп. Пол. Исп. 1856 г. № 2669; 2) III Отделение собств. е. и. в. канцелярии, IV экспедиция 1856 г. № 174; 3) Архив Госуд. Совета. Дела Секретного и Главн. Комитетов XIX — Проекты положений губ. комитетов № 159. Проект положения Ставропольск. Губернского Комитета; 4) — Труды Ставропольской Учен. Архивн. Комиссии, 1910 г., вып. II. 5) Архив. Госуд. Совета, Кавказский Комитет—журнал от 27 января 1858 г.; 6) III Отделение собств. е. и. в. концелярии, II экспед., 1858 г. № 557.

[4]) Гриэльская была племянницей министра императорского двора гр. Адлерберга и гофмейстерины Барановой; она была воспитанницей и внучкой начальницы Смольного монастыря гр. Адлерберг.

[5]) По мнению Гриэльского, оно при усердном и тщательном занятии хозяйством может приносить более 6.000 р. сер. годового дохода.

станиц; ближайшее селение гражданского ведомства находилось от нее верст за 70. Это затрудняло для помещика пользование наемным трудом даже в той мере, в какой он был доступен в крепостное время в Ставропольской губ. Казацкое население не шло на заработки, а, напротив, само нуждалось в наемных рабочих, ибо мужское казацкое население отвлекалось от мирных земледельческих занятий военными тревогами кавказской жизни. Привлечь пришлых рабочих из мест гражданского ведомства в убогую деревушку, за 70—100 верст, было чрезвычайно трудно и вряд ли возможно. Приходилось основывать свое хозяйство, повидимому, исключительно на крепостном труде: по крайней мере, в архивных делах нет никаких следов пользования наемным трудом в имении Гриэльского до неповиновения 1856 г. Ведение сельского хозяйства затруднялось и географическим положением Демьяновки. Близость к Кубани (25 верст) делала этот край опасным для занятия земледелием, ибо он подвергался нападениям закубанских народов, уводивших в плен русских жителей и уводивших скот; неспокойно было и от местной «вольницы», жившей грабежами мирных жителей.

Как указывалось, у Гриэльских было мало крепостных. По данным ведомости 1842 г., в имении было только 26 д. муж. пола. Хотя в 1844 и 1845 г. г. было прикуплено 76 д. м. п., но вследствие ужасающей смертности среди переселенных крестьян и в 1856 г. было не более 60 д. м. п. Полагая трудоспособное население в две трети этого количества ревизских душ, следует сказать, что в распоряжении Гриэльского мог быть труд не более 40 человек мужского пола и такого же приблизительного количества женщин. При 3-дневной барщине, следовательно, можно было рассчитывать самое более на труд 20 человек мужчин. При таком количестве рабочих сил запашка в помещичьем хозяйстве не могла быть обширной. Между тем по сведениям следственной комиссии у Гриэльских в 1856 г. «вспахивалось земли под рожь 108 загонов и засевалось 324 меры, а пшеницы на 13 загонах высеено 39 мер[1]). Полагая, что в среднем 3 меры высевалось на ½ десятины. 121 загон равняется 60 десятинам. Принимая общее количество ревизских душ мужского пола в 60 человек, приходится сказать, что у Гриэльских на 60 душ м. п. приблизительно было более 60 десятин запашки[2]). Мы знаем, что, например, в Суражском уезде Черниговской губ. барщинная запашка в 30 десятин в каждом из 3 полей не на 60, а на 100 рев. душ считалась «весьма обременительной, которая с трудом может быть обработана»[3]). У Гриэльских же с этою работою должно было бы справляться почти в два раза меньшее количество рев. душ.

---

[1]) Из указанного количества 234 меры должно было быть оставлено для посева следующего года и для продовольствия дворовых людей; следовательно, в пользу помещика засевалось 90 мер, или приблизительно 15 десятин. При таком посеве земледелие не могло приносить Гриэльским большого дохода.

[2]) В число 60 десятин включается только земля под рожью и пшеницей. По словам же Гриэльского, были какие-то посевы льна, составлявшего единственный доход на уплату долга ставропольскому приказу общественного призрения.

[3]) Есимонтовский. Описание „Суражского уезда, Черниговской губ.“, стр. 9—10. С.-Петербург, 1846 г.

Между тем у Гриэльских на ряду с земледельческим хозяйством было развито скотоводство. Так, по словам Гриэльского, на зиму 1856 г. должны были войти на прокормление более 800 овец, более 100 штук рогатого скота и около 70 лошадей. Не говоря о том, что такое количество скота требовало также немало рабочих сил в виде чабанов, пастухов и т. п., но требовалась и заготовка большого количества сена для зимнего корма. Уборка сенокоса во-время составляла одну из главных забот Гриэльского во время неповиновения крестьян в 1856 г. Он жаловался, между прочим, что из-за забастовки крепостных рабочих погибло более 100 десятин сенокоса.

Очевидно, что при таком размере господской запашки, при таком количестве скота и таком сенокосе помещик не мог справиться со всеми работами, располагая для 3-дневной барщины 60 рев. душами крепостных мужского пола. И если он не желал или не мог пользоваться наемным трудом, то выходом для него была только возможно большая экспоатация крестьян. Этим именно путем шел Гриэльский.

Все крепостные разделялись у него на дворовых, крестьян и на задворных. Повидимому, «дворовые крестьяне» и «дворовые» отличались лишь родом занятий. «Дворовые крестьяне» заняты были земледельческими и другими работами в помещичьем хозяйстве. По словам Брянчанинова, при следствии выяснилось, что из 108 крестьян обоего пола Гриэльским «было отчислено в дворовые 50 человек» [1]). Называя часть крепостных «дворовыми крестьянами», Гриэльский употреблял их на постоянную господскую работу, отпуская на продовольствие их по 3 ф. хлеба на человека и по чайной чашке пшена на семейство.

Гриэльский считал себя в праве использовать труд крепостных таким образом. «Дворовые работая были, по его мнению, в то же время сыты, одеты, обуты и оплачены податями, писал он в прошении 1856 г.; остаток от их работы обращался на уплату долга на имении; сверх того те дворовые имеют свое собственное хозяйство, а потому не вся их ежедневная работа обращалась в пользу господской экономии».

Принимая во внимание, что в деревне не было огородов, а следовательно, не было и своих овощей, утверждение Гриэльского, что дворовые были сыты, надо считать очень сомнительным, ибо чайная чашка пшена на семью не могла служить достаточною пищею даже при 3-х фунтах хлеба на человека. Это было, конечно, голодным пайком. Как были обуты и одеты крестьяне Гриэльского, мы увидим ниже, а что такое за хозяйство было у них, скажет нам опись дворов.

Остальные крестьяне назывались «задворными», имели свои запашки, хотя и ничтожные, и формально состояли на 3-дневной барщине. В действительности же применялась та же барщинная система, какая обнаружена была в 1856 г. в имении ставропольского помещика Калантарова [2]) и

---

[1]) Сам Гриэльский определял количество „состоящих при господском дворе с их семействами“ в 35 человек или около того.

[2]) Дело о крестьянах Калантарова очень любопытно и заслуживает особого внимания.

тогда же была запрещена тайным циркуляром: крестьяне должны были сначала кончить господские работы (покос и жатву), а потом уже приступать к уборке своих полей, «отчего, — сообщал вице-губернатор Позе в 1856 г.,—покос и жатва крестьян не успевают быть убранными во-время, и они бедствуют».

Таким образом, половина крепостных Гриэльской была обращена в месячников, не имея собственного хлебопашества, состоя на полном господском иждивении и отбывая ежедневную барщину. Другая половина отбывала 3-дневную барщину по самой разорительной для крестьян системе. Такой порядок эксплоатации крепостного труда и вызывал жалобы крестьян следственной комиссии, что «они работают на помещика день и ночь», а «положенные им по закону 3 дня в неделю предоставляются некоторым из них». По их словам, «у них не бывает праздников, и даже о св. пасхе они после разговения были посылаемы на работы»[1]). В своем прошении 1855 г., оставшемся непосланным, они также жаловались на принуждение работать в «неуказанные дни и часы»... «даже в праздничные дни и в особенности всю неделю светлого христа воскресения». Мало того, «даже 5-летние дети наши,—писали они в прошении,—употребляются на работу наравне со стариками, и одежду им мы собственными трудами приобретаем». Как видим, Гриэльский, по словам крестьян, широко пользовался и детским трудом. Он гнал на работу даже больных, «отчего,—по указанию самого кн. Барятинского,—между ними развивались, при содействии климатических условий, болезни и необыкновенная смертность».

Стремясь выжать из крестьян возможно большее количество труда, Гриэльский не церемонился со средствами понуждения. Крестьяне жаловались следственной комиссии на жестокие «безвинно» наказания, которым подвергал их Гриэльский. В своем прошении наместнику в 1856 г. они приводили случай, что Гриэльский «наказывал 4 человек до того, что они тут же и померли». Кн. Барятинский в своем представлении в Кавказский комитет признавал жестокое обращение Гриэльских с крестьянами доказанным.

Такая система хозяйничанья привела крестьян к полному разорению. При переселении крестьян из Орловской губ. Гриэльская, как признал Кавказский комитет в 1858 г., «не озаботилась устройством для крестьян на новом месте их жительства ни изб, ни других принадлежностей». В 1846 г. на 106 д. м. п. было всего 26 изб. К 50-м годам положение в этом отношении еще ухудшилось. По исследованию следственной комиссии 1856 г., налицо оказалось лишь 16 изб. Из них 13 изб было господских и лишь 3 принадлежало крестьянам. Следовательно, со времени переселения крестьяне не имели возможности отстроиться самостоятельно. Избы эти найдены были «почти в совершенно разоренном положении, а некоторые и близки к падению». «Хаты, или лучше сказать мазанки», как их определил вице-губернатор, были «все крыты камышом с примесью соломы»... «все ветхи и от дождя к защите ненадежны». Хаты состояли из сеней и жилой

---

[1]) Это показание подтверждалось под присягою окольными жителями станиц в числе 186 чел. и отзывом и. д. уездного предводителя дворянства.

комнаты с «весьма плохими» печами и стенами. Возле хат «только около шести имеются базы[1]), но и те без надлежащей огорожи, ибо имеющаяся весьма испорчена. Хлевов же, амбаров и других пристроек вовсе не имеется... Равно нет ни при одной избе огорода»[2]). В этих избах, судя по «именному списку», размещалось 24 семьи, почему в одной избе мы находим 3 семьи, в 6 избах по 2 семьи. Количество крестьян, помещавшихся в этих избах, точно определить невозможно, ибо «Именной список» несомненно в этом отношении составлен небрежно[3]). В списке помечено вместе с арестованными лишь 54 человека[4]). Кроме этих 24 семей в «Именном списке» отмечено 2 семьи (10 душ) дворовых, живущих при господском дворе.

На основании «Именного списка» почти невозможно выделить задворных крестьян и крестьян—месячников («дворовых крестьян»). Можно лишь отметить, что только 11 дворов имели посевы, т.-е. занимались хлебопашеством; в этих 11 дворах отмечено 40 душ об. пола (19 мужчин и 21 женщина[5]). Следовательно, только этих 19 человек можно назвать с натяжкою крестьянами-земледельцами. Семь семей (9 мужчин и 10 женщин) земледелием не занимались, но были ли это «дворовые крестьяне—сказать нельзя, ибо, по удостоверению вице-губернатора Позе, и из «задворных» крестьян многие не сеяли хлеба.

Те семьи, которые ютились в одной избе, вели обычно общее хозяйство: таких общих хозяйств было шесть. Крестьяне-земледельцы вряд ли существовали только земледелием, ибо количество посевов было ничтожно. Сам Гриэльский указывал, что крестьяне имели посеянного озимого и ярового хлеба только 28 десятин. По «Именному списку» можно лишь сказать, что у 8 дворов[6]) было засеяно 205 «саженей» земли. Принимая приблизительно[7]), что «сажень» равняется 0,14 десятины, можно сказать, что каждый двор засевал яровым и озимым немного более $3\frac{1}{2}$ десятин, что составляет немного более $1\frac{1}{2}$ десятины на 1 душу м. пола[8]). Такой надел нельзя, конечно, назвать достаточным. Мы знаем, что надел пахотной земли на 1 рев. д. м. п. в черноземных поволжских губерниях, наиболее подходящих к Ставропольскому уезду, равнялся в Самарской губ.—3,68 дес., в Саратовской губ. — 3,32[9]). Существовать с того надела, какой был у демья-

---

1) Вероятно, дворы. *П. П.*

2) Копия с акта осмотра комиссией изб и имущества крестьян дер. Демьяновки.

3) Так, на все 24 семьи отмечено лишь трое детей, что, конечно неверно, ибо, по донесению жандармского офицера Пальшау, в то время в Демьяновке налицо было 21 человек детей. Мы не встречаем, например, в списке Осипа Логинова, имевшего семью из 5 человек и считавшегося зажиточным крестьянином.

4) 26 мужчин, 25 женщин и 3 девочки.

5) Эти 40 душ составляли 17 семей. На каждый из этих 11 дворов приходится 3.6 чел. об. п. или 1,7 д. м. п.

6) 35 душ об. п. или 17 мужчин и 18 женщин, из них 3 девочки. На двор приходится в среднем 4.3 д. об. п. и 2,1 д. м. п.

7) Полагая, что 28 десятин, указанных Гриэльским, как крестьянский посев, равняются 205 „саженям“ земли.

8) 0.8 десятины на 1 д. об. пола.

9) *Игнатович*. Помещ. крестьяне накануне освобождения, изд. III, стр. 103.

новских крестьян, было, конечно, нельзя, и крестьяне должны были или нищенствовать или иметь посторонние средства существования, которые они и имели от заработков у казаков и на работе у своего помещика.

Крестьяне до 1856 г. приносили лишь безуспешные жалобы на своих помещиков, но неповиновения, повидимому, не оказывали или почти не оказывали. Правда, крестьяне были наказаны за неповиновение в 1841 г., два раза наказывались в 1846 г., но за какие действия — неизвестно. По словам Гриэльского, после составления прошения в октябре 1855 г. были какие-то ослушания в декабре того же года. Все это указывает, что брожение в Демьяновке шло постоянное, озлобление против помещика нарастало, и в 1856 г. прорвалось только то, что накоплялось в крестьянах десятилетиями. Вице-губернатор Позе, ознакомившись во время следствия с настроениями крестьян в Демьяновке, писал «о давней ненависти, которую они теперь питают к помещикам». Он надеялся только на то, что «время и спокойная жизнь под справедливым управлением чиновников... если не изгладят, то ослабят в них» эту ненависть. Зная это, можно было только удивляться, что эта ненависть не вылилась в 1856 г. в эксцессах, а протекла почти тольв формах забастовки. Правда, Гриэльские в своих прошениях жаловались, что крестьяне разобрали молотильный сарай, овин и одну крестьянскую избу, разобрали скот, овец, хлеб и разную мелочь, обрезали даже сукно и кожу у экипажей. Но зная положение крестьян, вопиющую нужду среди них, не приходится удивляться, что крестьяне разбирали строительный материал для поправки своих разваливающихся хижин и питались, беря хотя бы и тайком с'естные припасы из помещичьих запасов.

Прошение наместнику крестьяне послали с крестьянкой Аксиньей Капитоновой, которая пользовалась среди них большим влиянием. Еще раньше она состояла под судом за «ложный донос в смертоубийстве», как писал Гриэльский. Капитонова была женщиной энергичной, стойкой и настойчивой. Она скрылась из имения, пробралась в Тифлис и подала прошение лично наместнику. Вернувшись, она рассказала крестьянам об отличном приеме ее наместником и об обещании безнаказанности. Мало того, по ее словам, крестьян обещали освободить из-под власти помещиков. Появление в деревне членов следственной комиссии для расследования крестьянских жалоб лишь подтвердило в глазах крестьян справедливость ее слов и подняло авторитет Капитоновой. Необ'явление воли было об'яснено ею недобросовестностью чиновников, якобы скрывших бумагу об освобождении крестьян из-под власти Гриэльских. Этим, конечно, она возбудила недоверие к членам следственной комиссии, на что жаловался жандармский офицер Грабя-Горский.

С появлением в деревне следственной комиссии в конце мая 1856 г. крестьяне забастовали «впредь до разрешения просьбы их о свободе», по словам Ставропольского губернатора Волоцкого. Наступило время полевых работ, косовица, затем жатва, а крестьяне отказывались от всех работ, как своих, так и помещичьих. Они ничего не желали принимать от помещиков, вплоть до хлеба, в котором так нуждались. Они или требовали хлеба из казенных запасных магазинов или предпочитали зарабатывать частным путем

у окрестных казаков, питаться подаянием, залезать в долги у казаков, наконец, даже самовольно брать у того же помещика съестные припасы, но не быть на его иждивении.

Забастовка охватила все слои демьяновских крестьян и длилась два месяца.

Исполняющему должность уездного предводителя дворянства было поручено установить порядок отбывания господских и крестьянских работ. Заботы о продовольствии крестьян, поднятии их благосостояния, равно как и надзор за ними, возложен был до конца следствия на членов следственной комиссии. Гриэльские не пожелали оставаться в имении и в августе 1856 г. уехали в Царство Польское.

Дальнейшие сведения об имении Гриэльских отрывочны. Повидимому, имение все время находилось в казенном управлении, и, наконец, в апреле 1858 г. согласно высочайше утвержденному положению Кавказского Комитета было передано в опекунское управление, а сами Гриэльские были преданы уголовному суду за злоупотребления помещичьей властью.

Как видим на примерах месячников в имениях Майвалдова и Гриэльской, правительство не было склонно в 50-х годах покровительствовать подобному обезземелению крестьян. Озабоченный уже тогда ростом крестьянского движения, Александр II обратил самое строгое внимание на жалобу крестьян Майвалдова, сразу потребовал назначения формального исследования и особого внимания к нему от князя Барятинского. Дела об этих крестьянах рассматривались в Кавказском Комитете; в обоих случаях Кавказский Комитет признал нужным предать помещиков уголовному суду, и лишь особое заступничество кн. Барятинского спасло Майвалдова от суда. В обоих случаях помещиков отстранили от управления имениями и самые имения отдали в опеку, от которой только Майвалдов быстро избавился, безвозмездно освободив крестьян без земли с переселением на казенные земли.

Было бы интересно выяснить дальнейшую судьбу месячников вообще и месячников Ставропольской губ. в частности. Судьбу крестьян Майвалдова мы знаем. Они сделались казенными крестьянами, хорошо обеспеченными землею. Какова была судьба «дворовых» и «задворных» крестьян Гриэльской—мы не знаем. Как видим, следственная комиссия в 1856 г. фактически сохранила прежние группировки крестьян. «Дворовых» крестьян она попрежнему оставила на полном господском содержании; «задворных» крестьян она наделила землею с сохранением 3-дневной барщины. Сохранилось ли это деление в последующее время, мы не знаем.

Какие изменения внесла в их положение реформа 1861 г.—мы также не знаем. Дворянский комитет Ставропольской губ. при составлении проекта освобождения крестьян не предполагал какими-либо особыми правилами урегулировать положение таких безземельных земледельческих рабочих. Он полагал разрешить владельцам дворовых, приписанных к населенным имениям, причислять к сельским обществам, при чем дворовых надлежало наделить бесплатно усадебною оседлостью с распространением на них всех прав и обязанностей крестьян. По окончании же переходного периода такие дворовые могли по желанию перейти в другие свободные состояния.

Дворянский комитет мотивировал это тем, что в Ставропольской губ. дворовые в населенных имениях не составляли исключительно домашнюю прислугу, особенно в мелкопоместных имениях, и в казачьем быту употребляются на хозяйственные работы одинаково со всеми прочими крестьянами. Кн. Барятинский также полагал дворовых, приписанных к населенным имениям, наделить землею и подчинить общим с крестьянами правилам. Подобного же мнения держался и губернатор Волоцкой. Их мнения, однако, не получили утверждения. Но многоземельность Ставропольской губ., обилие свободных казенных земель привела сама собою к благополучному земельному устройству крестьян-месячников. После 1861 г. крестьяне Ставропольской губ. сами массами оставляли помещичьи села, отказываясь от земли, от составления уставных грамот и зачислялись в крестьяне казенных селений. После того наместник кавказский утвердил особое постановление по крестьянским делам присутствия, по которому крестьяне могли прекратить свои обязательные отношения к помещикам по особым договорам, несмотря на выданные уставные грамоты, при условии перечисления в другие сословия и оставления в пользу помещиков построек, произведенных до реформы 19 февраля 1861 г. Крестьяне широко воспользовались этим правом и массами стали бросать свои усадьбы и земли в помещичьих имениях и—в порядке 128 ст. местного Положения Великороссии—перечисляться частью в крестьяне казенных селений, а частью в мещане разных городов. В этом потоке исчезли и месячники Ставропольской губернии.

В других губерниях судьба обезземеленных помещиками крестьян оказалась не столь счастливой. Как знаем, Положение 19 февраля 1861 г. разрешило этот вопрос не в пользу дворовых, являвшихся безземельными земледельческими рабочими. Оно даже не выделило их в особую категорию. Право на участие в пользовании земельным наделом на одинаковом с крестьянами положении, было предоставлено лишь тем дворовым, которые до обнародования указа 2 марта 1858 г. сами лично, отцы их или родные братья пользовались надельной мирской землей или по крайней мере крестьянскою усадебною на деревне оседлостью. Этим самым дворовые земледельческие рабочие должны были остаться пролетариями и после 19 февраля 1861 г.

С. Д. Куниский

Жорес-историк[1])

(Продолжение)

XII. Проблема собственности

Предыдущее изложение концентрировалось вокруг одного пункта, сводившегося в его наиболее краткой и общей формулировке к тому положению, что историческая мысль Жореса была насквозь пронизана известной двойственностью, которая в области теоретической выражалась в довольно ярком эклектизме, а в области политической находила свое выражение в каком-то причудливом сплетении «революционизма» с оппортунизмом. В нашу задачу пока не входило выяснение источников этого дуализма и его эволюции в историческом творчестве Жореса. Эта задача будет выполнена в другом месте и в другой связи. Теперь же необходимо проследить то, как основные черты исторического гения Жореса отразились на изучаемых им конкретных исторических явлениях.

Основным и почти единственным историческим трудом Жореса является его «Социалистическая История Великой Французской Революции». Естественно поэтому. что круг проблем, захваченных исследованием Жореса, относится по преимуществу к Великой Революции. Именно в области этой последней он произвел кардинальную научную работу. Очень глубокий и оригинальный анализ экономической, социальной и политической эволюции Франции за указанный период составляет содержание этой большой работы.

Но Жорес занимается не только микроскопическим анализом всей социально-экономической и политической ткани революции, он кроме того ставит общий вопрос об ее историческом значении. Какова великая историческая миссия Революции,—вот вопрос, выраженный в терминах Жореса. К этому вопросу можно подойти с двух сторон: с точки зрения об'екта революции и с точки зрения ее суб'екта. Об'ектом революционного процесса, его содержанием является вся сумма социально-экономических и политических вопросов, из-за которых ведется классовая борьба в самых обостренных ее формах. Социальная проблема, самая острая проблема революции, она-то наиболее тесно и приковала к себе внимание Жореса. Ее осью является вопрос о собственности, о трансформации феодальной ее

[1]) Начало см. журнал „Историк-Марксист“, № 2.

формы в буржуазную, о конституировании этой последней и о перераспределении ее. Над всем этим Жорес часто и подолгу задумывался. Не меньший интерес представляет собой и политическая проблема, стержнем которой был вопрос о власти. Сам страстный политический борец, Жорес и здесь оставил нам образец тончайшего анализа того многообразия форм борьбы за власть, которое развернула революция. И на ряду с этим он дал и общую оценку того политического наследства, которое она завещала.

Суб'ектом революции являются классы, именно они являются или двигателем революции или тормозом ее. Следовательно, если подойти к вопросу об оценке Великой Революции с точки зрения ее суб'ективного элемента,—значит поставить проблему движущих сил ее. Мы приходим, таким образом, к тому выводу, что общая оценка революции влечет за собой постановку ряда проблем: проблемы собственности, борьбы за власть и движущих сил революции.

Несомненно, Жорес прекрасно усвоил ту азбучную истину марксистской истории, что Французская Революция была классическим образцом буржуазной революции, что она уничтожила старый общественный строй для того, чтобы на его развалинах воздвигнуть новый социально-политический порядок, который должен был выражать интересы буржуазии и расчистить ей дорогу для дальнейшего экономического роста. Все это было бы доступно и не для такого глубокого аналитического ума, каким обладал Жорес, но беда его заключалась в том, что этот большой ум был теоретически раздвоен. То, что было бы правильно разрешено историком неизмеримо меньшего масштаба, чем Жорес, но историком, обладающим мощным орудием марксистского анализа, то бывало зачастую не под силу Жоресу только потому, что он хотел исторический материализм сделать лишь второй половинкой своего миросозерцания.

И вот в силу этого обстоятельства Жорес который сумел дать правильное общее понимание революции 1789 года, спотыкается, когда ему приходится входить в подробности. Посмотрим, например, как он решает вопрос о классовом характере революции. «Причиной того, что революция послала как в Учредительное, так и в Законодательное Собрания и Конвент только незначительное число купцов,—пишет Жорес,—лежит не только в том, что купцы и промышленники не могли свободно отрываться от своих предприятий, управление которыми в то время еще не было сосредоточено в Париже, в советах анонимных обществ. Не играло существенной роли и то обстоятельство, что промышленники и купцы не имели привычки к публичным выступлениям в такой степени, как юристы, что так необходимо при демократическом строе. Об'яснения следует искать в том, что в силу какого-то инстинкта революция не захотела наложить на свое великое дело узко-классового отпечатка. Два фактора породили революцию: экономический рост буржуазии и движение человеческой мысли; отсюда сознание того, что только в законе способны найти свое выражение и общая воля народа и широкое понимание человеческих отношений. Вот почему после 10 августа Законодательному Собранию было легче провозгласить все-

общую подачу голосов, чем Собранию, состоящему из промышленной буржуазии, из капиталистов и фабрикантов, для которых сложившиеся в процессе производства отношения господства и подчинения стали чем-то непререкаемым» [1]).

В этом отрывке имеется отблеск правильной мысли, сводящейся к тому, что буржуазные юристы выражали интересы своего класса, взятого в целом, чего не было у собственно буржуазных представителей. Но это драгоценное зерно истины выражено в столь искаженно-идеалистической форме и тонет в такой массе неверных и просто банальных утверждений, что приходится спросить себя: не принадлежит ли это перу какого-нибудь заурядного буржуазного филистера. В верховных органах революционной Франции потому-де преобладали юристы, что «революция не хотела наложить на свое великое дело узко-классового отпечатка», и не кто иные, как юристы должны были положить конец «буржуазному эгоизму». Как это все беспомощно звучит! Как будто буржуазные законники не были приказчиками буржуазии, как будто они не были высшим выражением «буржуазного эгоизма»! Как будто и теперь в эпоху высшего расцвета «буржуазного эгоизма» буржуазия не доверяет своих интересов адвокатам! От Жореса можно было бы ожидать более глубокого анализа.

Как бесконечно далек Жорес от материалистического понимания истории, когда вместо действительно об'ективного анализа деятельности Конвента с точки зрения его классовых тенденций он старается защитить его от упрека в классовом эгоизме. «Ставя собственность под защиту нации, пишет Жорес, Конвент отнюдь не проявлял буржуазного эгоизма. Класс бывает эгоистичным тогда, когда во имя своих узких интересов он противодействует наступлению новой социальной формы, подготовленной всем ходом событий и умственной эволюцией... Когда социалисты обвиняют или осуждают Конвент, когда они низводят его на степень классового собрания, они недооценивают значение его деятельности, благодаря которой только и мог расцвести современный социализм» [2]).

Жорес не понимает, что историческая заслуга Конвента именно в том и заключалась, что он наиболее ярко, наиболее четко, наиболее последовательно выразил интересы буржуазии, как класса. Неужели такого опытного историка, как Жорес, могла обмануть фразеология ораторов Конвента, которые выступали якобы от имени всей страны, но, на самом деле, под последней понимали буржуазную ее часть? Нет, дело не в этом. Он сам часто умел вскрывать действительную сущность этой ораторской риторики, но в нем жило какое-то инстинктивное преклонение перед общечеловеческими идеалами, перед абсолютными ценностями, перед высшими этическими нормами, и весь этот идейный хлам, унаследованный им из Ecole Normale, тяготел мертвым грузом на всех его общих исторических построениях. Отсюда спасительный ужас перед классовым эгоизмом, совершенное нежелание понять, что именно классовые интересы определяют тот или иной

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Франц. Рев., т. III, вып. I, стр. 86.

[2]) Там же, т. III, вып. I, стр. 132.

ход исторического процесса и что правильно понятый классовый интерес именно и является высшей моральной ценностью.

Вполне естественно, что буржуазия стремилась свои задачи и цели канонизировать, обессмертить их и превратить в обще-человеческие идеалы. Это совершенно здоровое стремление революционного класса, идущего к власти, Жорес принял за чистую монету исторической правды, и в этом выразилась его непоследовательность, его двойственность. Он, как маятник, качался между «общечеловеческими идеалами», которые были застывшими и искаженными отображениями беспрерывно менявшейся динамики классовой борьбы, и материальными интересами, которые, на самом деле, определяли поток исторической действительности во всей его конкретности. Первые были мнимыми, вторые действительными регуляторами общественной жизни. Жорес часто принимал первые за вторые и, благодаря этому, утрачивал чутье исторической действительности: именно образчик такой атрофии чувства реальности мы и встретили выше, в примере с так называемым «эгоизмом буржуазии». Но можно привести и другие случаи, когда тот же Жорес отлично понимал всю социальную относительность «общечеловеческих идеалов». «Для нее (буржуазии),—пишет он,—было безопасней выставить в качестве боевого сигнала высокий идеал—право человека, хотя бы даже этому гордому сигналу и суждено было вскоре привести в движение массы наемных рабочих, стремящихся к новым революциям. Чтобы занять высокие позиции для битвы, революционная буржуазия должна была возвыситься до человеческой точки зрения, рискуя не остаться в пределах свойственного ей права, и предвозвестить новое право. Величие революционной буржуазии и состоит в этой классовой неустрашимости, в этом бесстрашном пользовании вновь выкованным оружием, хотя бы даже истории было суждено впоследствии обратить оружие против победителя. Именно поэтому революционное дело имело универсальное значение для целого исторического периода» [1]).

Здесь мы встречаемся с облеченным в поистине великолепную форму правильным пониманием универсальных лозунгов буржуазии, и можно задать себе вопрос, как это у Жореса умещаются два таких различных понимания, как вышеприведенные. Но разрешения этой загадки надо искать все в той же двойственности его идеологии.

Переходя к анализу проблемы собственности, которую мы выше определили, как один из главных об'ектов исследования Жореса, мы здесь встретим глубокое понимание главнейших ее моментов. Вопросом о собственности Жорес занимался очень много, он его считал одним из центральных вопросов. Проблема собственности рассматривалась Жоресом с разных точек зрения. С большим вниманием он прослеживает процесс разрушения феодальной формы собственности и конституирования буржуазной ее формы. Жорес великолепно понимает всю относительность этого главного социального института и противоположность феодальной и буржуазной его форм. С свойственным ему тонким пониманием, он часто вскрывает совер-

---

1) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, пер. Водена, стр. 237—238.

шенно новое содержание в старых прогнивших формах и, наоборот, он нередко показывает, как мощный расцвет буржуазных форм собственности тормозится благодаря нелепым наростам старого порядка.

Буржуазии нужно было обосновать свое новое право собственности, нужно было подвести под нее прочный фундамент. Она обращается к естественному и историческому праву и показывает, что феодальная собственность противоречит и тому, и другому. Жорес вскрывает всю трудность задачи, которая стояла перед буржуазией: она должна была взорвать старую форму собственности, но оставить незыблемым и, даже больше того, еще крепче утвердить самый принцип собственности. Задача в высшей степени щекотливая, и Жорес на анализе наказа Парижа показывает, как умело буржуазия справилась со своей задачей. Умелая и сокрушительная критика феодальной собственности не только не наносила ущерба «священному принципу», но еще в большей степени утверждала его»...

Жорес уловил диалектическую постановку вопроса у революционной буржуазии: последняя доказывала, что буржуазная форма собственности соответствует как историческому, так и естественному праву, но эта концепция выводилась из того, что феодальная собственность находилась в полном противоречии с тем и другим.

Поскольку собственность об'являлась неот'емлемой частью человеческой природы, постольку исторически данная форма ее увековечивалась, и, наоборот, поскольку другая форма собственности об'являлась противной человеческой природе, постольку она вычеркивалась из анналов истории, и это давало право уничтожить ее, не колебля в то же время величайшего института буржуазно-капиталистического общества. С другой стороны, феодальная собственность противоречила конкретным историческим условиям и еще поэтому должна была быть заменена другой, более адэкватной исторической действительности, формой. Вот сколь тонкую диалектику мысли открыл Жорес в наказах буржуазии, которые касались одной из центральных проблем Революции!

Аналогичный ход мыслей Жорес открыл в самой «декларации прав человека и гражданина». И здесь вся трудность для революционной буржуазии, по мнению нашего историка, заключалась в том, чтобы увязать естественное право с историческим. Сходство это является не случайным, а обусловливается тем, что в основу декларации был положен текст наказов парижской буржуазии, при чем в составлении проекта ее даже участвовали депутаты Парижа.

Надо вообще отдать справедливость Жоресу, что он, как никто до него, использовал наказы для освещения некоторых сторон социальной и экономической жизни предреволюционной Франции. Правда, он не произвел систематического анализа их (да это было бы и не под силу одному человеку в виду исключительно-большого количества наказов), но он показал, что можно сделать на основе анализа такого благодарного материала. Жорес исследовал по наказам только аграрные отношения Франции накануне революции, но зато здесь он со свойственной ему щедростью рассыпал полной рукой обширные тексты из этого сырого материала. Там

затрагивались вопросы тогдашней земледельческой техники, расслоения деревни, взаимоотношений сеньеров и крестьян и т. д., но все эти вопросы были связаны цементом основной идеи Жореса о формах собственности.

Раньше всего и здесь Жорес обращает свое внимание на борьбу условной феодальной собственности с буржуазной, которая властно требовала себе полной свободы и выражала явную тенденцию стать неограниченной и эмансипироваться от всяких попыток запрячь ее в железную узду феодальных повинностей.

С неменьшим интересом Жорес занимается и общинными формами землевладения, этим атавизмом раннего периода истории человечества. Жорес спускается в самые низы французского дореволюционного общества, чтобы пристальней «всмотреться в крестьянскую жизнь, чтобы подслушать ее биение» [1]). Он внимательно прослеживает состояние общинных угодий, определяет отношение к ним различных слоев французской деревни и даже входит в такие детали, что исследует вопрос о праве выпаса и прогона. Этот микроскопический анализ дает Жоресу возможность проследить борьбу различных форм собственности, отживших и отживающих, с новыми формами, нарождающимися и расцветшими. Сопоставление таких причудливых пережитков социально-экономической жизни, как право выпаса или прогона, с такими современными формами собственности, как собственность фермера-капиталиста, давало Жоресу огромный материал для различного рода выводов.

Жорес, например, утверждает, что «уже в 1789 году разрыв между буржуазией и народом был гораздо более резок в деревнях, чем в городе» [2]). Вывод, во всяком случае, оригинальный, и он сделан именно на той основе, что в деревне мы, между прочим, имеем гораздо большее разнообразие форм собственности, чем в городе, благодаря чему наблюдалось более резкое обострение классовых противоречий.

Жорес показывает, между прочим, и то, как революционная буржуазия теоретически обосновывает и конструирует новое понятие собственности; прослеживает он также и конкретные исторические процессы разрушения феодальной собственности, перераспределения собственности между разными классами и создания на этой базе новых экономически сильных классов. В этом смысле он придает большое значение конфискации церковных, монастырских и эмигрантских земель и их распродаже. Именно здесь буржуазия должна была приложить свою теорию, согласно которой феодальная собственность по самому существу своему является незаконной, и что поэтому конфискация известного рода имуществ не является нарушением величайшего принципа революции—неприкосновенности собственности.

Распродажа национальных имуществ привела к большому перемещению собственности, но кто больше всего выиграл от этого процесса, так и не выяснено до сих пор. Во-первых, для выяснения этого вопроса необходимо знать, как была распределена земля между различными классами до революции. Во-вторых, необходимо произвести очень кропотливую работу по

---

[1]) *Жорес.* Ист. Вел. Фр. Рев. т. I, стр. 166.

[2]) Там же. т. I, стр. 173.

анализу запродажных документов, которые разбросаны по департаментским архивам. Этим детальным анализом занимались Лучицкий, Минцес, Гилльмо, Рувьер, Лежэ и др. Жорес знает их работы и постоянно пользуется их данными, но он не следует рабски за их выводами, а делает самостоятельные заключения из собранного ими материала, иногда внося даже некоторые поправки. Надо сказать, что сам Жорес не обращался в этом вопросе к архивному материалу, но со свойственной ему широтой он пользуется данными из всех названных работ, цитируя оттуда длинные списки покупателей национальных имуществ. Жорес как бы испытывал особое наслаждение при этом, так как он с головой окунался в самые будни революции. Он любит прослеживать эти чуть заметные внутримолекулярные процессы в социальной ткани революционной Франции. «Необходимо,—пишет он,—чтобы как при изучении прошлого, так и при изучении настоящего, пролетариат перестал довольствоваться общими формулами и ознакомился с подлинною реальностью» [1]).

К каким же выводам приходит Жорес относительно перемещения земельной собственности в результате распродажи национальных имуществ?

По его мнению, наиболее значительная часть их досталась городской буржуазии, но если количественно крестьянам досталось немного, то, во всяком случае, вследствие дробности продаж, большое число крестьян оказалось заинтересованным в конфискованных национальных имуществах. Буржуазия, захватившая, по расчетам Жореса, около пяти шестых церковных земель, должна была не менее цепко держаться за свою новую собственность, чем крестьяне. Все это вместе взятое представлялось Жоресу грандиозным социальным процессом, вызвавшим перетасовку во всех общественных отношениях. Разрушение самых устоев старого общественного порядка находит себе отражение в следующей картине, широко набросанной Жоресом: «...Происходил непрерывный процесс перехода собственности из одних рук в другие. В течение этих исключительных годов почти каждый день значительная часть церковных или дворянских имуществ переходила в руки буржуазии; почти каждый день частица церковных земель или дворянских имений переходила в крестьянские руки; совершался глубоко захватывающий революционный процесс» [2]).

Диалектика истории заключалась здесь в том, что революция, разрушая собственность церкви и эмигрантов, этим еще больше укрепляла буржуазную собственность. «Она (т.-е. революция. *С. К.*) знала, что между корпоративной собственностью церкви и индивидуальной собственностью есть огромное различие и что можно отменить первую, не задевая второй. Она знала также, что, вырывая у эмигрантов имущества, которые они могли использовать против свободы и против Франции, она делала необходимое дело защиты и спасения» [3]).

Если процесс консолидации буржуазной собственности представляет, как мы видели выше, для Жореса огромный интерес, то другая сторона

[1]) *Жорес*. Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 391.

[2]) Там же, стр. 405.

[3]) Jaurès. Hist. soc. de la Révol. Fr., t. VII, p. 90.

этого же процесса, которая составляет необходимое к ней дополнение, а именно—разрушение феодальной собственности, мало интересует нашего историка. По крайней мере, это приходится констатировать на основании того, что конкретная история отмены феодального режима на всем протяжении революции, занимает у него мало места. Так, например, очень немного внимания уделяется вопросу о знаменитой ночи 4 августа, и хотя Жорес разрушает одним из первых легенду о мнимом великодушии дворянства и показывает, что его действия представляли собой не больше, чем маневр, тем не менее, выносится впечатление какой-то неполноты и незаконченности анализа.

Гораздо большую ценность имеет исследование деятельности Легислативы в этой области. Жорес дает в некоторых местах прекрасный, прямо марксистский анализ. Самым замечательным является то обстоятельство, что Жорес сам становится на почву революционного права и беспощадно высмеивает тех буржуазных юристов, которые, понимая всю необходимость отмены феодальных повинностей без выкупа, но боясь того, что это послужит грозным прецедентом для покушения на буржуазную собственность, ищут всевозможных формул и исторических оправданий для того, чтобы благополучно провести корабль революции между Сциллой крестьянских восстаний и Харибдой покушений на священный принцип собственности. Но если часть буржуазии проявляет такое глубокое непонимание движущих моментов революции, такую узкую ограниченность, то Жорес приводит речи представителей и другой части буржуазии, которая умеет стать на более широкую классовую точку зрения и понять, какого мощного защитника революция приобретет в лице крестьянства, освобожденного от феодального гнета одним быстрым ударом. Жорес дает мастерской анализ обеих этих тенденций буржуазии.

Излагая историю Конвента, Жорес уделяет очень мало места вопросу о разрушении феодализма. Достаточно сказать, что о законе 17 июля Жорес не находит ничего сказать, кроме нескольких фраз о том, что буржуазия, уничтожив феодальные повинности, оставила в неприкосновенности буржуазные формы земельной собственности. Зато там, где был малейший след феодального права, он беспощадно уничтожался, и это больно ударило по той части буржуазии, которая из тщеславия хотела сохранить хоть какую-нибудь видимость феодального великолепия. По этому поводу Жорес замечает: «Тем хуже для тщеславных буржуа, которые хотели бы посыпать немножко феодализмом их контракты, основанные на буржуазной земельной ренте» [1]).

В общем следует придти к тому выводу, что такая же печать поспешности, какая лежит на обоих томах о Конвенте, лежит и на исследовании вопроса о заключительных стадиях раздела общинных земель и распродажи национальных имуществ.

---

1) Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr. Edition revue par Mathiez, t. VIII, p. 188.

XIII. Пролетариат и социализм

До сих пор мы видели, что собственность была для Жореса как бы тем оселком, на котором он оттачивал все проблемы революции. Мысль революции заострялась на этом моменте, и стержнем всех крупнейших революционных событий являлась, с точки зрения Жореса, все та же проблема собственности. Исследование Жореса подошло к ней с двух сторон: во-первых, с точки зрения творческой, поскольку буржуазия в огне и бурях революции создавала новую форму собственности, и, во-вторых, с точки зрения разрушительной, поскольку буржуазия уничтожала старую феодальную собственность и на этой основе производила глубочайшие сдвиги в социальных отношениях эпохи.

Но Жорес знал еще третий подход к этому величайшему вопросу революции. Если к последнему можно было подходить с точки зрения его прошлого и настоящего, то автору «Социалистической Истории» было позволительно проникнуть своим взглядом и в будущее: Жорес жадно ищет элементов будущей социалистической, коллективистической собственности в революции, так как с этим для него связана глубоко реформистская мысль о вызревании социалистической формы в недрах капиталистической. Жорес посвящает этому вопросу целый очерк (правда, в другом месте); в связи с общими основами своего миросозерцания он глубоко интересуется этой проблемой [1]). Совершенно естественно, что, изучая величайшую буржуазную революцию, он и здесь с глубочайшим вниманием наблюдает процесс нарастания социалистических элементов.

В чем это нашло свое выражение у Жореса? Прежде всего в том, что его анализ забирается в самые недра революции, прослеживаются мельчайшие процессы капиллярного характера, ибо совершенно очевидно, что без такого микроскопического исследования трудно уловить в классической буржуазной революции проблески социалистических идей и стремлений. В то же время Жорес прекрасно сознает, что основным носителем социализма является все-таки пролетариат, и поэтому очень тщательно прослеживает роль последнего в революционном процессе. Он наблюдает зачатки, следы, эмбриональные явления, ибо отлично понимает, что «неприметная складка внутри зародыша вызывает при дальнейшем его развитии неожиданные последствия» [2]). В этом отношении Жоресу бесспорно принадлежит большая заслуга. Если его можно в чем-нибудь обвинить, то во всяком случае не в том, что он недооценил элементов социализма, а скорее в том, что он их переоценил.

Правда, сам Жорес думает иначе. «Мне кажется,—пишет он,—что нас нельзя обвинить в том, что под влиянием социалистических идей мы преувеличили роль пролетариата во Французской революции. Напротив, я отметил, насколько скромна и незначительна была его роль на первых порах. Но я проследил также, как быстро возросло его значение, благодаря

---

1) См. „De la propriété individuelle" в сборнике Etudes sociales.

2) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 122.

непрерывной деятельности и смелому применению революционного идеализма к экономическим и социальным проблемам»[1]). Однако, несмотря на эти слова, следует признать, что кой-где темп этого роста значения пролетариата в революции преувеличен.

Жорес в гораздо большей степени готов согласиться со словами Энгельса о том, что «демократическая республика была в 1793 году орудием диктатуры пролетариата», чем с глубоким замечанием Маркса о том, что по существу «весь французский терроризм был не что иное, как плебейской манерой справиться с врагами буржуазии»[2]). По этому поводу Жорес пишет: «Но манера не безразлична, и, по мере того, как пролетариат все более и более активно вмешивался в ход буржуазной революции, он проявлял все более и более сознательное отношение к своим собственным интересам; политическая деятельность народа сопровождалась грандиозной агитацией в пользу повышения заработной платы. Поскольку дело шло о вопросе снабжения провиантом, провозглашение права на жизнь получило совершенно новый и глубокий смысл, и сама декларация прав человека, под влиянием политической деятельности пролетариев, мало-помалу проникалась смелой идеей, подготовлявшей коммунизм Бабефа»[3]).

И надо сказать, что Маркс гораздо правильнее поставил и гораздо глубже разрешил проблему социализма и роли пролетариата во Французской революции, чем это сделал Жорес. Является по меньшей мере поверхностным думать, что «агитация в пользу повышения заработной платы» или борьба за таксацию цен на предметы первой необходимости есть проявление «все более и более сознательного отношения к своим собственным интересам» со стороны пролетариата. Борьба за заработную плату является выражением того органического факта, что всякое живое существо стремится к сохранению своего жизненого уровня, и понятно, что в неменьшей степени это стремление свойственно и пролетариату. Таксация цен и максимум были, как лозунг, выставлены мелкой буржуазией, и речь могла итти только о том, что пролетариат охотно поддержал эти требования, вполне совпадавшие с его стремлениями.

Когда говорят о росте сознательности пролетариата, то под этим в первую голову подразумевают самоутверждение его, как класса, противопоставление его буржуазии и проникновение его идеями социализма. Ибо пролетариат становится сознательным только тогда, когда он становится социалистическим, а социалистическим он становится тогда, когда властные законы экономического развития и классовой борьбы ставят его в положение антагониста буржуазии. Но именно всего этого и не было во время Великой Французской революции; поэтому вышеуказанные положения Жореса надо считать преувеличенными. Эти преувеличенные представления его могут быть поставлены в связь с тем, что у Жореса нет точного научно-отграниченного понимания пролетариата. Он или заменяет его часто понятием

---

1) *Жорес,* Ист. Вел. Фр. Рев. т. I, стр. 598.

2) Там же, стр. 598 — 599.

3) Там же, стр. 599.

«народ» или просто расширяет его пределы путем включения в него элементов мелкой буржуазии и даже крестьянства[1]). При таком некритическом отношении к понятию «пролетариат» Жорес может принять за пролетарское или социалистическое то, что является по существу мелкобуржуазным. Именно это и случилось с ним.

Главная трудность, которая стояла перед Жоресом, заключалась в том, чтобы в революции, носившей сугубо буржуазный характер, увидеть проблески социалистических идей и движений. Для этого необходимо было опуститься на самое дно революции и изучить ее глубочайшие подводные течения. Эта задача была вдвойне трудна у истоков революции, когда и буржуазный характер ее был еще отчасти завуалирован.

Выясняя причины революции, Жорес сразу указывает на то обстоятельство, что удельный вес пролетариата Парижа не мог быть велик: он был совершенно не организован, и его классовое самосознание было в буквальном смысле слова в зачаточном состоянии. Да и экономическое его положение, по словам Жореса, было далеко не плохим: «Парижская буржуазия, — отмечает он, — доставляла парижскому пролетариату достаточное количество работы и ресурсов»[2])...

Вполне естественно, что мысль такого рабочего еще совершенно не была занята проблемами социализма или, как выражается Жорес, «сознание пролетариата еще было настолько же невыясненно и неопределенно, как и сам пролетариат»[3]). Отсюда понятно, что в течение первых месяцев революции он не только мирно уживался с буржуазией в недрах одного третьего сословия, но что он отдал ей целиком и полностью роль гегемона. «Очевидно, час пролетариата еще не пробил на колокольнях революционного Парижа»[4]).

Те ростки социализма, которые еле-еле пробивались на поверхность общественной жизни (Жорес называет имена Мелье, Морелли, Бабефа), были совершенно недоступны пониманию тогдашнего пролетариата, ибо он занимал в производстве промежуточное положение, и уже это одно определяло уровень тех социалистических идей, которые могли быть восприняты им. К сожалению, Жорес почти совершенно не анализирует состава парижского пролетариата, а это, может быть, могло бы навести его на самые глубокие корни предреволюционного социализма.

Это не мешает Жоресу дать совершенно правильную характеристику реакционного социализма Ленгэ и Мабли. Он обвиняет Лихтенбержэ в том, что тот совершенно не понял ретроградного характера социализма этих писателей, которые смотрят не в будущее, а в прошлое. Назад от городской культуры и от машинной индустрии к мелкому производству, к феодализму, к деревенскому идиотизму! Эта идеология глубоко чужда Жоресу, и он

---

1) Такое понимание можно встретить в статьях Жореса о Либкнехте в Etudes Sociales.

2) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 108.

3) Там же, стр. 108.

4) Там же, стр. 113.

отказывается назвать ее социалистической. «Лихтенберже,—замечает он,—недостаточно выясняет ретроградный характер этого мнимого социализма»[1].

Жорес вообще при всяком удобном случае напоминает о том, что примитивный аграрный коммунизм не имеет ничего общего с современным социализмом. Анализируя наказы, он останавливается на весьма распространенном во французской деревне праве бедняков собирать колосья после жатвы (droit de glanage), обычае, который является остатком общинного коммунизма. По этому поводу Жорес разражается следующей пламенной тирадой: «Нельзя уподоблять того грандиозного коммунизма, к которому в настоящее время стремится социалистический пролетариат, этому жалкому и примитивному коммунизму. Когда установится коммунистический строй в современном смысле слова, работникам не придется, подобно нищим, тайком подбирать колосья на чужой земле: они общими силами будут гордо пожинать обильную общую жатву, избавленную от всяких буржуазных и дворянских захватов»[2]. Это, понятно, написано в стиле Жореса, но в данном случае нас интересуют не красоты жоресовского стиля, а то, что он выносит за одну скобку и феодальный социализм какого-нибудь Ленгэ или Мабли, и примитивный коммунизм французского крестьянина и поступает в этом случае совершенно правильно, ибо социальная значимость обоих, независимо от их внешней формы, совершенно одинакова.

Таким образом, Жорес расценивает французский дореволюционный социализм с качественной стороны очень невысоко, но даже и этот низкопробный социализм не находил никакого отклика среди пролетариата[3]. Последний, по его мнению, не был способен даже на то, чтобы вести последовательную борьбу за демократические требования: по крайней мере, Жорес не находит ни одного указания в этом направлении в наказах. «Впрочем,—соображает он,—даже если бы пролетарии и были классово сознательны, могли ли бы они вести самостоятельную от буржуазии политику? Могли ли рабочие вести борьбу с буржуазией в тот самый момент, когда последняя вела сама борьбу со старым порядком?» Жорес полагает, что об'ективно это было бы на руку старому режиму. «Итак, даже в том случае,—пишет он,—если бы у пролетариев уже пробудилось ясное классовое сознание, даже, если бы они составляли рабочее третье сословие, отчетливо отделяющее себя от буржуазного третьего сословия, они все-таки, в собственных интересах, пошли бы рука об руку с революционной буржуазией»[4]. Предположение это—само по себе достаточно бесплодно, но оно характерно для исторической манеры Жореса, который не переставал быть политиком и тогда, когда он выступал в качестве историка.

---

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 110.

[2]) Там же, стр. 151.

[3]) Жорес находит во французской революции и более высокопробный социализм. В частности ему принадлежит, если так можно выразиться, открытие лионского социалиста л'Анжа. Кроме того, он детально излагает Доливье и Жака Ру. Относительно коммунизма последних, впрочем, в литературе существуют разные мнения.

Жорес не забывает и раннего Бабефа и на всем протяжении революции следит за его судьбой. Но обо всех этих проявлениях ранней социалистической мысли будет итти речь в другой связи.

[4]) Там же, стр. 112.

Здесь не только констатируется факт слабого развития самосознания пролетариата, но указывается на то, что если бы даже имело место обратное, то и тогда всякая иная тактика рабочих, кроме союза с буржуазией, была бы нецелесообразна.

Нечто аналогичное и по форме, и по существу мы встречаем дальше. Жорес рисует перед нами процесс создания декларации прав в Конституанте, и, понятно, больше всего его интересует постановка проблемы собственности. Революционная буржуазия прокламирует перед всем миром свои основные принципы. С исключительной нетерпимостью, которая свойственна всякому революционному классу, когда он создает новые общественные формы, буржуазия согласна признать только одну разновидность собственности: перед судом истории и природы не выдерживает критики ни феодальная форма собственности, ни социалистическая.

Однако, здесь Жорес не может воздержаться, он сам вмешивается в прения и дает слово от себя предполагаемому социалисту или коммунисту, который должен констатировать глубокое противоречие между священными принципами, декларированными на бумаге, и действительностью, представлявшей нечто совершенно иное. «Какими узами,—восклицает этот рупор Жореса,—связан пролетарий с общественным строем? Вы сами признаете его законность, так как вы собираетесь, именно в силу этой зависимости, отказать ему в праве голоса; но в таком случае разве мы можем сказать, что для него общественный порядок означает увеличение первобытных и естественных свобод?» [1]). Вот эти слова жоресовский мифический коммунист должен был бросить в лицо Конституанте.

Он стремится использовать всякий конфликт между буржуазией и феодализмом для того, чтобы выставить оратора-коммуниста в качестве верховного судьи, который должен осудить обоих. Именно такой конфликт возник после знаменитой ночи 4 августа, когда был поставлен вопрос об уничтожении церковной и монастырской собственности. И все снова и снова Жорес с сожалением вынужден констатировать, что «коммунизм был настолько чужд даже и наиболее смелым демократам, что ни одному из членов Учредительного Собрания не пришло в голову утилизировать резкое нападение аббата де-Монтескье на экономистов и на «крупных, свободных и праздных собственников» против всякой праздной собственности» [2]).

Таким образом, Жорес выразил в своеобразной, ему одному свойственной форме ту мысль, что в эпоху Конституанты социалистические тенденции были до ничтожного слабы, а пролетариат находился целиком в плену у буржуазии. Можно ли, однако, на этом основании сделать тот вывод, что он вообще не играл никакой роли в революционной борьбе во время Учредительного Собрания? С этим Жорес не соглашается. На примере массовых революционных выступлений, которые имели место в первые годы революции, Жорес показывает, что пролетариат неизменно выступал, как активная действующая сила, на арену борьбы, правда, не под своими, а под чужими лозунгами.

---

1) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 237.

2) Там же, стр. 231.

XIV. Роль масс в революции

Массы, массовые явления, массовые изменения очень часто выступают в качестве об'екта изучения Жореса. Сплошь и рядом он покидает авансцену истории, на которой происходят блестящие и эффектные столкновения классов, и уходит за кулисы, чтобы там изучить те незаметные, но глубокие изменения в социально-экономической ткани, которые подготовляют эту большую политическую борьбу партий и групп на виду у всех. Глубокие корни этой борьбы уходят в самые недра революции, и для того, чтобы понять действительные реальные мотивы ее, нужно заняться кропотливым изучением экономических и социальных изменений в жизни тех масс, которые творят и делают революцию. Именно этим надо об'яснить то исключительное внимание, которое Жорес отдает изучению социально-экономической эволюции Франции за время революции. Жорес потому и занимается таким детальным анализом наказов, что они отражают быт и жизнь крестьянских масс. Обильно цитируя их, Жорес оправдывает это тем, что «нужно пристально всмотреться в крестьянскую жизнь, чтобы подслушать ее биение» [1]. Или в другом месте, рисуя борьбу сельских рабочих за заработную плату, он замечает: «История, занятая трагическими образами эпохи, пренебрегла собиранием мелких фактов из этой грандиозной борьбы за повышение заработной платы, которая приводила наемных рабочих к горячим схваткам с революционной владельческой буржуазией на каждом заводе, на каждой ферме» [2].

Таким образом, мы встречаем у Жореса правильную марксистскую установку, выражающуюся в том, что он ставит в центре своего исследования жизнь масс. На протяжении всей революции Жорес неизменно останавливается на массовых движениях, будь то движение пролетариата, крестьянства или городской мелкой буржуазии. Правда, он не всегда умеет тонко отличить классовый налет его, но это скорее всего следует отнести за счет нежелания пользоваться прочно-устоявшейся и научно-отграниченной марксистской терминологией: уже отмечалось, например, что Жорес очень некритически пользуется термином «пролетариат» или часто употребляет неопределенное понятие «народ». Понятно, все это не может внести ясности, а, наоборот, иногда затушевывает классовый характер исследуемого явления.

Образцом такой неясности служат следующие слова, в которых Жорес дает оценку взятия Бастилии: «14 июля была одержана не только великая буржуазная, но и великая **н а р о д н а я** победа. Правда, прямое участие сражавшегося **н а р о д а** в этом великом дне не имело для пролетариев никаких непосредственных результатов» [3]. Кого следует понимать здесь под «сражавшимся народом», только ли пролетариев, или и мелкую буржуазию? Это остается неясным, а неясность в этом основном вопросе оставляет открытым и вопрос о соотношении реальных классовых сил, действовавших в этом

---

1) *Жорес,* Ист. Вел. Фр. Рев., стр. 166.
2) Там же, т. III, вып. I, стр. 237.
3) Там же, т. I, стр. 212.

первом великом массовом движении революции. Не преувеличивает ли Жорес роль пролетариата, когда он пишет следующее: «...Тот факт, что, благодаря ряду событий и отважных битв, пролетариат смог в течение некоторого времени стоять во главе буржуазной революции или, по крайней мере, руководить ею на ряду с отважнейшими буржуа, многознаменателен и содержит в себе обещание относительно его будущего... Пусть буржуазия обезоружила их на следующий день и расстреливала их через 2 года на Марсовом поле, все же великий революционный день ознаменовался проявлением их мужества и силы, и, благодаря этим храбрецам, теперь во всем мире нет ничего такого, что было бы исключительным достоянием буржуазии, не исключая даже и буржуазной революции» [1]).

Этот великолепный отрывок показывает, как далеко может зайти Жорес, когда его увлекает поток его красноречия. Не подлежит сомнению, что парижские пролетарии были одной из активных сил, действовавших при взятии Бастилии, но более чем смело думать, что они этим самым были поставлены во главе буржуазной революции, тем более, что при этом не упоминается ни слова о роли мелкой буржуазии, которая, несомненно, играла еще более крупную роль в этот великий день. И оба они были только орудием в руках крупной буржуазии, которая 15 июля уже думала о том, как бы унять разбушевавшуюся социальную стихию. Жорес слишком хороший историк, чтобы не понимать этого, но его историческая экспансивность часто увлекает его за рамки им же самим поставленных граней. В результате получается противоречие с самим собой и отсутствие четкости.

Однако, если Жорес иногда способен к преувеличениям, то, несомненно, что в основном у него правильное понимание революции. На основании незначительного симптома он иногда способен прощупать глубочайший антагонизм революции. Например: Лустало в своей газете «Парижские Революции» со свойственным ему драматизмом рассказывает историю закрытия благотворительных мастерских на Монмартре и, между прочим, указывает на то обстоятельство, что для охраны порядка был прислан отряд, составленный из лиц, отличившихся при взятии Бастилии, вооруженный пушками. Эта черточка вполне достаточна для того, чтобы Жорес с известной проницательностью мог констатировать, до какой степени буржуазна была революция. «Герои, которые, подвергая опасности собственную жизнь, взяли твердыню деспотизма, не считали унизительным для своей славы то, что они готовились пролить кровь голодных пролетариев» [2])...

Этот незначительный случай, очень метко схваченный Жоресом, как нельзя более выпукло характеризует взаимоотношения пролетариата и буржуазии в эпоху Великой Революции. Ему все кажется характерным: и покорное подчинение рабочих приказу буржуазии, и страх последней перед выступлениями, и своеобразная тактика буржуазии в подавлении возможных волнений. Жорес находит, что здесь еще нет ничего похожего на грозный

---

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I. стр. 212.

[2]) Там же, стр. 245.

социальный конфликт 1848 года, но буржуазия уже мучительно предчувствует грядущие столкновения.

Историк тщательно регистрирует всех предвестников этих будущих битв, но в то же время отмечает всю их «нестройность». Он отмечает выступления подмастерьев-портных и башмачников, но эти выступления кажутся ему покрытыми каким-то налетом простодушной наивности и примитивной простоты. «Эти первые симптомы выступления рабочего класса в обстановке, созданной буржуазной революцией, представляют высокий интерес» [1]), пишет Жорес. Ему эти первые смутные движения пролетариата представляются в виде стихийного взрыва масс, но эти массы еще политически неопытны, трогательно доверчивы: они кажутся ему чуть ли не большими ребятами. Достаточно вспомнить, как Жорес рисует наступление женщин на Версаль 5—6 октября. Он защищает их от всяких нападок реакционных историков, которые хотят их изобразить в виде пьяной и хулиганской толпы. Они пришли требовать хлеба, но завоевали декларацию прав; они хотели снижения цен на предметы первой необходимости, но добились гораздо большего: перевезли короля в Париж и этим поставили его под контроль революционных масс. Жорес рисует, как эти наивные и грубые простолюдинки вели, не смущаясь, политическую дискуссию с королем и с председателем Учредительного Собрания, руководствуясь своим правильным классовым инстинктом. «Эти женщины, овладевшие на мгновение креслом председателя Национального Собрания, а затем разговаривавшие с ним тоном, в котором слышалась смелая и сердечная фамильярность, и, наконец, вновь затерявшиеся в толпе, чтобы предоставить буржуазному собранию свободу действий, представляют собой как бы символ народного движения в эпоху революции. Бедняки внезапно выступили и быстро приблизились к власти; они требовали от нее ответа, грубили ей, иногда руководили ею и увлекали ее, но они не умели и не могли овладеть ею» [2]).

В таких же тонах описывает Жорес и демонстрацию 20 июня 1792 г. Ему импонирует стихийная простота движения, он любит рассказать и анекдотическую сторону дела, из которой видно, как лживо вел себя король, как он, чисто внешним проявлением своего мнимого демократизма, хотел завоевать доверие народа и этим усыпить его бдительность. Жорес как будто и сам тронут этим мнимым добродушием короля, вместе с народом он не может освободиться от обаяния личности короля. Правда, Жорес указывает и на различия обоих движений: «5 и 6 октября,—пишет он,—конечно, существовали политические мотивы движения... Но к движению примешивалось нечто наивное, инстинктивное и элементарное, остаток возмущений, происходивших при старом режиме, буйная страсть женщин, в которых вдруг пробудилась жалость и которые требовали хлеба. А теперь у нескольких тысяч вооруженных людей, входивших в Собрание, есть определенная мысль: в днях 5 и 6 октября выражается, если можно так выразиться, чувство страдающего народа; в день 20 июня выражается револю-

[1]) *Жорес*. Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 259.

[2]) Там же, стр. 272.

ционное сознание восставшего народа»[1]). Эта характеристика основана больше на психологических моментах, но надо вообще сказать, что Жорес, когда он рисовал массовые движения, часто обращался к их психологии. И, если в этом отрывке он указывает на различие между обоими движениями, то он же дает очень яркий образчик подхода к массовым движениям. Несомненно, что здесь сказалось то положительное обстоятельство, что Жорес сам вращался в массовом рабочем движении, оно было ему близко, он его понимал и любил, но все это было у него приправлено специфической манерой, к тому же в значительной мере заимствованной у буржуазных историков.

Все эти особенности Жореса нашли себе яркое отражение в его изображении роли пролетариата в революции 10 августа. «Рабочие, пролетарии, шедшие на борьбу вместе с отважнейшей частью буржуазии, не пред'являли никаких экономических требований», наивно пишет Жорес. Даже борясь против скупщиков и монополистов, вызвавших вздорожание сахара и других товаров, парижские рабочие уже говорили: «Мы протестуем не как женщины, не для того, чтобы получить сласти, а потому, что мы не желаем оставить революцию в руках эгоистов и угнетателей». Я не хочу говорить о противоречии, в которое впадает Жорес, утверждая, что рабочие не выставляли экономических требований накануне 10 августа, в то время как за несколько страниц до этого он же говорит об обширном движении пролетариев на экономической почве (о нем будет сказано несколько ниже), здесь мне хочется только подчеркнуть тот наивно-сентиментальный тон, который он приписывает участникам такого могучего массового движения. Такой подход мне кажется недостойным ни Жореса, ни этого исключительного по своему размаху и последствиям восстания.

В то же время следует признать, что Жорес великолепно понимает роль пролетариата в событиях 10 августа, когда отвлекается от этого сладковатого, ложно-патетического стиля, традиции которого восходят еще к Мишле и Ламартину и который нужно отличать от настоящего и глубокого пафоса, встречающегося у нашего историка. Вот как он рисует настроения и действия пролетариата в эти революционные дни: «Пролетарии хорошо знали, что всякий под'ем в национальной жизни и расширение свободы означали бы их усиление, и у них были неясные социальные предчувствия. Но непосредственно и сознательно они думали об отечестве, которому угрожали иностранцы, о свободе, преданной обманывавшим королем. Итак, восстание пролетариев не вызывалось ясно выраженным и непосредственным классовым движением. Тем не менее, тогда как 14 июля и 5 и 6 октября рабочие, соединившиеся с буржуазией, боролись только против королевского деспотизма, теперь, в этот день, 10 августа они борются как против королевской власти, так и в то же время и против всей той части буржуазии, которая примкнула к королевской власти»[2]). Здесь дан весьма дифференцированный классовый анализ 10 августа, и выяснена позиция пролетариата, который

---

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. II, стр. 331.

[2]) Там же, т. II, стр. 388.

не только уничтожил монархию, но и пытался эмансипироваться от буржуазии.

Откровенно говоря, Жорес подходит к движению масс немного по-барски; он любит народ, он оправдывает все его действия, он тщательно выискивает в революции все, что имеет малейшее отношение к массам, но все это он делает, как человек, стоящий вне их: он как бы покровительственно и свысока хлопает народ по плечу. Жорес относится резко отрицательно ко всем насильственным и террористическим актам, которые сопровождали и не могли не сопровождать революцию. Он как будто иногда понимает всю неизбежность их, в отдельных случаях он их старается даже оправдать, но в основном он относится к этой стороне революции глубоко брезгливо, вся эта жестокость, грубость, эти так называемые «излишества» революции наполняют его отвращением. Странно, что такой проницательный историк, как Жорес, не в состоянии понять исторической необходимости этих кровавых «издержек» революции. Человек, который так хорошо понимал глубокий социальный захват революции, должен был как будто уяснить себе, что призванные жизнью на арену политической борьбы большие общественные пласты не могли не внести своих специфически-народных методов борьбы. Но если Жорес иногда понимал это марксистской половиной своего разума, то эмоциональная сторона его существа не могла примириться с этим.

Взятие Бастилии сопровождалось убийством нескольких крупнейших контрреволюционеров (коменданта Бастилии Делонэ, городского головы купечества Флесселя, Фуллона и его зятя Бертье), при чем, как это обычно бывает, вся эта операция не могла происходить в очень гуманных и мягких формах со стороны обозленного и обманутого народа. По этому поводу Жорес приводит протестующие слова Бабефа и сам разражается тирадой в свойственном ему поучающе-дидактическом стиле: «И вы, пролетарии, помните, что жестокость представляет собой остаток рабства; ведь она доказывает, что мы еще не отрешились от варварства режима, основанного на притеснении. Помните, что, когда в 1789 году толпа рабочих и буржуа на миг отдалась жестокому упоению убийством, первый из коммунистов, первый из великих освободителей пролетариата почувствовал, что у него сжимается сердце» [1]). Жорес даже не пытается поставить проблемы исторической роли и значения массовых действий, он ограничивается только несколькими сентиментальными замечаниями о вреде жестокости. Здесь целиком сказывается вся двойственность исторического метода Жореса, который совершенно покидает почву реального анализа большого общественного явления, ограничиваясь вместо этого общими и ничего не говорящими ламентациями.

В этой связи очень интересно выяснить трактовку сентябрьских событий у Жореса. И здесь мы, вместо об'ективного-исторического анализа, встречаемся с психологизмом и суб'ективизмом: первый находит свое выражение в том отвращении и брезгливости, которым насыщено все изло-

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. II, стр. 20?.

жение событий, второй в том, что вопрос о социальной сущности сентябрьских убийств подменен оценкой их с моральной точки зрения. Центром тяжести своего анализа Жорес ставит вопрос о том, нужно ли осудить или оправдать революционный взрыв масс в начале сентября 1792 г. Он осуждает эту великую драму революции со всех точек зрения, при чем находит на своей богатой красками палитре самые черные цвета для ее осуждения: «Эти действия (действия масс. *С. К.*) диктовались чувством страха и слепой яростью, которая коренится в этом чувстве. Вот что в них подлого (vil), и кроме того их поступок был неразумен, так как бесконечно больше повредил делу революции в глазах остального мира и истории, чем могли бы повредить перебитые узники, даже если бы их распустили по Парижу»[1]).

Если раньше Жорес пытается всегда оправдать действия масс, то здесь он даже не ставит себе таких целей. Он готов превратить сентябрьские события в какой - то массовый психоз и утверждает, что их нельзя об'яснить иначе, как «помрачением умов и утратой всякой человечности». Жорес соглашается с тем, что многие из участников в этой «омерзительной драме» были искренними и преданными патриотами, но от этого общая оценка его не меняется.

Кто несет ответственность за эти события, уже заранее осужденные Жоресом, как морально, так и политически? На этот вопрос Жорес не дает точного ответа, но он устанавливает, что во время самой резни никто не осмелился противостоять этой грозной народной стихии, за исключением двух человек: Марата и Ролана. Жорес первый установил, что Марат выразил сожаление по поводу сентябрьских убийств, которые он назвал впоследствии «злосчастными событиями 2 и 3 сентября». Наш историк готов видеть в этом выступлении Марата симптом того, насколько сильно было впоследствии общественное движение против сентябрьской резни, если даже такой человек, как Марат, вынужден был бить отбой. Впрочем, Жорес может привести только два таких выражения Марата, по которым можно судить о его временном раскаянии.

Жоресу не раз приходится возвращаться к сентябрьским событиям, так как вопрос об ответственности за них всплывал всякий раз, когда революция переживала кризис и когда на кипящую поверхность политической борьбы подымались все старые наболевшие вопросы: каждая из борющихся партий старалась нажить себе на них политический капитал. Дело в том, что если в начале никто не хотел высказать слово осуждения, то впоследствии всякий старался свалить с себя ответственность за них: Жиронда сваливала на якобинцев, последние мстили первым по другому. Робеспьер, Марат и Дантон—вот кто чаще всего признавались виновниками сентябрьской резни. Жорес считает, что индивидуальной ответственности за эти события никто не несет, но он доказывает, что Коммуна попустительствовала движению, а Легислатива действовала спустя рукава.

В конечном счете Жорес не дает нам законченного представления о сентябрьских событиях: возмущение совести заслоняет в нем ясность ума,

---

1) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. III, вып. 1, стр. 39.

и это мешает ему видеть в правильном свете эту интересную страницу в истории революции. Неудивительно, что при таких условиях Жорес не сумел дать верной исторической оценки массового террора, проблема которого была одной из самых жгучих и актуальных для революции. Следует признать, что в данном случае Жорес был в плену чисто мелкобуржуазных предрассудков и столь же нелепых пацифистских представлений. Это не только a priori определяло его собственную точку зрения на то или иное явление, но мешало ему иногда установить фактическую сторону дела, а подчас извращало даже у него историческую перспективу.

Как Жорес относится к факту взаимоуничтожения отдельных партий в процессе революции? Для примера можно взять отношение нашего историка к гибели жирондистов. Когда до Парижа дошло известие о сдаче Тулона неприятелю, поднялся взрыв негодования. В Конвент немедленно явилась делегация от Коммуны во главе с Шометом, и последний от имени негодующих масс произнес громовую речь, которую закончил знаменитыми словами: «...Итак, законодатели, поставьте террор в порядок дня» [1]). Жорес задет такой грубой и откровенной постановкой вопроса и со свойственной ему живостью он тут же дает отповедь Шомету: «Успокойтесь, гражданин делегат; вы получите голову Бриссо, Верньо, а также и других. В корзине гильотины, каждый день наполняемой и опустошаемой, найдется место для многих голов, и авось для вашей головы также» [2]).

Больше всего Жорес удручен тем обстоятельством, что эти люди, которые сегодня требуют гильотины, завтра сами станут жертвами ее. Он не ставит себе целью проследить динамику внутрипартийной борьбы и скрывающейся за ней борьбы классов; он наблюдает столкновения отдельных людей, борьбу их страстей и настолько поглощен этим зрелищем, что не всегда замечает, что по существу эти отдельные личности являются фокусом, в котором скрещиваются социально-экономические интересы разных групп, различные общественные влияния, традиции прошлого, идеологические наслоения и т. д. В историческом анализе Жореса психологические и моральные факторы иногда начинают играть какую-то самодовлеющую роль, и это до крайности понижает ценность тех выводов, которые он делает.

Мы видели выше, как злобно Жорес обрушивается на Шомета за его «кровожадность». Жорес не берет под свою защиту жирондистов; наоборот, в дальнейшем мы покажем, что он ведет другую линию, анализируя деятельность Конвента, но он не может примириться с теми методами расправы, которые революционные партии употребляют друг против друга. Именно по этим соображениям он нападает на Шомета, требующего казни жирондистов: «О вы, ищущие справедливости и любящие человечность!— обращается он к той же шометистской делегации, требовавшей казни жирондистов,—пусть судьба будет жестока к вам и пусть она вас насытит горьким вкусом крови! История сделала из вас жрецов или, что то же,

1) Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr., t. VIII. p. 243.
2) Jean Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr., édition Revue par Mathiez, t. VIII. стр. 243.

обреченных. Революция это варварская форма прогресса. Как бы революция ни была благодарна, плодотворна, необходима, она всегда принадлежит к низшей, к полуживотной эпохе человечества. Увидим ли мы наступление дня, когда форма человеческого прогресса будет действительно человечной?» [1]).

Из этого отрывка видно, как далеко может заходить Жорес, когда его исследование касается таких жестоких форм борьбы масс, как террор (ибо не подлежит сомнению, что террор был своеобразной формой борьбы «плебейских» масс). Это возмущает его, как демократа и пацифиста, и в этом своем возмущении он способен дойти до того, что начинает осуждать революцию, как таковую, он готов квалифицировать ее, как низшую, полуживотную форму общественного развития, и это тот самый Жорес, который так восхищается стихийными выступлениями масс, который поднимается порой до столь тонкого понимания внутренней динамики революции, который поет такие панегирики ей.

Нельзя не привести еще одного отрывка, который еще более ярко характеризует позицию Жореса в вопросе о террористическом режиме: «О, без сомнения,—пишет он.—насильственная, кровавая революция не могла быть нормальным режимом. Эти беспрерывно действующие на площадях городов гильотины были жестоки и унизительны. Да, Франция не могла бы жить вечно при законе о подозрительных и с дисциплиной странствующих гильотин, домашних обысков и удостоверений о цивизме» [2]).

Как мы видим, Жорес испытывает ужас перед этой «насильственной кровавой революцией»; он хочет. чтобы последняя поскорее вошла в «нормальное русло» и чтобы стала функционировать упорядоченная демократия со всеми ее прелестями. Однако, было бы странно, если бы двойственность Жореса не наложила бы свою печать и на этот кардинальный вопрос его исследования. Жорес не может быть последовательным до конца и в своем оппортунизме и если он, с одной стороны, не может избавиться от какого-то органического барского отвращения перед насильственными кровавыми приемами масс, то, с другой стороны, он как революционер, социалист и проницательный историк не может не понять исторической необходимости террористического режима. Жорес отчетливо представляет себе. что независимо от личных их качеств, гибель и дантонистов, и эбертистов была исторически предопределена. Сколько раз мы встречаем у Жореса ту мысль, что в той обстановке, в которой Франция находилась в 1793—94 г.г., террористическая машина являлась жизненной необходимостью. «Когда большая революционная страна борется одновременно и против вооруженных, находящихся внутри ее партий, и против всего света, когда малейшее колебание или малейшая ошибка могут скомпрометировать, быть может, на-веки судьбу нового строя. тогда те, которые управляют этим огромным предприятием, не имеют времени для того, чтобы соединять разномыслящих,

[1]) Jaurès, Hist. Soc. de la Rév. éd. Mathiez, t. VIII, p. 243 — 244.

[2]) Там же, éd. Mathiez, p. 307 — 308 (см. также *Кареев*, Историки Франц. Революции, т. II, стр. 274 — 275).

чтобы убеждать своих противников... Нужно, чтобы они сражались, чтобы они действовали, и чтобы сохранить нетронутой всю свою силу действия, чтобы не рассеять ее, они требуют, чтобы смерть тотчас же создала вокруг них единство, в котором они так нуждаются. Революция была в этот момент чудовищной пушкой и необходимо было, чтобы эта пушка маневрировала на своем лафете верно, быстро и решительно. Прислуга не имела права препираться. Она не имела на это времени»...[1]).

Этот отрывок, написанный с изумительной силой, столь свойственной Жоресу, противоречит раньше написанному им, ибо, доказывая историческую необходимость террора, наш историк тем самым его оправдывает. Мы констатируем это противоречие. Об'яснения же его следует искать, как уже неоднократно указывалось, в тех двух душах, которые боролись в Жоресе. Этот дуализм заводил его часто в тупик, ибо не давал ему возможности установить какую-нибудь определенную и четкую точку зрения на то или иное историческое явление.

XV. Социальная проблема в эпоху Конституанты и Легислативы (аграрный закон и максимум)

Так рисует Жорес роль масс в революции (террор есть тоже одна из форм массового движения). Он не может обойти и роли крестьянства в революции. «После взятия Бастилии,—отмечает Жорес,—сельское население восстало сразу, подобно лопнувшей пружине»[2]). И как только началась крестьянская революция, в воздухе повисла угроза «аграрного закона». Аграрный закон это одно из наиболее типичных для французской революции явлений, один из наиболее ярких показателей незрелости французского пролетариата того времени, беспомощности социалистической мысли и в то же время глубины социального захвата революции, которая в очень примитивных и беспомощных формах, но все же пыталась поставить социальную проблему. Жорес проявляет большой интерес к аграрному закону и прослеживает его вплоть до его генезиса, при чем впервые он упоминает о нем именно в связи с июльскими днями: деревенская беднота пыталась тогда реализовать завоевания революции.

Движение это было чисто инстинктивным и сводилось к тайному захвату незрелого хлеба, который скашивался целыми группами крестьян («бродячими шайками»). Никаких ясно поставленных целей у движения не было, но Жорес констатирует, что буржуазия уже заговорила в связи с этим об «аграрном законе».

Последний был симптомом нарастающего конфликта между богатыми и бедными. Этот социальный конфликт в недрах третьего сословия составляет предмет особенно тщательного анализа Жореса, и здесь во всем своем блеске проявляются все положительные стороны его исторического гения. Мы уже отмечали выше, что уже в период Учредительного Собрания Жоресом были найдены элементы классовой борьбы между буржуазией и

[1]) Jaurès, Hist. Soc. de la Rév., t. VIII, стр. 352—353.
[2]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. I, стр. 213.

лежащими ниже ее социальными пластами. Но тогда эти элементы были чуть заметны, и нужен был зоркий глаз Жореса, чтобы уловить эту струю в общем потоке революции.

Но уже в эпоху Легислативы эта струя усиливается: дальнейшее развертывание и углубление революции находит свое выражение в сужении ее социальной базы, и этот процесс Жорес мастерски отобразил во втором томе своего огромного труда. Глава об экономическом и социальном движении в 1792 году представляет почти единственный и непревзойденный образчик исторического анализа: единственно потому, что Жорес первый дал широкую картину движения социальных низов во время революции, непревзойденный, потому что анализ отличается большой глубиной и динамичностью.

Жорес констатирует первое возмущение масс на экономической почве в январе 1792 года, когда в связи с поднявшейся революционной волной в Сан-Доминго сахар в Париже сильно вздорожал. Немедленно началась спекуляция им, что еще больше взвинтило цены, и вот на этой почве начинается движение против скупщиков и спекулянтов. Уже начинает вырисовываться проблема таксации цен, и некоторые из делегаций, выступающих перед Легислативой, требуют установления твердых цен на сахар. Жирондисты (Жорес приводит речь Дюко) выступают решительными противниками этой меры, так как они последовательные сторонники полной свободы торговли. Петион занимает нерешительную и двусмысленную позицию. В этих условиях дело доходит до разгрома нескольких лавок. Был даже один случай, когда массы пытались ворваться в дом одного крупного банкира и негоцианта, члена законодательного собрания Боскари, которого подозревали в том, что он занимается скупкой колониальных товаров. Жорес приводит петицию этого оборотистого буржуа, который просит поставить его и его имущество под защиту закона.

В общем, Жорес приходит к тому выводу, что это первое народное движение напугало буржуазию. Народные массы, наоборот, начинают сознавать свою силу и пытаются внести свой корректив в революцию, путем вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Но Жорес указывает и на другую сторону дела, он констатирует наличие более глубокого социального конфликта, чем это кажется с первого взгляда. «В этом сахарном кризисе с января 1792 г. проявляется не только конфликт между буржуазией и народом; кроме этого можно предчувствовать разногласия между группою жирондистов и рабочим людом. Податели петиции от секции Гобленов (Жорес приводит ее содержание. *С. К.*) непосредственно угрожали торговой и фельятинской буржуазии; но существует также разногласие и между подателями петиции, уже помышляющими, хотя и робко, о регламентации, и точкою зрения жирондистов»[1]). Мы встречаемся здесь с одним из тех мест, где анализ Жореса поднимается на большую высоту, где он подводит под свое исследование совершенно материалистический базис. Сколько бы впоследствии Жорес ни пытался опровергнуть марксистский тезис глубоко-

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. II. стр. 184.

классового характера тех партийных сил, которые борются в революции, но мы запомним, что в этом месте он проводит строгую грань между фельянтинской и жирондистской буржуазией.

Однако, Жорес не останавливается на этом моменте; чем дальше, тем он вынужден все в большей степени констатировать распадение прежде единой революционной силы на свои составные части. Он высмеивает Петиона, который 6 февраля 1792 года обращается с письмом к жирондисту Бюзо и доказывает последнему всю необходимость объединения всех сил третьего сословия против привилегированных или, как он сам выражается, всю необходимость «союза буржуазии и народа». Такое грубое непонимание исторической неизбежности раскола революционных сил вызывает у Жореса предположение, что Петион является «не совсем умным человеком». «Петион увещевает вместо того, чтобы определять, анализировать и предвидеть»[1]). Жорес, конечно, правильно оценил Петиона, но он забывает о том, что у него самого имеется та же привычка: убеждать вместо того, чтобы анализировать, и предполагать вместо того, чтобы определять.

Несмотря на это, Жорес прекрасно понимает основной закон динамики революции, который заключается в том, что по мере своего развития последняя все в большей степени сужает свою социальную базу. Если в процессе революции буржуазия постепенно отходит от нее, то находятся новые социальные силы, которые берут на себя задачу дальнейшего продвижения революции. «Революции свойственны логика и разбег, которых не могли бы остановить даже ослепление и узкий эгоизм буржуазии. Даже если бы организованные и производительные силы буржуазии, даже если бы фабриканты, купцы, рантье, вызвав революцию, испугались ее и отошли от нее, она сумела бы призвать к себе других рекрут»[2]). Углубить революцию, охранить ее от наступления контрреволюции и от «эгоизма» самой буржуазии суждено было тем низшим общественным классам, которых Жорес обозначает достаточно неопределенным термином «народ». Весной 1792 г. эти выступления низов усилились после двух лет спокойного органического развития революции. Уже отмечались выше волнения на почве недостатка и дороговизны сахара, но Жорес отмечает также волнения в ряде департаментов на почве высоких хлебных цен, которые были вызваны плохим урожаем 1791 года.

Но что является самым замечательным—это то, что в орбиту этих движений были втянуты не только рабочие, но и крестьяне. Движение шло под лозунгом установления твердых предельных цен на хлеб. Жорес приводит случаи, когда рабочие выставляли требование увеличения заработной платы; так, например, рабочие-дровосеки, заготовлявшие дрова для Парижа, забастовали по поводу недостаточности получаемой ими заработной платы, при чем они разоружили буржуазную национальную гвардию, некоторых гвардейцев раздели даже до-нага, проследили их до их квартиры,—некоторые для спасения жизни выбрасывались из окна или бросались в реку.

---

[1]) *Жорес*. Ист. Вел. Фр. Рев. т. II, стр. 214.

[2]) Там же, стр. 216.

Рабочие овладели портом, затем манифестировали, неся торжественно впереди оружие и одежду национальных гвардейцев, и в заключение заставили даже отслужить торжественный молебен по случаю своей победы. Повидимому, масштаб этого движения был довольно велик; само по себе оно чрезвычайно характерно, и Жорес с особенным удовольствием отмечает его примитивность, смешанную с грубостью и ребячеством. Впрочем, мы уже знаем, что Жорес—любитель таких стихийных массовых вспышек и он старательно выискивает их в революции. Такое же движение с требованием установления твердой цены на хлеб возникло и в Пуатье.

Но характерно, что однотипное движение возникло и среди крестьян в ближайших к Парижу департаментах. И здесь беднейшие крестьяне требовали установления цен на зерно и хлеб. В департаменте Эврэ крестьяне шли толпами с одного рынка на другой и устанавливали сами или заставляли муниципалитет установить предельные цены на хлеб и зерно, а иногда и на другие предметы. Иногда крестьяне поддерживались национальной гвардией, состоявшей из беднейших крестьян. Все эти движения Жорес рассматривает как предтечи закона о максимуме, и вот что он по этому поводу пишет: «Однако, и это очень важно в историческом отношении, народ подготовлял таким образом будущие законы о максимуме и впервые самопроизвольно применял их. И, понятно, даже смелый Конвент ни в каком случае не мог бы или не осмелился бы устанавливать цены всех товаров во Франции, если бы это страшное предприятие не было подготовлено как движением парижских секций, так и восстаниями крестьян в 1792 г.» [1]).

Но если почва революции была уже настолько глубоко вспахана, что могла появиться идея максимума, то налицо уже была такая питательная среда, в которой должна была ожить и идея аграрного закона. Как это ни странно, но Жорес устанавливает, что первыми поставившими его в порядок дня были контрреволюционеры, которые старались против этого жупела буржуазии сгруппировать все состоятельные элементы, всех собственников.

Малле-дю-Пан, который именно и выступал, как реакционер, по мнению Жореса, несомненно преувеличил роль аграрного закона и степень его распространенности среди масс на этой стадии революции. Но сделал он это сознательно, с целью вбить клин между буржуазией и народом. В действительности Жорес находит на поверхности общественной жизни лишь очень слабые следы аграрного закона. Нечто близко подходящее к идее последнего Жорес находит в петиции жителей Этампа, составленной священником Доливье, которую последний прислал в связи с нашумевшим делом об убийстве народом этампского мэра Симонно. Автор петиции, исходя из естественного права, доказывает, что вполне совместимо с священным правом собственности установление твердых цен на хлеб. Больше того, он пытается поставить критически проблему частной собственности и приходит к тому выводу, что до сих пор на этот вопрос набрасывали таинственное покрывало и воспрещали всякое исследование его. Впрочем, Доливье не договаривает своих мыслей до конца и останавливается на полпути. Только

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. II, стр. 235.

в одном месте Доливье открыто утверждает, что собственником земли является нация, и это дает Жоресу право говорить о том, что «Доливье ставит свои смелые теории относительно земельной собственности в связь с попытками установления цены хлеба» ¹).

Всего этого, понятно, слишком недостаточно для того, чтобы говорить о популярности идеи аграрного закона в народных массах, но этого было слишком достаточно для того, чтобы реакционеры могли говорить об анархии, о грабеже собственников, о разделе имуществ и т. д. Надо сказать, что это очень старый маневр контрреволюции, но заслуга Жореса заключается в том, что он вскрыл и показал оборотную сторону их уродливой уравнительно-бедняцкой идеологии.

Однако, революция шла вперед, вместе с тем на арену классовой борьбы выходили все новые отряды, набранные из самых низших слоев парижских масс. Ухудшающееся внутреннее положение и обостряющееся внешнее положение проясняло классовое самосознание этих свежих социальных пластов, только сейчас призванных к активной политической жизни, и заставляло их ставить проблемы социально-экономической жизни во всей широте. Но именно этого-то больше всего и боится крупная и консервативная мелкая буржуазия. они с ожесточением борются против всякой действительной или кажущейся попытки затронуть крепчайший устой общества, частную собственность, а это в свою очередь приводит к дальнейшему обострению классовой борьбы.

Такое положение создалось в эпоху Конвента. Жорес со свойственным ему вниманием к этим вопросам отмечает повышенную чувствительность, которую проявили буржуазия и крестьянство во время выборов в Конвент, когда призрак аграрного закона снова витал перед умами собственников. Жорес отмечает, что в некоторых местах состоятельные собственники заранее принимают резолюции против аграрного закона. «В силу консервативного инстинкта,—пишет Жорес,—всем собственникам... уже чудился аграрный закон, как завершение насильственных действий народа в сентябрьские дни» ¹). Однако, следует признать, что «консервативный инстинкт» не вполне все-таки обманывал собственников, что вынужден в дальнейшем признать и сам Жорес. Жорес приводит выдержки из целого ряда газет (Марат в «Друге Народа», Прюдом «Патриотические Летописи» Карра, Анахарсис Клоотц в «Парижской хронике»), где ведется сокрушительная критика теории и практики аграрного закона. Было бы более чем странно полагать, что это была лишь борьба с ветряными мельницами; скорее можно предположить обратное, что идея уравнительного раздела имуществ носилась в воздухе и поэтому буржуазная пресса считала своим долгом вести с ней борьбу.

Следовательно, проблема аграрного закона в сентябре 1792 года, когда она снова всплыла на бурлящую поверхность общественной жизни, представляется Жоресу в следующем виде: аграрный закон уже был доста-

¹) *Жорес,* Ист. Вел. Фр. Рев., стр. 254.

²) Там же, т. III, вып. I, стр. 87.

точно популярен среди общественных низов, хотя никто из представителей этих низов в точности не мог сказать, в чем сущность этого закона и насколько он осуществим в данных условиях, но именно эта неясность манила и привлекала внимание масс к нему. Смутное брожение масс нашло себе стократно-увеличенное отражение в испуганном воображении буржуазных собственников. Этот испуг в значительной мере подогревался контрреволюционными обломками прошлого, которые на этом «спасительном ужасе буржуазии» хотели сыграть свою отвратительную игру. Однако, если вся буржуазная масса попалась на удочку, то Жиронда, представлявшая собственно авангард наиболее прогрессивных слоев средней и крупной буржуазии, понимала маневры реакционных групп и, как мы видели, она их разоблачала в своей прессе.

Но Жорес отмечает, что и Жиронда в свою очередь хотела нажить себе политический капитал на аграрном законе... Жиронда, пишет он, пользуясь «аграрным законом» в целях возбуждения умов против своих соперников, не создавала этого страшилища из ничего. Действительно, началась подпольная пропаганда, имелись налицо смутные тенденции в этом духе и все растущие опасения. Но она прекрасно знала, что ни Марат, ни Робеспьер, ни Дантон, ни огромное большинство Парижской Коммуны не желали аграрного закона.

Таким образом, аграрный закон стоял в центре очень сложной комбинации взаимно-сталкивающихся интересов, и Жорес с большим искусством распутывает этот запутанный клубок. В общем и целом, аграрный закон служит для Жореса симптомом и доказательством более углубленной классовой борьбы на этой стадии революции. Но это—не единственное доказательство: Жорес тщательно улавливает всякое проявление политической активности широких пролетарских и мелкобуржуазных масс, и это тоже приводит его к мысли о том, что революцией все в большей степени затрагиваются громадные, политически почти девственные социальные пласты.

XVI. Социальная проблема в эпоху Конвента

При таком интересе Жореса к самым различным проявлениям активности масс, он не пропускает ничего относящегося к этому вопросу и уже в конце 1792 и в начале 1793 года отмечает новую волну массовых движений. Совершенно естественно, что в связи с этим Жорес не может обойти вопроса об экономическом положении Франции в этот период. Уже указывалось выше на то обстоятельство, что в области экономического изучения революционной Франции Жоресом было сделано очень много. Он был одним из первых, которые поставили эту проблему во весь рост. Как известно, он был инициатором издания серии «Collection des documents inédits sur l'historie économique de la Révolution Française», этого огромного издания, которое представляет извлечения из архивного материала, сделанные по отдельным специальным вопросам. Но еще больше его заслуга заключается в том, что он дал динамику экономического развития страны во

время самой революции. Эта проблема, мало разработанная даже и сейчас (исключая вопроса о финансах революции), была с большой глубиной поставлена Жоресом впервые. Надо сказать, что задача Жореса была еще более затруднена почти полным отсутствием научно-разработанной статистики и общим нарушением хода жизни, вызванного революционным потрясением.

Об экономическом положении Франции в первые месяцы Конвента Жорес судит по докладу Ролана, который тот представил 9 января 1793 г. Конвенту. Анализируя его, Жорес приходит к тому выводу, что экономическое положение Франции в течение 1792 года было более, чем благополучно, и только к концу его стала ощущаться заминка в хозяйственной жизни. Ролан отмечает рост внешней торговли, которая идет под знаком активного баланса, при чем добавляет, что ввозятся мука, зерно и сырье, вывозятся же во все возрастающем количестве фабрикаты. О росте промышленности говорит факт уменьшения ввоза во Францию из Англии, Голландии и других стран текстильных и металлических изделий.

Необходимо заметить, что Жорес рисует несколько оптимистическую картину экономического положения страны в указанный период. Другие исследователи в гораздо более мрачных красках рисуют зиму 1792—1793 г.г., но и Жорес указывает, что уже в конце 1792 года в Лионе и Руане начинают замечаться первые признаки надвигающегося кризиса. И тут, и там дороговизна, а впоследствии и отсутствие хлеба, сразу приводят социальный кризис до большой остроты. В Лионе дело осложняется еще закрытием мануфактур, благодаря отсутствию сбыта, и появляющейся вследствие этого безработицей. Жорес констатирует, что мало-помалу дороговизна с'естных припасов, и в особенности хлеба, разливается по всей стране. Из доклада Крез-Латуша Конвенту по продовольственному вопросу Жорес заимствует таблицы, иллюстрирующие динамику роста цен во времени (с 1756 по 1790 г.г.) и в пространстве (по всем департаментам).

Жорес не ограничивается констатированием факта, он анализирует и об'ясняет его. Его анализ таков, что ему мог бы позавидовать любой марксистский историк. Не стану останавливаться на деталях его анализа, но приведу лишь выводы. «Таким образом,—подводит Жорес итоги своего исследования,—каковы бы ни были побуждения собственников и арендаторов (национализированных земель. *С. К.*),—хотели ли они получить большую прибыль на возросший капитал, вложенный ими в покупку церковных владений, увлекли ли их спекуляция и высокие цены, имевшие место при первых сделках крупных военных поставщиков, или, наконец, подобно арендаторам эмигрантских земель, они, по возможности, придерживали свои продукты, имея в виду будущее,—но всюду к влиянию падения курса ассигнатов и больших военных закупок присоединялась общая тенденция к повышению цен, и все это, вместе взятое, делало цены на хлеб и на большинство других товаров чрезмерными—ясный показатель бурного и напряженного состояния вещей» [1]). Жорес здесь не добавляет, что среди спекулянтов хлебом был даже сам король, который, передавая своим агентам большие

---

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. III, стр. 232.

денежные суммы, давал им доверенность на полное и бесконтрольное распоряжение этими суммами, а последние покупали на них хлеб и сахар и затем спекулировали на них; эти факты были обнаружены после 10 августа, когда соответствующие документы были найдены в Тюльери.

Жорес приходит к тому выводу, что, параллельно с ростом цен на хлеб, заработная плата хотя и возрастала, но не в такой степени, как цены на продукты. На основании сравнительного анализа речей депутатов в Конвенте и отзывов прессы, Жорес устанавливает, что цены как на товары, так и на рабочую силу повысились в среднем на одну треть за указанный период. Это повышение заработной платы было чисто номинальным и ни в коем случае не могло удовлетворить рабочих. С другой стороны, широкие мелкобуржуазные слои тоже вступили в эту борьбу, так как они ставили себе целью добиться понижения цен на предметы первой необходимости.

Таким образом, произведя детальное исследование экономического положения Франции в конце 1792 и в начале 1793 г.г., Жорес приходит к тому заключению, что оно с железной необходимостью толкало страну на путь все большего обострения классовой борьбы. «Народ делал двойное усилие,—пишет он,—с одной стороны, он стремился ограничить рост цены на товары или путем непосредственного установления такс на рынках, или путем законов о таксации, которых он тогда стал добиваться от государства и которые ему в конце концов удалось провести; с другой стороны, рабочие домогались повсюду от всякого рода хозяев, собственников, арендаторов и промышленников повышения своей платы...

От закона Шапелье ничего не осталось, его опрокинула, свела на-нет огромная коалиция рабочих, повсеместно и в одно и тоже время требовавших средств к жизни» [1]).

Этот длинный отрывок очень характерен для исторического творчества Жореса. С одной стороны, Жорес выясняет роль пролетариата в большом социальном движении конца 1792 года. В этом он усматривает свою задачу, как историка-социалиста; он с радостью констатирует, что рабочий класс ведет активную борьбу, с радостью, потому что стихия борьбы и активности, как нельзя более, соответствует его собственному темпераменту. С другой стороны, он здесь устанавливает генезис таксации и закона о максимуме. В процессе классовой борьбы широкие народные массы концентрируют свое внимание и волю на одном лозунге, который обычно отличается своей краткостью, выразительностью и простотой. Задача политики заключается в том, чтобы в одной формуле выразить все надежды, интересы и стремления масс, и тогда эта краткая формула делается лозунгом. Задача историка заключается в том, чтобы зорким глазом уловить те искры, которые, будучи порождены горячей борьбой классов, зажигают массы и ведут их за собой.

Жорес обладал этим даром анализа массовых движений в наибольшей степени. Мы видели раньше, как он детально прослеживает на всем протяжении революции вариацию идеи аграрного закона, одного из лозунгов

---

[1]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр. Рев., т. III, в. 1, стр. 236—237.

масс. Теперь мы наблюдаем, как Жорес показывает нам зачатки другого лозунга—таксации и максимума. Уже в конце 1792 г. требование установления твердых цен начинает распространяться по целому ряду департаментов, при чем наш историк устанавливает, что во многих местах они сопровождались сильными волнениями, а в одном месте массам удалось даже добиться успеха: в департаменте Эр-и-Луар впервые была установлена таблица максимума цен на товары. Она была введена под давлением масс комиссарами Конвента. Последние говорили даже в ужасе, что им хотели навязать аграрный закон. Жорес отмечает, что в данном случае это страшилище буржуазии фигурировало уже не в обычном своем смысле, а просто как олицетворение того, что государство вмешалось в хозяйственную жизнь.

Эти беспорядки не могли не найти своего отзвука в Конвенте.

Фабр из Эр представил проект умереннейшего закона, который должен был регулировать внутреннюю торговлю хлебом. Жорес уделяет много внимания дискуссии, которая разыгралась вокруг этого закона, так как она, по его мнению, носила высоко принципиальный характер. Одни из ораторов стояли на точке зрения laissez faire, laissez passer, другие допускали возможность, а некоторые даже необходимость, вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны. У робеспьеристов Жорес не находит определенного ответа на вопрос о конкретных мероприятиях против дороговизны хлеба, но он восхищен проницательной и глубокой речью Сен-Жюста, между тем как у самого Робеспьера он находит одни лишь туманные и осторожные общие места.

Пока Конвент старался найти выход из трагического положения, в которое попала революция, голодающие парижские массы не ждали разрешения вопроса сверху, а действовали сами, при чем на этот раз они имели во главе себя людей, которые тесно срослись с ними и которые сумели поставить вопрос на известную принципиальную высоту. Речь идет о так называемых «бешеных». Именно они стали во главе движения парижских низов в феврале 1793 года. Жорес придает этому движению большой социальный смысл. Он, который имел такой прекрасный нюх на массовые, народные движения, усмотрел в февральском выступлении одно из звеньев в цепи борьбы низов за закон о максимуме.

Жорес разоблачает все то глубокое непонимание, которое проявил в этом вопросе Луи Блан: «Луи Блан,—пишет он,—упоминает только мимоходом Жака Ру в своем рассказе о февральском движении; он совершенно не понимает социального смысла этих дней; он полагает, что они обязаны исключительно интригам иностранцев, золоту Пита, которому нужны были волнения в Париже. Это—политический прием, недопустимый даже у современников. Этого нельзя считать историческим суждением. Луи Блан не понял инстинкта масс, стихийности народа (la spanganeite de peuple). И когда события не укладываются в рамки революции, которые он провел, когда они кажутся ему противоречащими плану революции, он в них легко усматривает интригу врага» [1]).

Жорес-реформист берет под свою защиту революционные массы Парижа против обвинений Луи Блана: историк в нем оказался сильнее поли-

[1]) *Jaurès*, Hist. Soc. de la Rév. Fr. Edition revue par Mathiez. t. VIII, p. 45.

тика. Глубокое историческое чутье подсказывает Жоресу правильную оценку даже, казалось бы, второстепенных эпизодов революции. Это движение, которое служит как бы продолжением волнений конца 1792 года, оказывается уже значительно глубже. Большой талант Жореса-историка проявляется в нем с особенной силой, когда он, рисуя процесс развития революции, ее восхождение с одной ступеньки на другую, всюду указывает своеобразие каждого этапа революции. В этом умении уловить не только общее, но и конкретное, специфическое, исключительно-присущее данному историческому явлению обнаруживается настоящий исторический дар Жореса.

Жорес подчеркивает, что в февральском движении было и движение против скупщиков (accapareurs — вот самое ненавистное слово в это время), и требование таксации, но своеобразное заключается уже в том, что «бешеные» придают движению более оформленный и идеологически более законченный характер. Якобинцы, поставленные в тяжелое положение, вынуждены маневрировать (эту сторону дела Жорес описывает с большой тонкостью) и в конце концов порывают с «бешеными» и выступают против них. Уже на этой стадии революции для Жореса становится ясным, что либеральное решение проблемы дороговизны в духе жирондистов или в духе Кондорсе становится невозможным. «Революция должна была вмешаться в экономическую игру, если она не хотела допустить ослабления своей базы» [1]). Февральские события в Париже сделали этот вывод неизбежным, и в этом Жорес усматривает историческое значение движения 25 февраля.

В то же время волна перелилась за пределы Парижа, докатилась до Лиона, где классовые отношения и политическая борьба были до крайности обострены. «Большинство крупных купцов и богачей,—пишет Жорес о положении в Лионе,—напуганных тем неожиданным размахом, который революция придала требованиям рабочих и ремесленников, втайне не только желали, чтобы она остановилась, но чтобы она даже пошла назад» [2]). Жорес указывает на ту исключительную роль, которую играл в Лионе Шалье, но в то же время резко подчеркивает разницу между социальной программой Парижа и Лиона. «Лионская программа,—замечает он по этому поводу,— была более широка, так как она включала в себя также и таксацию заработной платы, которую Жак Ру, представитель маленьких автономных мастерских, не считал нужным требовать» [3]).

Более пролетарский Лион ставил социальную проблему глубже, чем мелкобуржуазный Париж. «Перед этим движением революция была, кажется, полна беспокойства: она, повидимому, боялась за собственность» [4]). И это «святое» беспокойство буржуазии нашло свое выражение в том факте, что тот ее представитель (Камбон), который должен был стабилизовать финансы революции, этот наиболее чувствительный и уязвимый ее пункт, первый заговорил о необходимости суровых мероприятий против всяких покушений на собственность.

---

1) *Jaurès*. Hist. Soc. de la Rév. Fr. Edition revue par Mathiez. t. VII, p. 62.
2) Там же, t. VII. p. 68.
3) Там же, t. VII, p. 87.
4) Там же, t. VII, p. 88.

Неутомимая же в своем интриганстве Жиронда спешит организовать единый фронт собственников против якобинцев, которые. якобы, тоже принимают участие в этих атаках против собственности. Якобинцы подымают перчатку, и на этой почве разыгрывается чрезвычайно сложная внутрипартийная борьба, исходным пунктом и основным стержнем которой является проблема таксации цен (т.-е. по существу в модифицированном виде все тот же вопрос собственности). Жорес ведет здесь[1]) анализ очень дифференцировано и, я бы сказал, диалектически тонко. Нельзя ни в коем случае согласиться с Кареевым, который находит, что «все это как-то разбросано, не обобщено, не сведено к немногим формулам»[2]). Можно согласиться с тем. что материал у Жореса разбросан, но это надо об'яснить, как это признает и сам Кареев, чисто хронологическим порядком изложения, но за этой внешней разбросанностью кроется глубокая внутренняя связь, обусловливаемая большим синтетическим даром Жореса.

Противоречия, которые Кареев констатирует в изложении Жореса, вовсе не являются следствием того, что он запутался в событиях, а являются отражением диалектической противоречивости революционного процесса. Положение отдельных классов, партий и лиц меняется в революции, соответственно с этим меняется вся политическая ситуация, а вместе с тем меняется и оценка историка. Мы прекрасно учитываем суб'ективизм и импрессионизм Жореса (они были констатированы нами не раз), но было бы слишком поверхностным по этой причине обвинить его в противоречивости, разбросанности и необобщенности его изложений.

На основании внимательного анализа исторического метода Жореса мы пришли к другим выводам: Жорес ставит выпукло ряд проблем и прослеживает их на всем протяжении революции. Это делает изложение его не разбросанным, а, наоборот, концентрированным. Мы уже видели, какие вопросы приковывают к себе внимание Жореса: собственность, движение масс, роль пролетариата в революции, таксация и максимум цен, аграрный закон. Это—один ряд вопросов, которые делают изложение Жореса внутренне связанным. Мы показали на фактах, что все эти темы, составляющие часть одной большой социальной проблемы, проблемы движения низших общественных слоев в эпоху Великой буржуазной революции, прослеживаются Жоресом на всем протяжении ее вплоть до 9 термидора.

Жорес нам показал, как массы под влиянием ухудшения условий жизни и вздорожания предметов первой необходимости всколыхнулись в феврале 93 года, но параллельно с этим та же проблема была поставлена и перед Парижской Коммуной, при чем наш историк устанавливает тот факт, что и она действовала под давлением масс, которые на заседании 17 апреля кричали с трибун: «Долой праздник! Нам нужен хлеб»[3]). Сама Коммуна не считала нужным в этот момент агитировать за закон о ма-

---

[1]) Вопрос этот занимает у Жореса первую половину VII тома по изданию Матьеза (по старому изданию IV тома).

[2]) *Кареев*, Историки Французской революции, т. II, стр. 213.

[3]) Там же, т. VII, стр. 285. Речь шла об организации праздника федерации, предложенного делегатами секций.

ксимуме, так как, получая от государства субсидию, она имела возможность продавать хлеб ниже рыночной цены — по 3 су за ливр.

На фоне этого углубления классовой борьбы, социальная проблема особенно заострилась, и появилась опасность того, что буржуазная революция разольется безбрежным океаном далеко за допустимые для нее пределы. Под влиянием этой опасности Конвент поспешил издать знаменитый закон 18 марта 1793 г., согласно которому наказывается смертью всякий, кто осмелится «предложить аграрный закон или какой-нибудь другой, противоречащий земельной, коммерческой или промышленной собственности» [1]).

Поэтому интересно в связи с законом 18 марта выяснить, какое значение придавал Жорес аграрному закону. Прежде всего следует констатировать, что Жорес был достаточно проницателен, чтобы не обмануться мнимо-революционной внешностью loi agraire и понять его истинную сущность. «Конечно, раздел земли есть реакционная утопия,—писал он,—которая привела бы общество в состояние аграрного варварства и всеобщей нищеты» [2]). Так же недвусмысленно высказывается Жорес и в ряде других мест: он прекрасно понимает антикоммунистичность и даже реакционность этого лозунга.

Однако, анализируя Бабефа, он указывает, что последний употреблял термин «аграрный закон» в несколько ином смысле, чем его обычно понимают. По этому поводу Жорес замечает следующее: «Под названием «аграрный закон» Бабеф понимает раздел земель, что кажется совершенно противоположным коммунизму. Но этот раздел смягчается благодаря неотчуждаемости земли и неизменяемости его социального характера. Это, если так можно выразиться, своего рода парцеллярный коммунизм, примененный только к земле» [3]). Вот как Жорес определяет ранний бабувизм: в аграрном законе нет ни грана коммунизма, а в бабувизме есть довольно примитивная разновидность последнего.

Совершенно понятно, что в соответствии с таким пониманием сущности аграрного закона Жорес не мог признать закон 18 марта «законом социальной реакции». Он дает следующую оценку ему: «Он (закон 18 марта) не имел бы этого характера (социальной реакции. *С. К.)*, если бы действительно была бы в это время партия, способная сделать все коммунистические выводы из революции и управлять, спасти революционную Францию согласно этой суверенной формуле» [4]). Бабеф и его партия еще не могли выполнить этой функции, и Жорес может им только посоветовать остерегаться и молчать, пока на них не обрушились двойные громы закона 18 марта: смерть и обвинение в контрреволюции, ибо Барер в своем докладе доказал, что аграрный закон, это — затея аристократов и контрреволюционеров.

Жорес показывает, однако, что закон 18 марта имел и полезные последствия в прямом смысле, так как он усилил законодательную инициативу, направленную в сторону интересов широких народных масс. Закон 18 марта должен был успокоить крупных собственников и покупателей

[1]) Там же, t. VIII, p. 95.
[2]) *Жорес*, Ист. Вел. Фр., Рев. т. III, в. I, стр. 110,
[3]) *Jaurès*, Hist. Soc. de la Rév. Fr. t. VIII, p. 88.
[4]) Там же, p. 95.

национальных имуществ. Но нужно же было компенсировать и народ за то, что ему запретили осуществить его мечты. Мелкая буржуазия и пролетариат были увлечены идеей поголовного раздела земель, и Жорес указывает на тот интересный факт, что только через несколько дней после принятия грозного закона 18 марта представители секций говорили перед Конвентом: «продукты земли должны быть общими для всех, как воздух и как свет» [1]). Что можно было сделать с этими людьми, которые, сами того не сознавая, требовали аграрного закона,—спрашивает Жорес и отвечает: «Революция не могла вступить в борьбу с народом, точнее говоря, она не могла вступить в борьбу с пролетариями. Итак, лишенные собственности и заинтересованные в ограничении прав собственности, пролетарии заманивались беспрерывно на пути, которые прямо или косвенно вели к аграрному закону» [2]).

При таких условиях Конвент должен был итти на уступки волнующимся массам, ибо одним запрещением нельзя было решить жгучей социальной проблемы, выдвинутой революцией. Именно такими уступками, по мнению Жореса, и явились: принудительный прогрессивный налог, организация общественной помощи, покровительство мелким покупателям национальных имуществ, распределение орудий феодальных поместий среди бедняков, закон о максимуме.

Последний был введен под влиянием все усиливающегося давления масс, постепенное нарастание которого мы выше наблюдали. Сам Конвент колебался, и интересно наблюдать, как он силою вещей и давлением масс, которые в данном случае выражали прогрессивную тенденцию, толкался в сторону закона о максимуме. «Камбон,—пишет Жорес,—который, без сомнения, втайне желал максимума и предчувствовал его счастливые последствия для курса ассигнат, не осмелился заявить, что его экономическая и финансовая политика по существу та же, что у Жака Ру. Народное движение унесло все колебания и все сопротивления» [3]).

Жорес доказывает, что установление максимума на зерно и хлеб в мае и на другие предметы первой необходимости 29 сентября 93 года должно было с железной последовательностью повести за собой таксацию заработной платы. Но, как это ни странно, Жорес утверждает, что для пролетариев максимум вовсе не оказался настолько выгодным, как это может показаться с первого взгляда. Дело заключалось в том, что война вызвала недостаток в рабочих руках, и он особенно ощущался в деревне. Именно поэтому уровень заработной платы батраков стоял высоко. Но и в городе Жорес констатирует расцвет промышленности и в особенности военной, сопровождаемый теми же последствиями.

Если зима 1792/1793 г. была тяжелой для революции, то зима 1793/1794 г. была временем расцвета. Жорес характеризует этот период в следующих выражениях: «это было время интенсивного производства, и в известном смысле можно сказать, что революция, как страшным ударом

---

[1]) *Jaurès*, Hist. Soc. de la Rév. Fr. t. VIII, p. 98.
[2]) Там же, p. 98.
[3]) Там же, p. 238.

бича, возбудила современный индустриализм. Сна в наибольшей степени использовала вещи и людей. Она извлекала из всякой минеральной, животной, человеческой силы все, что эта сила могла дать»[1]). Следует вспомнить, что, анализируя экономическое состояние Франции в 1792—93 г., Жорес несколько преувеличил расцвет страны и, наоборот, недооценил кризис 93 года. Не встречаемся ли мы и здесь с некоторой переоценкой экономических возможностей революционной Франции, переоценкой, обусловливаемой известным импрессионизмом автора?

На основе такого благоприятного анализа Жорес приходит, как мы видели выше, к тому выводу, что материальное положение масс было не плохим. «Представлять себе этот страшный и разорительный период, как эпоху нищеты или даже глубокой болезни, это значило полностью (complètement) ошибиться»[2]). Нельзя сказать, чтобы все это отличалось особенной определенностью. В основном Жорес приходит к следующему выводу: не смотря на кризис в целом ряде отраслей промышленности, несмотря на дороговизну и трудности в подвозе припасов к городам и в особенности к Парижу, «снабжение народа не было под серьезной угрозой, и было достаточно работы при высокой заработной плате»[3]). Понятно, что при таких условиях закон о максимуме казался рабочим неудовлетворительным, потому что он не давал им возможность получать ту высокую заработную плату, которую они могли бы получать, если бы рынок труда не регулировался государством.

Могут спросить: почему мы уделили столько места изучению социальной проблемы во время Великой Французской Революции? Однако не следует забывать, что мы были связаны постановкой вопроса Жореса, анализу которого посвящена работа и за которым мы поэтому должны были следовать. А Жорес придавал исключительное значение социальной проблеме во всех ее модификациях. Он уделяет много места вопросу собственности, роли пролетариата и масс в революции. Он останавливается на всяких проявлениях идеологии этих масс вплоть до разного рода социалистических и коммунистических тенденций. он прощупывает вопрос об аграрном законе и максимуме на всем протяжении революции. Все это у него тесно связано с экономическим развитием революционной Франции за изучаемый период; в этой области, как уже указывалось, Жоресу принадлежит огромная заслуга пионера и инициатора.

Теперь, когда нами прослежена эта сторона исторического анализа Жореса, когда вскрыт об'ект революции, теперь необходимо перейти к суб'екту ее, к ее движущим силам. Встает проблема роли классов, партии и отдельных лиц в Великой Французской Революции; надо выяснить, как она была разрешена в историческом творчестве Жореса. Но это уже составляет предмет последней части работы.

(Окончание следует)

---

1) *Jaurès.* Hist. Soc. de la Rév. Fr., p. 372.
2) Там же, p. 370.
3) Там же, p. 371.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

А. Иоаннисиани

История в школе II ступени

(Из стенограммы доклада в методической секции О-ва Ист.-Марксистов)

Интерес к историческим проблемам за последнее время значительно вырос: усиливается спрос на мемуарную литературу, исторические сюжеты привлекают широкое внимание, возникают исторические научно-исследовательские институты и ученые общества, об'единяющие наличные исторические силы республик и Союза, все чаще и чаще ставятся доклады - диспуты на исторические темы, привлекающие пытливые аудитории, с подкупающим под'емом извлекающие из напластований времен и столетий «уроки» для современности, отыскивающие в веках корни этой современности.

Очередные программы как центральные, так и местные выдвигают идею так называемого «историзма». Пересматривается исторический материал под углом зрения исторического материализма в целях школьного использования. Решается более определенно вопрос о месте истории в обществоведческом курсе. Опыт показывает, что исторические темы, перемежающиеся с современными в курсе обществоведения, затрудняют комплексную организацию других программ, ориентирующихся на обществоведение. «Программа прошлого года [1]), содержа в общем достаточно (даже, быть может слишком много) исторического материала, не давала его в *такой последовательности и системе, которые нужны, чтобы у учащегося была создана правильная историческая перспектива*» [2]) (курсив мой. *А. И.*). В результате новой работы (по счету третьей) над программами для II ст., положительно назревает мысль «разделить программу по обществоведению на две части—современность и прошлое, идущие параллельно друг другу» [3]).

Выводы, к которым пришли составители программы 1926 года, конечно, явились в результате изучения материалов практики преподавания обществоведения в школах по программам прежних выпусков (1925 и 1923 годы). Опыт показал нецелесообразность ограничения кругозора учащихся пределами сегодняшнего дня—у нас у самих появился вчерашний день, острота изучения которого захватывает всех, фиксирует внимание при выяснении любой проблемы современности. С другой стороны, выяснилось, что «синтетическое (?) изучение современности и истории на деле вырождалось в одностороннее нагромождение преимущественно исторического материала, в игнорирование вопросов современности в их органической постановке, в искусственное пристегивание важнейших современных событий и фактов

---

[1]) Программа по обществоведению, стр. 20—36, см. Программы для первого концентра школ второй ступени (5, 6 и 7 годы обучения). Научно-Педагогическая Секция Госуд. Учен. Совета („Красная книга"). ГИЗ, изд. 1925.

[2]) Замечания к программам по обществоведению (для 1 концентра II ст. 5, 6 и 7 г.г. обучения). „На путях к новой школе" № 9, 1926 г. стр. 78.

[3]) Замечания к программам по обществоведению (для 1 концентра II ст. 5, 6 и 7 г.г. обучения) „На путях к новой школе" № 9, 1926 г. стр. 78.

к „комплексу“». Октябрьская революция, действительно, как заметил М. Н. Покровский, ставилась для изучения, как местное событие, и нередко отодвигалась на программные задворки. Необходимость установления четкой позиции в вопросе о взаимоотношении двух разделов обществоведческого курса, обязательность внесения сюда ясности диктовались и теоретическими и практическими соображениями.

Таким образом школа после ряда лет тяжелых экспериментов, блужданий и излишнего теоретизирования вплотную подходит к вопросу о методических основах преподавания истории в школах II ст.

Этим, конечно, и надобно об‘яснить повышенный интерес школы к истории.

Вопросы преподавания истории очень серьезно волнуют учительские круги нашего Союза.

В различных учительских с‘ездах, на разных конференциях и переподготовках последнего времени всегда ставится проблема истории.

Осенние районные и губернские конференции учителей гор. Москвы высказались за необходимость введения в учебные планы школ раздельного преподавания истории.

Поражающая историческая малограмотность, пожалуй, вовсе безграмотность учащихся школ 2 ступени отрицательно отражается на постановке других школьных дисциплин. Только недавно одна очень компетентная методическая комиссия по естествознанию констатировала, что, в виду отсутствия у школьников-второступенцев исторических перспектив, совершенно трудно оформлять проблемы эволюционной теории. Вопиющий факт исторической безграмотности—достаточно убедительная иллюстрация беспомощности выпускаемой школой молодежи в элементарных исторических представлениях, характеризующей наличие политической близорукости, абсолютного неумения разобраться в современности, в «ее исторических корнях и возможных перспективах». Речь идет о школе II ст.

Историческая малоосведомленность, хаотическое и беспорядочное нагромождение обрывков историческо-современной мешанины (практика обществоведения), конечно, катастрофически влияют на процесс выработки мировоззрения у школьников, разрушают всякие интересы и служат тормозом при налаживании деловой обстановки в школе.

Отсутствие исторических перспектив, наивное и полное смешение времен и веков, сегодняшнего и вчерашнего дня, безразличное и безучастное отношение к историческим эпохам затрудняют работу естественника, географа, словесника. Учащийся весь во власти обществоведческого трафарета, худшего вида верхоглядства, организующего советскую хлестаковщину и репетиловщину.

Мы за годы бурно-пламенного увлечения обществоведением совершенно упустили из виду, что в общем в школе II ступени готовим интеллигентского фразера, с необыкновенной легкостью порхающего по верхушкам и обрывкам знаний.

Во всяком случае в этой области не все обстоит благополучно. Об‘ективные данные усугубляют сделанные выводы. Один из уральских педагогов, проф. Н. Коновалов, произвел любопытное обследование идеалов современного школьника [1]). Профессор пришел к несомненному положению, что история и обществоведение в наших школах не оказывают почти никакого влияния на формирование идеалов наших школьников. Приведя соответствующее свидетельство Меймана, автор обследования соглашается с тем утверждением, что история и обществоведение действительно могут служить более богатым источником формирования убеждений школьников,

---

[1]) Журнал „Уральский Учитель“ № 5—6, 1926 г.

чем другие отделы обучения. Но для этого непременным условием требуется надлежащая постановка преподавания этих сведений в школе. В западно-европейских и американских школах это преподавание, без сомнения, явилось базой для того, чтобы исторические личности оказались на очень видном месте в идеалах школьников. Само собой разумеется, что это делали «свои» люди (например, немецкие школьники, по исследованиям Годдара, указывают на первом месте Вильгельма I, Лютера, Бисмарка, Фридриха II, так называемого Великого).

Классовая история, классовая школа, школа буржуазно-юнкерская— сказалась в этих идеалах. Это прямое отражение уроков истории в том виде, как она пишется и преподается в империалистическом мире.

Проф. Коновалов совершенно справедливо полагает что у народа, имеющего завоевания социальной (т.-е. Октябрьской) революции, должна быть своя история, значительно (можно было бы сказать—совершенно) отличная от политической истории империалистических стран.

Кризис в преподавании истории сказался и в том, что мы нарочито культивировали некоторое наплевательское отношение к роли исторических деятелей. Биографический и героический момент у нас, конечно, был совершенно изгнан из курса обществоведения. А между тем, какое громадное воспитывающее влияние оказывает биографический материал, удачно и живо подобранный, на процесс обучения. Биографический элемент сохраняет большое значение для материалистического понимания истории не только в качестве показателя великих исторических перемен [1]). Говоря о некоторых живописных и выразительных документах, как материалах по организации исторического изучения, М. Н. Покровский замечает, что эти документы необходимы для того, чтобы мы не впали в карикатуру, не представляли себе исторического процесса безличным, ибо нет ничего более антимарксистского, как представить себе, что история движется без участия людей. Если мы выкинем из истории таких людей, как Ленин, Робеспьер, то ничего не останется, останется голая серая поверхность, где ничего нельзя будет разобрать, где все кошки будут серые [2]). Знакомство с положением школьного обществоведения показывает, по данным уральского обследования, что обществоведение как бы выпало из круга тех элементов, которые лежат в основе образования учащегося идеальных концепций. Вывод, к которому приходит проф. Коновалов, отличается совершенной категоричностью: преподавание истории и обществоведения в наших школах страдает каким-то несомненным органическим пороком, на который необходимо обратить серьезное внимание.

Мы за эти годы усиленно ломали копья за обществоведение против истории. Сколько было разговоров! Сколько заседаний и диспутов! Какое количество исписанных и напечатанных и не напечатанных страниц!

Сколько раз сигнализировалась педантами опасность восстановления истории!

«В настоящее время опять, наверное в последний раз, зашевелились историки в надежде, что история будет восстановлена в своих правах», писали недавно [3]).

И все-таки какой незначительный эффект!

Вся эта шумиха может быть нужна, чтобы окончательно обосновать правильность той установки, какая дается ГУС'ом в последних программах.

Поход против истории в свое время, конечно, был вызван вполне вескими соображениями. В годины величайшей борьбы страны против

[1]) *Д. Рязанов*, Очерки по истории марксизма.
[2]) Из речи на 5-й методической конференции Совпартшкол.
[3]) Борьба за обществоведение, изд. Коопер. Изд. „МИР".

наседающих врагов необходимо было держать школу во власти запросов и требований современности, необходимо было заразить подрастающее поколение пафосом борьбы, подготовить учащихся для активного участия в этой борьбе. А история в том виде, как она перешла по наследству, сохранила веяния старой школьной традиции и отвлекала внимание школьников от жгучих действований современности. Эти традиции изживались с величайшими затруднениями, ибо они находили поддержку в общих условиях школы, в ее мещанизированной психологии. Для нашей цели уяснение вопроса, связанного с эволюцией постановки обществоведения (и истории) в нашей школе, имеет, надо думать, большое значение.

Вы, конечно, все помните, что наша школа в связи с условиями развития страны пережила несколько фаз: разрушительную, критическую и сейчас переживает органическую фазу.

В разрушительный период школа ломала устои: революционные волны бушевали в школе. Руководство и наблюдение отсутствовали. Не время было, пожалуй, и вредно было оглядываться в глубины погибающего прошлого. Мысль носилась без руля и ветрил. Бродили неясные идеи о трудовой школе. Подхватывались на лету немецкие педагогические установки о трудовой, правильнее ремесленно-обслуживающей, школе. Учитель и школьник превращались в уборщиков, поваров, разносчиков, швейцаров и пр. Самообслуживание было в полном ходу. Через школу, казалось, настало время натворить чудеса: поднять сельское хозяйство, американизировать коммунальное хозяйство и пр.

В этот период господствовала самая настоящая старая история по старым министерским программам. В Москве, в большей части городских школ (не гимназий), в тех школах, где учительство было охвачено пресловутым саботажем, новый набор учителей, элемент в педагогическом смысле по большей части случайный, «дул» историю по самым допотопным учебникам. Гимназии по инерции консервировали старые методы и шаблон. Сюда, как правило, не проникали даже либеральные методические достижения в области преподавания истории (Уланова, Катаева, Знаменского, Звягинцева, кружка историков, группировавшихся в исторической комиссии при учебном отделе Московского Об-ва распространения технических знаний) и пр.

С 1920 года начинается критический период нашей школы. Необычайно усиливается программное творчество. Каждая школа в жарких спорах вырабатывает свою программу. Каждый уезд, каждый город, губерния, центр обнародывают солидные об'емистые программы с большими вводными об'яснительными записками. Во всех этих программах история фигурирует, как отдельный предмет. Наркомпрос выпускает «Примерные программы по истории для школы II ступени».

Эти программы, конечно, были насыщены до отказа теоретическим материалом по разделам истории, истории социализма, курсу экономической истории.

История, как школьный предмет, подвергнутый критическому анализу, как школьная самостоятельная дисциплина, признается безоговорочно. В 1921 году ставится вопрос о практизации школы, о приспособлении ее к требованиям населения, о создании такой школы, которая могла бы быть действительным проводником коммунистических идей в окружающей среде. Стал вопрос о снижении об'ема теоретических знаний и о возрастном снижении. Появляется 7-летка, как целостный и законченный тип школы.

К этому времени относится и попытка построения исторического материала по эволюционно - историческому методу. Исторический курс охватывал основные этапы развития человеческой культуры от первичных форм через сложные образования (Египет, Месопотамия, Греция, Рим),

через эпоху преобладающего натурального хозяйства, зарождение рынков, эпоху средиземноморской торговли, торгового капитализма, от промышленного капитализма к социализму.

Новым здесь была целостность и стройность композиции, изживание старой периодизации («какая-то безнадежность»), предлагалась организация изучения истории по отдельным социологическим группам, материал давался тематически, притом с необычайно детализированной номенклатурой. Для проработки учащимся предлагались сведения из всех областей человеческой жизни: экономических явлений, правовых институтов, исторических школ и учений, технических открытий и пр.

Старой оставалась, на практике, может быть, вопреки задачам, преследуемым автором, та же многоликая история, начиная с истоков человеческой жизни и кончая сегодняшним днем, ближайшими прогнозами. Недаром такой об'емистый материал целиком не умещается в шести солидных печатных томах... Конечно, такое вавилонское нагромождение способно навести на грустные размышления, подобные тем, которые кружились в голове одного из современных педагогов в бытность его гимназистом.

— Как счастливы были мальчики Египта или даже древней Греции, которые жили до средневековья и для которых изучение истории доходило только до половины древней. Каким несчастным будет наше далекое потомство эдак лет через 2—3 тысячи! Ведь им придется изучить историю еще лишних 2—3 тысяч лет...

К 1920—21 г. относится и появление термина «обществоведение».

Термин этот был в ходу и в дореволюционной литературе общественных наук, правда, только не в школьном обиходе.

Под обществоведением разумели такую школьную дисциплину, которая окажется в состоянии об'единить в одно целое все разделы общественных наук, при чем, конечно, это об'единение мыслилось, как было указано выше, органически. При таком построении предполагалось давать целостный комплекс всевозможных сведений и по праву, и по литературе, и по географии, и по экономическим наукам, и сверх этого—все время внимание обращалось на современность, направлялось на нее. Что здесь—в этой современности—еще не выветрилось?

Обществоведение, таким образом, об'единяло самодовлеющие отрасли общественного знания в единую систему, дающую их синтез.

С точки зрения этого понимания «изучение обществоведения ставит целью дать не только фактически обоснованное и конкретное представление о закономерности процесса развития общества, но так же навыки в научной работе, в пределах ее достижимости для различных возрастов школы в области осознания окружающей современной жизни, чтобы, по мере проработки курса, открывалась учащимся возможность все глубже понять закономерность разных перемен, которые порраждают научный взгляд, в то время как наука помогает осязать подлинную закономерность хода исторического процесса; благодаря этому у учащихся разовьется общественная сознательность, и они будут подготовлены стать сознательными активными членами общества».

Таким образом обществоведение строится концентрически усложняющимися этапами: охватываются целостно этапы человеческого общества как диалектически развивающиеся процессы, при чем, разумеется, для семилетки такой охват носит хотя и вполне научный, но примитивный характер, в то время как этот же охват на высших ступенях приводит к величайшим синтезам, дающим возможность открытия общественных законов, прокладывания научно-обоснованных прогнозов.

Персонифицируя это утверждение, изучение обществоведения схематически представляется в следующем виде: в начальных стадиях общество-

ведческая работа школьника, затем студента, далее ученого и, как завершение работы, величайших представителей науки (Маркс, Ленин).

В чем конечный смысл такого целостного изучения?

Это—осмысливание и изучение современности во всей ее совокупности в целях выработки активных участников и деятелей революционного строительства. Такое понимание обществоведения, конечно, научно и логически обосновано, отличается исключительной стройностью и с точки зрения педагогических требований целесообразно и приемлемо, ибо оказывает воспитывающее влияние на формирование идеалов и интересов учащихся,—обстоятельство, имеющее громадное значение для нашей школы.

Однако такое построение обществоведческого курса отличается схематизмом, полно исторических провалов и предлагает достаточный предварительный запас фактических сведений и проработанных материалов. С другой стороны, современность дается в ее элементах, ибо центр тяжести весь в прошлом, да притом взятый в таких грандиозных географических и хронологических интервалах! Надо быть виртуозом, чтобы не терять почвы современности при школьном ведении этого курса. Такие грандиозные исторические даты, как Октябрьская революция, в этом построении теряют свое величие и сводятся к ординарным явлениям. Смешение с историческими материалами сведений из области права и экономической теории нивеллирует различные области общественного знания и рассеивает внимание учащегося. В результате—опасность одностороннего уклона. Практика, действительно, показала совершенную неподготовленность школы и неискушенных в вопросах современности обществоведов, вчерашних школьных историков, в выполнении этой сложной и большой проблемы. Под обществоведением как правило, как бытовое явление прекрасно выращивались цветы старой школьной истории, корнями сидящие на традициях Острогорских-Барановых, Иловайских и других столпов дореволюционной школы.

Другое понимание обществоведения, настойчиво проводимое в 1921 г., не отличалось ни оригинальностью, ни достаточной ясностью.

Повторяя мысли и предложения автора об'яснительной записки программы 1921 года—Н. Г. Тарасова, оппоненты последнего вносили сюда много путаницы, мешанины и методической дезорганизации. Это понимание так формулировало свое определение: под обществоведением надо понимать, во-первых, трудовую и общественную практику детей ради того, чтобы приобрести трудовые и общественные навыки участия в управлении школой, в общественных работах школы и пр. и, во-вторых, осознание как общественной своей детской жизни, так и общественной жизни взрослых нашего времени и былых времен, чтобы выработать определенное мировоззрение (осознание былого важно только для понимания современности).

Такое банальное и претенциозное определение, являясь образчиком плохого усвоения чужих мыслей, вело к смешению различных категорий и понятий, путало читателя и слушателя, запутывало самого автора.

На самом деле—как можно под обществоведением «понимать практику» (слово, взятое произвольно!) детей? Разве при организации трудовых навыков не участвует математика, естествознание и пр.? Что значит «осознание» своей общественной жизни и общественной жизни взрослых? Каких это взрослых? Какой это обществоведческий термин? Как «осознать» жизнь взрослых? Что такое «общественная жизнь»? Как «осознать» свою общественную жизнь? Раз не определяется наличие этой общественной жизни, значит она не «осознается». Как осознается жизнь «былых времен»? Что это за термин «былые времена»? Надо ли в былых временах «осознавать» общественную жизнь детей или только взрослых? Каким образом достигается это «осознание»? Здравый смысл подсказывает,

что «осознание» — процесс завершительный, следовательно, предполагает предварительную работу. Какая эта работа и в каком об'еме? Совершенно нелепое впечатление производит модничанье, что «осознание былого важно только для понимания современности». А прошлого? Каким образом происходит процесс изучения обществоведения: от современности к прошлому или от прошлого к современности? Повидимому, раз «осознание былого» предшествует «пониманию современности», надо начать с прошлого. Но как итти к современности? С какого пункта? С другой стороны, как такое утверждение поставить в связь с другим не менее претенциозным определением, предлагающим «анализ данного общественного образования для сравнения с былым, чтобы вести борьбу с последним»? Оказывается, изучение здесь идет уже в обратном порядке: сперва «анализ образования» для сравнения с «былым», в результате «борьба с последним», т.-е. с былым. Необычайно интересно, хотя не совсем понятно, как это происходит такая занимательная борьба? Кто действующие стороны? Какой эффект этой борьбы? Как происходит борьба с этим «белым», когда оно пока что еще не осознано?

Характеристика этой позиции необходима в целях уяснения эволюции в понимании обществоведения, его содержания и целевой установки.

Наличие такого шатания, противоречия и беспринципности в вопросе об общественном минимуме в школах II ступени свидетельствует о столкновении двух элементов общественного знания—современности и истории. Само собой разумеется, что по мере развертывания школьной работы усиливается движение за ограничение обществоведческого преподавания пределами современности. Это движение наиболее полно отразил дореволюционный методист истории проф. С. П. Сингалевич, в порыве нового увлечения основательно сжегший былые исторические свои корабли.

По мнению указанного автора центр содержания школьных занятий в области социально-исторических дисциплин лежит именно в занятиях обществоведением, а не историей. Здесь история не цель работы, она здесь нужна постольку, поскольку она в процессе работы дает возможность глубже понять и уяснить основы современности, поскольку она позволяет оттенить ее на известном фоне и создает для нее необходимую перспективу, поскольку это знание истории об'ясняет нам современность и позволяет нам изменить ее соответственно интересам трудовых классов.

Материал обществоведения, материал современной жизни в отдельных и наиболее ярких ее проявлениях—это основной материал курса, это же исходный материал для изучения; исторический материал—это попутный, пояснительный материал [1]). Проф. Сингалевич с достаточным усердием пытается комментировать программные схемы ГУС'а, изд. 1923 г. И как всякий комментатор—склонен к расширительным толкованиям. Правильно, что явления современной общественной жизни мы должны брать не только в их статическом состоянии. Сомнение вызывает вторая часть утверждения, что мы должны изучать их в н е к о т о р о й исторической перспективе и сопоставлять с н е д а в н и м п р о ш л ы м России и Запада. Что понимать под «некоторой» перспективой и под «недавним» прошлым? Какие здесь об'ективные измерители? Почему только «недавнее» прошлое важно для изучения современности? Но для того, чтобы осмыслить это «недавнее», надо по конструкции проф. Сингалевича сопоставить это «недавнее» с другим «недавним», с предшественником первого «недавнего». Где остановиться? Как задержаться на этом скользящем движении вспять? Прежде всего самое понятие прошлого охватывает в наше время крупные исторические эпохи, ибо эпоха империализма корнями уходит и в эпоху

---

[1]) Проф. *С. Сингалевич*, Обществоведение в трудовой школе. Стр. 24.

промышленного и торгового капитала. Изучение любой проблемы современности, взятой в исторической перспективе, не может ограничиться столь проблематичным «недавним прошлым». Затем позволительно сомневаться в продуктивности организации изучения современности методом исторических подпорок и отходов в-слепую к этим подпоркам. В этом понимании совершенно бессмысленны экскурсы в прошлое. Эти экскурсы, конечно, не дадут никакой возможности «более отчетливо оттенить изучаемую группу явлений современности», ибо экскурсы, как вспомогательное и подсобное средство, тогда имели бы смысл, если области этих экскурсов были бы предварительно изучены. Иначе это—«хождение по мукам», неосмысленное условие абстрактной схемы, отрицание социального значения конкретных фактов классовой борьбы.

Нам хотелось бы остановиться еще на одной попытке понимания содержания и задач обществоведения, проблемы истории и современности.

Мы имеем в виду опыт ленинградской программы для школ II ст., изд. 1925 г. Основные положения этого опыта даются А. Е. Кудрявцевым в его книге «Очередные вопросы методики обществоведения на второй ступени». В основном мысли названного автора сводятся к следующему. Безоговорочное отстаивание курса на современность снижает образовательные и воспитательные задачи школ II ст., так как игнорирует выработку единого и цельного миропонимания. Комплексная система преподавания, изучение вещей и явлений в их взаимоотношении, в связи друг с другом, в их совокупности и сложности, не познание отдельных фактов, взятых сами по себе, а познание связи фактов и явлений и зависимости их от одного определяющего фактора предполагает изучение не только современности, но и познания исторической закономерности. «Ясно, что эту закономерность мы должны дать на II ступени и дать ее не в виде разрозненных и случайно связанных между собой экскурсов в прошлое и не в форме схематического социологического обзора, не опирающегося на конкретный материал, а дать целиком—в последовательной смене основных этапов развития».

Необходимо создать навыки марксистского понимания жизни, а это особенно удобно сделать на устойчивом, а не на таком сложном, как современность, историческом материале.

Автор при построении курса обществоведения признает историю и современность как два равноправных элемента.

В противоположность проф. Сингалевичу, считающему современность исходным моментом и центром всей работы по обществоведению, А. Е. Кудрявцев отдает приоритет курсу истории культуры, для которой современность является подсобным средством, иллюстрирующим основные проблемы исторического курса. По замечанию т. Кудрявцева проработка материала по современности является в высшей степени ценным методическим приемом для подхода к довольно сложному историческому материалу, необычайно важного для уяснения и глубокого изучения современности в последующих классах. Темы современности должны согласоваться с построением основной части курса—тем по истории культуры.

Амальгамирование по такому признаку приводит к фактическому вытеснению элемента современности из курса обществоведения. Что это так—об этом свидетельствует детально проработанная программа, разделенная на 10 тем: первобытная культура, земледельческие культуры Востока, рабовладельческие культуры Греции и Рима, феодализм в Европе, хозяйственный переворот в Европе, эпоха торгового капитализма в Европе, общеевропейский кризис конца XVIII и начала XIX века, эпоха промышленного капитализма, эпоха финансового капитала и начало социалистической революции.

А. Е. Кудрявцев склонен думать, что такое тематическое построение с привлечением материалов, характеризующих не только изменения в хозяйственной жизни, но и сопутствующие явления из области, социальных отношений, политического строя, идеологий всех категорий способствует изучению не отдельных исторических фактов и явлений, а связыванию их в единый и цельный комплекс.

Непонятно, откуда взял Кудрявцев, что систематическое построение курса равносильно балласту исторических фактов. Неужели популярные у нас исторические учебники и курсы так-таки балласты? Почему подчеркивание названий исторических эпох обязательно должно привести к связыванию исторических явлений, к признанию исторической закономерности? Программа А. Е. Кудрявцева, судя по подробнейшей номенклатуре, касается самых разнообразных фактов, событий, явлений и пр., и, следовательно, предполагает изучение массового фактического материала. Одна терминологическая расшифровка предполагает огромный запас всевозможных исторических сведений. В чем же «непроходимая пропасть» между тематическим построением и систематическим? Загромождая программу колоссальным историческим материалом, естественно, курс современности сводится к случайным экскурсиям, обследованиям, целесообразность которых вызывает ряд возражений. Изучая эпоху торгового капитализма в Европе (XVI—XVIII в. в.), в части современности предлагается изучить торговый капитализм по его следам в настоящем. Самая попытка изучить прошлое путем анализа его пережитков в настоящем вызывает основательный критический отвод. Но как с и с т е м а этот метод, конечно, должен быть категорически отвергнут.

Тематическое построение исторического курса при попутном пристегивании одних только хозяйственных факторов (город и деревня, городская промышленность и торговля, промышленный переворот и проч.) основательно искореняет всякие попытки идеологической характеристики современности. Во всех девяти темах по современности (о десятой речь впереди) ни одного звука о революции рабочего класса, о диктатуре пролетариата, о государственном строе СССР, о партии, организациях рабочего класса и пр. Революционно-эмоциональный момент вовсе отсутствует. Все эти вопросы, перечисленные выше, входят составною частью в 10 тему (последнюю), обнимающую сложный ряд подтем, как-то: образование нац. рабочих партий в Западной Европе, возникновение II Интернационала и милитаризм, легальный марксизм и экономизм, революция 1905 г., история партии, революция 1917 г., Октябрьская революция, государственное устройство Советского Союза, экономполитика Соввласти, Коминтерн.

Словом, приходится в третий раз подчеркнуть, что грандиозные события нашего времени— Октябрьская революция, пролетариат у власти и пр.—рассматриваются вскользь, как самые обыденные и незначительные факты.

Революционным вождям, Ленину, как пролетарскому руководителю мировой революции, в программе т. Кудрявцева не оказалось места.

Анализ различных взглядов на обществоведение, знакомство с эволюцией вопроса показывают, с какими трудностями связываются основные вопросы преподавания и как этот процесс выработки единого понимания задач и содержания обществоведения влияет на школьную практику как критического периода школы, так и последующего органического периода.

Практика обществоведения вызывала и продолжает вызывать самые основательные опасения. Обществоведение в такой неустановленной форме, неустойчивой и в вопросах содержания и в целевой установке, усилило путаницу на практике. Как единая, органически слитая во всех своих частях, дисциплина—обществоведение на практике не нашло осуществления.

Знакомство с теоретическими обоснованиями обществоведения в их последовательном порядке убеждает в нецелесообразности искусственного расщепления различных самостоятельных отраслей человеческого знания. Под покровом обществоведения уживается старомодная история, культивируются формальный схематизм и опросная обследовомания в курсе современности. Недаром циркуляр Главсоцвоса (начало 1923 года) вводит политграмоту в противовес обществоведению.

Главсоцвос предлагает по отношению к тем школам, в которых обществоведение не поставлено на должную высоту, т.-е. преподается старая история, ввести в старших и прежде всего в выпускных группах преподавание политграмоты, как части учебной программы.

Теперь разрешите перейти к третьему периоду нашей школы, который назовем органическим.

Весь этот период—со второй половины 1923 г. до наших дней—идет под знаком ГУС'а.

Работу, проделанную Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета, безусловно надо считать исторической, одной из самых ярких страниц в созидательной будничной работе нашей школы.

Нет надобности говорить о той творческой работе, которая захватила рядовое учительство и заставила его усиленно поработать, подновлять свои знания, поделиться своими достижениями и неудачами в кругу товарищей и коллективными усилиями разрешить очередные задачи школы.

«ГУС» проник в самые глухие уголки. Коренной разрыв со старым шаблоном, построение нового преподавания на принципе организации труда, ориентация на окружающую жизнь, комплексная система преподавания оживили школьную работу. На программах ГУС'а учительство переподготовлялось, вырабатывало навыки и умение, преодолевала «обычную разрозненность знаний», так настойчиво пыталось «действительно центральным предметом изучения в школе» сделать труд, «направленный на природу и являющийся основой общественной жизни» [1]).

Практическая проверка этих программ в течение последних лет, тщательный учет работы рядовой школы в условиях обычных, бытовых, дали громадный материал, изучение которого с несомненностью установило, что «тут есть еще кое-что незаконченное и не вполне разработанное», мысль, которую высказал А. В. Луначарский на Всероссийском С'езде завгубсоцвосами 11 марта 1923 г., останавливаясь на характеристике новых программ. Совершенно очевидно, что ГУС не задержался на полдороге; так же очевидно, что высший методический орган республики, наблюдая результаты практического крещения своих программ, приходил к мысли о пересмотре если не основ, то содержания программ. Конечно, налицо была сильная идеализация об'ективной школьной обстановки: «ГУС» в первоначальном его варианте оказался не по плечу нашей массовой школе.

Эти обстоятельства усиливали ликвидаторские течения по отношению к принципиальной установке гусовских схем и программ, в особенности среди «широкой публики», в той или иной степени настроенной по-обывательски. В результате и под давлением учета практики ГУС в дальнейших программных выпусках держал курс на практизацию, на разгрузку и приспособление их. Эту же эволюцию прошли и программы II ступени, в частности в разделе обществоведения.

Если по отношению к другим школьным дисциплинам (естествоведческим и математическим) сравнительно легко разрешались программные затруднения и методические установки, то эти же затруднения по

---

[1]) Схемы I ступени (из доклада П. П. Блонского). Новые программы для единой трудовой школы (утверждены Коллегией Наркомпроса 16 июля 1923 года). ГИЗ. 1923 г., стр. 14.

отношению к обществоведению принимали угрожающий характер. Предшествующее изложение—достаточно убедительное свидетельство неустойчивости, разномыслия и непрекращающихся исканий в области методики обществоведения. Здесь все оказалось новым. Приходилось устанавливать основные контуры новой дисциплины, революционной по рождению, революционной по существу. Необходимо было охватить в едином железном кольце все элементы общественного знания и приспособить этот охват к основным и ударным задачам развертывающейся революции. Разрешить удовлетворительно эту задачу оказалось делом исключительной и чрезвычайной трудности. Одно было несомненно, что в программах обществоведения должны превалировать современность, тот минимум самых злободневных политических сведений, которые хоть немного раскрывают смысл революционной эпохи. Не забудем, что даже в школьном строительстве господствовала практика досрочных курсов, на коротком интервале подготовляемых практических работников. Таким образом, и школа II ступени в обществоведческом секторе своего учебного плана усиливала элементы политграмоты. На долю истории выпадала справочная работа календарного характера: история урывками подкрепляла положения современности и комментировала революционные праздники.

Такая установка, конечно, отразилась на программах ГУС'а по обществоведению. Последующий обзор схемы 1923 года, варианта 1925 г. и примерных программных материалов 1926 года показывает, как трудно проходил процесс конструктивного оформления обществоведения.

В схемах 1923 года в курсе обществоведения исторический элемент, естественно, входит лишь как эпизод. Программа первого года II ступени (5-й год обучения) носит технически-практический уклон; она упирает на организацию сельских работ учащихся в крестьянском хозяйстве. Местный материал заполняет содержание курса, пронизанного насквозь крестьянскими темами и мотивами. Исторические темы—эпизоды и справки. Тут и освобождение крестьян в России, тут и закон о земле, тут и борьба крестьян на Западе, тут и Великая Французская Революция, тут и мечты крестьян о земле и пр. Конечно, такой необычайный территориальный и хронологический охват разнообразнейших исторических фактов и событий должен был носить формальный характер, в лучшем случае быть занятной иллюстрацией именно календарного типа, лишенного социальных корней, социальной обстановки и динамики. В варианте 1925 года в темах по современности теоретический материал обнимает круг вопросов, касающихся форм сельскохозяйственной промышленности и форм обрабатывающей промышленности: город, как центр обрабатывающей промышленности, ремесло и кустарное производство, фабрика—завод, условия труда и организации рабочего на фабрике. Последняя тема является обобщающей—связь деревни с городом. В сравнении со схемами 1923 года здесь дается и городской материал. В исторической части крестьянский материал уплотнен. Здесь—история сельского хозяйства в России: крепостное хозяйство, крепостное право и крепостническое государство. Развитие капитализма и отмена крепостного права, развитие капитализма в сельском хозяйстве и его последствия: борьба крестьян за землю. Сюда входят: пугачевщина, крымская война, реформы 60-х г.г., аграрные движения во второй половине XIX века.

В теме «Рабочий класс и капиталисты» дается политико-экономический теоретический материал. Связь между современностью и историей проводится как по вертикали, так и по горизонтали, т.-е. по последовательному расположению материала и по его обоснованию. В результате должно получиться синтетическое и слитное построение единого курса. Конечно, на практике получался необычайно пестрый лоскутизм, перегиб материала то в сторону современности, то в сторону истории.

Примерные программы 1926 года вводят два раздельных, идущих параллельно друг другу, курса: современность и обществоведение. Раздел истории в программе по обществоведению еще не опубликован. Программа по обществоведению дана лишь в части современности. Современность изучается по следующим темам: Деревня, крестьянское хозяйство. 1) Формы сельского хозяйства. Сюда входят: деревня, как тип сельского хозяйства, средства производства этого хозяйства, расслоение деревни. Крупное сельское хозяйство. Крестьянство и Октябрьская революция. Что дает деревня городу, и обратно.

2) Город, как производственный центр. Сюда входят: отрасли промышленности нашего города, мелкое и крупное производство, фабрика, труд рабочего, организованность и сплоченность рабочего класса. ВКП (б). Советская власть в нашем городе. Торговля в нашем городе.

3) Связь между городом и деревней. Административная связь, культурная связь, руководство рабочего класса.

В этой части программа дает основные сведения о современности, азбуку современности, построенную на знакомом учащемуся краевом материале. Это, конечно, пропедевтика, введение в современность, по старой терминологии - политграмота.

6-й год по схеме 1923 года в части современности посвящается промышленности: ремесло, мануфактура, фабрика, организация труда в указанных видах промышленности. Развитие различных отраслей промышленности в СССР и др. странах. Сюда же надо отнести разрозненнные сведения из политэкономии и права, об'единенные под рубрикой «Рабочие и капиталисты»: наемный труд и капитал, частная собственность на средства производства. Ограниченная монархия, республика, диктатура буржуазии, демократическая республика. Капитализм. Конкуренция, хаос в производстве. Эта необычайная и случайная смесь поставленных в ряд разнородных логических категорий сменяется сразу темой «Чартисты». Далее 48-й год (неизвестно в какой стране), далее Коммунистический манифест, I Интернационал, Парижская Коммуна, II Интернационал. Капитализм в России. Самодержавие. 1905 г. и 1917 г. Здесь исторические сведения, как и в предыдущем году, даются в порядке календарных справок.

Программа 1925 года по обществоведению для 6-го года дает большой материал по современности и по истории. По современности изучению подлежит ряд проблем, сгруппированных по темам: обмен между городом и деревней (торговля, кооперация, сведения из политической экономии— товар, стоимость, цена, деньги), организация основных отраслей нашей промышленности и их развитие (народное хозяйство СССР, советский строй и конституция СССР, производственные и культурные задачи в деревне). Историческая часть программы охватывает: общественные классы и классовая борьба, противоречия труда и капитала, революционная борьба рабочего класса на Западе и борьба рабочего класса в России.

Сюда, следовательно, входят: промышленный переворот, рабочее движение в Англии конца XVIII и первой половины XIX в., чартизм, революция 1848 г. во Франции и Германии. Коммунистический манифест, I Интернационал и его эпоха. Парижская Коммуна и общий очерк расцвета капитализма в Европе. Особой темой ставится изучение русской истории конца XIX и начала XX ст. (рост крупной промышленности), образование рабочего класса, союз помещиков и капиталистов, народничество. Начало роста с.-д. Русско-японская война, 1905 г. Реакция. Война 1914 г. Революция 1917 г. Образование рабоче-крестьянского правительства.

Как не трудно заметить, здесь исторический материал дается обильный и сравнительно со схемами 1923 года в систематическом построении. Органической спаянности и слитности исторического материала и современности

не имеется; также отсутствуют методические указания о способах возможной достижимости подобного об'единения обществоведческих материалов 6-го года обучения. Одно несомненно, что между темой «Организация основных отраслей нашей промышленности» и между «Чартизмом в Англии» (!)—дистанция огромного размера.

Проект программ 2-го концентра II ступени 1926 г. в части современности помечает следующие темы: народное хозяйство края и СССР. Советский строй, конституция СССР и наши задачи в деревне.

Перехожу к последнему году семилетки. По схеме 1923 года в разделе современности предлагается изучение труда при капитализме, планомерного хозяйства при коммунизме и советского строя, как переходного от капитализма к коммунизму; в исторической части—империалистическая война, революция 1917 г., временное правительство, Октябрьская революция. Исторические сведения и здесь сведены к роли календарных справок, так что самостоятельного и серьезного значения, конечно, не могут иметь. Программа обществоведения для 7-го года обучения изд. 1925 года в разделе современность выдвигает темы: развитие мирового хозяйства, Коммунистический Интернационал и развитие мирового революционного движения, советский строй, как переходный от капитализма к коммунизму, и основные достижения социалистического строительства СССР. Исторические вопросы касаются уяснения эпохи империализма в связи с борьбой рабочего класса, эпохи II Интернационала и русской социал-демократии и империалистической войны 1914 года и версальского мира и его последствий. В примерных программах ГУС'а 1926 года ставятся те же задачи, что предшествующие программы, плюс проблемы Запада и Востока, проблемы индустриализации страны, проблемы быта и жизненного уклада.

Программы Государственного Ученого Совета (Научно-Педагогической секции) 1923 года (схемы), 1925 года («красная» книга) и проекты программ 2 концентра II ступени 1926 года, как это не трудно было заметить, в части обществоведения отражают неуверенность и неустойчивость принципиальной установки, свидетельство упорных и настойчивых исканий в целях мыслимой в наших условиях программной стабилизации. Изучение ГУС'овских программ в связи с их практикой показывает, как эти программы несомненно эволюционируют в сторону бóльшего подчеркивания отдельных элементов обществоведения, устанавливая конкретные задачи, свойственные различным разделам общественного знания.

Замечания к программе по обществоведению (для 1 концентра II ступени, 5, 6 и 7 г.г. обучения) ставят и разрешают вопрос о преподавании истории и современности совершенно определенно. История имеет самостоятельное место в курсе обществоведения. Конечно, это не значит, что существуют две независимые друг от друга программы. Курсы истории и современности связаны между собой на каждом году обучения так, чтобы современность была понята в своих исторических корнях. Совершенно резонны выводы программно-методической подсекции Научно-Педагогической Секции ГУС'а, что строя программы в первом концентре комплексно, необходимо учесть, что исторические темы, перемежающиеся с современными в курсе обществоведения, затрудняют комплексную организацию других программ, ориентирующихся на обществоведение. С другой стороны, некоторое разделение современности от истории в программе по обществоведению развяжет руки обществоведа при прохождении тем современности.

Высказываемые соображения продиктованы практикой ГУС'а и являются результатом программно-методического анализа конструкции школьного обществоведения.

Оппоненты раздельного построения истории и современности в курсе обществоведения обычно указывают, что такое построение разрушает

комплексную систему организации знаний в школе, восстанавливает разобщенность и предметность в школьном преподавании.

Но прежде всего разрешитс установить понятие комплекса во II ступени школы. Согласно определения Н. К. Крупской, задача второй ступени— дать детям возможность ориентации в живой действительности. Но тут уже подход должен быть более углубленный, он должен покоиться на изучении самих явлений, их внутренней закономерности, внутренней логике их развития. Только на основе углубленного изучения отдельных типов явлений, углубленного анализа их возможен дальнейший осознанный до конца синтез явлений. Вот почему на второй ступени в первый и второй годы идет попредметное (курсив мой. *А. И.*) изучение явлений, при чем, однако, ни на минуту не должна теряться жизненная, реальная связь между основными группами явлений (этой связи не было в старой школе).

Безусловно неверно понимать комплексность во II ступени таким образом, что все дисциплины в один и тот же день и на всем протяжении работы изучают одну и ту же частицу комплекса. Такая «увязка» всей школьной работы слишком упрощена и доводит идею комплексности до абсурда. Комплексность ради комплексности, комплекс, как самоцель, совсем не нужны.

Как представляет себе ГУС основные моменты комплексной системы в школе второй ступени?

Это—необходимость спетости отдельных преподавателей между собой и тесного координирования работы преподавателей-специалистов. Содержание комплексных тем, смысл их должны быть значительны и общественно-важны, комплексная тема изучает явления не изолированно, не оторванно от жизни, а изучает явления «во взаимосвязи и во взаимодействии», устанавливается связь основного содержания темы с другими явлениями современности. Комплексная система должна дать учащемуся навыки диалектического познавания действительности.

Таким образом, комплексность не ставит препятствий преподаванию по специальностям.

Вопросы, требующие дальнейшего анализа, затрагивают ряд первоочередных задач. Сюда надо отнести: характеристика школы II ст., ее целевой установки, библиография и критика обществоведческих учебников и подсобной литературы, вопрос о вспомогательных учебных пособиях, об оживлении и конкретизировании обществоведческого курса и, наконец, намечение контуров программы обществоведения для школы II ст. и в частности увязка истории и современности в этой программе.

Но эти вопросы—темы специального рассмотрения. К ним необходимо вернуться.

Покровский М. Н. Тов. Иоаннисиани дал весьма карикатурную картину развития нашей программы обществоведения. И так как я думаю, что эту картину он нарисовал не исключительно из соображений художественного интереса, а, вероятно, так представляет себе дело, я позволю себе в двух словах напомнить, в силу каких, совершенно правильных, законных, имманентно-необходимых условий мы пришли к той программе обществоведения, которая существует в настоящий момент. Тут мы имеем систематически почти на протяжении 10 лет одну картину. Совершенно правильные марксистские положения, которые попадали в мелкобуржуазную среду, в мелкобуржуазные мозги, подвергались систематическому извращению и перерождению. Так это происходит до сих пор, так это происходило и с самого начала. Идея трудовой школы, о которой говорил т. Иоаннисиани,—это Марксова идея, идея абсолютно неоспоримая, идея

соединения учения с производительным процессом; ни один марксист не возражает против этой идеи, она усвоена марксистами, ее пытались осуществить в 1918 г. Но оказалось, прежде всего, что та мелкобуржуазная масса, в которой идея начала проводиться, совершенно к этому не подготовлена, и, конечно, ошибкой было, что сразу мы нашу идею начали проводить массовым путем, вместо того, чтобы подготовить пропагандой, опытом кадр учителей. Это была громадная ошибка. Тот совершенно не понимает производительного труда, кто относит к категории этого труда мытье полов и т. д. Затем обнаружилось, что нет на местах технической возможности и соответствующих идеологических предпосылок для того, чтобы связать детей с крупным производством. Где это удалось? Это удалось в наших школах фабрично-заводского ученичества, которые приставлены к фабрикам; там есть эта возможность. Правильно сказал тов. Луначарский, что наши школы фабрично-заводского ученичества—это первый образчик марксистской школы, соединяющей обучение с производительным трудом. Спорадически, в отдельных случаях, это удавалось осуществить и в других школах. Я напомню, что имевшая много педагогических недостатков школа Левитина и Балкашиной в здании бывш. Екатерининского Института эту задачу более или менее разрешала. Там были двигатели, машины, были инструктора, рабочие от станка, и в результате получилось нечто, напоминающее трудовую школу. И когда к нам приезжали иностранцы, мы везли их в Екатерининский институт, и иностранцы бывали ошеломлены тем, что нам удалось сделать в наших трудных условиях. К сожалению, у школы были педагогические дефекты другого рода, которые вызвали против нее возмущение, и ее пришлось закрыть. Но задачу создания трудовой школы она разрешила. В общем и целом идея трудовой школы попала у нас в среду мелкобуржуазную, которая не представляет себе, что такое производительный труд, а поскольку представляла, понимала его как индивидуальный труд по-толстовски и т. д., и из этого ничего не получилось.

Та же самая картина была и с преподаванием обществоведения. Почему, каким образом мы пришли к тому, что история была игнорирована и появилось обществоведение без истории? Пришли благодаря тому, что, отказавшись от непосредственной связи с производительным трудом в области школы второй ступени, мы все-таки старались, чтобы обучение было связано с той производственной обстановкой, в которой дети живут: в деревне—с сельским хозяйством, в городе, в промышленных районах—с крупным производством и т. д. Вот в чем заключалась задача. Нужно было итти от тех хозяйственных условий, которые окружают детей, а не от книжки. Ну, как вы построите исторический курс, исходя из того, что окружает детей сейчас, непосредственно? Очевидно, что нужно было прежде всего дать им понять то, что вокруг них находятся все общественные, экономические явления, с которыми они связаны. Быть может, не были использованы в достаточной степени элементы детской жизни, поскольку в ней есть элементы общественности, не были использованы школьное самоуправление и общественно-производительный труд детей. Все это во многом тоже было книжно, и тут налет мелкобуржуазности чувствовался. Но в особенности это развернулось, когда пришлось изучать действительность. Как подходит всякий буржуа, конечно, я не буду говорить, что нас окружает буржуазная среда, это—мещанская среда,—как мещанин подходит к окружающей обстановке? Ему кажется, что данный стол, комната, дом стоит, существует. Вопрос о том, как это возникло, который навязывается производственным процессом каждому пролетарию, каждому рабочему, этот вопрос мелкая буржуазия не ставит потому, что она привыкла к такому методу производства, который закостенел от веков, и для нее

это развитие не существует. Этот мещанский, метафизический, не диалектический подход в этом изучении окружающей обстановки развернулся со всей роскошью. Напр., нужно показать детям, что такое банк. Как марксист подойдет? Он об'яснит, как возникли банки, чем отличается буржуазный банк от нашего, расскажет в самых элементарных выражениях, как у нас банки национализированы и т. д. Это можно рассказать двенадцатилетним детям. Как представляет себе банк мещанин? Он ему представляется сам по себе. Надо привести детей и сказать: вот конторка, вот другая, тут сидит бухгалтер, то-то и то-то делает и т. д. Таким образом, получатся, может быть, ценные практические сведения, и, когда вырастет, этот гражданин, попав в банк, своих сбережений не потеряет и будет знать, к какой конторке подойти и куда положить, но не для этого мы изучаем банк. Мы изучаем банк, как составную часть системы хозяйства, в которой живем. Первым вопросом нужно поставить, как возник, какой имеет смысл, а вопрос о конторке, кто где сидит, что пишет,—этим для конкретности можно заняться, но не в этом суть дела. Когда вы читаете в провинциальной программе подробно—как водить учеников в кооператив, в банк, на рынок, что показывать, и буквально три строки об Октябрьской революции, «это исторический сюжет, к которому следует подходить как к другим историческим сюжетам»,—вот воочию мелкобуржуазное перерождение марксистской мысли. В этой обстановке сложилось отчаянное настроение, которое проявилось в попытке воссоздания старого курса истории, и товарищи спрашивали, от чего же пойдет этот курс истории, который мы хотим воссоздать? Я боюсь, что для того, чтобы найти для него конкретную базу, придется детей вести в церковь Василия Блаженного. Вот остатки истории, давайте исходить из этого. Василий Блаженный, как всякая старая церковь, может, конечно, служить отправным пунктом для интереснейшего исторического наблюдения не только в области искусства, но и в области механики: как строили и как теперь строится, какие употреблялись приемы, чтобы не развалилось. Все это можно детям показать, но опять-таки показать не сумеют, а начнут предаваться историческим воспоминаниям, и получится то же самое. Я боюсь, что, если создадим такой курс истории, якобы новый, он будет очень похож на старый курс, и в конце-концов будет та же книжная штука, святцы, но с другими святыми. Прежде были святые цари, министры, благодетели человечества, а теперь великие бунтовщики-революционеры, социалисты. В известном смысле это будет прогресс: лучше, если дети будут учиться понимать пугачевщину, чем нелепый наказ Екатерины II. Это будет лучше, но не стоило «проливать столько крови», чтобы достигнуть таких ничтожных результатов, и надо попытаться дать нечто более солидное. Надо попытаться мещанское описательное обществоведение заменить марксистским диалектическим обществоведением, где каждое общественное явление рассматривалось бы как продукт известного развития, известной борьбы, потому что развитие сводится к борьбе и с известными перспективами на будущее. Этого, безусловно, нет. Просмотр не только учебников, но и работ учащихся, которые пишутся в наших школах II ступени, убедил меня, что наша молодежь—это люди не только без перспектив в прошлом, но и в будущем; никакого социализма они не видят там, они видят только настоящее: сидит человек в банке и пишет в гроссбухе, и больше ничего нет. При чем, это настоящее, эту современность они знают так, как мы не знаем. Одна девица перечисляет декреты о кооперации так, как не только я, но сам Н. Л. Мещеряков не перечислит, а она все перечислила. Но для чего это нужно 12-летней девочке—я не понимаю. Когда она вырастет и поступит хотя бы в ту же самую кооперацию, то, во-первых, декреты будут другие (смех), все эти знания будут носить

чисто археологический характер. Если она начнет отправляться от декретов, которые изучала, она будет попадать впросак на каждом шагу.

Совершенно ясно, что нужно строить не особый исторический курс, не оторванный, который, я очень боюсь, будет книжным курсом, идущим от книжки, или в лучшем случае от какой-нибудь старой церкви, или помещичьего дома, из которых талантливый человек сумеет кое-что сделать—и тут т. Иоаннисиани прав: старый режим находил талантливых людей-обществоведов: по-своему Иловайский талантливый человек, я это уже говорил на московской губернской конференции,—а у нас их нет. Прежде всего, нет талантливых людей, и ставить на них ставку нельзя, к сожалению. Это основной грех ГУС'а: он ставит ставку на самого лучшего учителя, которого только можно вообразить. Надо ставку ставить на среднего учителя, а во что превратит этот средний учитель восстановленный курс истории? В такую же казенную книжку. Кстати, о книжках. Недавно я держал в руках одно новейшее руководство по обществоведению. Это же сплошной ужас, иначе определить нельзя. Я жалею, что не принес с собой этой книжки. Там такой язык, что—где второступенцам!—я не все понимаю, всего понять невозможно, при чем остается под большим вопросом, понимают ли и сами авторы. Решительно все теневые стороны революции замазаны. Не подлежит никакому сомнению, что конец I Интернационала связан с разгромом Парижской Коммуны, с последней попыткой рабочих масс прямым натиском захватить власть; это не удалось, и в результате нужно было обратиться к косвенным средствам, каковыми являлась организация национальных социалистических партий. Вместо того, чтобы откровенно сказать: в результате колоссальной неудачи рабочему классу пришлось поступить так-то, в книжке рассказывается: «Действительность переросла рамки I Интернационала, поэтому нужно было создать национальные социалистические партии», т.-е. вместо грандиозной катастрофы рабочего класса оказывается мирное, почти бюрократическое развитие. Был сначала один проект Интернационала, устарел, стали сочинять новый проект национальных социалистических партий. Нельзя же прихорашивать, приглаживать историю и жестокую борьбу, которая велась. Это значит выхолащивать историю. Все это изложено притом раньше описания Парижской Коммуны, так что связь с Коммуной совершенно исчезает. Далее, повествование о самой Парижской Коммуне начинается с того, что Париж пал потому, что буржуазия не хотела вооружить рабочих, а сейчас же через 10 строк говорится, что в Париже осталась после осады национальная гвардия, состоящая преимущественно из рабочих. И потом люди будут удивляться, что какой-нибудь мало-мальски остроумный мальчик или девочка подметят и начнут шпиговать: «Что же, рабочим не позволяли вооружаться, а тут же говорится, что национальная гвардия состояла из рабочих». Зачем так грубо обманывать детей? Я боюсь, что начнется прихорашивание, приглаживание истории, которое в конце-концов вытравит из нее диалектику, и дети не будут представлять, какой тяжелейшей борьбой досталось то, что есть теперь. А между прочим, мы многим можем похвастать, и показать, и порассказать. Но если мы будем говорить, что у нас заработная плата выше, чем в Западной Европе, это опять будет нехорошо, потому что этого нет на самом деле. Но, вообще говоря, не прибегая к лжи, можно показать картину гигантских усилий, гигантских достижений, которые были осуществлены русским рабочим классом, русским крестьянством после Октябрьской революции 1917 г. Но показать надо на фоне борьбы, не скрывая ничего, за исключением таких вещей, которых просто дети не поймут, которые детям не нужны, которые могут только вызвать известные зверские инстинкты, если мы будем какие-нибудь кровавые события очень подробно расписывать,—это совершенно не нужно.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы создать курс диалектического обществоведения, т.-е. обществоведения, где бы мы, по словам Ленина, «к каждому факту подходили единственно возможным научным путем, т.-е. путем историческим». Спрашивается, легкое ли это дело? Нет, очень трудное. Но в конце концов зачем ходить по линии наименьшего сопротивления? Несомненно, что мы должны попытаться такого рода курс обществоведения создать. В нем будут, разумеется, и элементы истории, их должно быть очень много, элементы конкретного исторического изложения. Я не представляю дело так, что нужно взять общественное явление, скажем, банк, и в самых простецких словах рассказывать, как он возник, какие его функции, о национализации банков и т. д. Это годится для школы I ступени, для политграмоты, но для школы II ступени придется построить ряд отделов, которые опирались бы один на другой, и несомненно этот ряд отделов нужно построить так, чтобы они упирались в обществоведение. В очень грубой форме я предлагаю такую схему: сначала краткий курс обществоведения, который бы ознакомил детей с тем, что есть; затем исторические комментарии не в виде календарных справок, а отвечающие на вопросы: как возникло и куда идет. Наша история имеет два конца: один в прошлом, а другой—идущий в будущее. Вот почему им не только должны показать, как люди боролись, но и научить, как надо бороться, и показать за что бороться. Иначе нельзя. Иначе у детей получается картина, что все завоевано и дальше бороться не за что, а остается быть послушным советским гражданином и наслаждаться теми благами, которые вокруг нас. Это идиотское извращение картины. На самом деле нам предстоит тяжелейшая борьба как внутри страны, так и вооруженная с окружающими нас враждебными капиталистическими странами. И мы должны быть к этому готовы. Если мы вводим военные знания в школу, то нужно об'яснить, для какой цели это вводится и зачем мы будем обучать детей из винтовки стрелять и об'яснять, что такое военные газы и как уберечься от них, что такое авиация и т. д. Разве для любопытства мы вводим это об'яснение? Сейчас мы имеем передышку, благодаря, как выразился еще давно А. И. Рыков, бесконечной глупости европейской буржуазии, а отчасти потому, что эту самую буржуазию держит за самое чувствительное место свой рабочий класс, не давая двинуться. Но можно представить момент, когда она временно справится с рабочим движением (пока они не справляются к нашему благополучию), и тогда она пойдет на нас, и нам придется драться и защищаться. Так, что перспективы прошлого и будущего откровенно, не замазывая никаких темных сторон, должны быть даны, и на фоне этих перспектив должны быть даны в элементарном виде, а затем в более научном, что допускает и возраст учащихся, поскольку мы будем иметь дело с 8-й, 9-й группой, с подростками 16—17 лет, которым можно дать научное об'яснение. Вот как мне рисуется этот будущий курс. Это не отрыв истории от обществоведения,—это иной курс обществоведения.

Что для этого нужно, товарищи? Во-первых, нужен громадный опыт. Я не знаю, имели ли авторы цитированного мною учебника опыт или нет? Как они, имея опыт, могли написать таким языком, которого ни один подросток не поймет? Как они могли дать книгу для подростка, для несовершеннолетних, для юного поколения, где нет ни одной картинки, не только в смысле изложения, ярких анекдотических эпизодов, но просто нет ни одной картинки настоящей. Должны быть рисунки, нельзя представить такую книжку без рисунков. Цифры, статистические таблицы, они даны, как взятые из официальных данных. Детям нужно дать наглядные диаграммы, картограммы и т. д. Дети во II ступени разберутся в этом, это даст им наглядную картину. Прежде всего нужен громадный опыт. Я убежден, что этот опыт

есть у учителей и им можно воспользоваться. Во-вторых, нужны талантливые люди. Я отказываюсь верить, что среди наших педагогов нет талантливых людей. Есть. Только я боюсь, что они не решаются высказаться. Быть может, они запуганы немного программами ГУС'а. Надо их приучить, вытаскивать и заставить высказаться. Это—два. Наконец, третье: мне кажется, что при теперешнем состоянии нашего учащегося поколения мы можем использовать его собственную поддержку. Это не только иллюзия. Если учителя запуганы, то ученики, молодежь смелы. Напр., мне приходилось беседовать с учениками наших оп.-показ. школ, и из этой публики можно извлечь массу указаний, как с ними говорить, как обращаться, что им нужно дать. Я думаю, что это возможная вещь. Что касается содержания, тут очень трудная задача. Прежде всего, никакие буржуазные книжки нам не помогут создать курс истории, который нам нужен. Это нужно запомнить. Не желая фальсифицировать, буржуазные историки фальсифицируют факты потому, что подходят не с того конца. Они по-своему правы, они подходят со своего классового конца, а мы—со своего классового конца. Это я иллюстрировал в Обществе Историков-Марксистов на «Пугачевщине». У них на основании тех же точных архивных исторических документов, неопровержимых данных получается иная картина Пугачева, пугачевщины, чем у нас. Если бы мы не имели в руках документов, а взяли бы старые буржуазные книжки, мы бы никогда до этой картины не добрались. То, что есть в Пугачеве, есть и во Французской революции, есть и в нашем революционном движении. Нечаев до сих пор фальсифицируется, изображается каким-то разбойником, шантажистом и т. д. Это—до сих пор, несмотря на то, что все документы есть, которые говорят, что такое был Нечаев. Не буду пускаться в об'яснения, как это возникло, но важно то, что мы буржуазными книжками пользоваться не можем. И нам необходимо браться за первоисточники, откуда необходимо, что за это должны браться коллективно, рядом с новыми педагогами и учениками, и ученые, которые могут использовать этот архивный материал, ибо не требовать же от педагогов, чтобы они шли в архив—это невозможно. Этим должны заняться историки - специалисты. Относительно политического освещения я думаю, что, поскольку мы все марксисты, это не приходится выделять в особую функцию, но политическая точка зрения должна быть. Перед нами работа чисто синтетическая, которая должна быть подготовлена и выполнена большой группой людей всякого рода с участием самих учащихся, учеников. Работа очень большая, и поскольку тут интегральной частью входит добывание самого исторического материала, я думаю, что чрезвычайно целесообразно, что методическая наша секция поставлена в Обществе Историков-Марксистов, в обществе ученом, которое состоит из людей, работающих над историческими первоисточниками, а не в обществе педагогическом, как в старое время было отделение истории в Московском Педагогическом Обществе. Сейчас, поскольку приходится творить новую науку, новое популярное изложение этой науки для масс, нам нужно создать единый большой коллектив. Практически надо начать так: выработать темник, ряд тем по обществоведению; затем, когда темы будут добыты, этот добытый сырой материал разработать. Затем «пропустить через класс», как говорили в старое время, через среду ребят. И, наконец, найти талантливых педагогов, которые бы сумели изложить не только для ребят показательной опытной школы, но и для всей массы ребят, для всего Союза, найти своего Иловайского, который бы эту работу осуществил. Вот как, по-моему, рисуются три стадии процесса. Это никоим образом не должен быть отрыв от обществоведения, это должно быть тесно связано с обществоведением. Таким образом, товарищи, я высказываюсь за восстановление истории во всех правах, я вполне при-

знаю, что история забыта, господствует мелкобуржуазный рационализм в подходе к обществоведению, но я все-таки думаю, что ради этого выбрасывать из ванны вместе с водой ребенка, терять ту связь, наше ознакомление детей с общественностью, непосредственную живую связь, которой мы достигли, никоим образом не следует. Я очень боюсь, что если мы создадим отдельный курс истории, это будет книжная вещь, которая в лучшем случае будет носить известный оптимистический оттенок и не будет настоящим марксистским курсом, прежде всего потому, что это будет книжка, а для марксиста книжка это только орудие влияния, орудие пропаганды. Не марксист тот, кто идет от книжки, но марксист тот, кто идет от действительности, от жизни. Нам надо построить курс действительно марксистского диалектического обществоведения.

А. Рындич

Лабораторный план и преподавание истории

(Стенограмма доклада в методической секции О-ва Историков-Марксистов)

Товарищи, я хотел бы остановиться на некоторых основных вопросах, связанных с преподаванием истории по лабораторному плану. Мне кажется, что опыт работы трех лет, которые характеризуют постановку лабораторного плана в партийных школах, главным образом, а также на рабфаках и отчасти в вузах, подтверждает целиком и полностью правильность применения этого метода или, вернее, этой системы организации учебных занятий в наших советских условиях. С другой стороны, наш опыт дает достаточно данных для того, чтобы утверждать, что и организационная форма и в основном общий принцип, общий метод работы, поскольку они вытекают из системы организации ее по лабораторному плану, настолько уже оформились, окристаллизовались, что на них также нет надобности сколько-нибудь подробно останавливаться. Поэтому я только в заключительной части своего доклада остановлюсь на общих организационных формах, и то только тех, которые имеют более близкое отношение к вопросу о методах преподавания.

Вначале мне хотелось бы остановиться на вопросе о содержании и принципах построения программ по истории в наших школах, и прежде всего, в высшей партийной школе, в комвузах.

Не так давно в этом вопросе у нас было не мало спорных моментов. Прежде всего—какой круг вопросов может и должна охватывать программа исторических дисциплин? Понятно, когда мы говорим о такой дисциплине, как история партии, здесь вопрос ясен, здесь ясны и хронологические рамки предмета, как он ставится для изучения в школе, и его содержание. Но как только переходим к другим историческим дисциплинам—истории классовой борьбы в России и на Западе, мы нередко встречаемся с различными мнениями по этим вопросам. Основное положение, которое определяет об'ем исторических программ, положение, пользующееся большой популярностью, сводится к тому, что преподавание истории имеет значение постольку, поскольку это необходимо для понимания современности. Вообще говоря, это правильно. Особенно в применении к таким школам, которые ставят перед собой задачу подготовки практических работников, а такими школами являются комвузы. Но было бы ошибочно, исходя из этого положения ограничить преподавание истории исключительно теми периодами, представление о которых нам необходимо для понимания причин Октябрьской революции, ее происхождения и тех формах, в какие вылилась социалистическая революция у нас в СССР, для понимания перспектив ее дальнейшего развития и т. п. Не так давно еще на этом основании программы строились таким образом, что охватывали собой только историю капиталистического общества. Нередко можно было

встретить и предложение ограничиться в преподавании историей даже не всего капиталистического общества, а начиная, примерно, с эпохи распада капитализма.

Мне кажется, что все эти предложения игнорируют еще одну задачу преподавания истории, которая тесно связана с предыдущей, но несколько шире ее, именно — задачу развития в наших учащихся марксистского мировоззрения. Развитие марксистского мировоззрения является одной из основных задач всякой школы у нас в СССР, и прежде всего партийных школ. И именно история является прежде всего, в первую очередь той учебной дисциплиной, которая дает богатейший материал для формирования марксистского мировоззрения, для овладевания слушателями марксистским методом. Наша задача при постановке курса истории заключается в том, чтобы вооружать слушателей знанием истории, диалектического развития человеческого общества, вооружать знаниями, которые позволяли бы слушателям иметь ясное представление о смене отдельных форм, о смене отдельных этапов в развитии человеческого общества. И, дальше, дать эти знания таким образом, чтобы слушатели на конкретных фактах, на конкретном материале, путем изучения конкретных явлений исторического процесса могли понять диалектику общественного развития, диалектику форм классовой борьбы. Здесь, мне кажется, особенно следует подчеркнуть тот факт, что история —это та именно дисциплина (не единственная, конечно), которая приводит слушателя к овладению общими принципами на основе определенного конкретного материала. Это подводит нас к следующему вопросу.

Еще не закончен спор—давать ли в комвузе систематический курс или строить программу тематически. Широко распространен взгляд, что только в том случае преподавание истории достигнет своей цели и только в том случае возможно научное изучение истории, когда мы выделяем основные проблемы в их историческом развитии. Однако опыт такой постановки дела приводит к тому, что слушатели овладевают голыми схемами, общими положениями, но не могут заполнить конкретным содержанием.

В этом кроется большая опасность, состоящая в том, что учащийся не сумеет этими принципами, этими схемами пользоваться в дальнейшей своей практической работе и жизни. Ведь Ильич указывал в известной своей речи на III с'езде Комсомола, что задача марксистского обучения и коммунистического воспитания далеко не сводится к тому, чтобы заучить общие выводы, общие принципы. И мне думается, что только систематическое изучение истории, только систематическое построение курса, т.-е. такое, при котором определенные выводы, обобщения вырабатываются слушателем на основе изучения всей совокупности явлений и фактов данной исторической эпохи, только такое изучение может вооружить слушателя марксистским мировоззрением, может помочь ему овладеть марксистским методом.

В связи с этим я хотел бы подчеркнуть еще один момент, именно— необходимость изучать при постановке курса истории не одну только какую-либо сторону социальных явлений. Известно, что преподавание истории, особенно истории России, в силу целого ряда причин и, может быть, в значительной мере причин внешнего порядка—благодаря отсутствию или недостатку подходящего учебного материала для слушателя,—сплошь и рядом превращается в преподавание истории хозяйственного развития. Это, несомненно, недостаток. Ясно, что история экономического быта, история хозяйственного развития должна занимать в наших курсах центральное место, основное место, иначе мы не были бы марксистами. Но, с другой стороны, также несомненно, что, если мы хотим вооружить

слушателя марксистским мировоззрением, мы не можем ограничиться исключительно рамками экономической истории. Между тем нередко приходится видеть такие случаи,—и особенно это сказывается на эпохах, более близких к нашим дням, на таких эпохах, как, скажем, революция 1905 г.,—когда слушатель изучает предпосылки революции, ограничиваясь исключительно экономикой конца XIX и начала XX ст., оставляя в стороне явления политические и правовые. Для него становится непонятным целый ряд моментов в истории самой революции 1905 г. (напр., некоторые стороны крестьянского движения, борьба за политич. свободы и пр.).

Я не буду, товарищи, говорить конкретно о схемах программ. Я полагаю, что это совершенно самостоятельная задача, это вопрос, который нуждается в том, чтобы на методической секции о нем специально обменяться мнениями. Я от этих общих замечаний относительно содержания исторических курсов хотел бы перейти к вопросу о методах преподавания в более непосредственном смысле.

Я исхожу из того взгляда, который как будто прочно установился, по крайней мере, среди работников партийного просвещения, что лабораторный план еще не разрешает и не предрешает вопроса о методах преподавания. Лабораторный план—это определенная система организации учебных занятий, система преподавания, но лабораторный план допускает самые различные методы. Известны случаи, особенно в первые годы применения у нас лабораторного плана, когда при этой новой системе занятия, по существу говоря, продолжали носить характер зубрежки, «накачивания» слушателей. С нашей точки зрения лабораторный план имеет одной из своих положительных сторон то, что он дает возможность в максимальной мере применять методы самостоятельной работы слушателя. Тот метод самостоятельной работы, который применяется в наших школах, обычно носит название исследовательского метода. Не так давно вокруг исследовательского метода были споры и немалые недоразумения. Одни полагали, что исследовательский метод представляет собой такой метод работы, который по существу дела не применим не только в средней школе, но не применим и в высшей школе, поскольку исследовательский метод предполагает уже наличность знаний у слушателя, предполагает умение работать над сырым материалом, поэтому немало было противников применения исследовательского метода. С другой стороны, были и такие сторонники исследовательского метода, которые в основном придерживались этой же точки зрения, но которые полагали, что, работая исследовательским методом, слушатель должен пользоваться исключительно сырым материалом и на основании работы над сырым материалом приходить к тем или иным обобщениям. Мы понимаем исследовательский метод в преподавании с большими ограничениями, в более узком смысле.

В одной из резолюций последней конференции комвузов употреблен термин «учебно-исследовательский метод» в отличие от научно-исследовательского метода. Под учебно-исследовательским методом понимается совокупность приемов самостоятельной работы слушателя, которые отнюдь не приводят к открытию новых истин, к открытию «Америк», но которые усиливают самостоятельность в работе слушателя. Вот этот учебно-исследовательский метод можно особенно широко применять при изучении исторических дисциплин. Я хотел бы во избежание недоразумений подчеркнуть, что наше понимание научно-исследовательского метода в преподавании, как учебно-исследовательского метода, отнюдь не предполагает, что работа слушателя будет состоять исключительно в проработке сырого материала или «полуобработанного» материала.

Мы полагаем, что исследовательским методом мы должны и можем пользоваться также и при проработке литературного материала, при

проработке учебников, проработке классической литературы и т. д. Мы думаем, что материалом при работе учебно исследовательским методом должна служить как классическая марксистская литература, как учебники, так сырой или «полусырой», если можно так выразиться, материал. В какой пропорции надо этим материалом пользоваться,—это зависит от различных условий: от характера данной дисциплины, от уровня подготовки слушателей, от характера материала и пр. Было бы, разумеется, ошибкой, если бы мы в наименее подготовленной аудитории,— а нужно отметить, что и аудитория комвузов, как, вероятно, и аудитория других школ, близких по своему социальному составу, отличается все-таки значительной пестротой, и в различных группах слушателей приходится и необходимо пользоваться далеко не одинаковыми методами,—было бы ошибкой в наименее подготовленной аудитории сразу приступать к работе над сырым материалом, над документами. Установка должна быть такова, чтобы в конце концов в наибольшей мере пользоваться в истории сырым материалом, документами. Задача здесь состоит прежде всего в том, чтобы научить слушателя пользоваться документальным материалом. Затем, мне кажется, что документы (и та литература, о которой я говорил выше) являются далеко не единственным материалом, над которым могут вести работу слушатели.

Мне думается, что при преподавании исторических дисциплин, таких, как история общественных форм в первую очередь, как история партии в значительной мере и отчасти даже история России, можно применять исследовательский метод также и путем постановки обследовательской работы слушателей, путем постановки исследовательских экскурсий. Связь преподавания исторических дисциплин с современностью—это проблема, наименее разработанная. Было время, когда пользовалось известной популярностью мнение, по которому изучать историю необходимо с эпох современных, наиболее близких к слушателю, с эпох, которые в силу своей исторической близости к нашим дням являются наиболее понятными для слушателя. Не буду останавливаться на критике этого взгляда, поскольку такой взгляд все меньше и меньше находит сторонников. Но неправильность этого подхода к вопросу о связи преподавания исторических дисциплин с современностью породила другой, противоположный взгляд, именно мнение о том, что преподавание истории с современностью совершенно не может быть увязано. Мне кажется, что это мнение неверно. Я уже говорил, что мы можем прежде всего историю общественных форм связать с современностью. Вскрывая в современности те или иные остатки старых форм хозяйства и быта, привлекая одновременно и другие необходимые в данном случае материалы, мы можем изучать определенные явления далекого прошлого. Здесь необходимо только избегать перегиба в противоположную сторону, когда рекомендуют ограничиться при изучении данной группы явлений исключительно тем материалом, который можно почерпнуть (путем исследовательской экскурсии и пр.) в данной местности. Но если не замыкаться в местные рамки, если не ограничиваться только местным материалом, если пользоваться им как **одним** из источников (но не единственным), то, несомненно, в высшей степени полезно такое связанное с современностью преподавание. Оно даст возможность воспитывать у слушателей навыки исследовательской работы, даст возможность современность, окружающие формы хозяйства, общественную жизнь рассматривать дифференцированно и воспитывать у слушателей дифференцированный подход к ним.

Я хотел бы отметить еще одну группу материалов, которая в преподавании исторических дисциплин могла бы и должна играть большое значение—и в комвузах, и в вузах, и на рабфаках и т. д. Я имею в виду

художественную литературу. Общепризнанным является положение—стремиться к тому, чтобы изучение данного вопроса не носило исключительно «умственного» характера. В нашей преподавательской работе мы должны использовать переживания слушателя. В нашей рабоче-крестьянской аудитории, еще не отучившейся мыслить «конкретно», образами, мы должны отыскать пути и способы воздействия на переживания, на эмоции учащегося. Тогда усвояемый материал будет более глубоко западать в сознание слушателей. Мне думается, в этом отношении художественная литература может сыграть большую роль.

Говоря об исследовательском методе, я хотел бы отметить еще один вопрос, тесно с ним связанный, вопрос, который представляет собой как бы техническую сторону, техническое оформление исследовательского метода. Это вопрос о письменных работах слушателей. Я не буду подробно на этом останавливаться, но я хотел бы здесь отметить то обстоятельство, что техника самостоятельной исследовательской работы по овладеванию учебным материалом до сих пор остается, по крайней мере, во многих школах и для многих преподавателей той стороной работы, которой преподаватели еще не овладели. Мы часто и много говорим о выработке у слушателей навыков самостоятельной работы, но очень мало заботимся о том, как на самом деле слушатели работают, и редко даем им практические указания о приемах работы. Правильно поставленная система письменных работ, понимаемых как «техника» исследовательского метода, может заполнить этот пробел в нашем преподавании.

Следующим вопросом, связанным с организацией самостоятельной работы студентов по тому методу, который мы называем исследовательским (или учебно-исследовательским), является вопрос о составлении задания. Я придерживаюсь того взгляда (этот взгляд, кажется, можно считать общепризнанным), что задание является одним из центральных моментов в работе по лабораторному плану. Задание является тем звеном, которое определяет в значительной мере работу слушателя. Поэтому весьма существенным является вопрос о том, как составлять задание. Опыт работы по лабораторному плану привел уже к некоторым в этой области достижениям, но тем не менее надо сказать, что мы еще не имеем таких форм задания—и по историческим дисциплинам и по остальным,—на которых можно было бы остановиться, как на таких формах, которые бы не нуждались в поправках и нередко весьма существенных поправках. Тут прежде всего необходимо отметить, что как все в методах преподавания, так, следовательно, и форму задания необходимо варьировать в зависимости от уровня подготовки слушателей, в зависимости от развития у слушателей навыков, приемов самостоятельной работы. Методика, форма и техника составления задания должна меняться в зависимости от этих обстоятельств. Некоторыми комвузами, напр., академией имени Толмачева (в Ленинграде) и Коммунистическим Университетом Трудящихся Востока (в Москве) сделаны некоторые попытки выработать систему навыков, последовательно развиваемых у слушателей, и вместе с тем систему приемов работы, которая рекомендуется слушателям в зависимости от имеющихся у них уже налицо навыков и в строгом соответствии с последними. Я бы не сказал, что эти опыты были удачны во всех отношениях, тема доклада не позволяет остановиться на анализе этих опытов, но бесспорным является положение, что задание должно быть различным в зависимости от уровня подготовки слушателей. Раньше я хотел бы остановиться на тех недостатках, которые свойственны нашим заданиям, если не в большинстве случаев, то очень часто. Очень часто приходится видеть задания, составленные, напр., по такой форме, что для того, чтобы его прочитать и понять текст задания, приходится потратить не мало времени

нашим слушателям. Другой недостаток наших заданий—это не совсем удачный подход к подбору материала для проработки слушателями. Сплошь и рядом приходится встречаться с таким явлением, когда преподаватель указывает к теме почти все то, что существует по данному вопросу на книжном рынке. При этом нередко не замечают, что во многих из рекомендованных пособий встречаются повторения, простой пересказ и иногда плохой пересказ. Это в конце концов приводит к тому, что слушателю приходится разбрасываться, приходится прорабатывать много отрывков, много лоскутков. В результате слушатель ничего цельного не получает. Бывают и такие случаи, когда одна книга дается в слишком препарированном виде,—задание разбито на пару десятков пунктов, и к каждому дается по нескольку страниц. Вот, напр., одно задание по крестьянской реформе. Здесь среди других материалов дается книжка М. Н. Покровского, одна глава из Покровского, но эта глава так препарирована до таких мельчайших подробностей, что слушателю приходится перелистывать десятки страниц для того, чтобы в этих страницах чуть не из каждой брать отдельные абзацы по отдельным строчкам. Такая дробность является несомненным тормозом в развитии самостоятельной мысли слушателя. На последней конференции комвузов принято было постановление стремиться к наибольшему ограничению литературы с тем, чтобы на каждое задание давалось максимум 2—3 пособия. А столь распространенная тенденция—побольше литературы и притом в таком лоскутном виде—является одним из существенных недостатков в нашей работе.

То же самое можно наблюдать и в тех случаях, когда преподаватели указывают для проработки документы. И здесь нередко дается ряд документов и из каждого документа—только небольшой отрывок, вместо того, чтобы дать для проработки весь документ целиком. Отсюда, понятно, вовсе не следует, что нельзя рекомендовать по нескольку отрывков из документов. Я возражаю против чрезмерной дробности, во-первых, и, во-вторых, против большого нагромождения материала. В отношении документов, в частности, необходимо приучать слушателей работать с противоречащими материалами, но и в этом случае надо по возможности избегать дробности и лоскутности.

Эти недостатки в значительной мере связаны с большой детализацией самого задания. В какой мере мы можем и должны задание детализировать? Этот вопрос прежде всего зависит от уровня и степени подготовки слушателей. Если мы имеем аудиторию, которая только приступает к занятиям, особенно к занятиям по лабораторному плану, задание должно быть разработано возможно подробнее. В этом случае приемлема следующая схема, принятая в Толмачевке, в Свердловке и почти во всех других московских комвузах. Дается введение, в котором указывается цель задания, его связь с предыдущим, дается постановка задач, которые слушатель должен разрешить в процессе работы. Дальше формулируется тема и разбивка последней на подтемы. На начальных стадиях работы каждая подтема разбивается еще на несколько пунктов. Но здесь, мне кажется, необходимо сделать некоторые ограничения. Если мы имеем задание, включающее 25—30 вопросов (а иногда и больше), такое задание вместо того, чтобы помогать слушателю ориентироваться в материале, нередко приводит, наоборот, к разбросанности, к тому, что среди этих многочисленных пунктов слушатель затрудняется выудить основное. По мере развития у слушателей навыков самостоятельной работы должна уменьшаться и детализация задания, которое в конце-концов может быть сведено к тому, что будет указана тема и несколько подтем. Затем необходимо (это практикуется во многих комвузах) либо после каждой подтемы, либо в заключении всего задания давать контрольные вопросы или, как их

иногда называют, вопросы для самостоятельной, для исследовательской работы. Эти вопросы должны формулироваться таким образом, чтобы работа над ними дала возможность проверить, насколько слушателями проработана вся тема в целом. Если же поставленные для исследовательской работы вопросы касаются только тех или иных частностей, то нередко получается, что и исследовательский метод применяется слушателями только в разработке этих частных вопросов, тогда как исследовательский метод должен пронизывать всю работу, работу по всему заданию в целом.

Вот те вопросы, которые мне представлялось необходимым затронуть в своем докладе о лабораторном плане применительно к преподаванию истории. Я пользовался главным образом тем материалом, который дает нам опыт работы комвузов. Основной вывод, который можно сделать, учитывая этот опыт, сводится к тому, что в смысле организации занятий по системе лабораторного плана уже выработались практикой вполне определенные формы и приемы, не нуждающиеся в пересмотре. Но, с другой стороны, у нас имеется и ряд вопросов, либо совсем не разрешенных, либо таких, при решении которых выявляются различные точки зрения, вопросов, которые еще нуждаются в доработке, как я и пытался отметить в своем докладе. Эти вопросы касаются об'ема и содержания программ по историческим дисциплинам, принципов и методов построения программ, эти вопросы относятся к организации того материала, который мы даем для самостоятельной проработки слушателям. Дальше, сюда же следует отнести и группу вопросов, связанных с методами самостоятельной работы слушателей и с ее организацией,- методы и формы задания, исследовательский метод и пр. На этих вопросах, главным образом, и должно быть сосредоточено внимание преподавателя-историка.

Прения по докладу

Т.т. Фридлянд, Нечкина, Шестаков

Фридлянд. Товарищи! Я думаю, что имеет смысл выдвинуть только спорные вопросы в области применения лабораторного плана к преподаванию исторических дисциплин, не детализируя их. Следует ли превращать лабораторный план в метод тейлоризации учебных занятий, эксплоатации энергии наших учащихся?—Таков первый вопрос. К великому сожалению, так называемый лабораторный план часто является тейлоризацией, потогонной системой в нашей учебной работе. С этим нужно вести борьбу. Тем более, что при проведении лабораторного плана надо считаться с целым рядом чрезвычайно сложных обстоятельств, и только при известных, совершенно определенных условиях может итти речь об успешном проведении лабораторного плана. Например, там, где слушатели не умеют с а м о с т о я т е л ь н о работать, надо старательно обдумать, имеет ли смысл немедленно ввести лабораторный план. Там, где нет никаких оборудований для организации самостоятельной работы слушателей, надо также долго примерять, можно ли ввести лабораторный план. Но это не значит, что мы будем ждать до тех пор, пока будут повсюду готовы кабинеты. Это только значит, что постановка лабораторного плана предполагает целый ряд условий, без которых всякий наилучший лабораторный план при наилучших преподавателях может потерпеть поражение. Я считаю одним из самых важных условий в деле применения лабораторного плана,—это воспитать умение к о л л е к т и в н о работать у самих слушателей. Там, где привычка коллективной работы наименьшая, или где она вовсе отсутствует, там лабораторному плану заранее можно предсказать поражение. В частности, большое значение имеет, особенно в этом случае, существует ли то оборудование, которое нужно для проведения лабораторного плана. Без наличия этих условий лабораторный план превращается только в систему организации, вернее тейлоризации работы.

Я перехожу с этой точки зрения ко второму вопросу, то же спорному, на который также следует обратить серьезное внимание. Это вопрос о построении программ по истории при лабораторном плане. Основная «добродетель» старых программ состояла в том, что в них была систематизация материала, хотя бы в хронологическом отношении. Это было безусловным преимуществом исторических программ: все в совокупности они представляли единое целое. Основной недостаток наших программ — в их дробности и пестроте: они не являются единым целым. История общественных форм, история Запада, история России, история партии и т. д., отдельные, часто хорошо составленные, исторические программы, но в совокупности они не дают учащемуся представлений об историческом процессе в его целом. Существенная задача нашей ближайшей работы состоит в том, чтобы, отказавшись от старой хронологической увязки исторических курсов, позаботиться об об'единении, вернее, о сближении, наших программ, систематизации исторических сведений, которые мы даем слушателям. Совершенно очевидно, что в связи с лабораторным планом огромным злом является не только дробность исторических предметов, неувязка хронологических рамок курсов, но и полная неувязка в целевой установке отдельных исторических дисциплин. В одном случае обращается внимание на хозяйственное развитие, в другом случае исключительно на факты революционной борьбы и т. д. Я считаю вторым предварительным условием успешного применения лабораторного плана необходимость раз навсегда разрешить задачу о создании системы, вернее, увязке исторических предметов в нашем преподавании.

Третий спорный вопрос, имеющий решающее значение, это вопрос о последовательности в проработке программ. Я прежде всего обращаю ваше внимание на то, что нельзя говорить о лабораторном плане «вообще», а нужно его конкретизировать по отношению к каждому типу школ в отдельности. Я возьму школу второй ступени. Там может итти речь об исторических знаниях, лишь как об элементах обществоведения. Это спорный вопрос, который должен быть рассмотрен отдельно, но с моей точки зрения вопрос этот является исходным пунктом при рассмотрении методики преподавания истории. Но совершенно очевидно, что уже в нашей системе партийного просвещения можно говорить о курсах истории, как об отдельных предметах, в вузах же можно говорить о специальных семинариях по истории. Смешивать эти три типа школ под углом зрения лабораторной работы невозможно, да и в этом нет никакой необходимости. Надо рассматривать приемы лабораторной работы для каждого типа нашей школы в отдельности. Я хочу обратить ваше внимание теперь на ряд спорных вопросов собственно методики. В чем задача нашего преподавания истории? В раскрытии социальных псевдонимов. Необходимо приучить слушателей к тому, чтобы за покрывалом конкретных исторических фактов они увидели их социальное содержание, чтобы они смогли увязать их и выяснить закономерность классовой борьбы в истории. Это результат длительной работы, но нам предоставлено лишь немного месяцев. Совершенно ясно, что основное затруднение здесь в том, что слушатели в предшествующей ступени образования не получили того минимума фактов, который им нужен для дальнейшей работы. И в результате в вузах мы начинаем с того, что сообщаем учащимся тот минимум, который они должны были получить в школе второй ступени. Что можно дать ученику в школе II ступ., где задача лабораторного плана заключается прежде всего в том, чтобы сделать для слушателя историю не скучной, а интересной дисциплиной? Наши книги до бесконечности скучны. Я просматривал эти книги и должен отметить, что препятствием всей дальнейшей работы по истории на низших ступенях нашего образования является полное отсутствие захватывающей

или просто интересной книги, которая должна быть предметом изучения в школах второй ступени. Задача лабораторного плана здесь не сводится к тому, чтобы учащийся знал все особенности каждого этапа классовой борьбы, все экономические и политические кризисы, начиная с XVIII века и кончая 1914 г. Это проходят в партийных школах (и рабфаках), это же повторяют в вузах. Задача школы второй ступени в преподавании истории сводится к совершенно определенной задаче: на основе отдельных исторических фактов и явлений, на основе характеристики отдельных исторических эпизодов показать слушателям значение и социальную сущность исторического материала, сообщить им минимум сведений, без которых обойтись нельзя, и увязать их с обществоведением в целом. Другое дело в совпартшколе. Основная задача преподавания истории сводится здесь к тому, чтобы слушателям была не только сообщена известная сумма исторических сведений, но были бы выяснены особенности основных этапов социально-экономической истории, чтобы факты были сгруппированы под углом зрения уроков классовой борьбы. Задача лабораторного плана здесь другая, чем в школе второй ступени. Я не буду говорить о вузах, где задачи лабораторного плана должны подвергаться особому обсуждению.

Обратимся теперь к вопросу о пропедевтике, построении «урока» по лабораторному плану. Это вопрос чрезвычайно сложный, но для меня ясно, что одной из особенностей применения лабораторного метода при преподавании истории в отличие от других дисциплин состоит в том, что мы не можем прорабатывать всю тему исключительно по лабораторному плану. Для того, чтобы учащийся мог проработать тему самостоятельно, он должен иметь некую сумму предварительных исторических сведений. Без этого говорить о лабораторном плане не приходится, особенно в школе второй ступени. Эта сумма предварительных сведений может быть дана ученикам на уроке учителем или учебником. Без этой предварительной стадии о самостоятельной работе, о лабораторной работе говорить не приходится. На предварительной стадии слушатель вынужден без лабораторного плана, книжным путем получить тот минимум сведений, который ляжет в основу его дальнейшей лабораторной работы. Это не значит, что урок или проработка книги останутся тем, чем они были раньше. Но если собственно лабораторный план в школе второй ступени будет состоять в том, что отдельные эпизоды, отдельные факты из истории революции учитель попытается проработать со слушателями путем коллективного зачтения отрывков или самостоятельного выполнения заданий, то очевидно, что работа по лабораторному плану во взрослой рабочей аудитории начнется только тогда, когда после предварительной разработки известного минимума книжного материала по заданию слушателям будет предложено разработать лабораторно какой-нибудь специальный вопрос. Если слушатель уходит к себе домой после занятий и я даю ему прочитать одну—две книги, это не есть в буквальном смысле слова лабораторный метод разработки материала, это только система организации его работы. При этой системе мы должны заранее условиться, что не должно быть той безобразнейшей опеки, которую мы часто вводим под флагом лабораторного плана в наших школах. Мы связываем часто наших слушателей по рукам и по ногам, не оставляя им свободного времени, чтобы по своему желанию размыслить над материалом, над которым они работают. Это противоречит принципам лабораторного плана, который мы применяем. Тут я обращаю внимание на одну из основных задач лабораторного плана, как я его себе мыслю. Я имел с ним дело на практике и прекрасно знаю его положительные стороны, я знаю, что он является найденным методом работы. Для какой школы, для какого слушателя? Для такого слушателя по преимуществу, который может в школе все время отдавать занятиям и время

которого надо организовать. И вот в применении к этому слушателю можно говорить о лабораторном плане в «чистом» виде. Здесь надо обратить внимание на важную задачу лабораторного плана, — мы, все работающие в школах, обращаем внимание на эту задачу. Наши слушатели безоружны, когда им приходится разбирать какую-нибудь буржуазную книгу, книгу не марксиста, не коммуниста. Основной недостаток нашей работы в том и заключается, что мы не обостряем критической мысли наших слушателей, закрепляем только его догматическую мысль. И задача лабораторного плана сводится к тому, чтобы поставить самостоятельную работу слушателя над материалом не только для лучшего усвоения догматических истин, но и для критической работы мысли. На это нужно обратить особое внимание при подборе литературы, и только при этих условиях может итти речь о плодотворной самостоятельной работе слушателей, о пользе лабораторного плана.

Обращаю внимание на отдельные ступени лабораторного плана. Консультация может служить для проверки минимума знаний учащегося по данному вопросу. Если консультация сведется к тому, чтобы проверить знания по специальному частному вопросу темы, то в таком случае консультация теряет свое значение. Если мы предварительно, до конференции сообщаем учащемуся минимум сведений, консультация приобретает первостепенное значение. С этой точки зрения ясно, что сама конференция должна превратиться в детальное обсуждение исключительно спорных вопросов, сомнений,—словом, углубления материала, который проработан слушателями. Только в этом случае лабораторный план дает свой педагогический эффект. Здесь надо обратить внимание на искажения лабораторного плана. Лабораторный план построен на стимулировании самостоятельной работы учащихся. Мы отказались от американского типа индивидуалистического применения лабораторного плана, мы ввели принцип коллективной работы, но, к сожалению, мы одновременно выбросили всякое стимулирование в работе учащихся, соревнование в этой работе. Я считаю, что с точки зрения лабораторного плана чрезвычайно большое значение имеет постановка отдельных вопросов (не больше двух в году) на конкурс для зачтения перед всей аудиторией, а не только в своем кружке. Здесь, безусловно, значительна роль письменных работ. К сожалению, этот принцип стимулирования в работе не применяется нами при лабораторном плане, он из'ят, но ничем не заменен. Этим мне придется ограничиться. Я в своем слове выдвигал основные спорные вопросы лабораторного плана. Но я обращаю ваше внимание на то, что лабораторный план ставит, наконец, перед нами другие задачи, которыми мы до сих пор не занимались. В большинстве случаев наши преподаватели только педагоги-практики, но под педагогом я понимаю не только того человека, который преподает, а того, кто занимается также суммой психологических проблем, связанных с вопросами преподавания. Мы, скажем, не знакомы с теми особенностями ассоциативных связей, которые отличают нашу взрослую аудиторию. Это потому, что вся сумма психологических проблем, связанных с нашей педагогической работой, до сих пор совершенно не разработана. Отсюда следует, что при дальнейшей разработке вопросов лабораторного плана давно пора отойти от общих проблем организации лабораторного плана и заняться разработкой вопросов психологически-педагогических, тесно связанных с целесообразным проведением лабораторного плана.

Нечкина, М. В. Приходится пожалеть, что тов. Рындич не рассмотрел хотя бы кратко вопросов, выдвинутых им в конце доклада, напр. вопросов о составлении заданий, о пособиях и проч. Они так тесно, органически спаяны с общей темой о лабораторном методе, что невозможно

говорить об излечении его болезней, не затрагивая их. Я остановлюсь на вопросе об учебнике, или вернее, рабочей книге. Целый ряд отрицательных сторон преподавания истории по лабораторному методу отпадет, как только этот вопрос будет разрешен. Теперешние задания очень громоздки, материал к ним до крайности отрывочен, лоскутен. Часто отрывок из произведения никак нельзя выкроить, не нарушая грубо его органической спаянности со всей книгой. У нас иногда один отрывок, даваемый, как материал задания, начинается со слов: «Как выше было указано», другой: «На основании всего вышеизложенного», и т. д. В этой лоскутности нет решительно ничего принципиального, преподаватель не видит в ней никаких положительных сторон. Она всецело порождена недостатком учебников, вернее, полным их отсутствием. Обычно роль учебника насильственно навязывается выдающемуся труду М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», произведению большой научной ценности. Но цель его — общая схема русской истории, общая марксистская обрисовка ее этапов. Чтобы глубоко его усвоить, необходимо знание фактической истории. Эта работа не может заменить учебника, да М. Н. Покровский и не имел цели написать учебник. Если в области учебников мы можем пожаловаться на их отсутствие, то в области хрестоматий приходится жаловаться на излишнее обилие. Отсутствие учебников, естественно, породило массу хрестоматийной макулатуры, которой пытаются заполнить создавшийся пробел. Мне приходится следить в связи с моей рецензентской работой за литературой этого типа, и я должна сознаться, что нет более удручающего зрелища. Материал крайне отрывочен, иногда дело доходит до трех—пяти строк, вырванных насильственно из большого произведения. Часто отсутствуют комментарии, всюду недопустимое отсутствие вводных сведений о документе и указаний, как этот документ учащемуся разобрать, с какой стороны к нему подойти. В хрестоматии Карпова и Мартынова, все же лучшей из имеющейся литературы, можно встретить большие не переведенные отрывки древнерусского и французского текста. Нечего и говорить, что тип рабочей книги по истории, нужный современной школе, не тип старого учебника. Этот тип необходимо разработать и обсудить. В нем, очевидно, должен быть органически слит текст учебника, дающий очерк основных проблем, и документальный материал. Связный, ясный очерк, вновь составленный компетентным педагогом на основании новых свежих материалов, сбережет нервы учащегося, вынужденного лепить общее представление о вопросе на основании лоскутных отрывков, не связанных между собой, документальный же материал должен дать пищу исследовательской работе. Студенты КУТВ, метко окрестившие работу по теперешнему заданию «сдельщиной», давно уже придумали способ, как избежать лоскутности: они просто читают всю главу, из которой отрывок взят. Это — гигантская и нецелесообразная с точки зрения учебного плана работа. Ясно поэтому, что новая рабочая книга сэкономит много времени учащегося, даст ему возможность глубже разобраться в вопросе. Отсюда — два практических вывода: во-первых, надо обсудить нарождающийся тип нового учебного пособия рабочей книги по истории, ставить об этом доклады, привлекать к их обсуждению как преподавателей, так и студентов. Во-вторых, эту книгу надо написать. Когда она будет написана, естественно, изживутся многие теперешние недостатки лабораторного метода.

Шестаков. Тов. Рындич является у нас одним из немногих коммунистов, работающих над вопросами методики вообще, в частности методики истории, и его попытка осветить этот вопрос по-моему заслуживает серьезного внимания. Я считаю, что т. Рындич мог бы ознакомить нас, может быть, гораздо полнее со своим опытом, подробнее развернуть

те вопросы, которые нас интересуют вообще и в нашей практической работе. Но я думаю, просто по условиям времени и места и самого характера общего до некоторой степени вводного доклада в тот план работы, который намечает методическая секция Об-ва Историков - Марксистов, он и дал нам такой тип доклада, который дает возможность обсуждать лишь его общую установку. Поэтому я считаю, что тов. Рындич сознательно не входил в детали и не затрагивал отдельных вопросов, связанных с лабораторным планом, как хотелось бы некоторым его слушателям. Я считаю, что такие вопросы должны быть затронуты, должны быть разработаны в общем плане работ секции. В настоящем выступлении я считаю целесообразным на первое время остановиться только на общих соображениях и лишь вскользь остановиться на тех деталях, которые были отчасти затронуты, а может быть не затронуты т. Рындичем. Из этих общих вопросов я хотел бы отметить то главное, что я имею на практике в качестве преподавателя и руководителя исторических дисциплин, преподаваемых по лабораторному плану. Мне пришлось за последнее время убедиться, что наше преподавание истории, как и преподавание ряда других дисциплин в комвузах, несколько «затвердевает», получается некоторое, я бы сказал, «окостенение» лабораторного плана. Это «окостенение» сводится главным образом к тому, что вся «лабораторная» система, которая сейчас является более или менее установившейся для комвузов, сводится по преимуществу к преодолению того книжного материала, который в этих заданиях указан. Обычная система: сначала плановые занятия, проработка задания и, наконец, конференция, которая подводит итог и на которой более или менее четко прорабатываются те или другие проблемы. Вот собственно и все. Между тем мы знаем, что у нас при введении лабораторного плана была одна главная основная мысль, это момент самостоятельной работы. Когда т. Рындич говорил об учебно исследовательской работе, он эту линию все-таки не развернул, не показал, где ее искать, и вообще можно ли ее найти в самом типе нашей работы и в том типе материалов, которые мы даем студентам комвузов в наших заданиях. Я склонен думать, что если мы и дальше будем итти в этом же направлении и дальше так продолжать работу, то мы можем притти к очень печальным выводам. Можно закостенеть на этих лабораторных заданиях, хотя бы даже и с рабочей книгой, с хорошими пособиями. У нас будет получаться только преодоление некоторого рода литературного материала и ничего больше. Чаще всего этот литературный материал состоит не только из фактов, но и сопровождается материалом, дающим возможность без особого напряжения самостоятельной мысли делать те или другие выводы: социологические, методологические и т. д. В заданиях просто подсказывается пригодный для этой цели материал, по крайней мере, по предмету, который я преподаю, русской истории, материал из Ленина или же Покровского. Работы, которая бы усилила исследовательские моменты, мы не даем. Я считаю, что здесь мы должны усложнить наше лабораторное задание целым рядом новых методов подхода как раз в направлении пробуждения учебно-исследовательской мысли у работающего по лабораторному плану студента. Я считаю, что привлечение матерала, над которым нужно самому поработать хотя бы в виде не вполне разрешающей вопрос диаграммы, есть один из способов пробуждения этой мысли, а у нас чаще всего диаграммы являются тоже до некоторой степени литературой и никакой самостоятельной мысли от учащегося не требуют. Затем второе. Использование экскурсионного метода, посещение музеев. Это пригодно и для истории общественных форм, и для истории России, и до некоторой степени это возможно и для всеобщей истории. При чем я считаю, что экскурсии не должны быть «механическими»: пришли в музей, посмотрели

и ушли; они должны быть разработаны по определенному плану. Наконец, направление в музей группами или одиночками тех же самых студентов с тем, чтобы они могли самостоятельно проработать те или другие материалы.

Третий момент. Я считаю, что возможно использовать по истории партии и особенно по истории революционного движения целый ряд тех предприятий, на которых наши комвузовцы работают в качестве партийных работников, и по отдельным моментам эти вопросы они могли бы разрешить здесь путем опроса стариков, путем справок по документам, подыскания и просмотра той небольшой литературы, которая у нас имеется, особенно по наиболее крупным предприятиям. Таким образом, здесь момент исследовательской работы, особенно для старших курсов комвузов, имеется вполне достаточный. Я думаю, на такую работу следует обратить особое внимание. Я между прочим могу указать на свой небольшой опыт в отношении московской губпартшколы, где состав учащихся был значительно ниже по своему развитию, чем студенты комвузов, и где ребята кое-какие моменты по истории революции 1905 года все же осветили по своим заводам и фабрикам и смогли дать интересный материал, а главное научились, хотя и немного, самостоятельно работать.

Наконец, четвертое. Я считаю целесообразным внести в качестве предложения, может быть для будущих докладов секции, разработку вопроса о письменных работах. Я считаю, что построение письменных работ, какое сейчас практикуется по отдельным заданиям, не разрешает той задачи, которую мы пред'являем лабораторному плану. Необходимо ввести систему письменных работ уже на втором курсе комвуза. Я нахожу целесообразным для всеобщей, русской истории и для истории партии один раз в год в конце давать месячную тему для самостоятельной работы, а для 3-го курса введение семестровых самостоятельных тем, при чем на втором курсе тема должно строиться на основе проработанного материала в общем виде, а на третьем можно рекомендовать самостоятельные темы по специальным вопросам, более мелким, соприкасавшимся с курсом, с указанием литературы, но не такой, как здесь приводили, а более общей, без указаний на страницы, фразы и т. п. Опять-таки эти вопросы нужно научно разработать и к ним подойти соответствующим образом в качестве дальнейшего уточнения нашей практики лабораторного плана. Кое-что в этом направлении делается, кое-какие опыты ставятся, но все-таки этот вопрос еще в достаточной степени не разработан, и я думаю, что методическая комиссия после доклада т. Рындича перейдет к постановке отдельных проблем лабораторного плана по историческим дисциплинам, и в результате мы сумеем подойти к вопросам более конкретно, чем имеем возможность сделать это сейчас.

Заключительное слово тов. Рындича

Прежде всего одно замечание общего порядка. При построении доклада я понимал свою задачу именно так, как говорил об этом т. Шестаков. Я рассматривал свой доклад, как вводный, который вовсе не должен исчерпать все решительно вопросы преподавания, связанные с постановкой занятий по лабораторному плану. Во вводном докладе, за которым последует, надо думать, ряд других докладов, мне казалось необходимым отметить только наименее разработанные вопросы. Такие вопросы, как вопрос о вводном занятии, о конференции, вопрос об учете работы и т. д., не раз подвергались обсуждению на конференциях и с'ездах совпартшкол и комвузов, и по этим вопросам уже как будто договорились до тех или иных общепризнанных положений и выводов. Эти вопросы меньше всего нуждаются в освещении и дальнейшей разработке. Наоборот, вопросы программные, вопросы о методах самостоятельной работы слушателей, вопросы о постро-

ении задания,— эти вопросы меньше всего можно отнести к категории разработанных. Поэтому на них я и считал необходимым остановиться в докладе.

Перейду к отдельным замечаниям. Некоторые товарищи полагают, что лабораторный план может быть введен только тогда, когда у слушателей уже имеется известная сумма знаний. Я считаю, что это не совсем так. Понятно, если мы имеем перед собой слушателей, совершенно безграмотных, которые не могут бегло читать книгу, понятно ни о каком лабораторном плане не может быть и речи, поскольку под лабораторным планом мы понимаем организацию самостоятельной работы, поскольку, приступая к этой работе, слушатель должен владеть некоторым умением пользоваться книгой. Но я считаю, что и на рабфаке и в комвузе мы имеем более квалифицированную аудиторию, хотя и ее переоценивать не следует.

Точно так же полагаю, что нельзя преувеличивать значение момента оборудованности. То скромное оборудование, которое имеет большинство школ, вполне достаточно для того, чтобы приступить к занятиям по лабораторному плану.

Теперь относительно того замечания, что в моем изложении лабораторного плана вся работа с начала до конца должна проводиться исследовательским путем. Во избежание недоразумений должен оговориться, что я допускаю и такую постановку, когда определенный участок программы не будет прорабатываться слушателями самостоятельно. Я считаю вполне допустимыми (конечно, в весьма ограниченном количестве) лекции при лабораторном плане в том виде, как это было разрешено на одной из последних конференций комвузов. Конференции комвузов допускают вводные лекции и обобщающие, итоговые, а также дополнительные лекции, на которых преподаватель сообщает материал, не подлежащий (напр., в виду его второстепенного значения) самостоятельной проработке.

Перехожу к вопросу о программе. Тов. Розенталь дал справку, что далеко не всегда в программах по историческим дисциплинам содержание исчерпывается вопросами экономического порядка и что в частности и в особенности этого нет на рабфаках. Допускаю, что это и так, но справка т. Розенталя говорит только о том, что отмеченная мною тенденция— стремление заменять историю общественного развития и классовой борьбы— в некоторых местах (и может быть во многих) не находит сторонников.

В докладе я хотел подчеркнуть, что не следует допускать такого положения, когда вопросы политической истории игнорируются нашим преподаванием. Но я вовсе не думаю, что мы можем настолько расширить содержание исторических курсов, чтобы осветить и моменты идеологического порядка в широком смысле. Дальше, тематически или систематически строить курс? Я думаю, что комвузы и в значительной мере вузы имеют слабо подготовленную аудиторию, которая нуждается в систематическом курсе. Тематический курс не даст тех знаний, которые нужны слушателю, лишенному предварительной исторической подготовки, а даже та публика, которая поступает в вузы, если это не студенты, окончившие рабфаки, этой подготовки не имеет, с фактами незнакома, об общем ходе истории представления не имеет. При таких условиях преподавание по курсу, построенному тематически, приведет, повторяю, к тому, что слушатель будет овладевать голыми схемами, не вкладывая в них никакого конкретного содержания.

Относительно художественной литературы. Товарищи, выступавшие против применения в учебных целях худож. литературы, неправы. Правильно замечание т. Мамета, что разрешение вопроса зависит от того, какой литературой мы будем пользоваться. Но я думаю, что в нашем распоряжении имеется большой выбор литературы для того, чтобы подбирать необходимый нам материал и притом без боязни умалить художественное значение тех или иных произведений.

Дальше. Перехожу к выступлению т. Фридлянда. Он, мне кажется, правильно указал на чрезмерную опеку, в которую иногда превращается наше преподавание по лабораторному плану. Мы нередко до того опекаем слушателей, что им не остается времени и необходимости подумать сколько-нибудь над материалом, которым мы их награждаем. К этому взгляду примыкает и т. Шестаков в своих замечаниях относительно задания. Тут мне брошен упрек, что, говоря о задании, я не привел ни образцов отрицательного порядка, ни образцов, которые я считаю положительными. Я не считал возможным в общем докладе более подробно останавливаться на задании и оглашать хорошие и плохие образцы. Я отметил наиболее распространенные недостатки, которые сводятся прежде всего к тому, что материал дается в разбросанном, недостаточно систематизированном виде, дается материал дробный, лоскутный, что лишает слушателя возможности проработать материал сколько-нибудь серьезно. Я указывал также, что наиболее приемлемым типом является такое задание, которое содержит следующие элементы: дается точная формулировка темы, тема разбивается на подтемы, иногда—если мы имеем неподготовленную аудиторию,—идет и дальнейшее дробление, и к каждому пункту указывается литература.

Я считаю, что, чем больше подготовлена аудитория, тем меньше должно быть дробности в разбивке темы, должна все более и более отпадать разбивка темы на подтемы и т. д., но дать законченный образец на данной стадии разработки вопроса—вещь совершенно невозможная. Мне кажется, что, поскольку мы в различных вузах и комвузах имеем неодинаковую аудиторию, поскольку в разных школах может быть применен разный критерий в подходе к вопросу о распределении слушателей на группы по уровню подготовки, постольку, естественно, в каждом вузе и комвузе должны быть и свои схемы построения задания для разных групп. Мы должны исходить при этом из того основного принципа, что, чем более высокий уровень подготовки студентов мы имеем, тем меньше должно быть в задании детализации, тем шире и глубже должна ставиться самостоятельная работа.

Последний вопрос, на котором я остановлюсь, это вопрос о письменных работах. Я считаю, что письменные работы дают возможность проверять самый процесс самостоятельной работы студентов, ее приемы и результат. И вместе с тем письменные работы представляют собой технический прием, способ исследовательской работы слушателей. Под таким углом зрения письменные работы рассматривает в частности Свердловский Университет. Наша задача заключается в том, чтобы мы учили слушателей с карандашом в руках прорабатывать материал, который попадает в их руки. Мы слишком преувеличиваем умение слушателей работать с материалом. Обычно преподаватель считает, что его задача сводится только к тому, что он дает задание и указывает литературу, а как слушатели прорабатывают, мы очень мало и очень редко интересуемся. Обычно проработка сводится к тому, что слушатель *прочитывает* указанную литературу, но и *только*. Если правильно замечание т. Фридлянда,—а оно абсолютно правильно,—что мы должны давать слушателям возможность подумать над материалом, мы должны указать и такой способ работы, который требует этого обдумывания. Мне кажется, что письменные работы и являются таким приемом проработки, при котором—хочет студент или не хочет,—он должен думать над материалом. Само собой разумеется, что и здесь необходима известная дифференциация в зависимости от подготовки студентов, в зависимости от того, насколько студенты владеют навыками самостоятельной работы. Те письменные работы, в собственном смысле слова, о которых говорил т. Шестаков, возможны только на старших курсах. Но это не значит, что мы должны отказаться от письменных работ на младшем курсе, здесь они должны носить лишь иной характер, более примитивный; напр., составление конспекта, плана, тезисов и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ: М. В. Нечкина, С. Д. Куниский, Е. Косминский. ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ: А. В. Шестаков, А. Рахлина, О. Л. Вайнштейн, А. М. Васютинский. РЕЦЕНЗИИ: М. Н. Покровский, М. В. Нечкина, П. Лященко, М. Югов, И. Минц, П. Преображенский, Н. Рубинштейн, Г. Стопалов, А. М. Васютинский, К. Котрохов, Г. Кокиев, Е. Зелькина, Г. Рейхберг, Л. Мамет

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

УКРАИНСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДЕКАБРИСТАХ

Украинская юбилейная литература о декабристах — любопытнейшая страница юбилея. Прежде всего, научную Украину всколыхнуло сознание, что самые «лучшие» декабристы—члены Южного Общества, Соединенные Славяне, самые яркие личности—Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, Борисов и Сухинов—все жили и действовали на Украине, и там же вспыхнуло самое крупное восстание—восстание Черниговского полка. Таким образом, самая яркая и наименее исследованная страница декабризма оказалась своей, украинской, прямо-таки краеведческой. На все это ответила кипучая, своеобразная и, к сожалению, мало известная у нас широкому кругу лиц, интересующихся декабристами, работа в связи с юбилеем. Целая рать научной молодежи во главе с академиками Грушевским и Багалеем бросилась на архивные поиски, извлекла массу документов разнообразнейшей ценности и написала огромное количество статей,—и крупных, и мелких, и совсем маленьких. На всем украинском юбилее—печать украинской гордости, что есть-де украинские декабристы, и молодой, горячей поспешности писать о декабристах как можно скорее и как можно больше. В то время, как богатая, но скупая архивная Москва скаредно отсчитывала документы о декабристах, подлежащие опубликованию, и безжалостно кромсала и сокращала уже написанные статьи, Украина была исключительно приветлива и щедра. Самого незначительного отношения документа к декабристам, одного намека, одной черточки, хотя бы давно известной из других источников, было достаточно, чтобы документ любовно переписывался, тщательнейше комментировался, аккуратно препарировался в статью или статеечку и помещался в одно из юбилейных изданий. Поэтому нужно особо тщательно разобраться в этой щедрости и точно учесть, что же нового дала украинская литература науке.

Новая концепция южного декабризма

Подойти к этому библиографическому богатству [1]) можно единственно с одного конца — с разбора той общей концепции южного декабризма, которая дана в статьях таких авторитетных исследователей, как три украинских академика: М. Грушевский, Дм. Багалей и С. Ефремов. Всех их одинаково тревожил один вопрос: «У к р а ї н с ь к і декабристи чи декабристи н а У к р а ї н і?» [2]) Входили ли органически национальный украинский вопрос, украинская самостийность в политическую идеологию декабристов, действовавших на Украине, или они оставались чуждыми украинскому национальному вопросу москалями? Украинские академики склонны решать вопрос в первом смысле и утверждать, что в истории борцов за самостоятельную Украину особую страницу занимают еще неведомые в науке «українскі декабристи». Самым радикальным среди трех академиков оказался С. Ефремов. Он посвятил этому вопросу свою вводную статью в сборнике Украинской Академии Наук [3]), дав ей заглавие «Від легенди до історичної правди (місцеве підгрунтя в декабристському русові)». Изучая именно местную, украинскую основу декабрьского движения, акад. С. Ефремов, конечно, под украинскими декабристами разумеет Южное Общество декабристов и Общество Соединенных Славян. Оба общества, как известно, действовали на Украине. Основная линия эволюции тайной борьбы за самостоятельную Украину об'единяет, по его мнению, три организации: Киевскую масонскую ложу Соединенных Славян, Общество Соединенных Славян и позднейший этап связи—

---

[1]) Благодарю В. М. Базилевича, предоставившего в мое распоряжение составленный им список юбилейной украинской литературы о декабристах.

[2]) Журнал „України" науковий двохмісячник українознавства. Київ. 1925. Книга 6, стр. 2, введение М. Грушевского.

[3]) Декабристи на Україні. Збірник праць комісії для досліді в громадських течій на Україні. За ред. акад. С. Ефремова та В. Міяковского. У Київі 1926. (Українска Академія Наук. Збірник исторично-філологичного відділу № 37).

Кирилло-Мефодиевское братство. «Звязки між цими організаціями безперечно були», утверждает он и указывает на «живую нить»—Вас. Лукашевича. Вопрос о связи Киевской ложи с Обществом Соединенных Славян давно поставлен в литературе и разрешен отрицательно: у нас нет документальных данных, говорящих о преемственности организаций; вспомним хотя бы тщательные работы В. И. Семевского. Новых данных за перерешение вопроса акад. С. Ефремов никаких не приводит. Значительно менее раскрыта в науке параллель между Обществом Соединенных Славян и Кирилло-Мефодиевским братством. Несомненно, их роднят идейно демократия, республиканство и федеративный принцип. Но не это утверждение может быть основой исследования на тему акад. С. Ефремова: ему было бы нужно доказать, что Славяне—сторонники самостоятельной Украины. На пути к этому доказательству есть главнейшее и непреодолимое препятствие: в плане славянской демократической федерации Украины, как самостоятельной единицы, нет. Автор статьи всячески старается укрыться от уничтожающего действия этого факта. Он утверждает, что идею об образовании самостоятельной Украины Славяне имели, но доказательства его бьют мимо цели: он указывает, что Борисовы и Горбачевский происходили из семьи, имевшей украинские традиции, мать Горбачевского была «истая малороссиянка», по его собственному признанию, Сухинов одинаково хорошо говорил по-русски и украински, юнкер Яков Драгоманов был дядей известного М. П. Драгоманова, украинское офицерство держалось особняком от русского. Ну, и что же? Ведь все это не доказывает наличия политического национального плана обособления Украины!

Из всего этого следует одно: утверждение автора о том, что подпочвенной идеей Соединенных Славян была идея украинского возрождения, остается недоказанным и обосновано на документах быть не может.

Акад. Дм. Багалей гораздо осторожнее: он не формулирует так открыто своего взгляда, но он очень выразительно строит свои статьи о декабристах «Уваги до генези декабриського руху на Україні» [1]) и «Декабристи на Україні (з приводу сторіччя їх повстання на Україні 1825—1925 р.» [2]). В первой статье, правильно указав на разницу между Северным и Южным Обществом, слившимся с Соединенными Славянами, Д. Багалей высказывает мысль о необходимости выяснения «зв'язок українських декабристів і їх ідіології з месцевими українськими умовами — з українским і польским суспільством, з таємними товариствами — масонськими й иншими, що існували тоди на Україні і були зв'язані з декабристами» (стр. 17). Далее, посвятив особые главы социально угнетенным классам украинского общества, помещичьему хозяйству и недовольству помещика крепостным трудом, недовольству молодой дворянской интеллигенции политическим и социальным строем, Д. Багалей прямо переходит к основанию на Украине тайных обществ: Южного и Соединенных Славян. Сама структура показывает, что автор молчаливо признает два последние общества, возникнувшие из условий украинской жизни, и не видит тут проблемы, требующей доказательств. Без всяких оговорок общества декабристов ставятся в один эволюционный ряд с чистоукраинскими национальными тайными организациями, имеющими местные предпосылки. Во второй статье (текст публичной лекции на собрании научных работников в Харьковском Доме Ученого) эта точка зрения проведена еще более ясно, прямо говорится: «коли ми ставимо перед собою спеціяльне питання про рух декабристів на Україні, то і нам потрібно перш за все вияснити таку соціяльно-економічну базу відносно Україні, а також і ідеологію українського суспільства, що була предумовою ідеології південних декабристів» (стр. 94). Все точки над «і» поставлены над этой теорией «украинского декабризма» проф. М. І. Яворским в статье «Основи декабризма на Україні» [3]). В первых же строках автор утверждает, что «декабризм на Украине—первая программа нового этапа революционной борьбы на Украине»[4]). В центре предыдущего этапа—дворянско-казацкая революция XVII столетия, в которой революционная стихия масс об'единялась гегемоном—казачеством. Во втором периоде—в декабризме—та же стихия находит нового гегемона в борьбе против новых классовых преград, установленных прежним гегемоном—казачеством, и гегемоном этим, за отсутствием пролетариата,

---

[1]) Рух декабристив на Україні. Ювилейне виданія Укрцентрахива. Харків. 1926. стр. 14.

[2]) „Червоний шлях" Громадсько-політичний і литературно-науковий місячник № 1 (34), січень. 1926. стр. 93.

[3]) Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії Україньской культури, ч. 4. Повстання декабристів на Україні за редакцією акад. Д. Багалия. Державне Видавництво Україні 1926. (Народній Комісаріят освіти. Управления науковими установами). 235 стр. (См. стр. 5 и сл.

[4]) Все украинские сборники и отдельные работы, заглавия которых даны в сносках по-украински, описаны на украинском языке и русские цитаты из них—переводы.

могла стать и стала революционная буржуазия. Вот социальная суть «украинского декабризма» по Яворскому, усложненная его утверждением (стр. 8), что украинский декабризм «був першим програмом, що змістив у собі не тільки елементи буржуазної революції, але й елементи подекуди утопійного соціялізму (!?) хоч і в найпримітивніших його зразках». Гораздо правильнее подходит к вопросу Осип Гермайзе в статье «Рух декабристів ї українство» [1]).

Видимо, большое желание автора видеть в декабристах, действовавших на Украине, национальных украинских революционеров сказалось на структуре статьи: сначала рисуется украинская действительность, якобы вскормившая идеологию декабристов.—Они наблюдали на Украине тяжесть крепостного права, видели, как тяжело жилось солдатам. Отмечает автор и влияние украинских традиций на политическую идеологию декабристов. Рылеев воспевал Хмельницкого, Войнаровского. Но методологическая требовательность автора к самому себе заставляет его, наконец, расчленить проблему: он считает, что те украинцы среди декабристов, которые принадлежали к кругам крупного землевладения, оторвались от украинской национальной идеи и связались с интересами и культурой российского дворянства, но Общество Соединенных Славян необходимо рассматривать, как украинскую интеллигенцию. Особо типичными представителями последней автор считает Я. Драгоманова, И. Сухинова и И. Горбачевского. Автор признает, что украинство, как составная часть их политического мировоззрения, «не проявлялось виразно». (стр. 35—36). Они не чувствовали потребности пользоваться украинством, как политической и социальной идеей, они еще не дозрели до этого, будучи деклассированными интеллигентами, дворянами, отошедшими от своей идеологии. Об'ективные исторические предпосылки для принятия идеологии украинства отсутствовали. «Славяне»—лишь одно течение среди украинской интеллигенции, были и другие, ярче окрашенные в национальные украинские цвета.

В упомянутых выше статьях проблема «украинского декабризма» является центральной. Она сказывается и во многих других работах, упоминаемых ниже, но не развивается в них столь подробно. В трактовке этой проблемы, на ряду с правильными методологическими приемами и выводами, есть много неправильного. Если взять проблему, как таковую, вне упомянутых работ, то она логически раскроется в ряде следующих положений.

Среди декабристов, действовавших на юге, есть подлинные украинцы по происхождению, политический протест которых вырос на фоне украинской экономики и социального строя. К этой группе относятся многие члены Общества Соединенных Славян. Поэтому при изучении их идеологии надо принимать во внимание украинскую действительность той эпохи. Но среди декабристов, действовавших на юге, есть лица, политический протест которых воспитан не в украинской среде. Примеры—Пестель, Бестужев-Рюмин. Многие (напр., тот же Бестужев-Рюмин) и попали-то на Украину не по своей воле. Зачислять последнюю группу в ряды украинской интеллигенции нет решительно никаких оснований. Это—первое разграничение.

При ближайшем рассмотрении первую группу украинских интеллигентов об'единял со второй, именно протест против того, что об'единяло российскую действительность с украинской: протест против крепостного права, гнета самодержавной власти, неравенства сословий... Украинская интеллигенция (славяне) не имела в своей идеологии национальных украинских элементов и в плане будущего об'единения славянских республик не имела в виду Украины, как самостоятельной национальной единицы. Из того, что Сухинов говорил по-украински, а юнкер Драгоманов был дядей известного М. Драгоманова, нельзя вывести решительно ничего. Это—второе разграничение.

Поэтому «украинских декабристов» в смысле, выясненном на предыдущих страницах,—нет. Есть украинцы среди декабристов. Поэтому надо разглядеть их на фоне украинской действительности, можно и должно изучить их, как определенную струю (но не этап!) в эволюции местной интеллигенции,—и только.

И второй вывод: украинская литература о декабристах не была строга в методологическом отношении и не разработала подробно предпосылок и существа поднятой проблемы.

Третий вывод: новая общая концепция южного декабризма необоснованна и в существе неправильна. Это особенно необходимо отметить потому, что в юбилейной литературе о декабристах вопрос о Южном Обществе наименее разработан, собственно даже вовсе не разработан.

Новые документы

К юбилею на Украине издано много новых документов. Есть очень крупные, вносящие много нового, но их мало; есть мелкие и совсем мелкие, ничего нового не дающие,—их больше.

---

[1]) „Україна". 1925, кн. 6, стр. 25.

На первом месте по ценности и размеру стоит публикация местных материалов по восстанию Черниговского полка под заглавием «Повстання декабристів на Україні. З матеріялів Київського Центрального Історичного Архіву. За редакцією В. Базилевича, Л. Добровольського та В. Міяковського»[1]). Основное ядро документов взято из «Дела о возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка под предводительством того полка подполковника Муравьева-Апостола»; к ним добавлены некоторые документы из других дел. Упомянутое дело принадлежит к фонду дел киевского гражданского губернатора. Документы расположены в хронологическом порядке, всего их опубликовано 127, первый датирован 30 декабря 1825 г., последний—6 октября 1827 г. Большинство документов—оригиналы рапортов или черновики отношений губернатора. Документы изданы чрезвычайно тщательно (конечно, по-русски), с точным сохранением всех особенностей подлинника. Общее предисловие редакторов и детальная вводная статья В. Мияковского очень ценны: последняя имеет темой общий обзор источников для изучения восстания Черниговского полка и выяснения значения вновь открытых материалов. В корне изменить представление о восстании Черниговского полка опубликованные документы не могут, чего-либо исключительно нового не вносят, но дают богатейший и часто неизвестный ранее материал, во-первых, пополняющий наши сведения о фактическом ходе восстания, а во-вторых, дающий новые факты для решения важной проблемы—связи восстания с солдатскими и крестьянскими массами. В этом же смысле не менее ценен второй крупный опубликованный документ — это воспоминания Иосифа Руликовского о восстании Черниговского полка[2]). Имение этого помещика находилось в Мотовиловке, деревне, через которую по выходе из Василькова прошел восставший полк и имел там дневку. И. Руликовский имел возможность наблюдать полк сравнительно долгое время и общаться по ряду вопросов (провиант, квартира) с восставшими. Ясно, что этот материал имеет высокую ценность и чрезвычайно любопытен. В свое время он остался, в сущности, неисследованным, и необходимо пожелать, чтобы при будущих исследованиях южных декабристов на него было бы обращено большое внимание. Легко написанные воспоминания Руликовского показывают недюжинные литературные навыки автора: безыскусственными их назвать никак нельзя, и строгое критическое отношение к ним особо необходимо. Тут же надо упомянуть о статье Л. Добровольского «Йосип Руликовський (1780—1860). Польський мемуарист революційних подій 1825-26 р.р. на Київщині»[3]), обстоятельно характеризующей этого мемуариста.

К сожалению, на Украине разыскали очень немного документов о мало исследованном «Малороссийском Обществе», особенно интересном для концепции южного декабризма, выдвигаемой украинскими историками: оно, действительно, заключало в своей идеологии национальные моменты. Разысканные же документы нового в сложившееся понимание этого общества не вносят. Публикуемый Тарасом Слабченко документ из архива секретной канцелярии Новороссийского генерал-губернатора—дело «об отправлении в Петербург к е. и. в. ст. сов. Алексеева» (Одесский губархив)[4]) относится к аресту члена малороссийской масонской ложи, «губерніяльного Катеринославського маршалка Дмитра Алексеева». Его подозревали в участии в Малороссийском Обществе, но нашли к нему непричастным и отпустили.

К наиболее ранней эпохе декабризма относится новый документ «До біографії бр. Борисових», публикуемый О. І. Назарець[5]). Как известно, после суда Николай I велел собрать сведения об имущественном положении семей осужденных, и публикуемый документ стоит в связи со сбором этих сведений местной администрацией. Чего-либо особо нового в биографию основателей Общества Соединенных Славян он не вносит, но добавляет некоторые любопытные фактические черточки к той характеристике бедняков, Борисовых, которая уже известна из опубликованной в XV т. «Красного Архива» (1926) сводки дела № 315 «о состоянии, о домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников...».

С периодом восстания Черниговского полка, кроме упомянутых вначале документов, связано опубликованное В. Мияковским отношение Киевского гражд. губернатора на имя военного министра (1827)[6]), в котором излагается участь разбросан-

[1]) Рух декабристів на Україні. Ювілейне видання Укрцентрархіва. Харків. 1926. 103 стр. (отд. нумерация). Есть отдельные оттиски.

[2]) Повстання Чернігівського полку. Із споминів Йосипа Руліковського. З польської мови переклала Софія Тобилевич (сборник „Декабристи на Україні“. Київ, 1926 (цитир. выше).

[3]) Сборник „Декабристи на Україні“. Київ. 1926.

[4]) Журнал „Україна“. 1925. № 6, стр. 46.

[5]) „Декабристи на Україні“. Київ.

[6]) Журнал „Життя й Революція“ 1925, XII, статья В. Міяковського. „Революційний катехізис 1825 року“, стр. 70.

ных в Киеве по приказу С. Муравьева-Апостола «возмутительных катехизисов». К непосредственно следующему за восстанием периоду относятся, прежде всего, занятные документы об убытках от восстания, опубликованные В. М. Базилевичем [1]. Ряд жителей места, где происходило восстание, побужденный правительством, подал после восстания заявление о понесенных убытках; выделяется просьба купца Нуся Энельбейма, зачислившего в число убытков даже непроданную по случаю восстания водку на 250 рублей. Из документов видно, что восставший полк брал от жителей провиант, теплую одежду, водку, деньги. Точно исчислить «убытки» оказалось невозможным, было выдано 10.000 руб. в виде пособия пострадавшим. В. А. Ганцова-Берникова публикует документы из Московского АОР, характеризующие «состояние умов» в лагере Пензенского полка после восстания: солдаты были неспокойны, многие жалели декабристов, шло много слухов и толков [2]. Ряд других документов рисует период во время и после следствия: допросы Шервуда, сведения о графах Булгари [3], приказы об аресте и о наблюдении за отпущенными из-под ареста [4], верноподданническое письмо Перовского к Николаю I [5], покаянное письмо полковника Тизенгаузена [6], письмо Сухинова к Николаю I, написанное во время бегства и ранее не разысканное [7], документы о новом доносчике на Пестеля, купце Козлинском [8], характеризующие, собственно, только доносчика, а не Пестеля,—ничего купец этот о Пестеле сказать не смог. Заметки адъютанта В. А. Перовского о следствии над декабристами попали в руки проф. А. Покровского без заголовка и иных дат: ему пришлось много потрудиться и проделать тщательнейшую работу исследования текста для установления авторства, времени и содержания названной рукописи. Этот длинный комментарий—образец научной тщательности, но, собственно, сам документ не дает ничего нового о следствии, и для исследования самой темы о проведении следствия, в Москве, в особ. отделе Архива Октябрьской Революции, есть гораздо более интересные документы (например, варианты известного донесения следственной комиссии), и приходится признать, что документ, попавший в руки проф. А. Покровского, сам по себе, по своему содержанию, не заслуживал такой большой работы [9]. Значительные документы, опубликованные О. Багалей, запись показаний трех унтер-офицеров Черниговского полка на следственном допросе [10] и письмо гр. Сакена к Дибичу о приговоре над солдатами 8 арт. бригады, где, как известно, вели пропаганду члены Славянского Общества [11]; они очень ценны для разрешения темного вопроса об отношении солдатских масс к восстанию декабристов. Любопытны инструкция и маршрут об отправлении на Кавказ солдат, участвовавших в восстании Черниговского полка, публикуемые Л. Добровольским [12]. Два письма Волконских (М. Н. и ее мужа) к матери (от 1829) [13] и документ о пособии, получавшемся семьей декабриста Берстеля [14], в настоящее время большого значения не имеют, так как в сущности дублируют изданные в Москве документы (письма

---

[1] В. Базилевич. „Збитки від повстання 1825/26 р.р.". Сб. „Декабристи на Україні" К. 1926.

[2] В. А. Ганцова-Берникова. „Стан Пензенського пішого полку після повстання", сб. „Декабристи на Україні". К. 1926.

[3] „Рух декабристів на Україні". Х. 1926, стр. 173 и сл.

[4] Там же. В. Стратен і Э. Трифільєв. „До матеріялів про декабристів", стр. 77 и сл. Документы касаются арестов, надзора и позднейшей переписки о 12 декабристах, в том числе Булгари, Лорера и Фролова, в комментарии даны биографические справки о каждом.

[5] О. Д. Багалій-Татаринова. Лист О. Перовського до Миколи І. „Рух декабристів...". стр. 182.

[6] Ольга Багалій. Новій документ до біографії Тизенгавзена („Откровение Василия Тизенгаузена, которое желаю утвердить торжественной присягой"). „Декабристи на Україні". Сб.

[7] В. Барвинський. До біографії поручника І. І. Сухинова (Лист Сухинова до Миколи І). Там же.

[8] Володимир Міяковський. „Один з доносителів на Пестеля, купець Ш. Козлинський": сборник „Декабристи на Україні". К. 1926.

[9] Проф. А. Покровський. „До слідства над декабристами. (Нові матеріяли)". Сб. „Рух декабристів на Україні" Х. 1926, стр. 40.

[10] Ольга Багалій. „Допити унтер-офіцерів Чернігівського полку", сб. „Декабристи на Україні". К. 1926.

[11] О. Б. [Ольга Багалій]. „Конфірмація в справі рядових 8-ої артилерійської бригади". Там же.

[12] Леонид Добровольський. „Виправа на Кавказ салдатів Чернігівського полку. Додатки: 1) Инструкция. 2) Маршрут". Сб. „Декабристи на Україні".

[13] А. Казаченко. „Два листи Волконських до матери". „Рух декабристів на Україні. Х. 1926, стр. 110—115.

[14] В. М. „Декабрист Берстель". Там же.

кн. М. Н. Волконской. собр. О. И. Поповой, изд. Историческим Музеем, и уже упомянутый отрывок дела № 315 в Красн. Архиве, 1926, кн. XV). Чрезвычайно интересны далекие отзывы на восстание декабристов—Киевский с.-д. листок от 14 дек. 1902 г. № 3; Листок Киевского Комитета РСДРП от 14 дек. 1903 г.; листок памяти декабристов РСДРП 1903 и, наконец, воззвание РСДРП к офицерам 14 дек. 1903 г.; все четыре документа напоминают о примере декабристов для вдохновления борьбы перед новой революцией [1]. Для полноты необходимо упомянуть о любопытных факсимиле—снимках с расписки Пестеля (1823). распоряжения о разыскании катихизиса С. Муравьева-Апостола (1826) и расписки ген. Красовского о получении катихизисов для уничтожения, помещенных в журнале «Глобус» [2], а также о публикации стихов декабристов Рылеева [3] и Бобрищева-Пушкина [4].

Бросая общий взгляд на опубликованные на Украине документы, делаем следующие выводы: публиковался материал далеко неравноценный, и без публикации некоторых мелких и мельчайших документов было бы можно обойтись, если отнестись к вопросу строго. Многое опубликованное очень ценно и дополняет наши сведения о южных декабристах и восстании Черниговского полка. Но все это архивное богатство не дает общей картины деятельности Южного Общества и тем паче Общества Соединенных Славян. Украинские публикации еще яснее подчеркнули, что главный материал для изучения—следственный, находящийся в Москве. В заключение надо благодарить за украинскую щедрость на публикацию документов и усердие в комментарии: это сильно поможет детальному исследованию истории Южного Общества, потребность в котором так настоятельна сейчас.

Исследования.—Монографии, статьи

Отдельных законченных монографий на Украине собственно не вышло. если понимать под монографией специальное научное исследование на основе документального материала. Поэтому в центре нашего внимания должны стоять исследовательские статьи. Своеобразная концепция «украинского декабризма», разобранная выше, должна была, казалось бы, поощрить отдельные исследования по экономике Украины эпохи декабристов. Но, к сожалению, этой теме ни одной специальной статьи не посвящено. Лишь в работе Ивана Рыбакова «1825-й рік на Україні» [5] этому вопросу уделено достаточно внимания, но и то лишь в связи с другой темой, а не самостоятельно. Вероятно, в этом отсутствии сказалась общая неразработанность вопроса, требующего крупных специальных исследований. Статья И. Рыбакова очень хороша, если не забывать именно этой неразработанности вопроса. Он сделал, что мог, тщательно собрав из различных напечатанных источников сведения об украинском хозяйстве того времени, дал анализ более развитых по сравнению с центрально-российскими форм украинского капитализма и на этом фоне попытался проанализировать украинские тайные общества. Правда, неразработанность вопроса создала некую оторванность тайных обществ от экономики края, заметную в статье, повредило и отсутствие разграничения проблемы об «украинских декабристах», указанной выше. Экономические экскурсы есть. разумеется, и в других статьях о декабристах, не занимающихся специально вопросами хозяйства. Так, об экономических экскурсах в статьях акад. Багалея было упомянуто ранее, обширный экономический экскурс дан также в работе проф. М. І. Яворского «Основы декабризма на Україні» [6]. Он исследует борьбу новых промышленно-капиталистических элементов в крепостнической структуре украинского хозяйства. особенности украинской промышленности и сельского хозяйства. Но это почти все.

В центре статей о восстании Черниговского полка стоят работы Л. Добровольского, О. Багалей-Татариновой и В. Базилевича. Статья первого «Повстання Чернігівського полку» [7] претендует на очень большую задачу [8]) дать отсутствующую в литературе фактическую историю восстания; акад. Багалей в своем введении к сборнику, где помещена статья, считает работу исчерпывающей. Этого качества за работой Добровольского мы признать никак не можем. Эта работа—хорошая

---

[1]) В. М. „Революційні відзови про декабристів". „Декабристи на Україні". Сб. К. 1926.

[2]) В. Мияковський. „Декабристські пам'ятки по Київських архівах". „Глобус". Київ, грудень, 1925. № 23—24 (51—52), стр. 527—28.

[3]) В. Б-ч. „Вірші Рилєєва в альбомі 1830 р.р." Сб. „Декабристи на Україні". К. 1926 г.

[4]) А. Рябінін-Скляревський. Вірш декабриста Н. С. Бобрищева-Пушкина. („Рух декабристів на Україні". Х. 1926).

[5]) Журнал „Україна". Киев, 1925, № 6.

[6]) Науков. збірн. Харк. наук.-дослідчої катедри історії Укр. культури. Ч. 4. Повстання декабристів на Україні. Х. 1926.

[7]) Там же.

[8]) Там же, см. предисловие акад. Багалея, стр. 3.

сводка фактов на основании многочисленных опубликованных и неопубликованных документов, но она далеко не до конца их исчерпала. Один из многих примеров— отдел «Події в Василькові» не впитал даже всех фактов, изложенных в известных «Записках Горбачевского»: нет подробностей о командовании Сухиновым авангардом полка при вступлении в Васильков, нет ни слова о большом событии— попытке солдат предаться грабежу и бесчинству во время выполнения приказа С. Муравьева о взятии на квартире у Гебеля полкового ящика, попытке, геройски остановленной Сухиновым; нет ни слова о командовании Сухиновым арьергардом при выступлении в Мотовиловку, очень многое упущено в рассказе о посылке С. Муравьевым Мозалевского в Киев. Остается впечатление, что автор замалчивает роль Сухинова. Напрасно автор дает в верстах расстояния между деревнями; неизвестно, на основании каких источников он это делает,—если на основании теперешних сведений, то это неосторожно: сейчас найдена дислокационная карта тех лет, и указания эти необходимо проверить. Приложенная к статье карта района восстания с обозначением маршрута вызывает возражения: почему нет первоначального движения от Трилес и Ковалевки до Василькова? Только потому, что к Василькову двигался не весь полк? Но ведь это—чисто-формальный признак, восстание началось не в Василькове, а раньше! В таком случае, зачем тем же условным знаком движения восстания обозначен маршрут лишь одной роты от Германовки? Значительную часть статьи занимают психологические характеристики участников восстания [1]). Несмотря на все разыскания и новые публикации, все же приходится сказать, что до нас дошло очень мало документов о Сухинове, Щепилле, Кузьмине и Соловьеве. Поэтому широкие психологические выводы о них необоснованны и часто в формулировке Л. Добровольского внутренне пусты: «Щепилло представлял собою личность, хотя и с ограниченным умственным кругозором, несложную, пожалуй, в своих психических переживаниях, но все же бесспорно интересную...». Конечно, и на том спасибо, но почему ограниченную?! Почему несложную?! Только потому, что убитый на поле восстания революционер не оставил нам даже следственного материала и мы о нем ничего почти не знаем? Каков источник, основание подобной характеристики? Одна интуиция? Маловато. А что дает такая характеристика Сухинова: «Чистейший сангвиник (!?), быстрый до поспешности (?) в своих чувствах и поступках, нетерпеливый и с трудом сдерживающийся, пылкий и даже пламенный [2]), увлекавшийся до иллюзий, Сухинов был склонен к переходам от одного настроения духа к другому». Во-первых, подходит ли к «сангвинику» самоубийство—с трехкратной попыткой к нему, исключительная волевая напряженность, пронесшая через годы тяжелых страданий каторги мысль о восстании, а, во-вторых, зачем бросать ничего неговорящие определения? А что дает эта «низка» прилагательных: «высоко предприимчивый, настойчивый, решительный, твердый волею и безгранично энергичный. Сухинов был вместе с тем отважен, смел...» и пр. Поведение Соловьева, как революционера, об'ясняется чрезвычайно поверхностно: «Сравнительная молодость, известного рода идеализм и товарищеская солидарность об'ясняют принятую Соловьевым линию общественного поведения во время службы в Черниговском полку»... Но ведь так об'ясняли свое поведение декабристы на следствии, желавшие нарочно представить все дело невинной шалостью, товариществом, увлечением... К статье Добровольского приложен ценный обзор литературы о восстании Черниговского полка.

Большую ценность представляет собою статья О. Д. Татариновой-Багалей «Участники повстання Чернігівського полку перед військовим судом у Могильові» [3]). Как известно, самая тема до сих пор в литературе совершенно не исследована. Работа представляет собою детальнейший анализ всех дошедших до нас документов, в основу положен разбор дела «об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка (II отдел аудитор. департамента, гл. штаба 1826. св. 14, дело 35), в уцелевших до настоящего времени его частях (II, III, IV томы). В своих выводах автор чрезвычайно осторожен и тщателен, на его совести приходится лишь оставить заявление о том, что Сухинов был человеком меньшей революционной цельности, чем Кузьмин и Щепилло. Почему? Потому что не застрелился на поле сражения? Зато потом повесился. Но замечание брошено вскользь и, конечно, общую высокую оценку работы О. Багалей изменить не может.

Чтобы покончить со сборником «Повстання декабристив», где помещены три разобранные только что статьи, надо сказать два слова об его иллюстрациях. Очень жаль, что самый ценный и серьезный сборник статей, вышедший на Украине, так небрежно иллюстрирован: у Пестеля — рассеченный нос (стр. 27), а вместо

[1]) Этот отдел частично напечатан в сборнике № 5 „Из эпохи борьбы с царизмом" (1926) в качестве отдельной статьи под заглавием „Главные участники восстания Черниговского полка".

[2]) Укр.: „палкий, навіть запальний"...

[3]) Там же.

М. П. Бестужева-Рюмина, столь значительного южного декабриста, помещен плохой портрет другого декабриста. вероятно, Михаила Александровича Бестужева (стр. 60). члена Северного Общества. Даже популярный иллюстрированный журнальчик «Глобус» не сделал этой ошибки, поместив единственный дошедший до нас портрет М. П. Бестужева-Рюмина (карандашом, в профиль), тем менее простительна эта ошибка солидному научному изданию. Конечно, эти отдельные промахи не мешают признать этот сборник одним из самых ценных и интересных в юбилейной украинской литературе. Работы В. М. Базилевича «Декабристи на Київщині» (1825—1925. [Київ]. Держ. Видавн. України, 1926 [1925]³. 64 стр.) и «Декабристы. Очерки I—III» (Киев. 1926) [1]) имеют два крупных достоинства: с популярной, легкой формой изложения они соединяют умелое использование архивных материалов. «Декабристи на Київщині», вероятно, надолго останутся основным пособием краеведческого характера по этой теме. В этой популярной работе автор очерчивает всю историю декабристов на Киевщине, начиная с восстания Черниговского полка и кончая возвращением из Сибири «киевских» декабристов. Любопытно описание зданий и мест, где жили и действовали декабристы; они иллюстрированы интересными снимками. Особенно любопытны доселе неизвестные снимки с рисунков из рукописи доктора де-ля-Флиза «Медико-топографичиское (sic!) описание государственных имуществ Киевского округа» даны снимки с рисунков современного декабристам Киева, Мотовиловки, Василькова. Работа «Декабристы» содержит три очерка: восстание Черниговского полка. восстание декабристов и Киев, декабристы в Сибири.

Обширная статья А. А. Рябинина-Скляревского «Таємні товариства на півдні в епоху декабристів (масони, гетерія, филарети та вільнодумці). (На підставі матеріялів Одеського Історичного Архіву) [2]) состоит из следующих частей: I. Тайные товарищества перед восстанием декабристов. Закрытие масонских лож. II. Одесская масонская ложа «Понт Евксинский». III. Известия о полтавских, подольских, киевских и кишеневских масонах. Кишеневская масонская ложа «Овидия». IV. Участь южного масонства. Новые известия про одесских масонов в 1871 году. Измаильская (прозелитская) масонская ложа «Возрождение». Революционное масонство. V. Гетерия. VI. Филареты. VII. Вольнодумцы. Свежесть использованного архивного материала делает статью чрезвычайно интересной, но ее приходится все же признать недоработанной. Совершенно правильно замечание академика Багалея во введении к сборнику, где она помещена, что отдельные ее части неравномерно проработаны (слабее всех последние четыре) и главный недостаток—неиспользование прежней литературы. К этому надо прибавить, что недостаточно выявлены корни тайных товариществ в эпохе, их породившей, и совсем не разработан вопрос о связи этих товариществ с движением декабристов. Очень интересны небольшие работы по архивным материалам: Ольги Багалей. «Солдатські маси в декабристському рухові: I. Агитація серед салдатів в 1825 року. II. З салдатських настроів в р. 1826» [3]). Рябинина-Скляревского «На спогад Чернигівського полку. (До столітія декабристів)» [4]). Статья О. Багалей—нечто среднее между окончательной обработкой архивного материала и комментированной публикацией нового документа; она использует для обрисовки солдатских масс допросы рядовых, наблюдения специально посланного после восстания для выяснения настроения войск ад. Сотникова и др. документы. Рябинин-Скляревский в начале работы дает краткий очерк истории Черниговского полка и обрисовывает восстание; статья снабжена схематической картой. Интересны и другие более мелкие статьи: Ал. Попова—«В гнізді декабристів (з ілюстраціями)» [5]), рассказывающего историю Тульчина; В. Мияковского—«Виктор Фурньэ та родина Раєвських» [6]), заинтересовавшегося арестованным в семье Раевских французом гувернером Фурнье, близким знакомым гр. Олизара; его же «Відгуки в Харкові та Київі на смерть Рилєєва» [7]) (история со стихотворением «Рылеев в темнице», ходившим по рукам среди местного студенчества). Тема статьи Н. Пакуля «Декабристы и просвещение» [8]) несколько искусственна и обусловлена спе-

[1]) Первая на украинском языке, вторая—на русском. В связи с этими работами стоят статьи В. М. Базилевича „Восстание Черниговского полка“ и „Восстание декабристов и Киев“ („Из эпохи борьбы с царизмом“. Сб. № 5, п. ред. Л. Л. Бермана. Киев. Изд. Киевск. Отд. Всесоюзн. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1926 (на русском яз.). Упомянем тут же о „краеведческой“ статье I. Зубковского „Декабристи—нарожденці Полтавщини“, представляющей небольшую выдержку из рукописи автора „Миргород у його минулому“ („Червоний Шлях“ 1925 г. № 11—12, стр. 116—119).

[2]) Рух декабристів на Україні“. Харків, 1926, стр. 117—168.

[3]) Сборник „Декабристи на Україні“. К. 1926.

[4]) „Рух декабристів на Україні“. Харків. 1926, стр. 98—109.

[5]) Журн. „Україна“. 1925 № 6.

[6]) Там же.

[7]) Там же.

[8]) „Путь просвещения“, недельн. журн., 1925, № 12 (44), на русском языке.

циально педагогическим журналом, но дает интересную сводку мнений декабристов о просвещении и воспитании. Статья В. Чернова «Поиски сношений декабристов с Западом» [1], рассказав эпизод с позднейшим допросом уже сосланных в Сибирь декабристов (Н. Муравьева, В. Давыдова), собственно, доказывает лишь то, что правительство напрасно искало несуществующих сношений и реального ничего не могло найти.

Особую группу составляют работы о декабристах в связи с художественной литературой. В. И. Маслов посвящает специальную статью К. Ф. Рылееву [2], но его характеристика восторженна и шаблонна,—после публикаций новых документов о Рылееве представление о нем стало значительно сложнее. Самое крупное в этой группе—отдельная книжка П. Филиповича «Шевченко і декабристи» [3], очень интересно проследившая отношение Шевченко к декабристам на всем протяжении его творчества.

Популярные брошюры. „Педагогическая обработка декабризма"

К юбилею декабристов мы были залиты потоком русских брошюр о декабристах. На Украине их, собственно, нет. Лишь работы В. Базилевича, упомянутые выше, могут быть, вследствие своей популярности, зачислены в эту рубрику. Есть ряд статей общего характера о декабристах, не дающих ничего нового, преследующих лишь цель общего напоминания о них к юбилею. Упомянем из их числа статьи В. Романовского «Причины невдачі в 1825 році» [4]; А. М. Ладыженского «Декабристы (мировоззрение, организация, выступление)» [5]; «Повстання декабристив» [6]; Г. Новополина «Памяти декабристів» [7]; А. Серафимова «Юда Шервуд». [8].

Особняком стоит прекрасная, тщательно проработанная статья «Декабристи в школі» (автор Ол. Парадиський) [9], изучающая место темы о декабристах в школе и ее комплексную связь с другими темами. Очень жаль, что нет подобной же работы для русской школы. В Харькове издана хрестоматия В. А. Алгасова о декабристах, но о ней уже говорилось в предшествовавшем обзоре юбилейной литературы [10].

Итоги

Первый вывод общего характера—научная жизнь на Украине кипит и выливается в разнообразные формы. По отношению к юбилею декабристов в ней заметны две основные тенденции: правильная—изучать не отдельные личности декабристов, а массовые движения и жизнь организаций; неправильная—стремление украинизировать декабристов. Второе—вопрос: что самое ценное в украинском литературном наследии юбилея? Безусловно, документы, касающиеся восстания Черниговского полка, и сборник монографических статей научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры «Повстання декабристів на Україні». Очень жаль, что Украина не дала монографии о Южном Обществе, были основания ждать эту исключительно нужную сейчас работу именно от нее. Новой концепции южного декабризма Украине обосновать не удалось, но можно надеяться, что неизбежно вызываемый ею спор будет способствовать оживлению изучения декабристов, литературу о которых Украина значительно обогатила.

В заключение приходится пожелать украинской литературе о декабристах широкого распространения в среде всех интересующихся первыми русскими революционерами и надеяться, что украинский язык не послужит этому препятствием. Украинцы пристально следят за русской научной литературой,—очередь теперь за нами.

М. Нечкина

---

1) Из эпохи борьбы с царизмом. 1926. Сб. № 5.
2) „Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев". Там же.
3) Державне Видавництво України. 1926, стр. 107.
4) Сб. „Декабристи на Україні". К. 1926.
5) „Глобус". 1925. № 23—24 (51—52).
6) Журн. „Зоря". 1925. Ч. 12.
7) Там же.
8) „Из эпохи борьбы с царизмом". Сборн. 5. 1926 г. Статья изобилует фактическими ошибками.
9) „Путь Просвещения", педаг. журнал. 1925, № 11 (статья на украинском яз.).
10) См. „Историк-Марксист" № 2, (1926), стр. 248.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 2 ГОДА [1])

1. **ЖОРЖ БУРЖЕН.** История Коммуны. Изд. «Прибой». 1926. Bourgin G. Histoire de la Commune. Paris. 1907.

2. **ТАЛЕС, К.** Парижская Коммуна 1871 года. Изд. «Прибой», 1925. Tales. La Commune de 1871. Préface de Leon Trotsky. Paris.

3. **БРАСЛАВСКИЙ.** История Парижской Коммуны 1871 г. Изд. «Новая Москва». 1925.

4. **СЛУЦКИЙ.** Парижская Коммуна 1871 г. Изд. Коммун. унив. имени Свердлова. 1925.

5. **МОЛОК.** Парижская Коммуна и крестьянство. Гиз. 1925.

6. **МОЛОК.** Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г. Госуд. издат. Лнгр. 1924.

7. **БАЛАБАНОВ, М.** Россия и европейские революции в прошлом, вып. III, Парижская Коммуна. Госиздат Украины. 1925.

8. **МАКСИМ ВИЛЬОМ.** В дни Коммуны. Изд. «Прибой», 1925. Maxime Vuillaume. Mes Cahiers Rouges au temps de la Commune.

9. **ГЮСТАВ ЛЕФРАНСЭ.** Воспоминания коммунара. Изд. «Прибой», 1925. Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871.

10. **САЖИН (РОСС).** Героические дни и падение Парижской Коммуны. Гиз. 1926.

11. **МОЛОК.** Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах. Гиз. 1925.

12. **ГАМБАРОВ.** Парижская коммуна. Гиз. 1925.

Из всей той довольно богатой литературы о Парижской Коммуне, которая была издана за последнее время, только очень немногие работы являются исследовательскими в собственном смысле слова. Для многих авторов изучение Коммуны является только поводом для того, чтобы ставить проблемы обще-социологического или тактического характера, и поэтому исследовательский момент отодвигается у них на задний план. Это явление можно легко об'яснить, но не всегда его можно оправдать.

Однако нередко можно встретить и обратное явление, когда исследовательский момент из средства превращается в цель и совершенно вытесняет ту обще-политическую и широко-социологическую установку, которая должна быть главным стимулом при изучении Коммуны у всякого революционера и марксиста. Именно в этом заключается основной недостаток работы Буржена, вышедшей во Франции в 1907 году и только теперь переведенной на русский язык. Работа эта представляет собой очень добросовестное и тщательное изложение истории Коммуны, сделанное на основе изучения первоисточников (официальных органов версальского правительства и Коммуны, протоколов последней, протоколов следственной парламентской комиссии о 18 марта, протоколов Национального собрания и т. д.), мемуаров, публицистических и исторических работ современников (Лиссагаре, Пельтан, Да-Коста и др.). Все это делает работу Буржена весьма ценной, тем более, что в свое время это было первое исследование, сделанное «по всем правилам» исторической науки, вовлекшее в круг своего изучения материалы, до того совершенно не изученные, и снабженное всем необходимым ученым аппаратом. К тому же она при всей своей научности написана живо и читается легко. Но при всех своих достоинствах книга Буржена имеет один большой недостаток: ее автор насквозь проникнут «об'ективностью» самого худшего сорта, он старается выдержать общепринятый в кругах буржуазной науки тон беспристрастного, внепартийного историка. Правда, ему не удается выдержать этого тона до конца и повсюду проглядывают его симпатии к коммунарам и к тому великому делу, создателями которого они явились, но от социалиста Буржена можно требовать большего, чем простое сочувствие. Буржен даже не ставит вопроса об исторической роли Коммуны, о ее значении для истории рабочего движения; он совершенно не интересуется тактическими проблемами, связанными с историей Парижской Коммуны: вопросы о том, чем была Коммуна и чем она хотела быть,—все это остается вне поля зрения нашего автора. Одним словом, весь тот большой комплекс вопросов, который дает такую богатую пищу для всякого рода социологических и политических выводов, обойден автором.

Самый подход Буржена к отдельным, наиболее жгучим, проблемам Коммуны показывает, что он беспомощно плетется в хвосте буржуазной науки. Тот «террор

[1]) В настоящий обзор не вошли статьи, мелкие брошюры и провинциальные сборники материалов, не имеющие ни научной, ни вообще какой бы то ни было ценности.

«миниатюре» (стр. 104), который Коммуна применяла, Буржен не оправдывает; он с усердием доказывает, что она не стремилась возвести его в систему, не понимая того, что именно в этой бессистемности заключалась основная беда Коммуны. «Преднамеренность» в жестокостях была у версальцев, но ее не было у Коммуны; у последней не было никакого заранее рассчитанного плана: эта попытка взять под свою защиту коммунаров является медвежьей услугой по отношению к ним и находит себе аналогию в подобной же постановке вопроса у Каутского в его книге «Терроризм и коммунизм». Впрочем, если не считать этих неудач, которые автор терпит, когда он хоть изредка пытается ставить проблемы общего характера, надо признать, что в рамках фактической истории Коммуны работа представляет большую ценность. На сравнительно небольшом количестве страниц автор дает анализ основных моментов истории Коммуны, при чем анализ выдержан в основном материалистическом духе.

В приложении к книге дана статья того же автора о коммунальном движении в провинции, первоначально напечатанная в Revue Socialiste за 1909 г.

Несколько иной характер носит другая вышеупомянутая переводная работа. Это—работа Талеса, которая в оригинале вышла с прекрасным предисловием т. Троцкого, перепечатанным из книги последнего «Терроризм и коммунизм». В русском переводе она имеет предисловие т. Д. З. И то, и другое предисловие восполняют основной недостаток книжки Талеса, недостаток, общий с Бурженом. Талес не дает общей оценки Коммуны: он все время близоруко рассматривает ее с близкого расстояния и потому совершенно утрачивает перспективу. Книжка Талеса написана очень ярко, местами прямо талантливо. Основную задачу, которую себе ставит автор, это—критика Коммуны. Эта критика, раз'едающая, сокрушительная, местами очень меткая, иногда, однако, переходит границы допустимого для революционера. Основная беда Коммуны заключалась, по мнению автора, в неподготовленности революционеров: они поздно вышли на арену и не «разбирались в современности». Революции недоставало революционеров. Эта неподготовленность революционеров положила свой отпечаток на всю деятельность Коммуны и больше всего на оборону Парижа; отсюда хаос и сумятица, которые Талес описывает в очень ярких и, пожалуй, преувеличенных тонах. Несмотря на революционную точку зрения автора, он не всегда способен понять громадную историческую заслугу Коммуны в деле разрушения государственного аппарата буржуазного общества и создания первичной формы пролетарской диктатуры. Автору нельзя отказать в правильной трактовке основных явлений и отдельных моментов Коммуны, но рассматривая ее на слишком близком расстоянии, он не сумел в Коммуне найти элементов будущего. Однако, несмотря на этот основной недостаток, к которому следует присоединить еще некоторую поверхностность анализа деятельности Коммуны, книгу следует рекомендовать, так как она несомненно, написана весьма талантливо.

Кроме этих переводных работ, мы имеем две русские работы, вышедшие в 1925 году: т.т. Слуцкого и Браславского. Обе эти работы не имеют самостоятельного научного значения, но они дают марксистскую оценку деятельности Коммуны и ее исторической роли. Работа тов. Слуцкого, несколько более популярная, в большей степени занимается общими проблемами Коммуны, чем ее детальной историей. Значительный интерес для широких кругов представляют последние 2 главы книги: об отношении к Коммуне II Интернационала и о трактовке Лениным значения Коммуны. Работа т. Браславского несколько больше, но она в основном написана не на основании первоисточника и носит популярный характер[1]. Внутренняя история Коммуны затронута автором несколько глубже, чем в работе т. Слуцкого, но зато меньше выяснено значение ее для позднейшей истории рабочего движения.

Сравнивая книгу Буржена с указанными двумя работами, приходишь к тому выводу, что то, чего нехватает первому, было в изобилии у последних, и наоборот. Изучение Парижской Коммуны дошло у нас до такой ступени, когда даже популярные работы могут быть уже написаны с привлечением источников. В то же время мы должны перейти от общих работ по истории Коммуны к изучению отдельных ее сторон, не забывая также и нашей общей марксистско-ленинской установки. Надо найти какой-то здоровый синтез обоих этих элементов, обязательных для всякого исторического исследования. Именно это счастливое сочетание имеется в солидной работе тов. Лукина, вышедшей в 1924 г. вторым изданием, исправленным и дополненным по тем новым материалам, которые появились в Институте Маркса и Энгельса. Нельзя не упомянуть также и о переиздании классических работ по истории Коммуны. Раньше всего необходимо указать на

[1]) Ссылки в тексте большею частью сделаны на Лиссагаре, Дюбрейля, Лаврова и др. и изредка на прессу или Journal officiel.

переизданную Институтом Маркса и Энгельса работу Маркса. Издание по обыкновению выполнено очень тщательно. В нем даны: знаменитое введение Энгельса (1891 года) и оба адреса Генерального Совета по поводу Франко-Прусской войны. Новым является ряд документов, данных в приложении: декларации и декреты Коммуны, ряд писем Маркса и Энгельса о Коммуне и выдержка из Дюбрейля о терроре. Примечания составлены т. т. Удальцовым и Фридляндом. Переиздана также работа Лаврова с примечаниями тов. Молока. Удачной является мысль дать отрывки из писем Лаврова к его приятельнице Штакеншнейдер, которые писались непосредственно с арены борьбы. Все написанное Лениным о Парижской Коммуне собрано в одном сборнике («О Парижской Коммуне», Гиз. 1925), а работа тов. Троцкого «Терроризм и коммунизм» вошла в собрание его сочинений (XII том).

Следует также упомянуть о работах т. Молока, которые носят характер небольших исследований по отдельным вопросам Коммуны. Они имеют, безусловно, самостоятельное научное значение. В «Очерках быта и культуры Парижской Коммуны» т. Молок рисует перед нами картину интенсивной общественной жизни Коммуны на основании внимательного изучения прессы того времени. В первом очерке излагается история отделения школ от церкви и борьбы за бесплатную светскую среднюю школу. Второй очерк вводит нас в самую гущу жизни масс: автор рисует картину быстрого расцвета клубов, которые если и не оказывали прямого влияния на Коммуну (как клуб якобинцев на Конвент), то все же играли роль кузницы революции. Третий очерк выясняет роль женщины, одного из немаловажных факторов Коммуны, которую торжествующая буржуазия с таким гнусным усердием забрасывала грязью. На ряду с этим, в небольшой брошюре т. Молок, на основе нового материала, извлеченного опять-таки из печати Коммуны, исследует вопрос о крестьянстве и Парижской Коммуне, которая формулируется им, как проблема смычки города и деревни После небольшого введения, рисующего положение крестьян в эпоху второй империи, автор приводит целый ряд отрывков из прессы времени Коммуны, которые показывают, что уже многими в то время сознавалась вся трудность разрешения проблемы смычки. Некоторые впадали в совершенный пессимизм и стригли под одну гребенку всю «деревенщину», другие, наоборот, впадали в излишний оптимизм и называли крестьян своими «заблудшими братьями». Автор приводит длинные отрывки (может быть, излишне длинные) из статьи некоего Ришпена в газете Рошфора и из статьи Клемана, члена Коммуны. Статья этого последнего чрезвычайно любопытна, как яркий образчик резко-отрицательного отношения к крестьянам. Противоположную по социальному смыслу статью написала в газете «La commune» известная своим обращением к крестьянам Андре Лео. Все эти документы представляют большой интерес, приходится только жалеть о том, что анализ их носит несколько поверхностный характер, а между тем можно было бы сделать очень много поучительных выводов из этого богатого материала.

К числу монографий по отдельным вопросам Коммуны принадлежит также и книжка Балабанова о влиянии Коммуны на Россию, представляющая третий выпуск его общей работы под заглавием «Россия и европейские революции в прошлом». Эта интересная по замыслу работа рассматривает вопрос дифференцированно. Первые две главы анализируют отражение Коммуны в лагере реакции и либерализма, при чем анализ сделан на основе изучения газет и толстых журналов. Остальные четыре главы заняты вопросом о влиянии Коммуны на революционные элементы русского общества, при чем особо выделены народники, Бакунин, Лавров и революционеры 70-х годов. Хотя автор в отношении документации не выявляет ничего особенно оригинального, тем не менее работа сделана тщательно и представляет значительный интерес [1].

Несомненно, очень полезной является появившаяся за последнее время тенденция издавать мемуары коммунаров. В частности издательство «Прибой» выпустило «Воспоминания коммунара» Лефрансэ и записки Вильома. Характер этих двух книг несколько разнороден. В то время, как Лефрансэ в гораздо большей степени излагает общественную сторону, Вильом больше останавливается на личных моментах. Лефрансэ был активным членом Коммуны и ее исполнительной Комиссии. Хотя он принадлежал к меньшинству, но он не был ярко выраженным прудонистом, в его взглядах была смесь революционных тенденций с прудонистским реформизмом. Однако разгром Коммуны наложил отпечаток примиренчества на его отношение к большинству. Наоборот, его отношение к версальцам дышит ненавистью. Лефрансэ непримирим, он отчетливо сознает, что в лице версальцев Коммуна имела жестокого классового врага. Хотя у Лефрансэ не могло быть ясного представления об исторической значимости Коммуны, но он умело конста-

[1] На эту же тему написана т. Мебелем статья в „Соврем." за 1922 г., I—II.

тирует так называемые ошибки ее, при чем главной из них он считает нежелание воспользоваться богатством Банка. Он готов назвать эту оплошность «преступлением». «Коммуна доказала, по мнению Лефрансэ, что пролетариат был подготовлен к самоуправлению и мог обойтись без вас (буржуазии)» (Лефрансэ—«Записки коммунара», ст. 152). Таким образом, хотя и задним числом, но Лефрансэ понял в основном историческую роль Коммуны. Этого отнюдь нельзя сказать о Вильоме, у которого нельзя встретить такой проницательности, как у Лефрансэ. Но зато записки Вильома с художественной стороны стоят несравненно выше. Его образы выпуклы и врезываются в память. Большой интерес представляет собой глава, где Вильом описывает, как он вместе с Вермешем и Эмбером издавал «Père Duchesne», очень живо изображены сцены разгула террора и бегства. Совершенно неправильное, обывательское понимание проявляет Вильом по отношению к террористическим мероприятиям Коммуны, которые он хочет представить, как действия разнузданной толпы. Обе книги мемуаров следует рекомендовать для чтения не только специалистам, но и самым широким кругам трудящихся.

К этого же рода литературе следует причислить и воспоминания о Коммуне нашего соотечественника Сажина, друга Бакунина. Надо сказать, однако, что к оценкам т. Сажина следует отнестись с сугубой осторожностью. Определение, которое т. Сажин дает марксизму или деятельности Коммуны, не имеет ничего общего с действительностью.

Нельзя не упомянуть также и о том, что Госиздатом в этом году переизданы записки знаменитой Луизы Мишель, которым предпослана ее биография.

В заключение надо отметить появление еще двух книг, вышедших в 1925 г. Первая из них—это сборник документов и материалов, составленный т. Молоком. Эта фундаментальная работа представляет собой несомненно наилучшее из того, что имеется на нашем книжном рынке, заваленном всякими халтурными и никому не нужными сборниками о Коммуне. Нет, кажется, ни одного сколько-нибудь крупного города в Сюзе, который бы не издал одного или нескольких подобных бездарных сборников. Хрестоматия т. Молока преследует научные цели, и уже этим одним она выгодно выделяется из всей массы сборников. Она составлена по отделам, которые имеют еще более дробные подразделения. Некоторые отделы составлены очень хорошо. К числу таких относится, напр., программа и идеология Коммуны, данная в выдержках из тогдашней прессы. Из недостатков можно указать приведение слишком мелких и не имеющих особенного значения документов, которые могут быть с успехом опущены. Вместо них составитель хрестоматии мог бы включить обширные выдержки из материала, данного им в его оригинальных работах, например, по вопросу о крестьянстве.

Хрестоматия т. Гамбарова имеет несравненно меньшую ценность. Если сборник т. Молока может быть использован в специальном семинарии по истории Коммуны, то хрестоматия т. Гамбарова для этого не подходит. Но при занятиях по истории революционного движения в вузах и комвузах она вполне применима. В хрестоматии т. Гамбарова документы занимают сравнительно ничтожное место; она почти вся составлена из отрывков, заимствованных из пособий. Кроме специального отдела «Парижская Коммуна в художественной литературе», в хрестоматии имеется исчерпывающая библиография предмета, включающая даже брошюры и журнальные статьи.

С. Д. Кунисский

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ [1])

(Продолжение)

II. Новое время

Социальная подпочва великой английской революции все еще слишком мало освещена в исторической литературе. Историография этого периода остается по преимуществу на почве политических и религиозных вопросов, и всякая попытка более глубокого анализа упирается в совершенную неразработанность самых основных проблем. Тем, кто не может дожидаться, пока кто-то не разработает необозримого материала по социальной истории XVII века, хранящегося в английских архивах, приходится пускаться в рискованное плавание по неведомым морям и заниматься амплификацией Марксовой формулы или комбинированием скудных фактов, добытых буржуазной наукой. Насколько этот путь опасен, хорошо показывает известная работа Бернштейна. До какой степени мало выяснены экономические и социальные предпосылки Великой английской революции, видно хотя бы

[1]) См. „Истор.-Маркс.“, № 2.

из того, что еще и теперь «солидные» историки серьезно дебатируют бессмысленный вопрос—лежала ли вообще в основе английской революции борьба классов? В совсем свежей работе Keith Feiling'a „A history of the Tory Party 1640—1714" (Oxf. 1924) борьба между «кавалерами» и «круглоголовыми» представлена, как столкновение двух групп одного и того же дворянского класса («сквайров») исключительно на религиозной и политической почве. И почтенный историк Тревельян, указывая на некоторую односторонность такого взгляда, все же полагает, что автор лучше понимает эпоху, чем представители ултра-модернистских материалистических взглядов.

Очень стара мысль, высказанная уже Гаррингтоном,—великая английская революция подготовлена перераспределением земельной собственности в XVI веке. Вопрос о том, как распределялась земельная собственность после великих смещений первой половины XVI века, из которых крупнейшим было отнятие монастырской земли при Генрихе VIII, дебатировался не однажды. Наиболее тщательную научную аргументацию он получил во второй части диссертации А. Н. Савина «Английская секуляризация». Но необозримая масса материала и скрупулезная добросовестность исследовательской техники заставили А. Н. Савина до крайности сузить свою задачу. Он рассматривает только отчуждения эпохи Генриха VIII, притом только первые отчуждения и только отчуждения в наследственное владение. Его исследование дает очень точный ответ на вопрос, кто поживился при первом распределении добычи—и в этом немалая ценность полученных им выводов. Но для нас гораздо интересней вопрос—кому же достались монастырские земли в последнем счете, к кому они перешли в результате той неимоверной спекуляции, которая развилась вокруг них. Этот вопрос долго оставался без достаточно обоснованного ответа. Лучшая книга обобщающего характера, посвященная аграрным переменам XVI века,—«Аграрный вопрос в XVI веке» Тони(R.H.Tawney.The agrarian problem in the XVI Century.1912). почти его не касается. Поэтому исключительный интерес вызывает небольшая работа шведского ученого Лилиегрена (издававшего Гаррингтонову „Oceana") о «Падении монастырей и социальных переменах в Англии, приведших к великой революции» (S. B. Liljegran. The Fall of the Monasteries and the social changes in England leading up to the great Revolution. Lund. 1924). Для Лилиегрена социальные перемены в Англии, начиная с конца XV в., сводятся к росту буржуазии. Политическое бытие буржуазии начинает проявляться уже во время войны Роз, когда на сторону Ланкастеров стали отсталые графства юго-запада, падающие старые города, как Линкон, Уинчестер, аристократические и феодальный север и запад, а на сторону Иорков—купцы и горожане юга и востока, «прогрессивных и демократических» районов. Генрих VII опирается на буржуазию в борьбе с феодальной аристократией. Экспроприация и мобилизация феодальной собственности, начатая конфискациями и законодательством Генриха VIII, получили грандиозное продолжение в секуляризации монастырских владений при Генрихе VIII. Огромная доля экономической и политической мощи в стране оказалась в руках короля; но она не удержалась в них. Куда же она перешла? Это основной вопрос для социальной истории Англии XVI и XVII веков.

По материалам Court of Augmentation Office (в значительной мере по Dugdale Monasticon) автор прослеживает историю отчуждений монастырской земли за время между апрелем 1536 г. и февралем 1547 года. Книга его в значительной части состоит из сырых материалов, расположенных в хронологическом порядке. Бросается в глаза невероятная спекуляция землей, возникшая на почве распродажи огромного фонда. Спекулянты по-одиночке и целыми компаниями закупают земли оптом и распродают их в розницу. У спекулянтов преимущество перед другими покупателями—им все равно, где ни купить, они не смущаются разбросанностью приобретаемых владений. Среди спекулянтов и чиновники курии прибылей, и знатные лорды, и лица простого звания. Крупные спекулянты иногда сразу скупают земли 20 и более монастырей. Можно предположить, что размеры спекуляции были еще значительнее, чем это отразилось в источниках. Видную роль играют компании покупателей. В этих компаниях множество лондонцев: очень многие из них—члены торговых или торгово-промышленных компаний. 33 „Merchant taylors" из Лондона покупают монастырской земли на 3804 фунта 6 шиллингов и 8 пенсов (22 августа 1544 г.). Представителей почти всех лондонских компаний можно разыскать в списках покупателей. Если первые отчуждения делались преимущественно в пользу знати, особенно новой служилой знати и придворных, а также чиновников курии прибылей, то земля не всегда оставалась в их руках. Они часто по многу раз покупают и продают. Скоро начинается отлив земли от аристократии к нетитулованным. Много покупают городские корпорации. Видную роль играют опять-таки лондонцы. Некоторая часть земель перешла и к йоменам, скупавшим небольшие участки поблизости от своих владений.

Со смертью Генриха VIII отчуждения не прекратились. При Эдуарде VI к монастырским землям были прибавлены земли капелл и религиозных гильдий. Мария приостановила продажу, но казна ее опустела. Елизавета принуждена прибегать к новым методам добывания денег в роде грабежа испанского золотого флота. Вопрос об отчуждении доменов остается жгучим вопросом и при Стюартах.

С Генриха VII до Якова значительная часть английской земли переменила собственников; из рук феодальной аристократии и духовенства она перешла к тем, кто мог ее купить, т.-е., главным образом, к купцам, промышленникам и новому дворянству, тесно связанному с буржуазией. Жалобами на это пестрят памятники XVI века. Современная литература отмечает ненасытную жадность купцов к земле. Как только купец сбережет немного денег, так он торопится купить земли, он разыщет расточительного наследника и обхаживает его до тех пор, пока тот не продаст своих имений. Вокруг Лондона купцы скупали все фермы, все пастбища; всюду у них разведчики, собирающие сведения о поступающих в продажу имениях.

Разгром мелких феодальных дворов потянул аристократию в Лондон, к королевскому двору. Усиленные траты нередко влекут за собой распродажу имений, а покупают все те же купцы. Придворная жизнь стоит необычайно дорого. Один придворный праздник мог осушить кошельки дюжины пэров и отдать их на милость кредиторов.

Тяга купцов к земле вызывается не только экономическими, но и политическими мотивами. Купцы хотят стать джентльменами, стараются выдавать своих дочерей за дворян, выводить своих сыновей в благородные. Поллард отмечал, что до самого последнего времени земля в Англии являлась главным фактором, дающим право на участие в политической жизни страны. Состав землевладельческого класса, особенно в юго-восточной половине Англии, перерождается. «Великая революция была преимущественно войной буржуазии с королем».

Работа Лилиенгрена технически слабовата. Не видно достаточного знакомства с новой литературой вопроса. Труды Тони, Гэя, английские работы Савина автору как будто неизвестны. Нередко он не подозревает давно уже раскрытой сложности поднимаемых им вопросов и приводит старые, давно опороченные данные (напр., о том, какая часть английской земли находилась в руках монастырей). Его ссылки на источники не всегда ясны, и не видно никаких попыток разобраться в этих источниках и определить границы их надежности.

Все же это очень интересная работа. Конечно, нельзя сводить вслед за Гаррингтоном все перемены, приведшие к великой революции, к одному лишь вопросу о распределении земельной собственности. Надо помнить о необычайном росте денежного рынка в Лондоне, о быстром развитии торгового капитала, связанного с домашней промышленностью, о росте капиталистической индустрии, особенно в горном деле: все это моменты, не менее существенные для роста политической мощи буржуазии. Кроме того, буржуазное перерождение дворянства шло не только путем одворянивания купечества, но и путем капиталистического перерождения сельского хозяйства. Видя в Великой английской революции борьбу буржуазии с королем, Лилиегрен сильно упрощает дело: точнее, вернее и глубже формула Маркса, вводящего в число борющихся сил старое и новое дворянство и церковь. Но во всяком случае исследование Лилиенгрена дает новое подтверждение взглядам Маркса против все еще не изжитых в буржуазной исторической литературе представлений об английской революции, как о борьбе, идущей в среде более или менее социально-однородного дворянства.

Е. Косминский

(Продолжение следует)

ОБЗОР ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 2-й ПОЛОВИНЫ 1926 Г.

«Пролетарская революция»—№№ 51—57, **«Красная Летопись»**—№№ 1/16—5/20, **«Красный Архив»**—т.т. 14—17, **«Каторга и Ссылка»**—№№ 4/25—5/26.

В связи с целым рядом об'ективных причин (проведение режима экономии и т. п.) за истекшее полугодие в ряде партийных и советских органов, издательств и общественных организаций был поднят вопрос о сети исторических журналов, об их более четкой целевой установке в обслуживании тех или иных задач, о более лучшем их приспособлении к той или иной аудитории. Такого рода дискуссия прежде всего весьма показательна для оценки нашего «исторического» роста.

Со смертью Генриха VIII отчуждения не прекратились. При Эдуарде VI к монастырским землям были прибавлены земли капелл и религиозных гильдий. Мария приостановила продажу, но казна ее опустела. Елизавета принуждена прибегать к новым методам добывания денег в роде грабежа испанского золотого флота. Вопрос об отчуждении доменов остается жгучим вопросом и при Стюартах.

С Генриха VII до Якова значительная часть английской земли переменила собственников; из рук феодальной аристократии и духовенства она перешла к тем, кто мог ее купить, т.-е., главным образом, к купцам, промышленникам и новому дворянству, тесно связанному с буржуазией. Жалобами на это пестрят памятники XVI века. Современная литература отмечает ненасытную жадность купцов к земле. Как только купец сбережет немного денег, так он торопится купить земли, он разыщет расточительного наследника и обхаживает его до тех пор, пока тот не продаст своих имений. Вокруг Лондона купцы скупали все фермы, все пастбища; всюду у них разведчики, собирающие сведения о поступающих в продажу имениях.

Разгром мелких феодальных дворов потянул аристократию в Лондон, к королевскому двору. Усиленные траты нередко влекут за собой распродажу имений, а покупают все те же купцы. Придворная жизнь стоит необычайно дорого. Один придворный праздник мог осушить кошельки дюжины пэров и отдать их на милость кредиторов.

Тяга купцов к земле вызывается не только экономическими, но и политическими мотивами. Купцы хотят стать джентльменами, стараются выдавать своих дочерей за дворян, выводить своих сыновей в благородные. Поллард отмечал, что до самого последнего времени земля в Англии являлась главным фактором, дающим право на участие в политической жизни страны. Состав землевладельческого класса, особенно в юго-восточной половине Англии, перерождается. «Великая революция была преимущественно войной буржуазии с королем».

Работа Лилиенгрена технически слабовата. Не видно достаточного знакомства с новой литературой вопроса. Труды Тони, Гэя, английские работы Савина автору как будто неизвестны. Нередко он не подозревает давно уже раскрытой сложности поднимаемых им вопросов и приводит старые, давно опороченные данные (напр., о том, какая часть английской земли находилась в руках монастырей). Его ссылки на источники не всегда ясны, и не видно никаких попыток разобраться в этих источниках и определить границы их надежности.

Все же это очень интересная работа. Конечно, нельзя сводить вслед за Гаррингтоном все перемены, приведшие к великой революции, к одному лишь вопросу о распределении земельной собственности. Надо помнить о необычайном росте денежного рынка в Лондоне, о быстром развитии торгового капитала, связанного с домашней промышленностью, о росте капиталистической индустрии, особенно в горном деле: все это моменты, не менее существенные для роста политической мощи буржуазии. Кроме того, буржуазное перерождение дворянства шло не только путем одворянивания купечества, но и путем капиталистического перерождения сельского хозяйства. Видя в Великой английской революции борьбу буржуазии с королем, Лилиенгрен сильно упрощает дело: точнее, вернее и глубже формула Маркса, вводящего в число борющихся сил старое и новое дворянство и церковь. Но во всяком случае исследование Лилиенгрена дает новое подтверждение взглядам Маркса против все еще не изжитых в буржуазной исторической литературе представлений об английской революции, как о борьбе, идущей в среде более или менее социально-однородного дворянства.

Е. Косминский

(Продолжение следует)

ОБЗОР ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 2-й ПОЛОВИНЫ 1926 Г.

«Пролетарская революция»—№№ 51—57, **«Красная Летопись»**—№№ 1/16—5/20, **«Красный Архив»**—т.т. 14—17, **«Каторга и Ссылка»**—№№ 4/25—5/26.

В связи с целым рядом об'ективных причин (проведение режима экономии и т. п.) за истекшее полугодие в ряде партийных и советских органов, издательств и общественных организаций был поднят вопрос о сети исторических журналов, об их более четкой целевой установке в обслуживании тех или иных задач, о более лучшем их приспособлении к той или иной аудитории. Такого рода дискуссия прежде всего весьма показательна для оценки нашего «исторического» роста.

Исторические журналы стали настолько заметным явлением советской общественности, что о них начинают спорить, предлагать те или иные меры улучшения, урегулирования и т. д.

В добрый час!

«Историк-Марксист» также подвергся всестороннему «обстрелу» в различных инстанциях, и нами приняты во внимание ценные замечания ряда критиков и поставлена задача дальнейшего улучшения журнала.

Текущая историческая журналистика в общем отнеслась к нашему журналу более, чем благожелательно, и, пожалуй, недостаточно указала на имевшиеся в нем недостатки, об'ясняемые новизной дела и рядом других привходящих причин. Среди отмеченных в прессе недостатков «Историка-Марксиста» мы считаем необходимым остановиться на указании, что в наших обзорах исторических журналов мы только регистрируем статьи и не подвергаем их критическому анализу. В № 1 «Историка-Марксиста» мы писали: «Приступая к обзору исторических журналов, мы ставим себе задачу, главным образом, информировать читателей о материале, который они могут найти в них. Критическая оценка тех или иных работ не исключается из обзоров, но мы будем останавливаться лишь на наиболее ценных из них или на таких, которые требуют поправок, замечаний и т. д. На исчерпывающую критику наши обзоры не претендуют». Выполняя эту задачу в вышедших номерах журнала, мы дали более или менее исчерпывающую информацию о материале главнейших исторических журналов и вместе с этим подвергли критическому разбору ряд статей: А. Мартынова, Н. Батурина и др. в «Пролетарской Революции». В. Быстрянского, Ахун, Петрова в «Красной Летописи»: дали оценку статей М. Н. Покровского в «Красном Архиве», статей Рубинштейна и Преснякова в «Каторге и Ссылке», в «Былом» и т. д. Во избежание дальнейших нареканий мы еще раз подчеркиваем, что на тех немногих страницах, которые отводятся для обзора исторических журналов, более полного критического анализа и помещаемых в них статей дать невозможно. Кроме того, мы считаем очень важным отметить, что в значительном числе наших исторических журналов преобладает мемуарная литература, критическая оценка которой для обозревателя представляет большие затруднения, особенно с точки зрения методологических задач нашего журнала. В статьях-мемуарах часто просто нет материала для такой критики.

Просим, однако, не понимать нас так, что мы против «мемуаров». Нет, мы считаем их материалом ценным для исторической науки и нужным, но вместе с этим присоединяемся к взглядам критиков, высказывающихся за известную «рационализацию» мемуаров, о чем также много говорилось во время отмеченной выше дискуссии о сети и целевой установке наших исторических журналов.

В связи с дискуссией необходимо также указать на назревшую потребность в небольшом популярном историческом журнале для рабочего и крестьянского читателя. Такого журнала у нас еще нет и создать его нелегко, но он безусловно необходим прежде всего потому, что существующие исторические журналы этой потребности ни в какой мере удовлетворить не могут. На эту задачу мы обращаем внимание наших историков и полагаем, что при известной настойчивости вполне возможно преодолеть стоящие на этом пути затруднения.

А теперь переходим к разбору материала, накопившегося за полгода в наших исторических журналах.

«Пролетарская Революция»—№№ 51—57

Значительная часть статей в «П. Р.» за указанный период времени посвящена 1917 г. и периоду гражданской войны, и очень много статей, относящихся к революции 1905 г. Почти все статьи, за небольшими исключениями, носят характер мемуаров, при чем лишь некоторые из них сопровождаются соответствующей документацией. Однако следует отметить, что за последний год привлечение документации в статьях мемуарах в «П. Р.» начинает находить все большее и большее место. Общее же впечатление таково, что «П. Р.» все еще не превратилась в журнал, который бы давал материал как по научной истории ВКП(б), так и по истории Октябрьской революции. Привлечение документации, конечно, уже в значительной степени улучшает содержание журнала, но все же этого еще недостаточно. Особенно бросается в глаза небольшое число статей исследовательского типа, и нам кажется, что «П. Р.» на эту сторону необходимо обратить самое серьезное внимание.

Переходя к анализу отдельных статей за рассматриваемый период следует указать в первую очередь на работу Шляпникова: «Июльские дни в Петрограде»—№№ 51—52, «Июль на фронте»—№ 53, «Керенщина»—№№ 54—55. В настоящем номере «Историка-Марксиста» общие исторические концепции

тов. А. Шляпникова подвергнуты критическому разбору в статье тов. Кина 1917 г. в изображении т. Шляпникова». В этой же статье дан разбор и статьям о керенщине. Поэтому мы ограничимся в нашем обзоре лишь краткими замечаниями о других работах этого автора, не рассмотренных в статье т. Кина. Прежде всего необходимо отметить, что статьи т. Шляпникова, по существу, нельзя назвать, в полном смысле этого слова, историческими работами, так как он дает, скорее лишь материалы для истории, но не самую историю. Все его работы носят характер мемуаров, дополненных газетными и архивными документами. Кстати следует отметить небрежность в работе А. Шляпникова, который не указывает в своих статьях, откуда им заимствованы те или иные документы, что затрудняет возможность их проверки и оценки будущими историками. Историк Шляпников идет по линии наименьшего сопротивления, во-всю использовывая архивы и извлекая из них документы, но вместе с этим он не дает себе труда сверки документов, кроме своей памяти. Так, в одной из своих статей «Июльские дни в Петрограде» он приводит листовку ЦК партии по поводу клеветнической кампании, поднятой социал-соглашателями против Ленина, отмечая ее, как «отпечатанную, кажется, нелегально». Почему бы историку Шляпникову не разыскать этот документ и тщательно не проверить, печатался он легально или нелегально. Этот моент легальности и нелегальности печатания листовок имеет очень важное значение для характеристики работы партии в критические «июльские дни». Считаем необходимым отметить также в начале той же статьи тов. Шляпникова «Июльские дни в Петрограде» голословное заявление, что «открывшийся в первых числах (почему не дается попытка установить более точную дату) июня (старого стиля) I Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских депутатов состоял на 9/10 из шедших на поводу у буржуазии соглашательских и просто обывательских элементов». Почему 9/10, а не какая-либо иная цифра, и что это за «обывательские элементы»—Шляпников не сообщает. Между тем, анализу состава I Всероссийского С'езда Советов следовало бы уделить гораздо больше внимания, чем эти ничего не говорящие заявления об «обывательских элементах». Тов. Шляпников не проделал этой работы по анализу состава С'езда, и этим самым все его утверждение висит в воздухе, а дальнейшая политика Исполкома Советов Рабочих и Солдатских Депутатов остается непонятной и не выясненной.

Из статей, которые могут быть отнесены к историческим в более или менее полном смысле этого слова, следует указать на содержательную работу А. Гуковского «Французская интервенция на юге России» (1918—1919 г.г.) Статья сработана на основании данных архивов и литературных источников. Она дает яркую картину героической борьбы коммунистов подполья, и особенно интересны страницы, посвященные революционной работе среди французских войск. Статья А. Гуковского напечатана в №№ 53, 54 и 55.

К тому же типу статей может быть отнесена и работа Д. Кина «Кирстовщина и меньшевики» в № 51, в которой автор дает интересное исследование контрразведочного полицейского тред-юнионизма на примере деятельности инженера Кирсты, создавшего в Киеве и в Одессе рабочие организации в период белогвардейщины 1919 г. Интересны страницы, посвященные борьбе Кирсты с меньшевиками, которые в своей борьбе с ним, по существу, сеяли в рабочих массах тот же политический разврат, что и Кирста. В период развертывающейся революции кирстовщина была легко преодолена рабочим классом, при чем в этой борьбе большую роль сыграли подпольные организации коммунистов.

В № 51 «Пролетарской Революции» ценны документы «Переписка Екатеринославской и Луганской организаций с Н. Лениным и Н. К. Крупской» и воспоминания М. Васильева-Южина, связанные с революцией 1905 г. и дающие яркие черточки роли Ильича в восстании на «Потемкине». Новый материал о В. И. Ленине дает статья Я. Ганецкого—мемуарного характера с использованием неопубликованных записок Ильича—«Ленин и национализация банков», в № 53 «П. Р.».

В «Этюде о Стокгольмском с'езде» в № 52 «П. Р.» тов Луначарский вносит несколько новых штрихов в картину этого, уже много раз описанного, с'езда, при чем он попутно зарисовывает и революционный портрет В. И. Ленина в этот период. С некоторыми положениями этюда тов. Луначарского, однако, трудно согласиться. Так, он пишет: «Но среди большевиков не было полного согласия, как это ни странно, и национализация земли, которую Ленин *любил опирать на сознание крестьян* (курсив наш. *А. Ш.*), что земля божья, общая, казалась некоторым какой-то народнической отрыжкой»... Т. Луначарский, мягко выражаясь, несколько «пересаливает» по части ленинской аргументации на счет национализации. Дальше тов. Луначарский впадает в еще большие ошибки в характеристике аграрных взглядов В. И. Ленина. «У Владимира Ильича и его сторонников была заметна гораздо более серьезная оценка крестьянства (особенно, конечно, бедного),—пишет тов. Луначарский,—гораздо больше уменья и

желанья считаться с теми элементами в крестьянстве, **которые являлись прогрессивными по отношению к социализму**». Понять подчеркнутую нами фразу довольно мудрено: о какой прогрессивности толкует т. Луначарский—хозяйственной или идеологической? И то, и другое больше похоже на façon de parler, чем на выявление данного понятия. «Марксизм Владимира Ильича,—пытается об'яснить тов. Луначарский это непонятное место,—не заставлял их выбрасывать из старых теорий народничества, как они были формулированы Черновым, решительно все. Владимир Ильич, конечно, не верил ни в социалистический инстинкт крестьянства, ни в общину, как элемент будущего **аграрного социализма** (курсив наш. *А. Ш.*), **но он верил в возможность для деревни в значительной мере миновать и болезненные явления дифференциации, которые должны были отдалить срок настоящей социальной революции в России на необозримое время**» (курсив наш. *А. Ш.*). «Аграрный портрет В. И. Ленина тов. Луначарскому безусловно не удался: ленинская национализация земель на IV с'езде вовсе не исключала «болезненных явлений дифференциации». Если бы тов. Луначарский заглянул в IX т. Ленина (изд. 1925 г.), то на стр. 510 он бы прочел: «Никакая национализация земель, никакая уравнительность землепользования не уничтожит того вполне сложившегося в России явления, что зажиточное крестьянство уже хозяйничает капиталистически». И там же: «И при разделе, и при национализации, и при муниципализации всего более выигрывает буржуазное крестьянство..» и т. д., и т. д.; ибо «дифференциальная рента сохранилась бы и при национализации земли» (Цитата из Каутского, приведенная В. И. Лениным в «Аграрной программе с.-д. партии», т. IX, стр. 493, изд. 1925 г.).

Может быть, тов. Луначарский хотел провести ниточку от В. И. Ленина эпохи IV с'езда к его «аграрным» взглядам после Октябрьской революции, но это ему выявить не удалось, и получилась возможность создания таких «неувязок», которые нами отмечены выше. По поводу этой «неудачи» тов. Луначарского следует заметить, что его «попытка» методологически неправильна, так как «аграрные» взгляды В. И. Ленина, как и вся его революционная тактика по отношению к крестьянству, могут быть поняты, если к ним подходить диалектически, если мы будем иметь в виду те «три плана» большевиков в отношении к крестьянству, о которых подробно говорил тов. Сталин на XV партконференции и о которых тов. Луначарский не вспомнил, когда писал свою статью.

Статья А. Луначарского имеет и ряд других спорных моментов, на которых мы, к сожалению, здесь останавливаться не можем.

В том же номере «П. Р.» считаем необходимым отметить содержательную по собранному в ней материалу ст. Юз. Красного «Состояние организаций с.-д. Польши и Литвы в 1905—1907 г.г.» К деловой ст. Е. Мороховца «Пролетариат и крестьянство в эпоху первой революции» по материалам Тверской губ. считаем необходимым добавить фактическую справку, что работа в деревне Тверского комитета партии велась и в 1904 г., и не только в Тверском у., но и в соседствах. Зимой 1903—1904 г.г. и особенно летом 1904 г. эта работа была очень широко развернута Тверским комитетом большевиков, и жаль, что автор исследования этот период осветил недостаточно.

Нельзя пройти мимо некролога М. Н. Покровского «Н. Н. Авдеев, как историк», помещенном в № 52 «П. Р.», в котором М. Н. рисует покойного товарища, как историка с крупными задатками серьезного исследователя.

К материалам, несколько особняком стоящим в журнале и, пожалуй, выходящим из пределов его программы, следует отнести документы и письма Бакунина, собранные В. Полонским и опубликованные им в № 54 «П. Р.». Эти материалы касаются периода допроса Бакунина саксонской следственной комиссией в 1849—1850 г.г. и опубликованы впервые.

№ 56 почти целиком посвящен интересным статьям—воспоминаниям о Ф. Э. Дзержинском, при чем содержательнее других работа Юз. Красного. Следует отметить небольшую заметку исследовательского характера И. Татарова «Начало революционного пути т. Дзержинского» в № 57 «П. Р.».

Оставляя в стороне целый ряд воспоминаний деятелей Октябрьской революции и гражданской войны, опубликованных почти во всех рецензируемых №№ «П. Р.», из которых лишь некоторые дают кое-какую документацию, выделим материалы в № 57 «П. Р.», посвященные теме «Буржуазия и Временное Правительство», при чем для историка полезна и небольшая статья—предисловие к документам т. И. Т. на ту же тему. Заметим, однако, что не все приложенные материалы этой работы соответствуют заголовку, так как почти половина их касается аграрного движения 1917 года и деятельности крестьянских организаций за этот период времени, при чем часть из них в отрывках уже была использована в периодической печати и в отдельных брошюрках как автором этих строк, так и другими исследователями аграрного движения в 1917 г.

«Красная Летопись»—1(16)—5(20).

Прежде всего отметим статьи и материалы, посвященные В. И. Ленину. Их немного. Наиболее существенны «Три письма В. И. Ленина» (1917 г.), найденные в архивных россыпях в Ленинградском Центральном Историческом архиве. Письма адресованы т.т. Карпинскому, Я. С. Ганецкому и К. Радеку и дают характеристику политических настроений разных партий в России после февральской революции, знакомят с обстановкой, в которой очутился В. И. Ленин по приезде в Россию, и с условиями, в которых ему приходилось работать. Контр-разведка Временного Правительства снимала с писем В. И. Ленина копии и опубликованные в № 5(20) «К. Л.» документы не подлинники, а копии, скрепленные подписью: «с подлинным верно: подполковник Медведев». Далее идет публикация подлинника заявления В. И. «Во Всероссийскую Комиссию (по выборам) в Учредительное Собрание» от 28 ноября 1917 г. Документ сфотографирован и помещен в № 1 (16) «К. Л.». В № 4(19) «К. Л.» также сфотографирован и описан приказ Ленина комиссару Петропавловской крепости об освобождении румынского посольства, найденный в фонде С.-Петербургской (Петропавловской) крепости.

Из статей скорее компилятивного, чем исследовательского характера, посвященных В. И. Ленину, отметим статью П. Куделли—«Ленин и старая «Искра» в № 1 (16) и В. Быстрянского—«Ленин о социалистической революции в России» в № 5 (20).

Во всех рецензируемых №№ «К. Л.» преобладает местный ленинградский колорит, и это придает журналу особый интерес. Поэтому несколько странным кажется включение в журнал таких статей, как А. Белобородова—«Из истории партизанского движения на Урале» в № 1 (16) или А. Иванова—«Власть Временного Правительства в Новгородской губернии» в № 2 (17), которые следовало бы скорее печатать в «П. Р.», а не в «К. Л.».

Преобладающие в «К. Л.» статьи так же, как и в «П. Р.», носят характер мемуаров, воспоминаний, и лишь немногие из них сопровождаются документацией. Большая часть статей относится к периоду 1917 и последующих годов, и таким образом журнал ведется в соответствии с запросами момента.

Следует отметить хорошую планировку материала журнала по хронологическому признаку, чего мы не имеем у его старшего брата—«П. Р.».

«Красный Архив», т.т. 14—17

Рецензируемые тома «К. А.» дают исторический материал гравным образом по истории революционного движения в России, начиная с декабристов и кончая 1917 г. Если предшествовавшие тома отличались подбором более или менее однородного материала в сязи с юбилейными датами («1905 г.», «Декабристы»), то, начиная с 14 т., материал распределяется по всем эпохам революционного движения почти в равной доле.

В виду наблюдающегося у историков интереса к предстоящему юбилею 10-летия Октябрьской революции и в виду бедности опубликованных до сих пор материалов по 1917 г. следует рекомендовать «К. А.» усилить публикацию именно этих материалов.

По тем же основаниям рассмотрим в первую очередь рецензируемый материал именно в этой части.

На первом месте должен быть поставлен в т. 17 «Доклад петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции—Октябрь 1916 г.» с небольшим предисловием М. Н. Покровского, в котором он говорит: «Уже тогда, за шесть месяцев до начала революции, последнюю можно было, что называется, пощупать руками—и даже заурядные полицейские видели, что половинчатость в решениях и какие-либо полумеры совершенно неуместны». В том же томе ценны документы из дел генерального штаба, ставки верховного главнокомандующего и тыловых учреждений Юго-Западного фронта—о революционной пропаганде в армии 1916—17 г.г. Из материалов по революции 1917 г. выделяются документы, собранные М. Мартыновым,—«Аграрное движение в 1917 г. по документам главного земельного комитета»—в томе 14, и трехмесячный отчет «отдела сношений с провинцией» Гос. Думы (Март—Май 1917 г.) с интересным предисловием Я. Яковлева в т. 15.

Несколько особо стоит статья А. Шляпникова «Февральская революция и европейские социалисты», напечатанная в т.т. 15 и 16. А. Шляпников и здесь дает большей частью архивный документальный материал, но снабжает его комментариями в виде личных воспоминаний и своих оценок тех или иных действий социалистов-соглашателей, срывавших борьбу за мир не только в пределах России, но и на европейском фронте. Таким образом и получается «статья», которую «К. А.» назвал «материалами о международной конференции». В работе

А. Шляпникова встречается ряд мест, вызывающих недоумения. Так, в первой части статьи на стр. 61 он говорит: «Мысли о братании и борьбе против войны на самом фронте, брошенные и развитые нашей партией в первые недели войны, были встречены враждебно с обеих сторон проволочных заграждений» (Курсив наш. *А. Ш.*). Едва ли правильно так характеризовать настроение русских солдат и даже, пожалуй, немецких, тем более, что и сам автор в следующей фразе заявляет: «Жажда мира была столь сильна, что социалисты-оборонцы вынуждены были стать на путь пропаганды мира». Конец статьи А. Шляпникова скомкан, и августовский период не получил должного освещения, пропущены летние выступления Гендерсона в Петрограде и т. д.

Из материалов, тесно связанных с революцией 1917 г., следует отметить ценные документы по истории восстания киргиз 1916 г., собранные А. Чулошниковым и опубликованые в т. 16 «К. А.». В предисловии в литературе вопроса А. Чулошниковым пропущены такие работы, как статьи в сборнике «Очерки революционного движения в Ср. Азии», статьи Е. Федорова в «Очерках национально-освободительного движения в Ср. Азии» и др., при чем часть материала из документов А. Чулошникова уже была использована рядом авторов в их исторических работах.

Для истории революционного движения в Китае большую ценность представляют документы, собранные А. Поповым о «Боксерском восстании» в 14 т. «К. А.». О Бакунине интересны данные в статье Ю. Стеклова «Бакунин в сороковые годы» в 14 т. «К. А.» и новые материалы, опубликованные В. Полонским в т. 17 «К. А.».

Для историка партии имеет ценное значение ряд документов, подобранных С. Вальком,—«К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Государственной Думы», в т. 16 «К. А.».

Народнический период русской истории, представленный в рецензируемых томах «К. А.»: ст. Б. П. Кузьмина «Неудавшаяся провокация» (Новое о Нечаеве) в 14 томе и «Новое о Нечаеве» в т. 15, материалами В. И. Невского—«К истории хождения в народ» в т. 15, А. А. Шилова—«Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.», в т. 17—«Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения» и др. Много ценных указаний историк революционного движения найдет в отделе из «Записной книжки архивиста» во всех рецензируемых томах «К. А.».

«Каторга и Ссылка»—№ 4 (25)—5 (26).

Работа О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев развертывается все шире и глубже. Журнал о-ва «Каторга и Ссылка» является прямым отражением этой работы, и две последние книжки журнала дают массу ценного историко-революционного материала, весьма тщательно и любовно обработанного.

В рецензируемых номерах мы имеем весьма разнообразный материал как документального, так и мемуарного характера. В № 25 «К. и С.» из документации отметим: «Письма П. А. Кропоткина к В. Н. Черкезову», публикацию рукописей Льва Тихомирова «Тени прошлого», посвященную Степану Халтурину. На документальных же материалах построена статья Я. Д. Баума «Еврей декабрист — Григорий Абрамович Перетц. В. Полонский в статье о побеге Бакунина из Сибири останавливается на одном загадочном источнике, относящемся к этому моменту, и исследуя воспоминания некоего полковника С. А. Казаринова, напечатанные в «Историческом Вестнике» за 1907 г., указывает, что его розыски полковника Казаринова наткнулись на исчезновение материалов по этому делу в архивах. В. Полонский ставит перед сибирскими историками задачу найти «исчезнувшие концы той нити, которая помогла бы добраться на основании клубка, до начальника штаба войск восточной Сибири ген. майора Кукеля и его отношения к побегу Бакунина и человеку, называвшему себя Казариновым».

Сильное впечатление производит на читателя статья Н. Комарова «Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии соц.-рев. 1905—1909 гг. Очерк первый. Украинская боевая группа п. с.-р. (1905—1908 гг.)». В очерке нарисована картина героической борьбы боевых организаций в мрачную полосу царистской реакции, и при его чтении снова поднимается желание протестовать против безумной растраты революционных сил, главным образом, рабочих революционеров, которые вместо массовой работы под влиянием агитаций партии с.-р. бросились в террор.

Значительная часть № 26 «К. и С.» посвящена материалам, связанным с 50-летием со дня кончины М. А. Бакунина. Здесь мы имеем воспоминание М. П. Сажина (Арман Росс)—«Первое знакомство с М. А. Бакуниным», где им нарисован трогательный портрет русского «бунтаря» и приведен ряд характерных черточек из его биографии эпохи конца 60-х и начала 70-х годов. В статьях Ю. Стеклова и В. Полонского даны материалы по биографии М. Бакунина в период его

деятельности в Швеции в 1863 г. и организации им тайного Интернационала. В этом же номере опубликована программа Международной Революции (неизданный отрывок), письмо М. А. Бакунина к интернационалистам Романьи и др.

В обеих рецензируемых книжках много материала отведено описанию царской каторги, тюрем и ссылки.

В отделе «Лики отошедших» помещены биографии умерших революционеров: С. Ф. Кавалика, В. Н. Черкезова, Р. В. Розенберга, А. П. Колганова, Ф. О. Толчева, М. С. Матлина, С. В. Аптекмана, Н. В. Чайковского, А. М. Соболя и И. А. Гурвича.

Биографический отдел журнала на должной высоте. Жизнь общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев довольно полно отражена в отделе «Хроника».

А. Шестаков

ОБЗОР ЖУРНАЛА «АРХИВНОЕ ДЕЛО»

(Выпуски V—VI, VII, VIII—IX)

Издаваемый Центрархивом РСФСР специальный журнал теории и практики архивного дела представляет интерес не только для специалиста-архивиста, но и для историка, соприкасающегося с архивохранилищами Центрархива в процессе исследовательской работы.

В вышедших за последний год трех выпусках этого, мало известного широкой читающей массе, журнала помещены статьи, знакомство с которыми подчас значительно облегчит исследователю разыскание необходимого ему документального материала и ориентирвку в архивах.

К таким статьям в первую очередь относится ряд очерков, освещающих историю, структуру и состав материала отдельных центральных архивохранилищ

Архив Октябрьской революции (в Москве), значение которого для изучения истории Октябрьской революции, гражданской войны и советского строительства ясно для каждого историка, освещен статьей В. В. Максакова «Пять лет Архива Октябрьской революции» (А. Д. V—VI). Автор дает историю Архива, краткую характеристику материалов документо-и книгохранилищ и отдела иллюстративного. Перечисляет наиболее интересные фонды, приводит данные об использовании материалов А. О. Р. для научно-исследовательской работы, а также указывает и пути дальнейшего развития А. О. Р.

Центральный Межевой Архив—ценнейшее собрание планов и карт с 1755 г. насчитывающий 1.748.745 дел, почти не использованных историками, освещен небольшой статьей С. Троянского (А. Д. V—VI).

Документы Межевого Архива представляют из себя богатейший материал для изучения аграрных отношений прошлого, в особенности ценны экономические примечания к материалам генерального межевания, значение которых отмечал целый ряд исследователей. Нашим экономистам-историкам статья С. Троянского много поможет при ориентировке в этих материалах.

Статья И. Хрипача о Военно-Историческом Архиве в первой своей части, напечатанной в выпуске VIII—IX, знакомит с историей В. И. А. и с содержанием отделов I—(фонды до 1914 г.) и II—(фонды империалистической войны 1914—1918 г.г.), дает сведения о каталогах и публикациях материалов этих отделов.

Статья И. Маяковского (А. Д. V—VI) «Итоги и перспективы работы Ленинградского Центрального Исторического Архива» знакомит историка с деятельностью ЛЦИА и задачами, стоящим перед ним.

Характеристика фондов серии финансов, торговли и промышленности в статье Е. Тарле (А. Д. VII) «Архивохранилище народного хозяйства, права, культуры и быта ЛЦИА» ориентирует исследователя в огромном количестве документов XVIII—XX в.в., представляющих ценнейший материал по экономике России вплоть до революции 1917 г. Заканчивается очерк Е. Тарле перечнем работ и изданий, вышедших в последнее время по материалам охарактеризованных им фондов, по материалам, относящимся «к развитию в России торгового, промышленного, отчасти банковского капитала в XVIII, XIX, XX в.в., и к тем явлениям, которые более или менее близко связаны с этими видами капитала, к истории рабочего класса, к истории русской таможенной политики, к истории налоговой системы и, шире, к истории русских государственных финансов за два века».

Из остальных статей прежде всего отметим статью В. В. Максакова «На очереди» (А. Д. VII).

Автор указывает на задачи архивов в связи с десятилетием Октябрьской революции, на необходимость выявления, собирания и приведения в порядок документов, 1917—1918 г.г., в особенности документов, возникавших в процессе Революции учреждений и организаций, собирания архивов советских учреждений. Попутно он несколькими яркими примерами характеризует состояние «ведомственных архивов».

Большое внимание уделено в журнале вопросам архивной теории и техники. Для неспециалиста представят интерес статьи: И. Л. Маяковского (А. Д. V—VI)—«Архив, библиотека и музей», где автор пытается четко разграничить функции этих родственных научных учреждений; Я. Н. Ждановича и М. К. Любавского «К вопросу о недроблении архивных фондов» (А. Д. V—VI): статья Н. В. Русинова—«Регистратура и архив» (А. Д. VII), а также заметка Л. М. Левина—«Фото-кино-архив» и статья М. Ахуна «К вопросу об организации научно-справочных библиотек при архивохранилищах», приводящая данные о библиографии русских ведомственных изданий (А. Д. VIII—IX).

Журналу «Архивное Дело» удалось привлечь к сотрудничеству и известных иностранных историков-архивистов. Так, за 1926 г. мы имеем статью Анри Сэй (H. Sée)—одного из видных исследователей социально-экономической истории Франции—«Провинциальные архивы Франции со времени мировой войны» (А. Д. VII), знакомящую нас, как с архивно-организационными и архивно-техническими вопросами, так и с классификацией и составом материалов фрунцузских департаментских архивов. Статья Ж. Буржена «Парижский Национальный Архив» (А. Д. VIII—IX) содержит некоторые данные о составе одного из ценнейших во Франции хранилищ собрания документов.

Во всех трех выпусках уделено значительное внимание состоянию архивного дела на местах. Инспекторские отчеты освещают помимо организационных вопросов и состояние местных архивов, по которому историк легко представит себе картину подготовленности архивов в различных районах РСФСР, в смысле возможности их использования для исследовательской работы.

Ряд заметок познакомит интересующегося с состоянием архивного дела в Союзных республиках и на Западе—в Латвии, Германии, Польше, Чехословакии и Англии.

В заключение остановимся на отделе библиографии.

Помимо широкого освещения изданий по архивному делу и вопросам делопроизводства, как русских, так и иностранных, журнал уделяет все большее внимание библиографии документальных публикаций. В последнем выпуске 1926 г. (А. Д. VIII—IX) помещен очень ценный для историка обзор документальных публикаций за январь—март 1926 г. С. Н. Валка.

Автор стремится включить в свой «обзор, по возможности, все документы, как опубликованные в виде отдельных сборников документов, так и в виде приложений к монографическим работам, либо целостных в них вставок (но не в виде цитат, так как документ, лишь цитированный, может быть опубликован в его целом).

Исключены из обзора сборники документов типа хрестоматий, содержащие перепечатки опубликованных уже документов.

Отмечены лишь издания, имеющие «значение новых публикаций: впервые появляющиеся документы или критические издания уже известных произведений» Главная масса рецензируемых С. Н. Валком документальных публикаций относится к декабристам и 1905 году.

Для исследователя именно документ должен явиться основой его работы: поэтому ценный для архивиста обзор документальных публикаций имеет и для него большое значение.

Кроме всего вышеперечисленного, журнал «Архивное Дело» содержит также декреты высших правительственных учреждений и инструкций Центрархива по различным вопросам его компетенции.

А. Рахлина

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СОВЕТСКИХ ВУЗ'АХ В 1924—1926 Г.Г. ПО ИХ ПУБЛИКАЦИЯМ

(Библиографическая заметка)

Изменения, которые претерпела наша высшая школа за годы революции, гражданской войны и последующей борьбы на идеологическом фронте, нигде, естественно, не обнаружились с такой силой, как на гуманитарных, в частности исторических, отделениях ВУЗ'ов. Тут и решительная победа материалистического мировоззрения, и новые методические приемы преподавания, и сильное обновление преподавательского состава, и возникновение новых научных центров (культурное строительство национальных республик, и образование новых типов высшей школы (комвузы), и коренная структурная ломка ряда рассадников высшего образования (замена университетов институтами профессионального уклона с перенесением центра тяжести научной работы в научно-исследовательские кафедры—на Украине), и многое другое, чего не перечислишь в нескольких беглых строчках.

Никто еще, насколько нам известно, не пытался подвести итогов этой эволюции нашей высшей школы за девять лет ее перестройки. Думается, что это будет нелегко сделать и к десятой годовщине Октября. Не говоря уже о том, что эволюция наших ВУЗ'ов была далеко не одинаковой в разных частях нашего Союза, нельзя даже утверждать, что она вылилась во вполне законченные в организационном отношении формы.

Это обстоятельство, конечно, затрудняет отчетливое представление о характере научной жизни вузовских центров нашего Союза. Особенно бросается в глаза отсутствие всякой информации об исследовательской работе историков и отсутствие всякой связи между ними. Многие ли знают в центре, какого рода историческая работа ведется—и ведется ли вообще—в наших культурных центрах вне Москвы? Эти немногие предварительные замечания, быть может, оправдают скромную попытку осветить кусочек научно-исследовательской работы нашей провинции в предлагаемом библиографическом обзоре статей по истории Зап. Европы, помещавшихся в научных сборниках и других изданиях ВУЗ'ов отдельных республик и городов РСФСР за 1924—1926 г.г.

Мы нарочито ограничиваем себя этим кругом статей, потому что в традиционных томах «научных трудов», «научных записок» и «сборников» ВУЗ'ов теперь, как и в дореволюционное время, лучше всего отображается исследовательская работа нашей высшей школы. Правда, томы этих «трудов» и «записок» за время революции, в меру наших достатков, сильно похудели, и в некоторых из них нередко число статей немногим менее числа страниц; но ведь большую исследовательскую работу можно угадать и между строчками скупого, по необходимости, автореферата. Впрочем, в последнее время обнаруживается некоторый рост органов провинциальной научной мысли и со стороны содержания, и со стороны об'ема: тощие авторские «резюме» начинают облекаться в плоть и кровь систематического изложения. Особенно следует отметить появление в этих органах ценных статей с краеведческим материалом, например, по истории революционного движения на местах обычно с использованием местных архивных источников.

Что касается истории Зап. Европы, которая нас здесь только и интересует, то с этим дело обстоит несравненно хуже.

Прежде всего следует напомнить, что серьезное самостоятельное изучение истории Зап. Европы началось у нас, как известно, сравнительно недавно. Ведь по существу родоначальником русской (буржуазной) «школы» западно-европейских историков был московский проф. Герье, ученики которого—Виноградов, Кареев, Виппер, Иванов, Щепкин—называя только крупнейших—поставили впервые исследовательскую работу в интересующей нас области на уровень европейской науки и подготовили в своих семинариях «новую смену» историков. Вот эта-то «смена» и оказалась в значительной своей части за пределами высшей школы при революционной ее перестройке. Таким образом, так наз. «всеобщая история», в смысле самостоятельной исследовательской работы, насчитывала до революции не более двух—трех поколений русских историков и, следовательно, не могла создать прочной традиции и широко разветвленной «школы».

Если это обстоятельство, с одной стороны, облегчило завоевание марксистских позиций на этом фронте, то с другой—мы принуждены констатировать численную слабость представителей зап.-европейской истории в советских ВУЗ'ах отдельных республик СССР и главных городских центров РСФСР. Размеры и качество научной работы в области «всеобщей истории» в еще большей степени испытали на себе неблагоприятное влияние других, хотя и временных, причин.

Что крайнее ограничение числа научных командировок в Зап. Европу особенно чувствительно отражается на работе именно «всеобщих» историков,

кажется, не нуждается в раз'яснении. Сюда же относится и сильное уменьшение притекающей из-за границы литературы. Не последнюю роль играет и пониженная подготовка новых вузовских аудиторий, в частности, незнание новым студентом иностранных языков, что вместе взятое препятствует развитию исследовательской работы в семинариях, которая всегда, как известно, стимулирует собственную работу преподавателя.

Наконец, для «национальных» республик следует отметить еще один фактор, усугубляющий неблагоприятное положение «всеобщей» истории в советском ВУЗ'е: мы имеем в виду то обстоятельство, что в этих республиках национальная мысль, вырвавшись из дореволюционных оков, жадно ищет источника и основ своего культурного возрождения не в чужой, а в своей, национальной истории. Не случайно, например, что на Украине при научно-исследовательских кафедрах не функционируют секции истории Зап. Европы, или что основанная еще в 1925 г. при ВУАН комиссия «Западо- и Американознавства» до сего дня не в состоянии выпустить своего сборника, материал для которого давно собран.

Мы ограничимся этими замечаниями, чтобы раз'яснить, почему при суммировании всей исследовательской работы по «всеобщей» истории в интересующих нас ВУЗ'ах за указаный период получились столь ничтожные результаты. Не исключена, конечно, возможность какого-нибудь пропуска в нашем библиографическом обзоре; общего характера картины это, однако, не меняет.

Нам казалось наиболее целесообразным расположить подобранные статьи по канонической схеме «античной», «средней» и «новой» истории, поскольку эта схема сохранилась и поныне в учебных планах наших ВУЗ'ов.

История Древнего Востока не представлена ни одной статьей, это не случайно; как раз Древний Восток исчез, насколько нам известно, из учебных планов, как самостоятельный отдел «всеобщей» истории.

I. Античная история.

1) **П. ГАЛАНЗА.** Идеология Гомеровского Общества. (Госуд. Смоленский университет. Научные Известия, т. II. Общественно-гуманитарные науки. 1924).

Статья, собственно, социологического характера.

2) **Проф. ЧЕРНОУСОВ.** Г. Сальвиоли. Капитализм в античном мире. Этюд по истории хозяйственного быта Рима. ГИУ. Перев. с франц. Р. Гальперина. Харьков. 1923 (Известия Донского Госуд. университета. 1924, т. IV).

Малоудовлетворительный разбор известной книги Сальвиоли. Критик приписывает последнему грубейшие погрешности, виновником которых является исключительно переводчик.

II. Средние века.

3) **Проф. В. ДИТЯКИН.** Исследования по социально-экономической истории Италии позднего средневековья. (Ученые Записки Казанского Госуд. Ун-та. Год издания XXXV. 1925, кн. I).

Сжатый автореферат первой работы В. Дитякина из цикла его исследований по истории средневековой Италии. Приведены гл. обр. тезисы исследования, рассматривающего внутреннюю историю Ломбардских городов в XII в. (ч. I. «Хозяйственные отношения»).

4) **ЕГО ЖЕ.** Очерки по истории земельных отношений в Сев. Италии. XII—XIV в.в. Очерк I. (Учен. Зап. Каз. Ун-та, 1925, кн. 2).

Автореферат оригинального исследования, посвященного истории хозяйства монастыря св. Бенедикта в Полироне (X—XII в.в.) в Ломбардии. На основании документов, собранных в Regesta chartarum Italiae, № 12, Regesto Montavano, дается: 1) процесс складывания земельных владений монастыря св. Бенедикта, 2) характеристика монастырского хозяйства, 3) количественная и качественная характеристика монастырских земель, 4) доходы монастыря.

5) **ЕГО ЖЕ.** Очерки по истории земельных отношений в Сев. Италии. IX—XIV в.в. Очерк II. (Зап. Каз. Ун-та, 1926, кн. 1).

Как и предыдущие, данная статья, является авторефератом исследования «Земельные отношения в области Лоди VIII—XII в.в.». В основу работы положены материалы, напечатанные в Codice diplomatico Laudense, дающие возможность изучать земельные отношения в области—характер земельных имуществ разных социальных групп (духовенства, светских феодалов, буржуазии)—и показать, как, начиная с XII в., падает экономическое и политическое могущество епископата в результате внутренних противоречий и бурного натиска нового класса—городской буржуазии.

В своих работах проф. Дитякин стремится, как он сам заявляет, применить метод диалектического материализма к изучению эпохи, где этот метод никогда и никем еще не применялся. С этой целью автор вновь пересмотрел весь обширный материал источников (печатных). Ему удалось, повидимому, притти к некоторым интересным выводам (напр., о редкости либеллярных контрактов в изучаемую эпоху, о большой распространенности в XI—XII в.в. явлений мобилизации феодальной земельной собственности—особенно собственности «провинциальных» феодалов и т. п.).

6) **Проф. А. ЯСИНСКИЙ.** Очерки и исследования по хозяйственной истории средневековой Чехии. Природа и происхождение чешских поземельных единиц. (Гос. Смоленский университет. Научные известия, II. Общественно-гуманит. науки. 1924 г.).

Поземельные меры в Чехии появились впервые в поместьях крупных собственников. Крестьянские земельные наделы стали измеряться лишь в связи с возникновением поземельных налогов, при чем до XIII в. грубой единицей измерения был плуг; позже из Германии проникают такие условные единицы, как манзы и ланы. Однако лан остается хозяйственно-государственной платежной единицей, поземельной же мерой в узком значении был стрих (югер), возникший из меры зерна, получаемой при обмолоте 50 снопов.

7) **Проф. П. П. ФРИДОЛИН.** Восстание Чьомпи. Из истории рабочего движения в Италии в XIV в. (Первые две главы). (Известия Азербайджанского Гос. унив-та им. В. И. Ленина. Т. IV—V. Общественные науки, Баку. 1925).

Автор дает в первой главе короткий обзор литературы вопроса, начиная с Фалети-Фоссати и полемизирует с Родолико, видящим в движении Чьомпи только эпизод из борьбы за право ассоциации. Вместе с Дореном, он считает движение «кульминационным пунктом борьбы между капиталом и трудом в XIV в.». Во второй главе рассматривается первый период движения (июнь—июль 1378 г.) и выясняется сложный переплет социальных и экономических отношений, на фоне которых разыгрываются события. Новых выводов, по сравнению с существующими в новейшей литературе, автор не делает, хотя он, повидимому, использовал и ненапечатанный материал Флорентийского архива.—Отметим полное отсутствие русской литературы по этому вопросу.

8) **Проф. Е. А. ЧЕРНОУСОВ.** По поводу одной маленькой книжки и небольшого к ней введения. («Известия Сев.-Кавказского Гос. ун-та», т. VIII. 1926 г.).

Разбор книжки Брентано «Народное хозяйство Византии». М. 1924 г. Резкая критика предисловия проф. Плотникова, который указывает, что перевод работы Брентано «восполняет зияющий пробел в русской исторической литературе», забывая о выдающихся трудах русских историков по эконом. истории Византии.

9) **Проф. А. Н. ЯСИНСКИЙ.** Происхождение пфальцграфств Германской империи. (Труды Воронежского Гос. ун-та, т. I. Воронеж. 1925 г.).

Пфальцграфства возникли при Оттоне I и его преемниках в связи с борьбою государственной власти против племенного обособления. В противовес утверждениям Г. Вайца, автор доказывает, что пфальцграфов нельзя выводить из каролингской эпохи, и что они появляются лишь в тех территориях, которые носят племенной характер (Швабия. Бавария, Лотарингия, Саксония). Создание пфальцграфств имеет, таким образом, целью расчленение племенной территории.

10) **К. П. ДОБРОЛЮБСКИЙ.** Недостатки английской церкви первой половины XV века в изображении ее представителя. (Журнал Научно-исследовательских кафедр в Одессе. Т. I. № 7, 1924 г.).

Разбор «Книги истин», или «Теологического словаря» Томаса Гаскойня (ум. в 1458 г.), канцлера Оксфордского ун-та. Гаскойнь дает исторически верное изображение нравов английской церкви перед реформацией.

III. Новая и новейшая история.

11) **О. Л. ВАЙНШТЕЙН.** Fragment inédit sur Voltaire. (Журн. Научно-иссл. кафедр Одессы. Т. I. № 7, 1924 г.).

Анализ рукописи Ваньера (секретаря Вольтера), хранящийся в Воронцовском фонде Центр. Научн. библиотеки в Одессе. Рукопись, представляющая неизданный вариант Additions Ваньера, проливает свет на происхождение анонимного Commentaire historique sur les oeuvres de l'auteur de la Henriade etc. и дает некоторые новые черточки для биографии Фернейского философа (дело Каласа и проч.).

12) **Проф. И. П. ФИЛИППОВ.** Очерки по истории просвещения в Зап. Европе. (Известия Сев.-Кавказск. Гос. ун-та, т. VIII, 1926 г., там же, т. X, 1926 г.).

Обширная статья, представляющая отрывок из приготовляемой автором к печати книги того же названия. Статья в VIII т. посвящена Франции XVI—XVII в.в.; отрывок, помещенный в X т. Известий, затрагивает историю просвещения в Англии и Германии XVI—XVII в.в. Название статьи шире ее содержания: это, собственно, не история просвещения, а история педагогических идей, притом в виде перечня воззрений разных авторов, почти без исторического фона и социологического анализа: вот названия глав: Рабле, Рамс, Монтень, Католическая церковь, Орден иезуитов, Декарт и теория просвещения, Оратория Иисуса, Янсенисты, Фенелон, как драли французского короля, Ла-Саль, Шалоте, Кондильяк, Гельвеций, Руссо,- это для Франции. Том Мор, Ашам, Мюлькастер, Мильтон, Локк, Беллерс, названия главок, посвященных Англии. То же и для Германии: калейдоскоп имен и сведений о них по типу даваемых малыми энциклоп. словарями.

13) **В. Н. ПЕРЦЕВ.** Историческая идеология Бисмарка. (Працы Беларусскаго Дзяржаунаго университэту у Менску. 1926 г., № 6—7 (1925 г.).

Автор вносит поправки в исследование Валентина Гитермана «О философско-исторических воззрениях Бисмарка», доказывая, что Бисмарк, не давший нигде законченного и цельного изложения своих взглядов на движущие силы истории, в своих многочисленных высказываниях о руководящих принципах своей практической деятельности обнаруживает себя бессознательным историческим материалистом: таковы, например, его представления о праве, о религии, как о «надстройках», о роли личности в истории и т. п. Влияние исторического чтения на образование такой концепции не выяснено.

14) **П. ПИСАРЖЕВСКИЙ.** Из истории конгрессового царства Польского (1815—1830 г.г.) при Александре I. (Смоленский Гос. ун-т, Научн. Изв., т. III, вып. 3. Общественно-гуман. науки. 1926 г.).

На основании неизданных архивных документов (семь из них—переписка между в. кн. Константином, Александром I, Новосельцовым и пр. — напечатаны в «Приложениях») автор знакомит с постепенным нарастанием оппозиционных и революционных настроений в среде польского дворянства, в связи с мероприятиями русского правительства. Главный интерес статьи в разборе отношения Ал-ра I и правительственных кругов царства к Польской конституции.

Таков несколько неожиданный для нас самих результат просмотра всех или почти всех соответствующих изданий провинциальных ВУЗ'ов (мы пользовались фондом всесоюзного обязательного экземпляра за указанные годы). Если еще принять во внимание, что №№ 1, 2, 8, 11, 12, 14 притянуты нами, так сказать, за уши к категории статей по истории Зап. Европы или вообще истории, то окажется, что за три почти года исследовательская работа по «всеобщей» истории в провинциальных ВУЗ'ах обогатила русскую науку восемью статьями, из коих семь по истории средних веков!

О. Л. Вайнштейн

ОБЗОР НЕМЕЦКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ЗА 1926 г.

Из большого числа исторических немецких журналов мы пока остановимся на двух, резко отличающихся друг от друга: Historische Zeitschrift u. Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiter Bewegung.

Первый, один из старейших немецких исторических журналов XIX века, основан еще в 1859 г. крупным представителем политической и дипломатической германской историографии Г. фон Зибелем (H. von Sybel). Журнал был основан как раз в эпоху борьбы за об'единение Германии под главенством Пруссии. В этой борьбе энергичную поддержку руководящей группе прусского правительства оказывал ряд видных немецких историков, сгруппировавшихся вокруг журнала Зибеля. Таким образом, журнал стал выразителем идеологии германской промышленной буржуазии, поддерживая и оправдывая историческими данными об'единение Германии под властью Прусских Гогенцоллернов. Этим об'ясняется и исключительное внимание историков этой школы к дипломатической и политической истории, преимущественный интерес к эволюции государственно-правовых отношений, переходящий в настоящий государственный фетишизм, культ личности, доходящий до почтительного преклонения и чуть ли не обоготворения „основателей и возвеличителей“ Германской империи— Вильгельма I, Бисмарка и Вильгельма II (здесь группа историков-империалистов, вроде Г. фон Дельбрюка, резко отделяется от панегиристов Бисмарка — Вертгеймера и др.).

Цитадель германской академической истории, журнал этот всегда отстаивал основы идеалистической историографии. Так, в конце 90-х годов прошлого века он резко выступил против «еретика» К. Лампрехта за его попытку «экономизировать»

Обширная статья, представляющая отрывок из приготовляемой автором к печати книги того же названия. Статья в VIII т. посвящена Франции XVI—XVII в.в.; отрывок, помещенный в X т. Известий, затрагивает историю просвещения в Англии и Германии XVI—XVII в.в. Название статьи шире ее содержания: это, собственно, не история просвещения, а история педагогических идей, притом в виде перечня воззрений разных авторов, почти без исторического фона и социологического анализа: вот названия глав: Рабле, Раме, Монтень, Католическая церковь, Орден иезуитов, Декарт и теория просвещения, Оратория Иисуса, Янсенисты, Фенелон, как драли французского короля, Ла-Саль, Шалоте, Кондильяк, Гельвеций, Руссо, — это для Франции. Том Мор, Ашам, Мюлькастер, Мильтон, Локк, Беллерс, названия главок, посвященных Англии. То же и для Германии: калейдоскоп имен и сведений о них по типу даваемых малыми энциклоп. словарями.

13) **В. Н. ПЕРЦЕВ.** Историческая идеология Бисмарка. (Працы Беларусскаго Дзяржаунаго университэту у Менску. 1926 г., № 6—7 (1925 г.).

Автор вносит поправки в исследование Валентина Гитермана «О философско-исторических воззрениях Бисмарка», доказывая, что Бисмарк, не давший нигде законченного и цельного изложения своих взглядов на движущие силы истории, в своих многочисленных высказываниях о руководящих принципах своей практической деятельности обнаруживает себя бессознательным историческим материалистом: таковы, например, его представления о праве, о религии, как о «надстройках», о роли личности в истории и т. п. Влияние исторического чтения на образование такой концепции не выяснено.

14) **П. ПИСАРЖЕВСКИЙ.** Из истории конгрессового царства Польского (1815—1830 г.г.) при Александре I. (Смоленский Гос. ун-т, Научн. Изв., т. III, вып. 3. Общественно-гуман. науки. 1926 г.).

На основании неизданных архивных документов (семь из них—переписка между в. кн. Константином, Александром I, Новосельцовым и пр. — напечатаны в «Приложениях») автор знакомит с постепенным нарастанием оппозиционных и революционных настроений в среде польского дворянства, в связи с мероприятиями русского правительства. Главный интерес статьи в разборе отношения Ал-ра I и правительственных кругов царства к Польской конституции.

Таков несколько неожиданный для нас самих результат просмотра всех или почти всех соответствующих изданий провинциальных ВУЗ'ов (мы пользовались фондом всесоюзного обязательного экземпляра за указанные годы). Если еще принять во внимание, что №№ 1, 2, 8, 11, 12, 14 притянуты нами, так сказать, за уши к категории статей по истории Зап. Европы или вообще истории, то окажется, что за три почти года исследовательская работа по «всеобщей» истории в провинциальных ВУЗ'ах обогатила русскую науку восемью статьями, из коих семь по истории средних веков!

О. Л. Вайнштейн

ОБЗОР НЕМЕЦКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ЗА 1926 г.

Из большого числа исторических немецких журналов мы пока остановимся на двух, резко отличающихся друг от друга: Historische Zeitschrift u. Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiter Bewegung.

Первый, один из старейших немецких исторических журналов XIX века, основан еще в 1859 г. крупным представителем политической и дипломатической германской историографии Г. фон Зибелем (H. von Sybel). Журнал был основан как раз в эпоху борьбы за об'единение Германии под главенством Пруссии. В этой борьбе энергичную поддержку руководящей группе прусского правительства оказывал ряд видных немецких историков, сгруппировавшихся вокруг журнала Зибеля. Таким образом, журнал стал выразителем идеологии германской промышленной буржуазии, поддерживая и оправдывая историческими данными об'единение Германии под властью Прусских Гогенцоллернов. Этим об'ясняется и исключительное внимание историков этой школы к дипломатической и политической истории, преимущественный интерес к эволюции государственно-правовых отношений, переходящий в настоящий государственный фетишизм, культ личности, доходящий до почтительного преклонения и чуть ли не обоготворения „основателей и возвеличителей" Германской империи— Вильгельма I, Бисмарка и Вильгельма II (здесь группа историков-империалистов, вроде Г. фон Дельбрюка, резко отделяется от панегиристов Бисмарка — Вертгеймера и др.).

Цитадель германской академической истории, журнал этот всегда отстаивал основы идеалистической историографии. Так, в конце 90-х годов прошлого века он резко выступил против «еретика» К. Лампрехта за его попытку «экономизировать»

историю: столпы журнала Мейнеке и Гинце в суровых критических статьях обрушились на дерзкого Лейпцигского историка, пытавшегося лишь несколько реформировать эклектический метод политических историков. Таким бдительным стражем старых приемов исторического исследования журнал пребывает и поныне, блистая своей эрудицией и информацией. И сейчас под заглавием журнала, издаваемого после смерти Вигенера одним Ф. Мейнеке, стоит целая плеяда имен самых видных историков той же школы: Г. фон Белов, О. Гинце, О. Краускс, Макс Ленц, Э. Маркс, Г. Онкен, Зигмунд Рицлер. Библиографический и информационный отдел поставлен в журнале очень солидно.

Критический отдел ведется в духе обычного академического эклектизма, нередко с густым налетом национализма и резко выраженной враждебностью к марксизму, тем более к коммунизму и к революции. Крайне показательна сочувственно-панегирическая рецензия редактора-издателя Ф. Мейнеке на книгу отставного майора Э. Фолькмана «Марксизм и немецкая армия во время мировой войны» (E. O. Volkmann. Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege. 1925. H. Z. Band 132, Heft 1), в которой историк-империалист вместе с автором книги с признательностью по личным воспоминаниям, как очевидец событий 6 января 1919 г., отмечает «геройское» поведение социал-демократов большинства, своими телами прикрывших правительство Эберта-Шейдемана, чтобы спасти буржуазный порядок (um die bürgerliche Ordnung zürettcn). Столь же иллюстративна сочувственная и почтительная рецензия Герцфельдта на мемуары кронпринца, язвительная рецензия Ротенфельса на книгу Асквита и пр.

Содержание статей весьма пестро, но в то же время отражает теперешнее состояние официальной исторической науки в Германии и настроение империалистической интеллигенции, стонущей и вздыхающей после крушения своих надежд и с отрадой обращающей свой взор вспять на «счастливые времена империи, в особенности же на увенчиваемую ореолом благоговейного преклонения и озаренную ярко-белой дымкой надежд и упований «фридерицианскую» эпоху, т.-е. эпоху Фридриха II.

Большое внимание уделяется вопросам и трудам по государственному праву: О. Hintze дает анализ учения о государстве Кельзена (O. Hintze. Kelsens Staatslehre. H. 3. B. 135. H. 1), отмечая симптоматичность его чисто юридической концепции для современной политической жизни и мысли немецкого народа; Фридрих Мейер дает очерк об отношении Канта к нации и государству (Friedrich Mayer. Ueber Kants stellung zu Nation und Staat. H. 3. B. 183 H. 2), богатый материалом для анализа политической идеологии германской буржуазии XVIII века.

Яркий национализм отличает статью по истории национального имени В. Мюллера (V. Müller. Deutsches Volk und Deutsches Land im späteren Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Nationalen Namens. H. Z. B. 132. H. 3.). Определенный империализм и национализм с прибавкой доброй доли «пруссачества» был вообще отличительной чертой историков Historische Zeitschrift последней четверти XX века, тем более после крушения империи.

Даже в тех немногих томах (132, 133, 134, 135. H. 1), которые вышли с конца 1925 по нынешний год, рядом с текущей работой по средневековью и реформации (излюбленными отделами немецкой историографии), видное место занимают статьи, посвященные рухнувшей империи, вскрывающие и идеологию, и методологию господствующих кругов германской историографии.

Г. фон Дельбрюк (H. V. Delbrück. Von Bismarks Legende. H. Z. B. 133, H. 1). «О бисмарковской легенде» на основании критического обзора литературы, касающейся вопроса об отставке Бисмарка, выясняет фактическую ее подкладку, отвергая личные мотивы, приписываемые панегиристами Бисмарка императору Вильгельму II. По мнению Дельбрюка, причиной отставки было расхождение молодого императора с замышляемым Бисмарком политическим переворотом, изменением всеобщего избирательного права. Статья проникнута благоговейным чувством монархиста - подданного и заканчивается характерным для империалистической историографии вопросом: что было бы, если бы Вильгельм II обнаружил в июле 1917 г. по отношению к своему „злому гению"—Людендорфу—ту же твердость, какую он в свое время высказал по отношению к Бисмарку? Ярый германский империалист не сомневается, что тогда бы «Германская империя и европейская культура (!!) были бы спасены (!!!)».

К тому же вопросу о решающей роли личности в истории приходит и Фейт Фалентин в своей статье «Исторические предпосылки перемирия 1918 года» (Veit Valentin. Die Vorgeschichte des Waffensstillstandes 1918. H. 3. B. 134. H. 1). На основании опубликованной во 2-м издании «Белой книги» и трехтомного материала следственной комиссии он устанавливает руководящую роль Людендорфа при заключении перемирия и решает вопрос, столь интересующий германских историков о виновнике поражения Германии; главный виновник — это Людендорф, настоявший на немедленном перемирии. Автор думает, что если бы в Германии был человек, похожий на Гамбетту, если бы революционные силы были преодолены сильным

патриотическим народным движением, если бы Антанте было оказано энергичное сопротивление в течение октября и осторожно, вкупе с союзниками, начаты в то же время переговоры о мире, то положение было бы спасено. Правда, автор в конце спохватывается упомянуть, что нужно еще дождаться опубликования данных о революционной пропаганде в армии. Заканчивается статья прославлением миролюбия и «высших целей» правительства Макса Баденского: мы-де хотели избежать большевистского хаоса, положить конец напрасному кровопролитию и пр., и пр.

В. Андреас в своей статье о Кидерлен-Вехтер (W. Andreas, Kiderlen-Wächter. Randglossen zu seinem Nachlass. H. Z. B. 132, H. 2) на основании его опубликованной корреспонденции дает критическую оценку личности и деятельности этого «швабского Бисмарка», представляя его неглубоким человеком, ловко приспособляющимся к обстоятельствам царедворцем и политиком, не умеющим подчинять чисто личные интересы государственным.

В рамки изучения политики деятелей империи несколько неожиданно для нас втиснута и статья известного специалиста по Лассалю Г. Майера (G. Mayer. Gräfin Hatzfeldt, Bismark und das Duell Lassale—Racowitza B. 134, H. 1), излагающего на основании переписи графини Гацфельдт с И. Ф. Беккером историю ее тщетных попыток отомстить Раковице за убийство на дуэли Лассаля привлечением к уголовному суду. Раковица сумел ускользнуть. Графиня Гацфельдт заручилась и дипломатической поддержкой Бисмарка, который в своем ответном письме ей говорит о «своем глубочайшем интересе к личности и деятельности («Leistungen») Лассаля».

Симптомом большого внимания к русской истории является большая статья специалиста по русской истории, издающего сейчас источники русской истории, В. К. Штелина «Россия и Европа» (V. K. Stählin. Russland und Europa B. 132, H. 2. S. 197—246). Статья—типичная эклектическая компиляция—представляет информационной интерес лишь для немецкого читателя, несмотря на свое широковещательное заглавие. Автор задается целью проследить западное влияние на русскую общественную жизнь и мысль чуть ли не с Владимира Святого до наших дней, обнаруживает знакомство с литературой, но находится под влиянием зарубежных русских мистиков — Бердяева, Франка, Карсавина и Арсеньева; цитирует и Соловьева, и Достоевского, и Гончарова и приходит к дикому выводу, что Россия еще скажет свое слово с помощью возрожденной церкви (!!). Любопытен для русского читателя краткий обзор дискуссии по поводу «Евразии», дающий некоторые данные для суждения об эволюции идеологии русской эмиграции. Конец статьи весьма скомкан и совсем неудовлетворителен, не говоря уже об идеологии автора. Впечатление такое, что статья писана по случайным литературным источникам.

Наиболее полно и интересно представлена средневековая история. Кене в деловой и документальной статье по истории раннего средневековья вносит коррективы в теории Зомбарта и Белова о развитии городов: автор мало прибавляет нового, но странным образом совершенно игнорирует труды Допша (Koehne Burgen, Burgmänner und Städte. Eine Beitrag zur Frage der Bedeutung der ländlichen Grundrenten für die mittelalterlichen Staaten entwicklung B. 133 H. 1). Фюсслейн (Fusslein. Das Ringen um die bürgerliche Freiheit im mittelalterlichen Würzburg des XIII Jahrhundert. B. 134 H. 2) дает ценный критический разбор клерикальной фальсификации истории города Вюрцбурга и попутно исторический очерк его борьбы со своим епископом, — борьбы, которая закончилась победой духовного сеньера. К статье приложены ценные первоисточники — случайно сохранившиеся документы. Документы освещают вопрос о городских правах и иммунитете, о соотношениях городского совета с королями XIII века, но сама сопроводительная статья много пострадала от тенденциозного невнимательного отношения к внутригородской классовой борьбе, упомянутой лишь вскользь (автор статьи явно ей не сочувствует и считает ее виной падения Вюрцбурга).

Э. Штенгель (E. Stengel. Die Entwicklung des Kaisersprivilegs für die Römische Kirche. B. 134, H. 2) дает по поводу недавно открытых отрывков пакта (договора) папы с императором детальный анализ и разбор пактов, предшествовавших договору Оттона I.

А. Брокман (A. Brockmann. Die Ostpolitik Otto's des Grossen. B. 134, H. 2), полемизируя с Гампе, описывает устремление политики Оттона I на Восток и противодействия этой политике со стороны римской курии.

А. Гейзенберг (A. Heisenberg. Das Problem der Renaissance in Bysanz. B. 133 H. 3), полемизируя с Нейманом, отрицавшим Ренессанс в Византии, анализирует историю Византии и находит в ней не только сохранение античной традиции, но и появление новых творческих элементов с XI века, развитию которых положен был конец взятием Константинополя крестоносцами (1204 г.). Автор исключительное внимание уделяет фактам культурной и политической истории, игнорируя экономическое развитие Византии в соответствующий период.

История так называемого «Нового времени» представлена этюдами Барона, Гепке и Иог. Пауля.

Первый (H. Baron. Christliches Naturrecht und Ewiges Recht. B. 133, H. 3), отвечая на резкую критику его книги Гансом Рюккертом, вместе с тем подробно излагает известную теорию Трёльча о христианском естественном праве и его эволюции у реформаторов и вносит свои коррективы к последней части теории Трёльча.

P. Гепке (R. Häpke. Die National wirtschaftliche Gedanken in Deutchland zur Reformationszeit. B. 134, H. 2) пытается охарактеризовать германское общественное мнение в эпоху реформации и его отношение к государственному законодательству. Отсутствие анализа классовых интересов и классовой борьбы того времени лишает статью основательности и какого-либо значения. Автор видит причину неудачи об'единения Германии в том, что-де государство пошло по пути универсальной политики, и дуализм, построенный на компромиссе между сословиями и королем, потерпел крах. Экономические противоположности этого расхождения для него остаются темными.

Иог. Пауль в своей статье о северной политике Габсбургов перед 30-летней войной (Joh. Paul. Die Nordische Politik der Habsburgen vor dem 30-jährigen Kriege. H. 3, B. 133), несмотря на недостатки метода, дает много фактов для уяснения причин упорной борьбы Габсбургов и Испании за преобладание на балтийском побережьи и роли в этой борьбе Нидерландов и Ганзы.

Но с особенной любовью разрабатывается «фридерицианская» эпоха, любезная уму и сердцу историков-империалистов. Ротенфельс в «Фридрихов день» 1926 года делает доклад о нем в Reichswehrministerium'e (H. Rothenfels. Friedrich der Grosse in der Krisen des Siebenjährigen Krieges. B. 134, H. 1). Это характерный «ура»-доклад для специфической аудитории, нехватает только треска барабанов и грома военного оркестра. Сплошной панегирик Фридриху II, который был «воплощением всех живых сил в своем государстве и своей эпохе; великим руководителем прусских государственных интересов, революционером (!!), — он разбудил политическую энергию и в Германии и в Австрии». Он альфа и омега и всего последующего. Он предварил политику и Меттерниха, и Бисмарка и идею «Срединной Европы». Автор курьезно старается решить вопрос о роли «святого случая» в истории и, наконец, находит к нему корректив — личную доблесть. Разумеется, представитель последней, идеальный герой — Фридрих II. Честь, долг и судьба — его путеводные звезды. Прусская нация всем обязана геройству Фридриха, который выдержал кризис семилетней войны, опираясь на „унаследовавшее доблесть военного сословия дворянство, послушное крестьянство и готовое на жертвы бюргерство".

Идеологии XVIII века посвящены статьи Меллера и Гизберта Бейергауса.

Первый анализирует задуманный, но невыполненный в юности труд Лейбница «о предсказаниях мудрецов» (Ernst von Moeller Ueber Leibnitzs Iugendschrift «De vaticinio Sapientum». H. 3. B. 135, H. 1) и вскрывая иногда очень удачно реальную подкладку мнимых политических предсказаний разных «пророков»-писателей на основании современной им политической кон'юнктуры (напр., мнимого предсказания Летихия об осаде и гибели Магдебурга), старается увязать это сочинение Лейбница с его детерминизмом, который предполагает возможным не только об'яснять исторические факты прошлого, но и предвидеть будущее. Интересны данные о политических предсказаниях самого Лейбница. Характерно для идеологии автора его особенное внимание к предсказанию Лейбница о гибели великого государства на Северном море, где мерещится чуть ли не намек на наполеоновские войны и на мировую войну, — яркое доказательство мистического уклона у германских буржуазных историков после версальского мира. Мистические течения 17 и 18 веков, разумеется, такой автор может лишь регистрировать, но не анализировать.

Более ценным является этюд Г. Бейерганса об аббате де Паув (или По во франц. произношении). (Gisbert Beyerhaus. Abbé de Pauw und Friedrich der Grosse. Eine Abrechnung mit Voltaire. H. 3. B. 134. H. 1).

Автор вскрывает перед нами любопытную фигуру французского просвещения, до сих пор совершенно или во всяком случае мало известную, аббата Корнелия де По, номинально принадлежавшего к католическому духовенству, занимавшего место каноника и аббата в Ксантене (1739 -1799). В свое время он был немалой знаменитостью, благодаря своей книге «Философские розыскания об американцах». (Recherches philosophiques sur les Américains, éd. 1768- ,1769). Рационалист, откровенный деист, идеалистический детерминист, критик теории климата у Монтескье, аббат де По резко критикует политику католической церкви и даже самую католическую религию, дает интересные параллели с другими религиями, уделяя особенное внимание сексуальным мотивам. Фридрих II тщетно старался заполучить этого блестящего остроумного публициста для своей академии.

Вторая книга де По «Философские розыскания об египтянах и китайцах» (Recherches philosophiques sur les Egyptiens et les Chinois) срывала ореол с идеализированного Китая и противопоставляла китайской цивилизации превосходящую ее европейскую, попутно давала уничтожающую критику литературы путешествий и ядовитую критику католического безбрачия. Книга имела громкий успех. Выступление Вольтера, косвенно задетого книгой, против взглядов де-По и попытка его

привлечь на свою сторону Фридриха II не имели успеха. Автор пытается осветить влияние идей де По в той местности, где он жил, но делает это весьма неудачно: он видит причину малого развития в области Нижнего Рейна идей просвещения в отсутствии салонов и духовно-руководящих женщин (!!).

В большом ходу статьи сводного культурно-исторического характера с применением старого всемирно-исторического метода с подчеркиванием современного момента. Так, К. Гампе дает статью об исторических взаимоотношениях Италии и Германии (K. Hampe. Italien und Deutschland im Wandel der Zeiten. H. 3. B. 134. H. 2). Автор начинает со времен Алариха и кончает тройственным союзом, дает ряд картинок, всюду подчеркивая благодетельное взаимодействие и заимствования в различных областях культурной жизни и политики. Интересна параллель между савойской династией и прусскими Гогенцоллернами. Выводы жалки и плачевны: к разрыву привели «Нибелунгова верность немцев, прикованная к стремившейся в пропасть колеснице Габсбургов, и священный эгоизм земляков Макиавелли». В конце глухое и тускленькое упоминание о попрании прав немецкого нац. меньшинства итальянским фашизмом. Статья Гесселя о Фриуле (A. Hessel. Friaul als Grenzland. B. 134, H. 1), тоже подсказанная текущим моментом, содержит сводку фактов истории Фриуля с римских времен и до XV века, с кратким упоминанием о XVIII веке для того лишь, чтобы притти к заключению, что история Фриуля определяется общеевропейскими отношениями.

Историко-географический метод тоже находит все больше и больше места в немецкой историографии.

С этой стороны особенно показательно и интересно появление такой статьи, как Иост. Трир: «Исследование патроциний и культурная география» (Jost Trier Patrozinienforschung und kulturgeographie H. 3. B. 134. H. 2). Статья написана на основании большого научного труда автора, вышедшего в 1924 г. (Jost Trier. Der Heilige Jodocus), является настоящим методологическим манифестом. Она горячо отстаивает преимущества культурно-географического метода при изучении вопросов культурной истории. Автор дает попутно краткую характеристику применения географического метода в языковедении, искусстве и других дисциплинах и иллюстрирует достижение культурно-географического метода на изучении распространения культа некоего святого Иодока в Зап. Европе. Масса учености и остроумия, линейное изображение распространения культа с главной централью и базисом, нет только картограмм и... социологического анализа, без коего статья оказывается лишенной внутреннего содержания.

Много статей посвящено переписке крупных историков, как, напр., Буркгардта. или писателей (Гете с герцогом Саксен-Веймарским); журнал тщательно блюдет память умерших историков: таковы: специальная книжка (дополнительная)—три биографических этюда о католических историках Möller'e. Diepenbrock'e и Döllinger'e — недавно скончавшегося церковного историка Фрица Вигенера, чисто повествовательная статья обработанная Г. Финке по материалам, оставшимся после смерти молодого историка Г. Роде, погибшего на Карпатах в 1915 г., и пр. Много места начинает уделяться и литературе (таков историко-критический этюд покойного Либермана о «Святой Иоанне» Бернарда Шоу, обзор течений в современной французской литературе и пр.).

Совершенно другое содержание издаваемого К. Грюнбергом «Архива по истории социализма и рабочего движения» (Archiv für die Geschichte des Sozialismus und Arbeiterbewegung 1926 XII Iahrgang), посвященного не только истории социализма и рабочего движения. но и социалистическим теориям и этюдам по теории марксизма.

Особенно ценны публикуемые материалы и документы: среди них отметим только что появившиеся материалы по Циммервальдскому движению, напечатанные и собранные участником движения т. Анжеликой Балабановой (Die Zimmerwalder Bewegung 1914—1919 S. 310—413) с комментариями и вставочными связующими местами исторического характера. Если для истории первой и второй конференции дано очень мало нового, то тем интереснее до сих пор мало известные материалы третьей конференции, Стокгольмской (1917, 5—12 сентября). Ожидаем детального разбора и отзывов участников и специалистов.

Иоганн Вертгейм дает историю организации австрийских революционных социалистов «Интернационала» (Iohannes Wertheim. Die Federation der revolutionären Sozialisten «Internationale» Eine Episode aus der oesterreichischen Arbeiterbewegung 1918—1919), манифесты, плакаты, протоколы собраний этой организации, очерк её работы среди солдат и безработных вплоть до слияния с австрийской компартией в мае 1919 г.

Э. Юльсман дает критическую статью, обильную документальными данными (публицистические статьи, стихи) о листке социалистического направления «Volksmann» (E. Uelsmann. «Der Volksmann»), издававшегося кружком социалистической радикальной интеллигенции 40-х годов, близкое по своей идеологии к К. Грюну, взгляды которого были подвергнуты, как известно, беспощадной критике Карлом Марксом.

А. Штерн по поводу статьи Цобеля (Czobel zur Geschichte des Kommunistischen Bundes der Kölner Bundesgemeinde vor der Revolution) дает широкие извлечения из бумаг Фр. Бейста (Fritz Beist), товарища Маркса и Энгельса по революционному движению в Кельне, характеризующие пфальцские бои, настроения берлинского пролетариата, организацию Кельнского комитета сопротивления в 1848. Статья интересна данными и о самом Бейсте, представителе революционного течения среди офицерства той эпохи, и о роли Коммунистического Манифеста в революционной пропаганде 1848 года.

Сугубый интерес представляют впервые публикуемые К. Грюнбергом, с его примечаниями, документы из университетской жизни Карла Маркса, составляющие естественное продолжение документов, опубликованных им в XI томе журнала [1]). Молодой пылкий Карл Маркс встает, как живой, из немногих скудных выражений документов. Напечатаны университетские свидетельства с отметками Боннского и Берлинского Университетов, переписки с деканом Иенского Университета проф. Бахманном, отзыв последнего о докторской диссертации К. Маркса, признающий за молодым ученым «Geist, Schartsinn Belesenheit» и дающий диссертации оценку «Vorzüglich würdig», наконец, самый диплом доктора Иенского Университета на латинском языке.

Из исторических этюдов отметим статьи «О рабочем движении в Финляндии» Н. И. аф-Урсина и И. Н. Вильке и статью о Сен-Симоне Стефана Бауэра.

Первая (Die Arbeiter bewegung in Finland Von N. K. af Ursin und Karl H. Wilke) делится на две части. Начальная часть написана аф Урсином и дает сжатую характеристику рабочего движения в Финляндии и истории с.-д. партии до 1914 года в связи с историей борьбы против обрусительной политики русского царизма. Вторая половина, написанная с.-демократом-пацифистом Вильке по исключительно с.-демократическим источникам (к статье приложена подробная, но односторонняя библиография), дает историю раб. движения с 1914 г. до подавления финской революции Маннергеймом. Автор умышленно замалчивает роль и работу финляндской компартии, считает, что пропаганда комм. идей внесла затруднения и реакцию, и кончает славословием мирной тактики финской социалдемократии.

Стефан Бауэр в своей статье о Сен-Симоне (Stephan Bauer. H. de Saint-Simon nach 100 Jahren) обнаруживает хорошее знакомство со всей новейшей литературой о Сен-Симоне, но ограничивается только изложением эволюции его миросозерцания в хронологическом аспекте. Новых оценок и социологического анализа нет, зато есть несколько новых деталей. Краткий очерк истории сен-симонизма и его разветвлений после смерти Сен-Симона составлен спешно, хотя здесь заметно некоторое стремление определить классовую подоплеку идеологии сен-симонизма. Автор справедливо отрицает влияние немецкого романтизма на Сен-Симона (Бертело), но вовсе неправ, видя в сен-симонизме «духовный интернационал, в котором совершилось слияние французских и немецких сознательных идей». Большой интерес представляло бы изучение идей нео-сен-симонизма, выразителем которых не так давно явился скоропостижно скончавшийся новый „Producteur", издававшийся во Франции Клуаром, Дарке и Гро (Clouard. Darquet et Gros), но автор отделывается простым упоминанием.

Интересна статья Б. Николаевского (B. Nikolaewsky. Die historische literatur in Russland während der Revolution), который, если не считать небольшого выпада со стороны автора против советской политики, дает содержательную и обстоятельную оценку громадной работы по истории рев. движения, которая ведется в СССР.

А. Васютинский

---

[1]) «Karl Marx, als Abiturient» nach den Akten des Trierer Gymnasiums.

РЕЦЕНЗИИ

Неправда об историках-марксистах.

Н. ЧУЖАК. «Правда о Пугачеве». Опыт литературно-исторического анализа. Изд. Всесоюзн. Об-ства политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1926.

Общество политкаторжан, хотя и с опозданием, откликнулось на пугачевский юбилей, выпустив бойко написанную и красиво изданную книжку—скорее брошюру, всего 80 страниц—Н. Чужака, заглавие которой выписано выше.

Цель и задачи книжки определить довольно трудно, так же, как и то, к какому именно роду литературы она относится. Это—не историческое произведение. Не говоря уже о том, что все мировоззрение автора анти-историческое—позже мы это покажем,—в книге нет никакой попытки ни сообщить новые факты, ни дать новую историческую концепцию пугачевщины. Вместо фактов—бесчисленное множество цитат из чужих книжек. Цитаты иногда и фактического характера (взятые из вторых рук отрывки из документов и т. п.), но не всегда поймешь, приведены ли эти факты, как факты, или же для «уличения» и «разоблачения» того или другого автора, то-есть имеют ли эти факты для автора исторический или же историко-литературный интерес.

Неясно даже, различает ли автор эти две задачи: историческую и историко-литературную. Анализируя различные типы Пугачева [1]), он смешивает в одну кучу и типы, даваемые писателями-художниками (Есенин, Тренев, Каменский, Пушкин), и характеристики Пугачева у авторов-историков (Фирсова, Дубровина, «историков-марксистов»). Между тем, казалось бы, нетрудно догадаться, что подход к сюжету у этих двух групп авторов совершенно различен, и что методы оценки их должны быть разные. От одних можно требовать, чтобы образ был художественно - целен и художественно-правдив, но вовсе необязательно, чтобы этот образ во всех подробностях совпадал с документами; для других же вовсе не обязательна художественность образа, но безусловно обязательна его полная фактическая точность. Очевидно, что и критиковать их нужно поразному. В тех отдельных случаях, когда оба типа авторов совпадают в одном лице—такой случай имеется по отношению к Пушкину,—было бы стоющей задачей сравнить автора-историка и автора-художника. Но Чужак предпочитает сравнивать Пушкина—автора основного текста—и Пушкина—автора примечаний—сочиняет при помощи разных отрывков Пушкина большого и Пушкина маленького, а действительно стоящей перед ним задачи он просто не замечает.

Благодаря такому хаотическому подходу к делу, никакой «Правды о Пугачеве» и никакой правды о чем бы то ни было—получиться не может. Сколько-нибудь четкого образа Пугачева у автора не выходит, а поскольку просвечивает что-то более или менее определенное, это есть просто отсвет чуждой т. Чужаку концепции, курьезным образом концепции именно тех самых историков-марксистов, дискредитированию которых в значительной части посвящена книжка. Я не знаю, что именно хотел написать т. Чужак. Знает ли это он и сам? Но за всеми этими фиоритурами о Пушкиных большом и маленьком, за всеми этими выписками из Дубровина и Фирсова, не спрячешь того основного факта, что получился у автора анти-марксистский пасквиль.

Основная мысль книжки вполне определенно сформулирована автором на стр. 66—67. Сводя всю выявившуюся сложность отношений между двумя непримиримыми лагерями XVIII века к простейшим числам,—говорит Чужак,—мы получим два противостоящих выражения сущности (просим читателя не нужаться»—это обычный стиль нашего автора) не только борющихся, но и взаимно исключающих друг друга философий века: авторитаризм или свобода. Авторитаризм, т.-е. самодержавие всех видов, от построения общества на авторитете единицы до диктатуры единицы в области мысли (!), —или свобода самому народу строить свою жизнь, пока еще в общей, слегка даже анархической трактовке (классовой теории со всеми ее толкованиями тогда еще не было),—вот два столкнувшихся тогда начала, претендовавших каждое на общее признание века».

Старик Монтескье имел обыкновение вставлять в свой текст так называемые «картоны»: отдельные фразы и слова не

---

[1]) Очень извиняемся перед тов. Чужаком, что употребляем по отношению к Пугачеву слово «тип», но можем его уверить, что в этом слове нет ровно ничего обидного, и что вовсе необязательно понимать его так, как понимают парижские проститутки. Для тех «ai un type!», действительно, есть ругательство, но напрасно Чужак думает, что такое словоупотребление единственное в мире.

связанные с его общей аргументацией и с точки зрения этой аргументации лишние, но благонамеренные и могущие обмануть доверчивого цензора насчет общего «духа» книжки. Читая такую тираду как вышеприведенная, невольно вспоминаешь Монтескье (NB: я вовсе не хочу этим сказать, что у т. Чужака есть «кантоны»; Маркс и Энгельс—упаси меня от этого! Просто навязчивое воспоминание, не более...). Об'ективное упоминание об «анархической трактовке», вздох о том, что «классовой теории» в XVIII в. «еще не было»—но, конечно, всякий мало-мальски догадливый читатель сразу поймет, что суть дела в «авторитаризме, т.-е. самодержавии всех видов... до *диктатуры единицы в области мысли*» (разр. моя. М. П.)—и в противоположении его «свободе», героем которой и является, само собою разумеется, Пугачев. Его манифесты—это «сплошная *апология свободы*» (стр. 67 внизу). Он сам—«*апостол прирожденной вольности*» (стр. 68; извиняемся за постоянную разрядку, но курсива в таком количестве, как у тов. Чужака, мы ни у кого еще не встречали, кроме Конст. Леонтьева: у того это было специфической особенностью литературной истерии). Историку «прирожденной вольности» и ее «апостолов» поперек дороги прежде всего другого должны были стать историки-марксисты с их «классовой теорией», согласно которой даже и тот или другой «апостол» мог оказаться представителем определенного классового типа». Их нужно было утопить в ложке воды или, на крайний случай, чернил. Но как за это приняться? Прямую атаку на марксизм в наши дни, пожалуй, не проведешь даже и в порядке «литературно-исторического анализа». И вот наш автор начинает с того, что низко раскланивается со своим будущим главным противником (совсем, как жантильомы XVII века перед дуэлью!): «*Только длительной работе историков-марксистов обязаны мы, если не полным, то значительным освобождением доподлинного облика мужицкого повстанчества и Пугачева от дворянских привнесений*» (конечно, опять курсив на все четыре строки).

А затем вынимаются из ножен шпаги и начинается уничтожение противника по всем правилам дуэльного... то бишь газетного, искусства: газетного, а не журнального, потому что для журнала «оружие критики» т. Чужака слишком легковесно. Но старая дуэль знала свои законы. Был «честный» удар и был «нечестный» удар. И нанесший противнику «нечестный» удар навеки терял в своей среде всякую репутацию, как бы грациозно он ни раскланивался перед поединком.

Уложить историков-марксистов «честным» ударом очень трудно. Их концепция пугачевщины стоит в основных чертах совершенно твердо, основана на большом фактическом материале, и, мы уже упоминали, от влияния этой четкой и всесторонне аргументированной концепции не ушел и наш автор. Его «апостол свободы» в целом, конечно, совершенно фантастическая фигура, но когда он пытается конкретизировать эту свою абстракцию, получается некоторая аляповатая утрировка именно марксистского образа: образа крупного народного вождя, стоявшего гораздо выше той массы, которую он за собою вел, но не выше своего времени и своего класса в целом, конечно. Самого главного, что именно натолкнуло его на роль «мужицкого царя», мы не знаем: идеология безграмотного человека—а Пугачев, несомненно, был безграмотен—запечатанная книга. Ни за один пугачевский документ мы не можем ручаться, что это *его* именно взгляды, *его* мысль. А может быть Чики? А может быть Почиталина? И это отсутствие не массовой, не классовой, а индивидуальной идеологии, самим вождем выработанной, в выработке которой он принимал бы, во всяком случае, заведомое *личное* участие,—мешает причислить Пугачева к *великим* вождям. Ибо великие вожди революции, как бы они ни назывались—Кромвель, Робеспьер, Ленин—всегда шли во главе и идеологического движения своего класса. О Пугачеве мы этого сказать не можем, потому что не знаем. А что он умел руководить массами, был талантливым организатором и агитатором—это знаем.

И это одно уже делает совершенно нелепым *культ Пугачева*, основанию которого (т.-е. культа, а не Пугачева, разумеется) посвящена разбираемая книжка. Марксисты, после того, как они пересмотрели свои взгляды на *личность* Пугачева при свете новых документов, ранее никому, кроме «специалистов», неизвестных (а «специалисты» умели держать язык за зубами), не изменили своей *основной* точки зрения на Пугачевщину, как *массовое* движение, и даже на классовое содержание этого движения. Что движение было *не казачье*, а *рабоче-крестьянское*, что это было движение не чисто стихийное, а в известной мере организованное, это было сказано еще в 1911 году, в первой марксистской характеристике Пугачевщины.

Но классовое движение определенной эпохи имеет перед собой определенные, данной эпохе свойственные, социальные

цели. Целью пугачевского движения было, коротко говоря, стряхнуть барщину, как барщину сельскохозяйственную, в помещичьем имении, так и барщину индустриальную, на заводе. «Вольность», о которой писал Пугачев в своих манифестах, имела определенное конкретное содержание, это была вольность от крепостного права. Самый термин «вечная вольность» есть прямая антитеза «вечной крепости». Крестьяне не только рождались крепостными, но и закрепощались царскими указами. Надо было дать им гарантию, что такого указа впредь никогда не будет.

Такова действительная идеология пугачевщины—идеология класса. Что в ней лично принадлежит Пугачеву, мы не знаем и никогда, можно опасаться, не узнаем. Апостола борьбы с «авторитаризмом» изо всего этого не сошьешь. Французские крестьяне, тотчас после того, как их окончательно освободила от господ великая революция, поставили над собой Наполеона: это ли не воплощение «авторитаризма»?

Повторяю, если марксистская концепция пугачевщины верна, Чужаку ничего не остается, как отправить свою книжку к надлежащему, прирожденному, так сказать, ее читателю, в Прагу или в Париж: смотря, что ему приятнее. Отвергнуть же марксистскую концепцию он не может: для этого недостаточно «глотать книжку за книжкой», а надо итти в архивы и рыться в документах, тех документах, на которых основана марксистская концепция.

Итак, прямым ударом ничего не поделаешь, нельзя ли зайти как-нибудь сбоку? В старом суде был такой прием—назывался он: «подсалить свидетеля». Когда свидетель приводит факты оглушительные, ясные, уничтожающие, нельзя ли заставить его сказать что-нибудь такое, что, хотя к делу отношения и не имеет, но рисует свидетеля в невыгодном свете, морально его компрометирует—тогда и эффект его показания будет очень ослаблен. Вот, например, среди этих историков-марксистов есть Покровский, а у него в прошлом есть грешок по части Пугачева—есть неудачная характеристика Пугачева. Написана она, правда, еще в 1911 г., и Покровский печатно от нее отрекся, после более внимательного изучения дела в 1920-х годах. Но ведь кто же все отречения помнит? Во всяком случае не предполагаемый Чужаком читатель его книжки,—предполагается человек, по части истории вполне невинный. 1911 год дата тоже неудачная: до революции это было, начнут на царскую цензуру ссылаться, да на то, что Октябрь переставил точки зрения в этом вопросе и т. п. Надо бы дату подновить. Наконец, характеристика, хоть и неверная, но ничего особливо одиозного в себе не заключающая: нельзя ли приписать Покровскому то, что говорили цитируемые им современники—московский ген.-губернатор князь Волконский, напр., и т. д.,—тогда выйдет смачнее и сальное пятно на репутации историков-марксистов гуще. А потом можно изложить и самую концепцию с ужимочками, с насмешечками: вот мол теперь раскаялись, одумались, да уж поздно, голубчики! Выходит, что марксисты-то вовсе не составляют той базы, на которой стоит сам автор, поскольку у него есть какая бы то ни было фактическая база и он не предается свободному замаскированию в воздухе,—а там, плетутся где-то в хвосте. Может быть, в хвосте именно за Н. Чужаком: ежели не весьма внимательный читатель вынесет и такое впечатление, тем лучше.

И вот стряпня начинается. Появляется целый раздел книжки, озаглавленный: «Пугачев Покровского 1920 года». Что такое я писал о Пугачеве в 1920 году? Писал в «Сжатом очерке»: первые две части, с Пугачевщиной, вышли в этом именно году. В имеющемся у меня под руками издании, 1924 года (где это место напечатано без перемен), характеристика Пугачевщины приходится на 162—168 страницы. Личной характеристики Пугачева там нет;—что характеристика 1911 года неудовлетворительна, я уже тогда понимал, но для новой характеристики у меня не было материала. Есть, правда, очень неудобная для Н. Чужака цитата из одного пугачевского манифеста, где говорится, что освобождаемые крестьяне имеют стать «верноподданными рабами собственно нашей короны»: т.-е. совершенно отсюда ясно, что Пугачевщина ставила своею целью уничтожение только крепостного права, но отнюдь не самодержавия. Дальше, в этом смысле манифест и комментируется (на стр. 165 по изд. 1924 г.). Приводить все это в своей главе «Пугачев Покровского 1920 года» Чужак, разумеется, тщательно стерегся.

Но в том же 1920 году, оказывается, вышла 3-м изданием и старая моя книжка «Русская история с древнейших времен», выпускавшаяся 1-м изданием в 1910—1912 годах. При новых изданиях было предисловие, подчеркивавшее, что книжка не только старая, но и порядочно устаревшая, но что перепечатывается она потому, что другого общего курса нет (и посейчас нет). Значит, имеет значение только, как общий курс, а за отдельные места автор не ручается. А в 1925 году, за полтора, примерно, года до появления книжки Н. Чужака, на стр. 220 «Вестника Коммунистической Академии», т. XII, мною формально аннулировано то

именно место этого общего курса, где я говорю о личности Пугачева. О личности Пугачева, а не о Пугачевщине. Характеристику Пугачевщины в «Русской истории с древнейших времен» я считаю в общем и целом и теперь приемлемой — хотя, опять-таки, не во всех частностях. Наука русской истории двигается вперед и я с нею.

Итак, я не имел никакой нужды в Н. Чужаке и его теориях, не подозревал даже о существовании как первого, так и последних, когда я сам, в результате моих собственных исторических изысканий, пришел к убеждению в неверности моей первоначальной характеристики Пугачева 1911, а не 1920 года, и заявил об этом сначала публично, на открытом заседании Общества Историков-Марксистов, а потом печатно, на страницах XII тома «Вестника Коммунистической Академии». Подсовывать это, отвергнутое самим автором, мнение в качестве чего-то актуального, о чем стоит говорить и сейчас не только в литературной биографии Покровского (этому, как будто, книжка Н. Чужака не посвящена?), но в общей дискуссии о личности Пугачева,—этот прием иначе, как подтасовкой и передержкой, назвать нельзя.

И совершенно естественно, что большая передержка тянет за собою маленькие: снявши голову, по волосам не плачут. Этих маленьких передержек без конца: перечислять их все—значило бы без меры злоупотреблять терпением читателя. Первую мы уже видели—1911 год замазан и наклеено «1920». Почему, однако, не 1926? Кажется, «Русская история с древнейших времен» и в этом году перепечатывалась. Далее, мне приписываются слова об уральских горнорабочих—«эти типы». Этих слов, взятых Н. Чужаком в ковычки (стр. 27, повторено на стр. 45), у меня нет и не может быть не только по отношению к горнорабочим, но по отношению к кому бы то ни было, ибо я слово «тип» в понимании парижской проститутки не употребляю. Слова «люди этого типа» у меня есть в характеристике самого Пугачева, и с этим ничего уничижительного для последнего, конечно, не связано. Далее, я цитирую отзыв о Пугачеве московского главнокомандующего Волконского, назвавшего Пугачева «бродягой», а потом, двумя строками дальше, повторяю это слово, разумеется, в ковычках («Рус. история с древнейших времен», изд. 4-е, стр. 170 III тома). Н. Чужак это слово Волконского приписывает мне, для чего, в противность предыдущему пассажу, освобождает это слово от ковычек и, по своему обычаю, подчеркивает («Правда о Пугачеве», стр. 28). Далее...

Но не довольно ли этого, чтобы притти к совершенно достаточно обоснованному «социологическому» выводу: менее добросовестной трактовки цитируемого и критикуемого автора, чем это сделано Н. Чужаком по отношению к Покровскому «1920-го» (читай: «1911-го») года, представить себе нельзя. Между тем, эта трактовка является увертюрой ко всей характеристике «историков-марксистов» на стр. 44 и следующих, где цитируется опять один Покровский, хотя о Пугачевщине писали и Меерсон, и Томсинский. Правда, они писали о Пугачевщине, а не о Пугачеве, о массе, а не о личностях,—а для нашего апостола чистой свободы массы не существует, есть только личность вождя. По крайней мере, никакой попытки подвергнуть анализу оценки движения у него нет, а в данном специальном пункте это было бы для Н. Чужака и крайне невыгодно, ибо никакого разрыва в трактовке массового движения у марксистов не было. Сосредоточив все внимание читателя исключительно на личности Пугачева, Чужак получает возможность осветить разрыв весьма эффектно. Следующая глава, посвященная марксистам, называется «Покаяния двери...» Картина дается, примерно, такая: марксисты повторяли «наобумные, со школьной скамейки усвоенные ими[1]) оценки Пугачева», пока Октябрьская революция (с которой Чужак обращается совсем за панибрата) не взяла и не потащила их за шиворот: на колени перед Пугачевым!

Я никогда не отрицал, что обе революции, и 1905 и 1917 года, имели огромное влияние на развитие моего миросозерцания,—но это выражалось в изменении точек зрения. Что же касается фактических характеристик, то таковые я пересматриваю лишь тогда, когда в поле моего зрения попадают новые факты, со старыми характеристиками не согласные. Оттого в 1920 году, через три года после Октябрьской революции, когда новых фактов в моем распоряжении еще не было, я не дал новой характеристики Пугачева, ограничившись тем, что не повторил старую. К 1925 году эти факты накопились—я дал новую, иную характеристику: но как в старой характеристике не было никакого «наобумного» повторения старых учебников истории,—ни в каком старом учебнике не говорилось, что Пугачев не играл лично никакой роли в движении, был лишь случайным его подолом, а суть и ошибка моей старой характеристики именно в этом,—так в новой нет никакого «падам до ног» перед Пугачевым. В юбилейной статье «Правды» есть несколько «юбилейных» фраз, к которым может, пожалуй, привязаться иной литературный наездник. Но ведь от

[1]) В подлиннике «им», ибо Н. Чужак, повторяю, цитирует только меня.

наездника не обережешься, тем более, что, как мы видели, если нет подходящей ему фразы у автора, он и свою не затруднится сочинить и поставить в кавычки. В общем же и целом это статья чисто-фактическая, характеризующая не Пугачева, а Пугачевщину, развертывая и углубляя те моменты, которые были намечены уже в характеристике 1911 года. Больше внимания самой личности Пугачева я уделяю места в своем докладе в Обществе Историков-Марксистов (которого Н. Чужак почему-то не цитирует), но и там я определенно намечаю в качестве руководителя движением не одно лицо, а определенный слой, и в выявлении этого слоя я вижу, между прочим, одну из главных своих заслуг. У нас слишком мало занимались вопросом о роли дворовых крепостной России,—а заинтересованные современники не даром в дворовых видели главную «опасность».

Кончаю. Мы, марксисты, никаких культов не создаем, и к созданию охочими людьми культа Пугачева никакого отношения иметь не можем. Просим избавить нас от фамильярных похлопываний по плечу со стороны служителей этого культа. Обращаем эту просьбу, конечно, не к Н. Чужаку—приемы и физиономия вообще этого «автора», кажется, достаточно ясны — а к Обществу политкаторжан и ссыльно-поселенцев. До сих пор мы имели все основания считать это общество, идеологически, хотя и не вполне нашим, но вполне нам дружественным. Неужели нам придется пересматривать и эту «фактическую характеристику», как пришлось сделать со старой характеристикой Пугачева?

М. Покровский

Проблема «третьего сословия» в крепостной России.

Е. С. КОЦ. «Крепостная интеллигенция». Лнгр. Книгоиздательство «Сеятель». 1926. Стр. 232. Тираж 4.000. Цена 2 р.

В экономической и социальной истории России XIX века огромное количество неисследованных проблем. Некоторые из них в литературе почти еще не замечены, не выявлены и не формулированы. Между тем без их изучения нельзя многого понять в дореволюционной России. И уже давно настало время их формулировать и изучить. К числу таких неизученных проблем относится проблема «третьего сословия» в крепостной России. Про эту задачу можно одинаково сказать, что она и не поставлена и забыта: тут противоречия нет. Она не осознана, не поставлена в монографиях, в специальных статьях и общих обзорах XIX века, которые, естественно, стали возникать, главным образом, в конце XIX и начале XX века. Но она была осознана самой крепостной Россией, была предметом забот и правительства, и дворянства, и купечества обсуждалась в текущих вопросах, мелькала на журнальных страницах первой половины XIX века, но так и осталась старинной злобой дня ушедшей эпохи, не притянув к себе исследовательского внимания позднейшего времени. Ее забыли.

Теоретически вопрос о необходимости создать отсутствующее в России «третье сословие» остро стоял уже во времена Екатерины II. Сейчас мы привыкли переводить этими словами французский термин „tiers état“ и понимать под ним буржуазию. Но во второй половине XVIII и первой XIX века термин «среднего сословия», «третьего сословия», «среднего рода людей» включал в себя не только буржуазию в собственном смысле слова, а и интеллигенцию. Вопрос о создании интеллигента, лица, обслуживающего перерождающийся хозяйственный и бюрократический аппарат страны, целиком входил в проблему «среднего сословия» в тогдашнем его понимании.

По представлению Екатерины II, именно это «среднее сословие» должно быть двигателем хозяйственного благополучия страны и народного просвещения. Парижская приятельница Екатерины, м-ме Жоффрен настаивала, чтобы в России это среднее сословие было создано как можно быстрее, и Екатерина наивно отвечала ей: «Еще раз, мадам, обещаю вам среднее сословие, но все-таки устроить его будет весьма трудно». Первая половина XIX в. характеризуется, как известно, нарастанием промышленно-капиталистических отношений в оболочке крепостного хозяйства. Под их влиянием и помещичье хозяйство, и крепостная фабрика ищут новых форм, стремятся приспособиться к новым условиям, к требованиям промышленного капитализма. Проблема создания своей отечественной интеллигенции, в противовес дорого стоящей и малочисленной иностранной, исключительно обостряется. Юрист, агроном, инженер, врач, управляющий фабрикой, опытный бухгалтер, счетовод, ветеринар и т. д. требуются везде в больших количествах преобразующимся хозяйством. Естественные социальные процессы, формировавшие новые классы и между ними мелкую буржуазию и интеллигенцию, шли своим чередом, но рамки крепостнического строя чрезвычайно их тормозили. Под искусственно-фиксированными сословиями крепостной поры, которым часто уже не соответствовал экономический смысл юридически прикрепленных к ним групп, происходили социальные сдвиги, формировались новые классовые группы. Формировалась и интеллигенция. В эту новую разраставшуюся группу собирались по-

степенно подлинно-разночинные элементы: люди «свободного состояния», безземельные и «бескрестьянные» дворяне. Этой же потребности создания интеллигентского слоя отвечал и сам помещик, отдавая своего дворового в обучение наукам или искусствам и пользуясь им потом, как агрономом, юристом, управляющим, врачом. Но вполне понятно, что в рамках крепостного строя формирование интеллигентской группы задерживалось. И кто бы ни думал о хозяйственных или общегосударственных улучшениях,—помещик, правительство или первые революционеры того времени—декабристы,—все одинаково вынуждены были рассуждать о «третьем сословии». Декабрист Якубович, вероятно, повторяя слова многих декабристов, считал, что «средним состоянием», столь нужным России, могли бы быть мелкопоместные дворяне: «...мелкопоместные могли бы быть средним состоянием, и из среды их-то должны произойти артисты всех родов и ученые и быть красой и славой отечества, но не имея средств к образованию, остаются в совершенном невежестве, наводняя собой армию и судейские палаты». «В иностранных землях,— резонно рассуждало Московское общество сельского хозяйства,—хлебопашество, торговля и искусства обязаны своим усовершенствованием разряду людей, именуемых людьми среднего состояния (le tiers état). Они соединяют просвещение с навыком к труду хозяйственному и сими двумя значительными средствами вознесли все части промышленности до того совершенства, которое нас пленяет и которое желали бы видеть в нашем отечестве. В России людей сего разряда нет. Просвещение есть принадлежность одного дворянства; а сие последнее сословие, движимое честью и приверженностью к своему государю, действует под победоносными его знаменами или занимается судопроизводством; для улучшения же сельского хозяйства потребны некоторые познания, соединенные с постоянным трудолюбием». Это рассуждение взято из об'яснительной записки проекта школы для подготовки опытных бурмистров и приказчиков. Если декабрист Якубович думал создать «среднее состояние» из мелкопоместных дворян, то Московское общество сельского хозяйства решило создать его из крепостных крестьян: в упомянутой школе должны были обучаться крепостные. Это мероприятие—одно из массы способов, которые стремилось применить правительство и дворянство для возмещения столь небходимой интеллигентской группы. Устраивались школы для обучения крепостных крестьянок ремеслу повивальных бабок, крепостные крестьянки и дворовые бывали смотрительницами больниц, заведующими сельскими училищами. Кадр искусственно создаваемой крепостной интеллигенции был настолько значителен, что при проведении в жизнь крестьянской реформы правительство было вынуждено издавать особые циркуляры о его будущем, напр., распоряжения «Об ученых управителях и ученых управительских помощниках из бывших крепостных людей» (1862), об отмене телесного наказания для крестьянок и дворовых, заведывавших больницами и училищами и т. д. Огромнейший документальный материал этого характера, в сущности, не изучен и ждет исследователя.

Поэтому всякий новый труд в этой области особо желателен, и к критике его необходимо подходить с точки зрения всей проблемы создания «третьего сословия» в крепостной России в целом. Чувствуется, что, изучив эту проблему до конца, мы натолкнемся на новую, еще не учтенную наукой причину крепостной реформы, сыгравшую свою роль среди других причин. Вновь появившаяся книга Е. С. Коц «Крепостная интеллигенция» должна быть обсуждена с точки зрения общей проблемы, частью которой является вся тема, избранная автором.

Определение, даваемое автором крепостной интеллигенции, несколько узко и противоречит содержанию книги. «По установившейся в литературе терминологии под названием «Крепостной интеллигенции» об'единяются все те элементы из крепостной среды, которые в силу ли собственных дарований, или волею своего барина посвящали себя занятиям нынешних «свободных профессий» (стр. 7). Но дальше, кроме артистов, врачей, юристов и т. д., включаются в это понятие педагоги, агрономы, управляющие имениями, не подходящие под определение «свободных профессий». Задача книги определена автором достаточно широко: «Нарисовать те экономические, бытовые и психологические условия, в которых нарождалась и существовала крепостная интеллигенция, указать ее роль и значение в отдельных отраслях науки и искусства и дать ряд образов крепостных интеллигентов, начиная от выдающихся одиночек и кончая теми безвестными крепостными, которые бездарно размалевывали стены дворянских домов и изображали на подмостках барских театров классических и мифологических персонажей,—такова задача настоящей книги» (стр. 8). Соответственно этому книга начинается с «общего очерка», в котором, очевидно, выполняется первая часть задачи—обрисовка экономических, бытовых и психологических условий, в которых нарождалась и существовала крепостная интеллигенция. Мы имеем право ожидать здесь формулировки

проблемы создания «третьего сословия» и выявления тех общих хозяйственных и классовых предпосылок, которые ее породили. Но ничего этого в книге нет. По мнению автора, бегло сформулированному и необоснованному, «помещичье имение XVIII и даже начала XIX века было замкнутой, самодовлеющей хозяйственной единицей, существовавшей в значительной степени продуктами собственного производства». Из этого натурального строя и возникла потребность помещика иметь собственных обученных мастеров—портных, сапожников и т. д. Далее, потребности помещика «с развитием материальной культуры» росли, и рос вместе с тем кадр крепостной интеллигенции.

Во-первых, помещичье имение начала XIX в. уже не натурально-хозяйственная единица, а во-вторых, в дальнейшем автор сам опровергает себя, давая много примеров товарности вновь созданного интеллигентского труда, потребности эпохи разлагающегося крепостного хозяйства в специально создаваемом интеллигентском слое, потребности, порожденной вновь развивающимися хозяйственными отношениями. «Село Ивановское,—цитирует автор (стр. 23),—столица владений князя (М. Н. Барятинского), было благодарным центром для всей Курской губернии. Каждый, кому нужно было заказать хороший экипаж, прочную мебель, кто отделывал дом, нуждался в хорошем мастере, обращался туда». Помещики отпускали своих живописцев на оброк: как оброчный крестьянин часто пополнял собою кадры недостававших тому времени «вольнонаемных рабочих», так и оброчный живописец или музыкант пополнял собою ряды вольнонаемной интеллигенции. Но проблемы во всем этом автор не видит. Думается, что вообще к социальным проблемам автор недостаточно чуток: на стр. 21 он эпически-спокойно повествует: тщеславие и мода заставляли помещика содержать огромное количество дворовой челяди, наконец, правительство обратило на это внимание и перед самой реформой запретило перевод крестьян в дворовые—и все. Но неужели автор не знает, что тут огромная социальная проблема? Ведь это запрещение было сделано потому, что помещики желали сохранить за собой максимум земли при освобождении крестьян и заранее пытались их искусственно обезземелить переводом в дворовые. Но это как будто не существует для Е. С. Коц. Самая суть проблемы, к которой относится тема ее работы, ею не уловлена.

Дальнейшие главы расположены по отраслям: крепостная живопись, архитектура и прикладные искусства, крепостные художники и архитекторы, крепостная музыка, крепостные музыканты и композиторы, крепостной театр и балет, крепостные актеры, крепостные врачи, администраторы, педагоги, судебные ходатаи, ученые, технические специалисты, поэты, писатели, наконец, протестанты из крепостной среды и крепостные революционеры. После главы, посвященной общей характеристике той или иной отрасли крепостного труда, автор дает главу, состоящую из отдельных портретов крепостных этой специальности, разделенную, как в энциклопедическом словаре, рубриками отдельных имен. Общей характеристики проблемы крепостной интеллигенции мы тут не встретим. Собрано много материала, обрисованы многие деятели из крепостной среды, но при ознакомлении с этими биографиями встают два вопроса: во-первых, некоторые биографии чрезвычайно кратки (например, М. П. Погодину посвящено всего 13½ строк—стр. 188—189, ср. стр. 176, 195). Некоторые биографии, пользующиеся широкой известностью, напр., артиста Щепкина, П. И. Жемчуговой (Параши), даны так кратко, что теряют свой интерес и художественный колорит. Во-вторых, Е. С. Коц, широко пользуясь мемуарной литературой, к сожалению, не всегда критически относилась к источнику. Так, на стр. 125—126 без малейшей оговорки передан совершенно фантастический рассказ о неизвестном крепостном музыканте. Большинство биографий вылилось в маленькие бытовые рассказики с анекдотом и мелодрамой на первом месте. Наибольшее место и первое по счету отведено представителям искусства и незаслуженно маленькое, последнее—администраторам, техническим специалистам. Сказалась тут и большая известность первых и большая трудность в розыске материалов о вторых. Общие мероприятия правительства и дворянства, направленные к созданию квалифицированного интеллигента, не упомянуты автором вовсе. Хорошо, что дан в конце список источников (186 библиограф. единиц): он несколько облегчит работу будущего исследователя, но жаль, что указания библиографически неправильны (отсутствуют даже такие даты, как год и место издания) и не аннотированы.

Судя работу Е. С. Коц в рамках поставленной ей себе самой задачи, приходится признать, что она не выполнила первой ее части, не вскрыла условий образования крепостной интеллигенции и не всегда удачно разрешила вторую часть—обрисовку отдельных портретов. Достоинство работы—большое количество привлеченного материала. Но критикуя задачу, поставленную себе автором, критикуя самую постановку вопроса, надо сказать, что социальная проблема темы не уловле-

ся и богатый фактический материал, бывший в распоряжении автора, еще ждет своего исследователя - социолога.

М. Нечкина

Проф. И. М. КУЛИШЕР. История русского народного хозяйства. Т. I—II. М. 1925. Коон. изд. «Мир».

Автор начинает свою книгу вопросом: «Наступило ли уже время для того, чтобы писать экономическую историю России?» Конечно, своевременность написания истории русского народного хозяйства не требует об'яснений, в особенности, если своевременность понимать, как настоятельную необходимость иметь такую историю. Кроме старого незаконченного курса проф. Довнар-Запольского, да нескольких брошюр (не считая, впрочем, большого числа исследований и монографий по отдельным вопросам), мы ничего не имеем. Но, как справедливо указывает автор, трудность все же заключается не в отсутствии исторических материалов, памятников, печатных источников, а в недостаточной разработке их, благодаря чему многие даже основные вопросы нашего хозяйственного развития являются все еще спорными.

При таком положении задача общей истории русского народного хозяйства значительно осложняется. Вопрос заключается в том, может ли уже в настоящее время экономист-историк поставить себе задачу—написать общую и законченную картину русской экономической истории, выяснить ее закономерность и особенности сравнительно с экономической историей Запада? Или по состоянию недостаточного и противоречивого материала мы должны ограничиться в этом лишь изучением и накоплением фактов, установлением лишь внешней истории?

Автор не дает прямого ответа на этот вопрос, но весь характер его нового труда свидетельствует, что он остается, как и в прежних своих трудах, на почве преимущественно внешней, фактической истории нашего хозяйства.

Проф. И. М. Кулишера можно отнести к очень редким в наших экономических направлениях представителям «исторической» школы, при том даже более старого ее крыла, чем нового. Его в преобладающей степени исторические работы полны тем исчерпывающим богатством литературы и исторических источников, которое составляет столь характерное достоинство школы немецких историков-экономистов.

Поэтому, при бедности нашей историко-экономической литературы, неизученности и спорности многих проблем как отдаленной, так и сравнительно недавней нашей народохозяйственной истории, представлялась бы в высшей степени ценной даже простая сводка имеющейся, все же весьма обширной, монографической литературы по отдельным вопросам, и весьма богато опубликованных исторических памятников и источников. В этом отношении двухтомная работа проф. И. М. Кулишера дает весьма много. Указания источников и литературы по каждому отделу рассматриваемого исторического периода носят характер исчерпывающей полноты и точности, благодаря чему могут быть чрезвычайно полезны для всех лиц, занимающихся экономической историей России, в особенности, напр., в углубленной семинарской проработке. Самое изложение всех основных моментов и спорных в литературе вопросов, а также отдельных сторон, явлений и институтов нашего древнего хозяйственного строя ведется с исчерпывающей полнотой. В некоторой части это изложение представляет перепечатку из прежних работ и монографий автора по истории русской промышленности и торговли, но с переработкой и значительными добавлениями.

Однако это стремление к исчерпывающей фактической полноте и самый характер подхода автора к поставленной исторической задаче отразился и невыгодно на работе, если ее рассматривать как сводную, синтетическую и обобщающую, которая должна бы дать не только исчерпывающие факты, но и общую конструкцию нашей хозяйственной истории, связать прошлое с актуальными проблемами настоящего.

Прежде всего автор в двух томах доводит свое изложение только до XVIII в. включительно, при чем X—XV в.в. занимают 211 стр., а одна Московская Русь (XVI—XVII в.в.) 436 стр. Ясно, что такой об'ем выходит из рамок легко усвояемого, хотя бы и основного, руководства для вузов (для которых, повидимому, он, главным образом, написан). Если же этот масштаб продолжить до новейшего времени, для истории XVIII в. и даже только половины XIX в., автору потребовалось бы несколько томов, а одна вторая половина XIX в. и начало XX в.—еще более. В результате можно опасаться, что «история русского народного хозяйства» останется, как и курсы других авторов, незаконченной и не доведенной до того периода, когда историей в сущности и были поставлены основные проблемы нашего хозяйственного развития и для которого история XV—XVII в.в. все же есть только «предистория». Было бы очень жаль, если бы автор ограничился только XVII в. или даже XVIII в., считая, что XIX в., его 1890-е годы, а тем более XX в. еще не относятся к области «исторического» изучения.

Другим, не менее важным, результатом общего подхода автора к поставленной

задачей является общее конструирование экономической истории Руси X—XVII ст. Основные вехи, которые ставит автор, чисто внешние: «древнейший период», «удельный период», «Московская Русь». При этом ни характеристики хозяйственной системы первого периода,—как бы примитивна она ни была,—ни сколько-нибудь полной характеристики хозяйственной системы второго периода почти не дается, и только экономической системе Московской Руси, как системе раннего капитализма и первоначального накопления посвящена особая обобщающая глава. В связи с этим в изложении автора исчезает чрезвычайно важная проблема об исторических эпохах и этапах нашего экономического, а вместе с тем и общественного развития, в особенности, в сравнении с Западной Европой. Разделение нашей хозяйственной истории на «древнюю» и «удельную», «Московскую» и т. п. не только взято из старой нашей внешней политической истории, но неверно по существу даже для нее, а тем более для истории экономического развития. Поэтому автор, подробнейшим образом излагая фактическую экономическую историю, разрешая вопросы «ездили ли греки в Русь», «откуда получался скот», подробно излагая отдельные статьи договоров X в., исчерпывающе перечисляя все виды свободного или рабского населения, гораздо в меньшей степени останавливает внимание на изложении всей экономической системы в целом и общих проблем хозяйственного развития в целом. Напр., основной, как нам кажется, чертой для характеристики хозяйственной системы второго периода, нашего раннего и позднего средневековья, является система феодально-вотчинного и городского хозяйства. Эта система протекала у нас в значительно особых формах, сравнительно с западно-европейскими. Автор действительно рассматривает проблему феодализма в нашем общественном и хозяйственном строе, но ее характерные черты не кладутся в основу характеристики всей эпохи, а феодализм рассматривается лишь в главе о рабочей силе в сельском хозяйстве, т.-е. как совершенно частная проблема. Проблему городского хозяйства, как своеобразную недоразвившуюся систему нашего позднего средневековья, автор почти совсем не рассматривает.

Вообще в изложении наиболее обширно и полно представлена история Московской Руси, в особенности вопросы сельского хозяйства, землевладения, крестьянства, поземельной общины, далее вопросы торговли и рынка. В очень многих местах автор основывает изложение на новом использовании им основных исторических источников, осторожно, впрочем, предпочитая в спорных вопросах ограничиваться подробным изложением литературных разногласий. Менее полно изложение хозяйственной жизни «удельного периода» и, особенно, «древнейшего периода», где автор использовал не столько новые источники, сколько готовую уже литературу.

Во всяком случае, однако, богатый, тщательно подобранный материал, исчерпывающим образом обработанный представляет большую ценность для изучения нашей хозяйственной истории, пока только древнего периода. Можно пожелать, чтобы автор столь же богатый материал собрал и опубликовал и по позднейшему периоду, хотя бы по истории крепостного хозяйства, не говоря уж об истории нашей капиталистической эпохи.

П. Лященко

Ненаучный опыт библиографии Октябрьской революции.

С. Л. ДАНИШЕВСКИЙ. Опыт библиографии Октябрьской революции. ГИЗ. 1926. Стр. 27. Цена 2 р. 50 к.

О необходимости такого опыта говорить не приходится, и попытку т. Данишевского следовало бы приветствовать, если бы... не из рук вон скверное выполнение ее.

В предисловии составитель пишет: «Наш опыт имеет своей целью, во-первых, наиболее подробно учесть имеющуюся литературу об Октябре, ограничив учет регистраций литературы о подготовке к Октябрю и самом Октябре (не выходя из хронологических рамок Октябрьской революции) как исторического, так и публицистического характера и, во-вторых, помочь ориентироваться в ней». Однако, такого рода замечание пользующемуся библиографией не дает еще никакого определенного представления о том, что понимает автор под «хронологическими рамками Октябрьской революции». Ведь период октябрьской революции, в известном смысле, мы переживаем и сейчас, и иной характер работы и борьбы в 1926 г. по сравнению с 1917 г. может рассматриваться нами только, как иной этап октябрьской революции, по сравнению с 1917 г. С другой стороны, даже намечая границы (хронологические, понятно) Октябрьской революции, легче всего, по-видимому, остановиться на периоде окончания гражданской войны. Но автор, повидимому, имеет в виду нечто более скромное,—а именно Октябрьский переворот и ближайшие после него месяцы. Также неясно, какой точно период автор подразумевает под периодом подготовки Октября. Ведь и февральскую революцию можно рассматривать только как часть октябрьской, и уже во всяком слу-

чае, как прелюдию к ней. Между тем автор начинает, повидимому (всюду вынуждены писать в условной форме о намерениях автора, т. к. последний сам об этом ничего более, помимо вышеприведенного места, не пишет), с апрельского кризиса (20—21 апреля). По крайней мере о февральском перевороте и первых двух месяцах революции у автора почти никакой литературы не приводится. Пишем почти, т. к. несколько названий у него встречаются (напр. заметка Н. Авдеева «О происхождении приказа № 2», сборник «Февральская революция в мемуарах» и т. д.). Но все это носит совершенно случайный характер—нет наиболее известной литературы, не отмечается 1-ая часть «1917 года» Шляпникова, нет брошюрки Г. Лелевича «Февраль в белогвардейском освещении», нет интересной статьи Рафеса в «Былом» о февральских днях, нет статей Залежского и Раскольникова о первых заседаниях легального Пека, нет, наконец, книжки редактора «Опыта»—Пионтковского о февральской революции и т. д.

Не беда в том, что автор выбросил самый февральский переворот (хотя это, по нашему мнению, и неправильно). Хуже всего то, что так-таки и не знаешь, с какого же собственно периода начинается подготовка Октября и можно ли упрекать автора библиографического «Опыта» за то, что он не поместил целого ряда книг, статей и т. д. В систематическом указателе есть, например, рубрика «Апрельские дни», но нет периода коалиции, нет I Всероссийского с'езда Советов, нет наступления 18 июня, и не только рубрик нет таких, но и при самом поверхностном знакомстве с книжкой замечаешь буквально десятки названий, не помещенных автором. Первый недостаток, таким образом, заключается в том, что не знаешь, с какого периода начинает автор подготовку к Октябрю. Но другой недостаток такого же сорта, но уж с другого конца, заключается в том, что не знаешь, где кончаются его хронологические рамки. Брестский период автором безусловно включается. Но попадаются книжки и о мятеже левых эс-эров, есть статьи целиком относящиеся к более позднему периоду гражданской войны. Таковы, например, Барбенев «Падение советской власти в Архангельске», статья А. Метелева о том же, статья Богатова «Красноленые в Сочинском округе», Кармашева «Последние дни Советской власти в Зап. Сибири», статья и книга Болдырева о колчаковщине и интервенции, статья Рязанова «Оборона Самары от чехов». Есть и некоторые другие статьи и книжки, наличие которых в «Опыте» отнюдь не об'ясняет хронологических рамок работы; таковы, например, Зиновьев, «Студенчество и пролетарская революция», брошюра, выпущенная в 1921 г. и его же «Учительство и диктатура пролетариата», доклад, произнесенный в 1925 году, брошюрка Рютина «Семеновцы и пролетарская революция», брошюрка Шлихтера «Наша соседка Финляндия», некоторые сборники со статьями о новой экономической политике и т. д.

Далее бросается в глаза и другой, более существенный, недостаток—это чрезвычайно примитивная систематизация материала. Сначало вообще идет общий алфавитный указатель (15—110 стр.). Этот указатель является основным, так как предметному указателю уделяется лишь одна треть книги, всего 65 стр. (III—176 стр.). Следовательно, приблизительно не меньше трети литературы, осталось вообще неклассифицированной. В предметном указателе одна только тема «Октябрь» занимает двадцать страниц (145—165 стр.), т. е. более одной пятой всей приведенной литературы. Самый «предмет» этот—«Октябрь»—остается не более ясным, чем хронологические рамки всей работы. Здесь читатель найдет и рецензию на сборник статей т. Сталина 1917 года, и брошюру о социальном законодательстве Советской России, и заметку об Октябре и перспективах социального обеспечения, и брошюрку В. Фриче «Корифеи мировой литературы и Советская Россия», и уэльсовскую «Россия во мгле», и брошюрку А. Тимирязева «Наука в Советской России за пять лет» и стенографический отчет IV с'езда Советов, здесь и «Очерки» М. Н. Покровского (который почему-то именуется М. П. Покровским), в которых изложение событий доведено, как известно, до Октябрьской революции, и сборник Пионтковского «Гражданская война» (1918—1921 г.г.), который посвящен уже событиям послеоктябрьским и т. д. и т. п. Словом, диапазон, так сказать, этого «предмета» в предметном указателе неизмеримо широкий, и польза посему от такой рубрики весьма минимальная. По сути дела, это по-просту повторение значительной части литературы на двадцати страницах, при полном отсутствии систематизации этой литературы.

Но и другие подразделения весьма малоопределенны и весьма немногочисленны. Буржуазия, крестьянство казачество, меньшевики, эс-эры, анархисты, партия, Ленин, троцкизм, женское движение, движение молодежи, профсоюзы—к каждому из этих слов прибавлено «и Октябрьская революция»—и перед нами почти все подразделения. Еще красная гвардия, армия, флот и ставка, апрельские дни, июльские дни, канун Октября, керенщина, корниловщина, учредительное собрание., Брестский мир, международный пролетариат и Октябрьская революция и «Октябрь за рубежом»,—вот и

вся классификация Октябрьской революции. Последние две рубрики совершенно свободно можно было бы об'единить: в «Октябре за рубежом» всего семь названий, из них такие, как «Тесняки. Отзвуки Октября в Болгарии» или Радек «Как мы узнали за границей об Октябрьском перевороте». Почему они занесены в «Октябрь за рубежом», а не в «Международный пролетариат», понять трудно. Но еще труднее понять, как это не нашлось таких подразделений, как «рабочее движение в 1917 г.», или «экономика и экономическая политика керенщины», почему нет таких разделов, как движущие силы революции 1917 г., внешняя политика, культурная политика, почему не выделено государственное совещание, демократическое совещание, предпарламент, борьба с контрреволюцией в первые дни после захвата власти (Керенский—Краснов, юнкерские восстания), почему нет раздела об организации государственного аппарата, почему, наконец, не выделена отдельно популярная литература и общая литература (почти во всех рубриках, естественно, повторяются такие книги, как Ленин XIV том, Зиновьев VII том, Троцкий III том и т. д. Ведь проще выделить их в одну рубрику, а не повторять в двадцати).

Как видит читатель, автор не сумел ни точно определить периода, о котором ему предстоит собрать литературу, ни прилично систематизировать собранную литературу. Но ко всему еще автор совершенно не умеет собирать литературы и не знаешь, как с ней нужно обращаться. «В нашу работу—писал автор в своем предисловии—вошли книги, журнальные и газетные статьи, изданные на территории СССР, и целый ряд книг (преимущественно мемуарного характера), изданных за границей белогвардейской эмиграцией и представляющих для историка Октябрьской революции определенный интерес». Таким образом, как сообщает составитель, он не ограничился пределами СССР. Собирание и использование им эмигрантской литературы носит, ну, несколько странный, что ли, характер. Взять, например, известную книгу Милюкова «История второй русской революции». Автор ее помещает библиография в своем «Опыте», но ограничивается только первым, наиболее от Октября удаленным. выпуском; о существовании второго и третьего выпусков он как бы не подозревает. Помещается Деникин «Очерки русской смуты», но нет Плеханова «Год на родине» (кстати, вообще нет ни одной книжки, ни одной статьи самого Плеханова). Помещен Кваша «Очерки русской революции», но нет статей Керенского из «Современных записок», ни «Февраля и Октября», ни «Гатчины», нет и его сборника «Издалека». Нет в сборнике ни одной статьи из «Архива русской революции», нет ни одной статьи из «Социалистического Вестника» и «Революционной России», из «На чужой стороне»,— а ведь комплекты всех этих журналов в Москве достать нетрудно. Использование эмигрантской литературы носит столь же случайный характер (например, на ряду с отсутствующим Милюковым имеется Соколов «Правление ген. Деникина»), столь многочисленно (вряд ли общее число приведенной литературы переходит второй десяток), что даже неприятно читать об «использовании» составителем эмигрантской литературы. Но и с советской литературой у автора дело обстоит немногим лучше. Раньше всего дело у него обстоит неблагополучно со стороны полноты—целого ряда названий у него не встретишь—и, что досаднее всего, таких, которые попадаются в других, более общих библиографических обзорах (напр, у Добраницкого «Систематический указатель литературы по истории русской революции», в библиографическом указателе Дрея о статьях в исторических журналах за 1923 год, помещенном в Вестнике Коммунистической Акдемии № 8 и др.). Так, напр., нет протоколов шестого с'езда партии, нет Заславского и Канторовича «Хроники февральской революции», нет кадетских брошюр Изгоева «Социалисты во второй русской революции» и Милюкова «В плену у Циммервальда», нет ряда меньшевистско-эс-эровских брошюр, напр., Дана «О войне и мире»—доклады на меньшевистской конференции и советском с'езде, Либера «Задачи рабочего класса в русской революции», Бунакова «О войне»—доклад на Всероссийском крестьянском с'езде, П. Маслова «Итоги войны и революции», материалов IV с'езда партии эсэров и т. д., нет важной брошюры «Первая рабочая конференция фабрично-заводских комитетов», нет Отчета ВЦСПС за 1917 год, брошюры Томского «Очерки по профессиональному движению», нет Рафеса «Очерки по истории Бунда», нет Рожкова XII тома, в котором большая глава посвящена революции 1917 года, нет и ряда брошюр «большевистского издательства «Прибой», как, например, Крыленко «Отчего бежала русская армия», И. Безработного (Д. З. Мануильского) «Правда об июльских днях», нет брошюры Юренева «Борьба за единство партии». Нет многих, многих других...

Недостаточно полно (и далеко не все необходимые) просмотрены журналы. Не упомянуто, например, «Просвещение» № 1—2, сентябрь-октябрь 1917 года, со статьями Н. Ленина, Г. Зиновьева Фр. Меринга, В. Милютина, Г. Ломова, Р. Арского, Н. Глебова, К. Залевского и В. Невского. Совершенно не просмотрен журнал межрайонцев «Вперед», не использованы сборники воспоминаний о

Ленине, издание института Ленина; там имеются очень ценные материалы именно по вопросу об октябрьском перевороте (ст.ст. Шотмана, Орджаникидзе, Лациса и др.). Комплект «Спартака» составителем просмотрен, но ряд статей в указатель не включен, напр., статьи Радека «Стокгольмская конференция» (№ 4) и «Циммервальд на распутьи» (№№ 5 и 6), статья Осинского «Вторая ступень» (№ 4), статья Н. Александрова «Третья циммервальдская конференция» (№ 10). Не помещены также и статьи Н. И. Бухарина (возможно, составитель, полагал, что они вошли в сборник «На подступах к Октябрю»), «Война и революционный социализм» (№ 1), «Государственный капитализм и социалистическая революция» (№ 2), «К пересмотру партийной программы» (№ 4) и «Крушение капитализма» (№ 10). Пропущены статьи Я. Яковлева «Борьба за восьмичасовой рабочий день» из «Красной Нови», статьи Любимова и Муравейского из «Пролетарской Революции», библиографическое описание «Правды» М. Флеера в «Красной Летописи» № 9, статья А. Алавердовой «Очерки аграрной политики Временного Правительства» (февраль—октябрь 1917) из «Социалистического Хозяйства» № 2, 1925 г. Не просмотрена «Летопись» за 1917 год,—а там на ряду с весьма любопытной статьей Каутского о перспективах русской революции, есть статьи Р. Арского, М. Смит и т. д. Не просмотрен «Еженедельник Правды», откуда следовало взять хотя бы опубликованное М. Н. Покровским письмо Керенского Ллойд-Джорджу. Не приводятся автором и библиографические работы и некрологи о видных деятелях Октябрьской революции. Нет сборника о Свердлове, ни брошюр о нем же. Воровском, Володарском, Урицком, Ногине, Артеме, Инесе Арманд и т. д.

Очень скверно обстоит у составителя с освещением литературы по экономике и экономической политике того периода. Кое-что автор помещает в своем «Опыте», но только то, что попадается ему под руку. Есть статьи Гензеля и Соболева, но нет известнейшей книги Гриневицкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», нет статей Милютина, нет записки Степанова из «Красного Архива» и т. д. и т. п.

Мы должны отметить и следующий, абсолютно недопустимый в серьезной библиографической работе прием,—составитель приводит ряд сборников, но статей сборника не только не классифицирует, но и не дает их и в алфавитном указателе. Не описываются не только неслучайные, хотя и мелкие, провинциальные сборники, но и основные, важнейшие. Не описан такой сборник, как «За 5 лет ЦК РКП», как сборник «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», как эс-эровский сборник «Большевизм у власти» с любопытнейшими статьями В. Чернова о Советах, Н. Святицкого об Учредительном Собрании и т. д. Таких совершенно не описанных сборников в «Опыте» сколько угодно.

Мы привели столько примеров буквально вопиющей небрежности автора, что, казалось, дальше итти некуда в этом смысле. Но на одном моменте мы еще должны остановиться. Это на недопустимо неприличном отношении к т. Ленину. Трудно вообразить себе более легкое отношение к вождю Октябрьской революции в библиографии, специально посвященной последней. И в самом деле—предисловие составителя помечено 25 июня 1926 г. Таким образом, автор мог пользоваться всеми пятью ленинскими сборниками, мог пользоваться и выпущенной Институтом Ленина «Ленинианой». Помимо того автор пользовался и газетной, как он сообщает, литературой, и нужно было думать, что хотя бы и статей Ленина он не упустит. Между тем, составитель не только не воспользовался вышеприведенной литературой, но и, из каких-то неведомых соображений, изъял т. Ленина даже из тех исторических журналов, которые он просматривал.

Не будем голословны. Составитель, просматривал «Пролетарскую Революцию», между тем в его книге не приведены помещенные там «Письма издалека» (письма эти, помимо «Ленинского Сборника», были также частью опубликованы в «Коммунистическом Интернационале», «Правде» и «Большевике»). Не помещены из той же «Пролетарской Революции» статья о явке на суд, статья об «Ошибках нашей партии», написанная за месяц до Октябрьского переворота, не помещен доклад на заседании ЦК 10 октября, не помещен разговор Ленина и В. Полянского с Кронштадтом в Октябрьские дни. Не отмечено «Письмо к районным комитетам» из «Красной Летописи», нет классической статьи «Три кризиса», опубликованной в «Правде» от 23 апреля 1924 года, нет «Письма к Смилге и к т. т. большевикам Северного Областного С'езда Советов», нет наброска о Советах, помещенного в «Былом», нет нескольких статей Октябрьского периода, первоначально помещенных в приложении к III тому Троцкого. Нет ценнейшего V, VI и VII разделов IV Ленинского сборника, занимающих 100 страниц и целиком относящихся к 1917 году. Так же легко отнесся составитель и к разнесению статей Ленина по соответствующим предметным рубрикам. Укажем один только пример: в подразделении «Учредительное

Собрание» приведен только XI том Ленина, не указана замечательная статья «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата» из XVI т. Любопытно при этом, что составитель названную статью помечает отдельно (как напечатанную в «Коммунистическом Интернационале», не относит ее к рубрике «Ленин и Октябрьская революция»).

Мы полагаем, что сказанного нами более, чем достаточно, чтобы вынести приговор этой неудачной книжке. Стоит ли останавливаться на технических, но тем не менее, существенных недостатках: на отсутствии нумерации книг, отсутствии именного указателя, на полную невозможность отыскать необходимую статью, если не знаешь точно, как она называется, где она была помещена, кто ее автор и в какую рубрику ее отнес составитель. Стоит ли останавливаться на том, что все использование газетного материала свелось к тому, что автор пересмотрел шесть номеров «Правды» и пять «Известий» от 6—7 ноября за различные годы. Нужно ли разве отмечать и ряд других дефектов для того, чтобы подтверждать ту чрезмерно мягкую характеристику «Опыта», которую мы дали в заголовке. К великому сожалению первый опыт библиографии Октября оказался скверным, небрежно и неумело составленным каталогом двух-трех библиотек. Каталогом, правда, напечатанным, изданным и довольно дорогим.

М. Югов

В. П. СЕМЕННИКОВ. Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. ГИЗ. 1926. Стр. 274. Цена 2 р. 50 к.

Автор поставил себе задачу выяснить, «как относились к назревшему повороту (сепаратному миру. *И. М.*) Романовы и поддерживавшие их социальные группы» (стр. 4). Выполнение работы, однако, оказалось шире замысла: на деле мы имеем интересное исследование о самодержавии накануне его падения. Собрав большой материал, рассыпанный по ряду мемуаров и записок, устроив очную ставку между рядом противоречивых данных, подобрав, наконец, архивные свидетельства, критически выверенные, автор дал такую картину распада, гниения и вместе с тем ловкого маневрирования самодержавия во всей сложной предвоенной социально-политической обстановке, что даже осведомленный читатель, вообще говоря, имевший недурное представление об этом, с удовольствием прочитает книгу. Притом интерес книги не в разоблачении шайки царского двора,—в этом отношении любая страница истории русских царей полна распутинщины, иногда ярче николаевской,—а в попытке об'яснить, почему эта, мало чем отличающаяся от других, распутинщина вызвала такой дружный протест даже так называемого «общества», до сих пор, правда, ворчавшего, иногда и очень сердито, но все же шедшего вместе с самодержавием.

Перед читателем проходит целая картинная галлерея продувных дельцов, всяких Манусов, Рубинштейнов и т. п., группировавшихся вокруг Распутина, а через него около самодержавия; привилегированные промышленники, близкие ко двору, благодаря своему монопольному положению на рынке и тесной связи с госуд. аппаратом, как будто он сдан им на откуп; наконец, ряд бюрократических чиновников аппарата самодержавия, оставлявших временно свои департаменты только для солидных мест в правлениях и советах промышленных обществ и снова покидавших их для министерских портфелей.

Вся эта небольшая часть «верхних десяти тысяч», тесно связанных круговой порукой совместных преступлений, взаимных «услуг», участием в грандиозных спекуляциях, помогает самодержавию цепко сохранять свое господство вопреки интересам уже не только эксплоатируемых классов, но и широких масс буржуазии. Как характерна для господства этой небольшой группы история с железнодорожным займом, об'явленным в 35⁰ млн. руб. и покрытым все теми же Манусами в пятикратном размере в течение пары дней. В то время, как начальник штаба Алексеев день изо дня сообщает о катастрофическом состоянии снабжения фронта снарядами, для которых нехватало металла, министерством сообщения в угоду кучки дельцов буквально в 4—5 недель разрабатывается колоссальный план постройки 30.000 верст ж.-д. пути, в связи с чем ежегодная потребность в металле должна была бы возрасти с расходуемых в тот период 70 до огромной цифры в 170 млн. пудов.

На этом фоне разворачивается вся внутренняя и внешняя политика самодержавия, подчиненная одной цели: устоять перед напором все расширяющегося фронта народных масс.

К сожалению, об'яснение, которое дает автор, анализируя собранные им данные, не всегда четкое, не всегда определенное, а зачастую и немарксистское, а значит ненаучное. Чего стоит, напр., об'яснение борьбы Распутина против призыва ратников 2-го разряда, грозившего, по мнению Распутина, «чуть ли не гибелью России». Оказывается, «призыву подлежал сын Распутина, и вот, именно вследствие этого, в конце концов, общий призыв ратников был отменен» (!) (Стр. 76). Неужели человек, составлявший и свергавший министерства, пристраивавший к

царскому пирогу сотни проходимцев, не мог устроить еще одного бездельника?

Или, рассказывая о борьбе Распутина против главкома Николая Николаевича, борьбе, сторонами в которой были не два лица, а два класса, о чем говорит и сам исследователь, автор предполагает, что «Распутин мог руководствоваться желанием отомстить «верховному» за то, что тот, кто первый когда-то приставил его ко двору и вывел в «божьи люди», потом не только усомнился в его «святости», но даже стал его ярым врагом» (!) (стр. 92). И т. д.

Будем, однако, считать, что эти и ряд подобных недостатков только отрыжки того престарого метода исторического исследования, который носит название argumentum ad hominem, а в вольном переводе — об'яснение от человеческих слабостей. Само собой разумеется, они не свидетельствуют о научном подходе автора, но современный читатель пройдет мимо них.

Что уже несравненно хуже—неправильный метод привел и к неправильным выводам. Автор допускает ошибку в исходном пункте анализа, а потом повторяет ее на протяжении всего исследования. «Вся борьба за смену главнокомандующих,—пишет автор,—основывалась ...на различии интересов двух разных групп русской буржуазии. На смену одной, империалистской группы, к государственному аппарату стала постепенно подходить «пацифистская» группа»...

Самый термин «пацифистская группа» мало говорит о классовом содержании, но, судя по дальнейшему изложению, автор имеет в виду помещиков. Дело, однако, не в этом.

Если бы империалистская буржуазия твердо сидела в седле в начале войны, то вряд ли ее удалось вышибить из него, а, значит, вряд ли историкам приходилось работать над вопросом, почему буржуазия выступила в феврале 1917 года против самодержавия, ибо сам февраль принял бы другой вид. Весь смысл борьбы в том и состоял, что империалистской буржуазии приходилось брать власть, а не сдавать ее. Россия вступила в войну в период, когда, по определению Ленина, в ней «капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм, т.-е. царизм, как поясняет дальше Ленин (т. XIII. 214). Но развитие капитализма, а с ним и укрепление буржуазии, не прекратилось и в период военных действий. Через военнопромышленные комитеты, союз земств и городов и т. п. буржуазия, организовавшаяся экономически, получала возможность организоваться и политически. А что это значит, русская буржуазия дала понять на с'езде воен.-пром. комитетов устами Жуковского: «Русская общественность (читай буржуазия. *И. М.*) показала, что ее силы настолько выросли, что в момент грозного испытания она оказалась на месте не только словами, не только общими выражениями, но и продуктивной работой. Это дает основание вообще рассчитывать, что в мирное время она будет призвана к участию в строительстве русской государственности». И дальше, словно чувствуя, что много выболтал, Жуковский поспешил заверить, что «в борьбе с нашим врагом теперь не время совершать переворот, нужно подвигаться к власти путем эволюционным, а не путем революционных переворотов». Это пахнет уже настоящим вызовом, и самодержавию оставалось только поднять брошенную перчатку. Во внутренней политике начинается решительный поворот к разрыву блока: запрещаются с'езды В. П. Комитетов (III с'езд, как известно, собрался уже после революции), тормозится работа Земгор'а, смещается ряд министров, подозрительных по связям с прогрессивным блоком и т. п. С другой стороны, самодержавие прекрасно понимало, что дальнейшее продолжение войны только усилит буржуазию, без помощи которой трудно справиться с все растущими потребностями войны. Развязать руки для борьбы с «подвигающейся к власти» буржуазией можно было только прекращением войны и заключением сепаратного мира. Интересно здесь подчеркнуть, что классовое чутье сделало самодержавие довольно дальновидным: оставшись перед дилеммой — заключить мир и иметь против себя фрондирующую буржуазию, или продолжать войну и столкнуться с революционным пролетариатом и крестьянством,—самодержавие выбрало первое и, преодолевая сопротивление буржуазии, ловко лавируя, начало неуклонно подвигаться к сепаратному миру. Но всегда так бывает: когда двое дерутся—выигрывает третий; пока авансцена была занята между самодержавием и буржуазией, выступили рабочие и крестьяне.

Несмотря, однако, и на неудачные об'яснения и на не всегда научный анализ, книга т. Семенникова окажет услугу массой ценного материала, без которого не сможет обойтись ни один занимающийся историей второй русской революции.

И. Минц

ДНЕВНИК В. Н. ЛАМЗДОРФА (1886—1890). Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. Центрархив. ГИЗ. 1926. Стр. 395.

Дипломатическая мемуарная литература обогатилась еще одним крайне интересным источником. Его автором является видный дипломат императорской России с 1900 по 1906 г. стоявший во главе русского министерства иностранных дел, гр. В. Н. Ламздорф. Несомненно, что Ламздорф не представлял собой сколько-нибудь крупной фигуры на дипломатическом поприще. Это был корректный и образованный дипломат старой школы, без особой личной инициативы и чрезвычайно осторожный в своих дипломатических выступлениях. Его дневник, однако, представляет большой интерес для исследователя как по форме, так и по содержанию. С формальной стороны это не тщательно отработанный оправдательный документ, каким являются известные «Мысли и воспоминания» Бисмарка или недавно появившиеся мемуарные аналогии Кайо, Черчилля, Грэя, Пуанкарэ. Наоборот, этот нелюдим заносил в свой дневник соображения такого характера, относительно которых нужно было иметь твердую уверенность, что они не попадут в печать, по крайней мере, при существующем режиме. Такая сентенция, как «бедная Россия! На троне, вместо коронованных голов, лишь коронованные дураки», служит достаточным доказательством совсем недипломатического характера воспоминаний этого царского дипломата. Действительно, некоторые резолюции Александра III служат прекрасной иллюстрацией этой далеко не верноподданнической характеристики. Донесение русского посланника в Токио о введении конституции в Японии было украшено выразительной высочайшей заметкой—«Несчастные, наивные дураки», крушение монархии Дон-Педро в Бразилии удостоилось следующего комментария—«Прекрасно.—Вот оно либеральничанье», а сообщение русского поверенного в делах в Буэнос-Айресе о политическом разложении в Аргентине было увенчано таким рассуждением—«Молодцы республиканцы. Свободные граждане. Действительно, полная свобода, и результаты блестящие». Откровенность воспоминаний Ламздорфа делает их первоклассным материалом по целому ряду вопросов международной политики. В них можно найти богатый запас новых сведений о закулисном влиянии Каткова и Победоносцева на судьбы русской дипломатии, по вопросу о болгарских делах в 80-х годах XIX в., о скандальной авантюре русских «африканцеров» Ашинова и иеромонаха Паисия, а, главное, по тому вопросу, который в современной немецкой историографии занимает совершенно исключительное место (ср. последние работы Гаммана, Т. Момсена, Шюсслера)—по вопросу о падении Бисмарка и невозобновлений со стороны Германии знаменитого договора о «перестраховке». Сведения, передаваемые Ламздорфом, дают ряд любопытных подробностей на обе темы. Донесения Шувалова, относящиеся к обстоятельствам, при которых произошла отставка Бисмарка, ясно указывают, что, цепляясь за уходившую у него из рук власть, Бисмарк всячески пытался использовать возможное дипломатическое давление со стороны русского правительства. Постоянные уверения в своем руссофильстве, настойчивые указания на «соглашение трех монархий, образующее плотину против надвигающихся социализма и революции, со всех сторон угрожающих Европе», на незаинтересованность Германии на Ближнем Востоке—«Мы признаем ваши права в Болгарии, и даже если бы вы дошли до Константинополя, нас это также не касалось»,—все было пущено в ход, чтобы вызвать дружескую интервенцию со стороны правительства Александра III. Это прекрасно понял и сам Шувалов, не решившийся, однако, определенно высказаться в пользу дружеского представления относительно Бисмарка. Усомнился в пользе такой интервенции и Александр III. Усилия Бисмарка оказались тщетными. Еще более интересны указания Ламздорфа о крахе русско-германского договора 1887 г. Позиция русского правительства выразилась в желании «возобновить без изменений самый договор и упразднить дополнительный протокол к нему, не соответствующий более настоящему положению вещей». Таким образом, уничтожалось знаменитое «двойное дно» договора, при чем сам Ламздорф прямо негодует на Шувалова, стремящегося «сохранить нелепый протокол, которым он снабдил наш тайный договор 1887 г.». Очевидно, русское министерство иностранных дел поняло то, что оно могло бы сообразить и при заключении договора,—что платоническая декларация Германии о «ключе» русского дома ничего кроме дипломатической компрометации не давала. Но германское правительство не пошло и на это скромное пожелание. Германский посол ген. Швейнау от имени нового канцлера Каприви передал русскому правительству отказ в возобновлении договора. Мотивировка германской дипломатии была довольно сложной: тут были ссылки и на достаточную миролюбивость русско-германских отношений, благодаря которой и самый договор становился излишним, и на настроение общественного мнения, и на взаимоотношения с Англией и Францией. Редактор издания Ф. А. Ротштейн и полагает, что налажение отношений с Англией

и было истинным двигательным мотивом в этом решении Германии, в подтверждение чего он ссылается на беседы Солсбери с гр. Готдрельром, но кажется, что высказанные тем же Шуваловым подозрения, что договор 1887 г. плохо согласовался с текстом австро-германского союза, и этим делал очень сомнительным для Германии свое возобновление, более соответствует истине. Пришедшая чересчур поздно к колониальной дележке Германия должна была завязнуть в полуколониях и, в первую голову, в Турции, а для крепкой связи с последней Австрия, какова бы ни была ее проблематическая судьба, была необходима. Относительно же Англии Германия вступала на скользкий путь «Politik der zwei Eisen», предначертанный Гольштейном.

Некоторые сомнения возбуждают коекакие подробности настоящего издания. Сомнительна польза от такого комментария: «Пушкин, Александр Сергеевич—известный поэт» (стр. 389). Неужели только «известный»? Точно ли уверен и составитель примечаний и редактор в существовании «германского генерала Бума» (стр. 372)? Уж так ли трудно разобрать то слово, которое следовало за восклицанием Флокэ «Vive la Pologne» (стр. 101)? Как будто это возможно сделать и не имея перед собой ламздорфского подлинника.

П. Преображенский

ЦЕНТРАРХИВ. Последние дни Колчаковщины. Сборник документов. стр. 231. ГИЗ. 1926. Тираж 300. Цена 2 р. 50 к.

История контрреволюции в России, в частности история сибирской контрреволюции, еще не написана. Понадобится целый ряд архивных изысканий и иных работ для того, чтобы подготовить фундамент, на котором историк мог бы построить свое исследование. Следует, впрочем, сказать, что с материалами, относящимися к колчаковщине, дело обстоит далеко неплохо. В последнее время опубликованы чрезвычайно интересные документы, характеризующие партизанское движение в Сибири, издан допрос Колчака, ряд воспоминаний и т. п.

Настоящий сборник Центрархива представляет собою ценный вклад в литературу о колчаковщине. Документы, взятые при аресте «верховного правителя», материалы колчаковской контрразведки, политцентра и других организаций с исключительной яркостью отражают процесс распада колчаковщины и момент ее окончательной катастрофы.

Отступление белых означало начало конца адмиральской эпопеи. Об этом красноречиво говорят публикуемые документы. Донесение колчаковской контрразведки отмечает вначале «безучастное» отношение солдат-сибиряков к борьбе с большевиками. «Осведомители» вскоре сумели расшифровать действительный смысл этого безучастия. «О большевиках, говорится в одном из докладов, у них (т.-е. солдат. *П. Р.*) сложилось представление, что «красные» такие же землеробы, как и они» (стр. 50). Все чаще встречаются упоминания о «нездоровом обаянии большевизма». Рост партизанского движения показывает, что крестьянство в своей массе выступает против «верховного правителя», во всяком случае, отрицательно относится к войне. Контрразведка не скрывает того обстоятельства, что «исключение составляет **самая незначительная часть, по преимуществу из зажиточных крестьян**» (стр. 66[1]). На кулаков (б. ч. из «старожилов») и предлагала ориентироваться поддерживавшая «правителя» буржуазия. Но кулаки ни в коей мере не представляли крестьянства. Иметь же против себя крестьян, а стало быть, оказаться лицом к лицу с распадом крестьянской армии, означало для колчаковского правительства лишиться всех надежд, кроме, пожалуй, надежды на личное спасение.

Развал армии пытались приостановить, стараясь изменить настроение сочувствующих большевизму солдат или, как велеречиво выражалась контрразведка, «направить таких заблудших овец на путь истины». Но попытка эта была заранее осуждена на неудачу. Да и методы агитации среди «заблудших», практиковавшиеся «осведами»—колчаковскими политотделами, были по меньшей мере сомнительной ценности. Так, например, новониколаевская контрразведка организовала для населения и войска ряд спектаклей, но в репертуаре осведомительного отделения оказались только такие пьесы, как «Каширская старина», «Профессор Сторицын», «Старый закал» Сумбатова, «Оболтусы и ветрогоны» и ...духовные концерты.

Та социальная группа, на которую только и можно было с уверенностью опереться — буржуазия,— обнаруживала низкий уровень «национального самосознания». «Довольно оживленные прения вызвал вопрос о размере процентного обложения, которое было прежде и дало только 2½ миллиона, недостаточных сейчас для армии», сообщала контр-разведка о заседании иркутских торгово-промышленников. «После долгих споров решено было ввести 5% обложение с получаемых доходов от торговли. Общий вывод: торгово-промышленники недостаточно точно

[1]) Курсив мой. *П. Р.*

еще разбираются, какой грозный момент переживает сейчас армия» (стр. 69).

Очевидно, надежда на буржуазию была плоха: сибирские Минины не выражали желания «заложить жен и детей».

Воодушевить солдат не удавалось даже литургией Чайковского. Что армия разлагается—это хорошо знал и Колчак, сообщавший заместителю председателя совета министров о добровольной сдаче некоторых полков партизан и о бунте новониколаевского гарнизона (стр. 86).

Неблагополучно обстоит дело и с поддержкой союзников. Иностранные представительства стали поспешно эвакуироваться, при чем документы отметили «крайнее разочарование» и «грустное» настроение французской миссии. Чехи пытались снять с себя ответственность за политику Колчака и настаивали на «немедленном возвращении домой». Сибирская контр-революция агонизировала. Руководители ее были охвачены паникой. Чешский меморандум так подействовал на Колчака, что последний решил послать союзникам протест, в котором обвинял чехов в... большевизме. (Лишь по настоянию председателя совета министров Пепеляева посылка протеста была отменена, см. стр. 114, 140—143). Пепеляев настаивал на созыве Земского Собора. «Верховный правитель» выдвинул проект о своем отречении в пользу Деникина. Совет министров защищал идею земского совещания. Положение продолжало ухудшаться с каждым днем. Сам Пепеляев констатировал «полное отсутствие плана военного и политического». Обстановка такова, писал он, фронта почти нет, все, что осталось, — непрерывно отходит» (стр. 147).

Последняя глава сборника заключает документы, относящиеся к моменту окончательной ликвидации колчаковщины. Среди них следует особо отметить материалы о деятельности т. н. «Политцентра» — меньшевистско-эсеровской организации, которая пыталась утвердиться на развалинах колчаковщины, прикрываясь идеей сибирского государства—буфера, борющегося против «реакции». Поддержанные Японией, меньшевики и эсеры в действительности,—об этом совершенно определенно говорят документы и приложенные к сборнику воспоминания т. Ширямова—подготовляли почву для новой учредиловской контрреволюции, не только в сибирском, но и во всероссийском масштабе,—для той учредиловщины, которая в свое время вырастила Колчака.

Но «демократии» не повезло. На ее стороне остались лишь поблекшие лозунги, выцветшие знамена. Пролетариат и крестьянство Сибири шли за коммунистами, а на восток продолжали наступать советские войска. Замечательной по своей яркости иллюстрацией учредиловского «декаданса» являются переговоры по телеграфу между делегатом Политцентра Колосовым и представителями 5-ой советской армии. Колосов пытался убедить советское командование отказаться от дальнейшего наступления, утверждая, что с реакцией на востоке справится будущее «Сибирское Народное Собрание», созыв которого прокламировался Политцентром. «Не преувеличивайте слишком свои силы,—уговаривал Колосов.—Дальше на Восток вы ...будете встречать еще сильного противника, втягиваясь все более и более в борьбу международную»...

«Переговоры и попытки сближения для совместной борьбы с капиталом всех социалистических группировок до сих пор кончались или неудачей или простой недобросовестностью, предательским поведением центра и правых социалистических партий»,—отвечает представитель 5-й армии.—«Сил мы своих не преувеличиваем и знаем, что нам предстоит еще трудная борьба с Антантой и Японией, но, имея в виду современное международное положение и учитывая революционность западно-европейских представителей труда, об'единенных в Коммунистическом Интернационале, мы надеемся выйти победителями в мировой борьбе, как и в «восточной». Спасибо за мораль... Я убедился на опыте ведения войны в Сибири, что крестьянство Сибири за нас. Пролетариат же России и Европы вообще достаточно пострадал от этих желто-красных и других оттенков блокирования»...

После этой отповеди Колосову не оставалось сделать ничего иного, как передать телеграфной ленте свои сетования по поводу того, что политическая физиономия коммунистов не изменилась (стр. 181, 182). Сборник заканчивается документами, главным образом характеризующими деятельность Иркутского Ревкома, пришедшего к власти после ликвидации Политцентра.

Разобраться в публикуемом материале помогают содержательное предисловие т. М. Константинова и статья активного участника событий т. Ширямова.

Заканчивая рецензию, мы не можем не отметить одного из важнейших достоинств сборника—чрезвычайно умелого подбора документов.

Донесения контрразведки, приказы и переговоры колчаковских властей и самого «верховного правителя», политические документы, перемежающиеся с оперативными сводками, даны в комбинации, выдержанной по принципу «нарастания действия».

В этом смысле группировка материала может служить примером для других сборников подобного рода.

Н. Рубинштейн

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Под ред. Л. Г. Дейча. Сборник № 5. ГИЗ. М.-Л. 1926. Стр. 334. Ц. 2 р. 75 к.

5-й сборник группы «Освобождение Труда» на ряду с некоторыми бесцветными и малоценными статьями и воспоминаниями, перегружающими книгу, дает в то же время и очень интересные материалы. К таковым в первую очередь необходимо причислить переписку Г. В. Плеханова с К. Каутским (1889—1898 г.г.) и предисловие автора к V изданию книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (предисловие это было написано летом 1917 г.). В сущности говоря, эти переписка и предисловие охватывают хронологически почти всего Плеханова, отмечая длинный извилистый путь, проделанный от революционного марксизма к самому циничному социал-патриотизму.

Плеханову, бесспорно, принадлежала честь одному из первых поднять свой голос против ревизии Марксовых взглядов, начатой Э. Бернштейном. К. Шмидтом и другими. В то время как ближайший друг Георгия Валентиновича П. Б. Аксельрод занимал в данном вопросе весьма сдержанную позицию и пытался оказать соответствующее влияние и на Плеханова[1]), последний сразу же определил свое резко-отрицательное отношение к начавшемуся пересмотру взглядов Маркса и Энгельса. Необходимо иметь при этом в виду особую щекотливость положения Плеханова, на которую он ссылался в своем письме к Аксельроду: «Было бы большой ошибкой с моей стороны начать играть роль Бакунина, обвиняющего западную рабочую партию в отсталости, нереволюционности и т. п. Такая роль неблагодарна. Стало быть, нужно ждать, что скажут сами немцы». Однако Плеханов так и не мог дождаться инициативы немцев. В мае 1898 г. в связи с новыми статьями Бернштейна он решается обратиться к Каутскому с поставленными в упор с вопросами: «Разве вы согласны с Бернштейном? — спрашивает он редактора «Neue Zeit» — Мне было бы слишком тяжело поверить этому. Но если нет, то почему же вы не отвечаете? Ведь это на вас нападают, ведь это Эрфуртскую программу эти господа имеют в виду в своей «критике» (стр. 225). Здесь, как и в других письмах Плеханова к Каутскому этой поры, ясно виден Плеханов-ортодокс, хорошо понимающий единство, монолитность всего Марксова учения.

Любопытно сравнить с ясной и четкой позицией Плеханова взгляд Каутского, хорошо выявившийся в его ответе Плеханову. Сообщая, что он с удовольствием поместит статью Г. В. против ревизионистов, Каутский пишет: «Вы спросите, почему не я сам отвечаю Бернштейну? Ближайшая причина та, что у меня нет времени». Поистине блестящий аргумент! Но он не единственный. Сообщая в том же письме о своем намерении изложить свою точку зрения в предисловии к сочинению одного анонимного автора, Каутский продолжает: «Во всяком случае я в этом предисловии не буду прямо нападать на Бернштейна. Ибо—и это вторая причина, почему я до сих пор молчал—я хочу возможно дольше воздержаться от прямых нападок на Бернштейна. Когда, связанные теснейшим образом, мы плечом к плечу боролись вместе в течение 18 лет, тогда не так-то легко обратить оружие против старого соратника». Наконец, последняя, бесспорно самая существенная причина: «Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством: ведь и дарвинизм так же хорошо уживается с материализмом Бюхнера, как с монизмом Геккеля и кантианством Ланге» (стр. 227).

Таким образом, уже здесь обнаруживаются зачатки того трусливого оппортунизма, который так характерен для Каутского позднейшей поры. Плеханов же, наоборот, в этой переписке выявляет всю свою последовательность и непримиримость в борьбе против искажения марксизма, откуда бы они ни исходили и чем бы ни прикрывались.

Совершенно иным выступает Плеханов 20 лет спустя. Оторванность от России и неправильная политическая позицяи с неизбежностью сказывались и на теоретических взглядах Плеханова. «Предисловие» к V изд. «Монистического взгляда» тому новое и яркое доказательство. В нем Плеханов сам как бы подводит себе итоги. Подробно и четко обосновывает он свою позицию, занятую им по отношению к войне. При этом Плеханов оказывается вынужденным исказить взгляды Маркса на классовую борьбу. Свое известное положение о взаимной борьбе классов там, где дело касается внутреннего устройства, и о дружном сотрудничестве при защите страны от внешних нападений,— положение, высказанное в «Истории русской общественной мысли», по-новому аргументируется Плехановым в «Предисловии».

---

[1]) См. переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I. Письма №№ 88, 92 и др.

Лишь утописты, не понимающие учения Маркса, «воображают, будто согласно ему у рабочего класса нет и не может быть общих интересов с господствующими классами». Это неверно. Вся тактическая мудрость псевдо-марксистов основывается на научном открытии Рикардо, что интересы рабочего класса прямо противоположны интересам предпринимателей, когда дело касается распределения стоимости. «Но, замечает Плеханов, прежде чем распределять данную стоимость, надо ее произвести». Отношения же рабочего к предпринимателю в процессе производства имеют на ряду с антагонистической и другую сторону: рабочий заинтересован в быстром росте капитализма. «Из этого следует, что все, задерживающее быстрый рост капитала, вредит не только интересам капиталистов, но также и интересам рабочих». Стало быть, в устранении препятствий развитию капитализма интересы рабочих совпадают с интересами капиталистов. «Иногда быстрый рост капитала задерживается в данной стране конкуренцией других капиталистических стран. Устранение этой конкуренции тоже лежит в интересах не только предпринимателей, но и рабочих» (стр. 16). Так как ослабление этой конкуренции может достигаться приобретением колоний, заключением выгодных торговых договоров и т. д., то рабочий класс данной страны не может безразлично относиться к приобретению новых колоний и пр. Правда, с точки зрения глубоких, основных интересов рабочего класса в целом, завоевательная политика должна быть отвергаема, но международный пролетариат не может сразу достигнуть столь высокой степени сознательности. Поэтому, «пока не достигнута эта степень, остается возможным и даже неизбежным... забвение пролетариатом наиболее глубокого своего международного интереса ради менее глубокого частного интереса своей страны» (стр. 17 [1]). Кажется, впервые в этом предисловии Плеханов так логично и полно обосновал свое оборончество 1914—17 годов. Поэтому каждый, изучающий эволюцию взглядов Плеханова или историю соц.-демократических течений во время войны, не сможет пройти мимо рецензируемого нами сборника.

Все остальное содержание книги представляет значительно меньший интерес и значение. Мало убедительная статья К. Сивкова, пытающаяся опровергнуть критику программы группы «Освобождение Труда» 1884 г. Бледны воспоминания Е. Игнатовой («Московские народники конца 70-х годов») и две главы «Из Карийских тетрадей» Л. Дейча. Занимающие полсотни страниц его письма к членам группы «Осв. Труда» из тюрем, Сибири и каторги прибавляют мало нового к его книге «16 лет в Сибири». Более интересны письма В. И. Засулич к Г. В. Плеханову (95—97 г.г.). В частности для понимания отношения соц. дем. к либеральной буржуазии, как оно (отношение) представлялось В. И., кое-что дают ее замечания на рецензию о «Борьбе» (стр. 196 и 197).

Наконец, известное значение для историка партии представляют два письма: 1) Путмана (А. Потресова) 1898 г., в котором он указывает на попытки конструирования своего рода русского трэд-юнионизма и приглашает членов группы «Осв. Труда» приняться «за очистку авгиевых конюшен русск. соц.-демократии» и 2) Плеханов от 18 декабря 1905 г., в котором развивается мысль об ошибочности вооруженного восстания, обоснованная позже в № 4 «Дневника социал-демократа».

Г. Стопалов

Г. ЛАНДАУЭР: Письма о Французской революции. Изд. «Прометей». Москва. 1925. Перевод с немецкого с предисловием проф. И. Бородина, т. I. Стр. 338. Ц. 1 р. 90 к., т. II, Стр. 364. Ц. 2 р. 50 к.

ГЕНРИХ КУНОВ. Политические партии. Силуэты времен Великой французской революции. Перевод с немецкого. Изд. «Прибой». Ленинград. 1926. Стр. 64. Ц. 30 коп.

Углубленное и всестороннее изучение материалов и документов по истории Великой Французской революции очень обогатило мемуарную литературу. Естественно поэтому стремление воссоздать человека той эпохи в рамках окружающей его обстановки, с его своеобразным умственным обликом.

В нашей переводной литературе еще в 1922 году появилась небольшая книжка Д. Шиковского («Люди и нравы французской революции». Петроград. 1922 г.) — легкий публицистический опыт портретной характеристики деятелей и попутчиков революции, не претендующий на ученое исследование и популярно знакомящий с бытом и жизнью эпохи.

Л. Маделен даже построил свою историю французской революции почти исключительно на этом соблазнительном, но опасном материале.

---

[1]) Считаем необходимым обратить внимание читателей на тот возмутительный факт, что редакция сборника позволила себе опустить некоторые фразы Плеханова, показавшиеся ей в настоящих условиях неуместными. Нам кажется, что Плеханов не нуждается в исправлении своих произведений. Да и русские марксисты имеют право знать всего Плеханова, как его сильные, так и слабые работы.

К тому же виду литературы, как и книга Д. Шиковского, следует отнести вышеназванные работы Ландауэра и Г. Кунова.

Первая вышла на немецком языке еще в 1922 г. и представляет собрание писем великих и малых людей эпохи, и революционных деятелей, и наблюдателей, и попутчиков, и ее врагов.

Г. Ландауэр—крупный революционный деятель (был народным комиссаром баварской социалистической республики), потратил много труда и старания на составление этой огромной эпистолярной хрестоматии, снабдил ее хорошими примечаниями, дал краткие биографии авторов писем, с любовью, как видно, работал над книгой более четырех лет (1914—1918 г.), но... книга все же представляет лишь хрестоматийный сборник сырого и иногда неудачно сокращенного автором материала. Ни статья редактора—проф. И. Бороздина, вносящего некоторые коррективы в изображение Мирабо, Демулена и Людовика XVI, ни вводная статья самого т. Ландауэра не помогли. Автор книги, ярко выраженный культурник идеалист, хотел, судя по его словам, выявить противоречивый характер революции, показать что «люди и революционные партии не знали друг друга, а, следовательно, и не могли понимать ни друг друга, ни истинного характера событий во всей их совокупности, несмотря на все желания быть их руководителями». Письма, по его мнению, свидетельствуют о том, «как представители революции в минуту самоуглубления, безразлично в какой бы лагерь они в конце-концов не были брошены разбушевавшейся стихией (!), в свое время беззаветно верили в то, что они ведут человечество к возрождению, а если цель эта не была достигнута, то это было не только следствием их взаимных противоречий—вину в чем они сваливали друг на друга,—но и непосредственным результатом того, что революция связала себя с войной, насилием, с распорядительным аппаратом, действовавшим путем угнетения, и с политикой» (предисловие к I тому, стр. 1 и 2).

Такой отчаянный идеализм фаталистического типа, отсутствие понимания классового характера революции приводит Г. Ландауэра к морализированию и изучению, вернее отражению, лишь внешней, казовой стороны революционной психики. Автор с умыслом уклоняется от анализа политической борьбы, с умыслом делает купюры в письмах, напр., мадам Ролан, выбрасывая места, относящиеся к политике, и т. д. Личная драма революционера, его личные переживания — вот что более всего интересует Ландауэра.

Поэтому, естественно, автор и дал письма, главным образом, правого и левого центра буржуазии, особенное внимание уделил Мирабо, Роллан, Демулену; крайняя левая представлена сравнительно скудно; крестьянство—лишь одним апокрифическим письмом, взятым у Токвиля; рабочие—несколько больше, но зато вовсе упущен Марат и даже Мария Кордэ, его убийца. Даны письма Людовика XVI, но не дано писем контрреволюционеров. Но зато включены ценные письма мадам Жюльен, Форстера и особенно драгоценный материал писем солдат и генералов французской революционной армии. Материалы для эпохи революционной диктатуры в особенности страдают недостаточностью: жалкое впечатление производит воспоминания, и не об'яснена переписка братьев Робеспьеров с сестрой.

В общем, несмотря на суб'ективный подбор материалов, в двух томах все же можно найти достаточно ценного материала для работы студента. Несмотря на желание автора сосредоточить свое внимание лишь на личных переживаниях героев, участников и наблюдателей-попутчиков и врагов революции, классовая борьба, классовые интересы прямо выпирают из ряда писем, собранных им. Поэтому сборник имеет свою цену. Перевод хорош, есть некоторые ошибки (например—федераты называются федералистами), есть немного опечаток, но они несущественны.

Небольшая книжечка Г. Кунова представляет из себя любопытный опыт изобразить революционное движние в Париже в рамках кофеен служивших своеобразными клубами и революционной трибуной для населения Парижа. В легкой и общедоступной форме автор дает ряд картин революционной жизни в саду Пале-Рояля, кафе Фоа, попутно характеризуя журналиста Лустало, Теруань-де-Мерикур, обрисовывает жизнь якобинских кафе Тюльеры, кафе Корацца, где собирались анти-бриссотисты, кафе реакционной золотой молодежи, («мускусников»), кафе Кретьен «последних якобинцев» и «равных»».

Задавшись этой весьма интересной целью — изображением революционной жизни в парижских кафе,—автор увлекся и вместо «силуэтов-картинок» стал писать историю революционного движения в Париже. Получилась новая, весьма и весьма поверхностно и неряшливо составленная, краткая история французской революции в рамках Парижа, в которой потонули первоначальные благие намерения автора; не только не внесено ничего нового в анализ революции, но и затемнено и старое. Так, в Пале-Рояле Кунов видит «представителей пролетарской интеллигенции»—совершенно недоказанное утверждение; об'яснение причин

9 термидора уже устарело после недавних работ Матьеза; характеристика Бабефа написана небрежно, пристрастно-недоброжелательно; деятели Пантеона трактуются свысока. Жаль, что автор отошел от первоначального замысла, хотя книжка все же дает полезный материал для изучения происхождения революционных клубов эпохи.

Перевод анонима хороший, но без редактора пострадал от ряда опечаток: последние генеральные штаты были не в 1715 г., а в 1614 г. (стр. 3). Aites des Apôtres не сатира на «Деяния Апостольства», и не революционных вождей и деятелей; Мерлен де-Тионвиля, Бильо-Варенн, Колло-д'Эрбуа напрасно раздвоены. Впрочем, и сам автор страдает некоторой неряшливостью, включая в текст и ссылки на используемые работы с цитатами и не всегда покрывая заглавием главы ее содержание: напр., главы 9-й—«Новые боги» и объединение народа»—в сущности краткая и неудачная история Заговора равных». Цена недорогая.

А. Васютинский

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦИИ В ЭПОХУ КОНВЕНТА (1792—1794). Сборник документов и материалов. Перевод Н. П. Фрейберг. Под ред. Н. М. Лукина. Рек. научно-полит. секций ГУС'а. Изд. Ком. Академии. Москва 1927. Стр. 719. Цена 6 руб.

Сборник открывается предисловием, в котором составитель указывает на важность изучения именно этой эпохи, наиболее близкой к современности и наиболее для нее интересной. Можно привести,—говорит он,—немало аналогий между периодом якобинской диктатуры и эпохой военного коммунизма, хотя социально-экономическая база этих режимов совершенно различна; а якобинская организация с ее «чистками», партийными мобилизациями, суровой дисциплиной и крепкой связью с массами во многом напоминает историю ВКП. Действительно, почти каждая страница сборника заставляет делать сопоставления с различными моментами из эпохи военного коммунизма, эпохи нашего недалекого прошлого, так хорошо нам знакомой.

Деятельность революционного правительства рассматривается за время от 10 августа 1792 г. по 9-е термидора (27 июля) 1794 г. Берется жирондистский и монтаньярский период, когда определился весь строй хозяйственных и социально-политических отношений, отличающий эту эпоху «как от времен цензовой монархии, так и от послетермидорианской реакции, начавшейся после падения Робеспьера».

Сборник распадается на 7 отделов. I-й отдел «Организация революционного правительства и его органы» содержит 8 глав, в которых дается большой материал по вопросу о происхождении и развитии «правительственного аппарата, его центральных и местных органов». Весь сложный механизм, который приводится в движение для борьбы с внутренним и внешним врагом, очень четко представлен в хорошо подобранных декретах, выдержках из протоколов заседаний Конвента и клубов. Декретный материал перемежается картинами подлинной жизни, даваемых докладами, выступлениями ораторов. Некоторые главы начинаются с заседания Конвента или Клуба, и читатель сразу вводится в самую гущу тогдашних взаимоотношений. Декрет по тому или иному вопросу приводится после такой картины заседания. Таким образом получается ясное представление об обстановке, в которой проходил данный законопроект.

Отдел II «Террористический режим» представлен следующими главами: законы о печати, о подозрительных, иностранных подданных, эмигрантах, изменниках отечеству; о неприсяжных священниках и об освобождении задержанных патриотов. Этот материал дает возможность почувствовать нарастание опасностей, грозящих республике, и показывает жестокую, твердую линию, взятую революционным правительством в борьбе с контрреволюцией. Интересен доклад Сен-Жюста, сделанный на заседании Конвента 16 апр. 1794 г. об общей полиции республики в связи с арестом дантонистов.

III отдел «Социально-экономическая политика» открывается выдержками из речи Дантона, заявившего, что «всякая частная собственность—земельная или промышленная—останется навеки неприкосновенной». Этой выдержкой хорошо мотивируется приведенный дальше декрет Конвента от 18 марта 1793 г., «устанавливающий смертную казнь всякому, кто предложит аграрный закон или какой-либо другой, ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность».

Большой материал, вводящий нас в самую суть хозяйственного положения республики, дается в главе «Продовольственная политика». Здесь все нам близко и знакомо. Со всею решительностью монтаньяры борются против спекуляции скупщиков, за твердые цены на муку, зерно и фураж. Вместе с ростом продовольственных затруднений расширяется вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Документы хорошо передают нарастание затруднений и необходимость все более решительных мероприятий. Скромное место занимают документы по

аграрной и рабочей политике Конвента. Проблема социального обеспечения получает свое разрешение в заботах о бедных, защитниках родины, в помощи их семьям.

Отдел IV посвящен религиозной политике Конвента и содержит декреты, определяющие положение католических священников, передачу светским властям регистрации актов гражданского состояния; приводится декрет о введении нового летоисчисления. Ряд глав посвящен дехристианизаторской политике как Конвента и его депутатов на местах, так и Парижской Коммуны.

Что касается вопроса о политике якобинцев в области просвещения, то хотя материал по вопросу о всеобщем образовании и имеется, но все же хотелось бы, чтобы культурно-просветительной политике Конвента было уделено больше места.

V отдел содержит материал по вопросу об обороне страны и внешней политике Конвента. Вскрывается напряженная работа по организации армии. Весь отдел построен на письмах комиссаров с различных фронтов, заседаниях Конвента с докладами Комбона, Карно и Дантона. Здесь определяются цели революционно-наступательной политики республики, определяется позиция Конвента по вопросу о присоединении новых территорий: «Ни один из народов не имеет права,—говорит Карно,—подчинять другой своим общим законом, без его особого на то согласия».

Отдел VI, один из больших отделов, содержит обильный материал по вопросу о борьбе партий в Конвенте. Борьба между Горой и Жирондой развертывается как в Конвенте, так и в Якобинском клубе. Документы дают возможность следить за всеми этапами этой борьбы, ведущейся с возрастающей остротой по всем основным вопросам и приводящей к гибели жирондистов. Очень удачный подбор выдержек из протоколов заседаний позволяет четко различать точки зрения борющихся групп на тот или иной вопрос.

VII гл. посвящена революции 31 мая—2 июня. Вторая часть отдела дает представление о борьбе «внутри якобинства» на основании выдержек из протоколов заседаний Конвента. Дается четкая характеристика групп Робеспьера, Шометта и левых якобинцев, «бешеных».

Последний отдел (VII) посвящен гражданской войне. В письмах, донесениях с фронта, заседаниях Конвента даются яркие картины борьбы Парижа с контрреволюционными центрами: Вандеей—гнездом монархической контрреволюции и Лионом—центром федералистов.

Очень большую ценность представляет библиография по эпохе Конвента. Она дает основную руководящую литературу по всем разделам сборника. Кроме того, она содержит: библиографические указатели, справочники и исторические обзоры, сборники документов общего характера, прессу и мемуары современников, пособия общего характера и исторические журналы.

Богатейшее содержание сборника, тщательный подбор необходимого для освещения поставленного вопроса материала делает этот сборник исключительно ценным пособием не только для работы в ВУЗ'ах. Сборник может быть с успехом использован обществоведом в его практической работе в последних группах семилетки, в лабораторных занятиях на специальных курсах, в техникумах и на рабфаках. Каждая рабочая библиотека по обществоведению должна обзавестись этим пособием, дающим яркие, живые страницы жизни революционной Франции, окруженной врагами.

Содержание всех глав настолько близко к нам, что весь сборник, несмотря на всю свою кажущуюся академичность, читается с захватывающим интересом.

Работать по этому пособию будет нетрудно, так как удачное размещение материала дает возможность делать правильные выводы.

Желательно было бы иметь такие же сборники и по других эпохам западноевропейской истории. Работа над ними и с ними давала бы действительно марксистски образованных историков.

К. Котрохов.

В. П. ПОЖИДАЕВ. «Горцы Сев. Кавказа». Госиздат. 1926. Стр. 119. Тираж 10.000. Цена 70 к.

В. П. Пожидаев ставит перед собою задачу—познакомить широкие круги читателей с народами Северного Кавказа, а именно с ингушами, чеченцами, хевсурами, осетинами и кабардинцами.

Для этого автор в сжатых очерках дает прежде всего географическое описание мест, населенных каждым из перечисленных народов, краткую историю народа и, наконец, довольно подробно останавливается на этнографии каждого народа в отдельности.

В книге значительная часть отведена этнографическому материалу, и в этой части труда автор дает много интересного. Многое появляется впервые: материал собирался автором лично на местах. Эта часть работы является, несомненно, ценным вкладом в этнографическую литературу.

К сожалению, этого нельзя сказать относительно исторической части труда Пожидаева. Здесь автором совершенно не привлечен архивный исторический материал ни одной из указанных народностей; он ограничился лишь литературными

данными и народными преданиями. Поэтому историческая часть не лишена крупных существенных недочетов.

В исторической науке вопрос о времени и порядке расселения осетинского народа в нагорной полосе так или иначе выяснен. Если нынешних осетин признавать потомками древних алан, когда-то населявших Северо-Кавказкую равнину, в чем едва ли у кого из ученых возникает сомнение, то появление первых переселенцев осетин в нагорной полосе надо приурочить ко времени нашествия гуннов, т.-е. к концу IV века нашей эры. Гунны в 375 году под предводительством Мамцуна покорили Босфорское царство, разбили готеров и алан, при чем часть алан, очевидно, не пожелавшая подчиниться гуннам, ушла в Кавказские горы. За этим первым переселением алан-осетин в горы следуют и дальнейшие: в VI веке под напором авар, в VII—VIII в.в.— под напором арабов, в XIII в. — под напором татар, и, наконц, в XIV в. осетины окончательно были заперты в горах Кавказа пришедшими со стороны Тамани кабардинцами. В такой последовательности надо полагать установленным расселение осетин в нагорной полосе, при чем в числе первых переселенцев были дигорцы и южные осетины.

Отсюда ясно, что утверждение В. П. Пожидаева о том, что осетины поселились в горах Кавказа задолго до нашей эры под именем «алан» (стр. 23, совершенно неверно.

Все несчастья дигорцев, их бедность, отсталость и невежество В. П. Пожидаев об'ясняет исключительно бездорожьем и оторванностью их от плоскости. Он говорит, что «в Дигории до прихода русских и устройства ими дороги только наиболее отважные рисковали ходить по тем козьим тропам, которые вели к ним с равнины и обратно, при чем будто бы автору «называли в Дигории одного старика-гита, который превзошел всех своих предшественников, так как за всю жизнь четыре раза выходил на плоскость» (стр. 11).

Это наивное, ненаучное об'яснение бедности, невежества и отсталости дигорцев бездорожьем показывает неосведомленность автора в самых элементарных исторических фактах времен могущества кабардинских феодальных князей.

Могущество этих князей достигло своего апогея в половине XVI века, при известном кабардинском князе Темрюке, на дочери которого, как известно, был женат московский царь Иван IV. Благодаря поддержке московского царя кабардинские феодалы завладели почти всей Владикавказской равниной и, вытеснив из нее горцев, в том числе и осетин, об'явили их своими данниками. Почти до завоевания Кавказа русскими осетины были совершенно отрезаны от плодородной равнины кабардинскими феодалами, которые буквально охотились на осетин и вообще на горцев для продажи пленников в Турцию в качестве рабов. Осетину необходимо было выезжать на равнину за хлебом или в Астрахань за солью, и нередко, при возвращении домой, он попадал в лапы кабардинских хищников.

Таково было положение на Северном Кавказе в продолжение почти четырехсот лет, и именно эти жуткие социальные отношения и обусловливали бедность, отсталость и невежество осетин, а не бездорожье, как утверждает В. П. Пожидаев.

На стр. 25 В. П. Пожидаев пишет, что «князья кабардинские проникли к осетинам в горы—Дигорское, Куртатинское и Тагаурское ущелья—и наложили на тамошних обитателей постоянную дань». Что кабардинские князья осетин считали своими данниками и даже подданными, это ясно, но верно и то, что эта дань фактически никогда не взималась с них, потому что как осетину было рискованно появляться на территории Кабарды, так и кабардинцу невозможно было проникать к осетинам в горы, да еще за данью.

Далее автор, приписывая освобождение осетин и ингушей от ига кабардинских феодалов русским, для которых якобы главнейшими врагами на Сев. Кавказе были кабардинцы, утверждает, что кабардинцев русские выселили из гор Осетии и Ингушии.

Если бы автору удалось, на основании несомненных исторических данных, доказать пребывание кабардинцев в горах Осетии и Ингушии, он бы этим самым раскрыл любопытнейшую, неизвестную доселе страницу истории этих двух народов. Но этого историческими данными нельзя доказать, так как кабардинцев история знает, как жителей Северо-Кавказской равнины. На этой же равнине их застала и русская власть в начале XIX века, и она никак не могла выселить кабардинцев из гор, где их никогда и не было, по крайней мере по данным теперешнего состояния истории.

Неосновательно также утверждать, что на Сев. Кавказе главными противниками русских были кабардинцы. В истории известно, что между Кабардой и Россией завязались весьма дружественные отношения еще в половине XVI века. В 1552 г. к Ивану IV были присланы из Кабарды послы: Бугашик Эзбузлуков и Алкныч Танашук, которые «били ему челом». Спустя 5 лет после первого посольства, а именно в 1557 г., из Кабарды опять приехал посол Канклыч Кануков, который бил челом Ивану IV от имени кабардин князей Темрюка и Тозреба и просил, чтобы Иван IV «учинил их в холопстве». После этого кабардинцы не раз воевали в рядах русских войск против крымского

чиства под начальством русских же полководцев (например, Вишневецкого). В 1567 г. Иван IV для своего тестя, кабардинского князя Темрюка, построил город Терки у устья реки Терека. Для ликвидации заговора при дворе кн. Темрюка, последний дал знать Ивану IV, который выслал Темрюку «многих московских людей и 1.000 стрельцов». Все это говорит о том, что между Кабардой и московск. государ. были дружественные отношения, которые не изменились и при преемниках Ивана IV. В последствии же, а именно в эпоху завоевания Кавказа, главными противниками России были опять-таки не кабардинцы, а чеченцы, которые постоянно терроризировали Сунженскую Военную Линию.

Методов насильственного выселения из гор на плоскость и концентрации мелких разрозненных аулов в крупные населенные пункты Россия придерживалась именно в отношении чеченцев. В связи с этим крупные хуторские хозяйства в Чечне были заменены невыгодными для населения мелкими индивидуальными хозяйствами, что повлекло за собою обнищание чеченского народа.

В. П. Пожидаев в своей работе не вскрывает экономической сущности русской политики на Кавказе вообще, в отношении мелких его народов в частности, и поэтому приходит к довольно наивным с точки зрения современной постановки вопроса выводам. Так, напр., отказ России в просьбе ингушей об освобождении их от гнета кабардинских князей, В. П. Пожидаев рассматривает, как простое нежелание России «ссориться с богатыми и знатными кабардинскими князьями из-за каких-то слабых и бедных ингушей» (стр. 15).

Ключ к пониманию политики России в XVII и XVIII вв. в отношении мелких кавказских народов лежит в тогдашних русско-турецких отношениях. Автору надо было выяснить эти отношения, и тогда все было бы ясно и понятно.

Попадаются в работе Пожидаева и такие противоречия, как «поведение кабардинских князей сильно озлобляло крепостную массу Кабарды» и в то же время «крепостные и рабы были довольно равнодушны к тому, кто будет ими командовать—свои или чужие» (стр. 31—32).

Книга В. П. Пожидаева написана популярно.

Г. Кокиев

П. Г. ГАЛУЗО. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Изд. Ср.-Аз. Ком. Ун-та. Ташкент. 1926.

Рецензируемая брошюра представляет значительный интерес тем, что освещает совершенно новый и ранее неисследованный вопрос о вооружении русских переселенцев в Туркестане. Она является частью работы автора по переселенческой политике царского правительства в Средней Азии и освещает небольшой частный вопрос о вооружении на фоне колониальной политики царизма. Одной из специфических черт империализма аграрной страны России, «военно - феодального империализма», было переселение крестьян из метрополии в колонию в размерах, значительно превышавших переселение из индустриальных метрополий, напр., Англии. Царское правительство рассматривало Среднюю Азию зачастую не только как сырьевую базу и рынок сбыта, но и как переселенческий фонд. Переселенчество—это такой любопытный штрих для характеристики империализма аграрной страны, что его стоит отметить и изучить.

Основным достоинством рецензируемой работы является то, что автору удалось на частном вопросе о вооружении переселенцев показать борьбу между буржуазией и помещиками и борьбу между промышленной и торговой буржуазией в вопросах колониальной политики. В брошюре красочно показаны первые робкие попытки вооружения переселенцев под флагом охраны полей от кабанов и прочих диких зверей, смена этих попыток более смелыми и, наконец, полное исчезновение «кабанов» из официальных мотивировок вооружения и замена их «фанатичными туземцами».

К 1891 году переселение уже ведется открыто для «парализования проявлений национального сознания и религиозного фанатизма покоренных народов»—это причина, так сказать, внутренняя и «для обеспечения себе как крепкого спокойного тыла для спокойного обладания областями, так и для защиты нашей границы со стороны Китая и Афганистана» — это причины международного порядка.

Но если феодальные элементы царизма были сторонниками форсированного переселения и вооружения переселенцев, то зато буржуазные элементы относились к этой политике с большой опаской. Эта осторожность защитников интересов промышленного комитета об'ясняется, конечно, не отсутствием империалистических интересов на Востоке, а исключительно страхом, как бы это интенсивное переселение и вооружение крестьян не разрушило бы хлопкового хозяйства туземного населения—сырьевой базы российской текстильной промышленности.

С настроением промышленной буржуазии царскому правительству приходилось считаться, и отсюда понятно, что политика вооружения русских переселенцев пошла по некоторой средней—по линии «насаждения крепких русских поселков,

вооружаемых дальнобойной винтовкой, без превращения в военно-организованные казачьи станицы» (стр. 85), т. е. таких хозяйств, которые были бы одновременно надежной военной опорой края и кроме того подавали бы надежды на превращение в хлопковые хозяйства кулацкого типа. Этот вопрос хорошо разобран у автора в 8-й главе рецензируемой брошюры.

Помимо характеристики основных тенденций колониальной политики в вопросе о вооружении следует отметить анализ причин нереволюционности русского крестьянства в условиях Туркестана. Ведь общеизвестно, что русский крестьянин Туркестана в эпоху революции 1905 г. оказался довольно надежным защитником царизма. Автор об'ясняет это тем, что земля в Туркестане была фактически национализирована царизмом (хотя эта национализация и была чрезвычайно своеобразной) и что, следовательно, перед мужиком не стояло непосредственно революционной задачи—борьбы за помещичью землю. «Его капиталистическое хозяйство в своем развитии если и упиралось, то только в отсутствие путей сообщения и, следовательно, в отсутствие рынка. Отношение же земельной собственности и даже сама царская власть развитию совершенно не мешали, а последняя даже очень содействовала. Почвы для революционного движения русского переселения не было, поэтому не было и движения» (стр. 62).

Об'яснение правильное, но оно мимоходом затрагивает чрезвычайно важный вопрос, к сожалению, автором неисследованный, о политике царского правительства в вопросе о национализации земли в Туркестане и о борьбе вокруг этого вопроса интересов буржуазии и помещиков. Между тем вопрос о национализации земли в своей колонии неоднократно ставился метрополией не только России, но и Британской империи в отношении Индии. Выяснение классовой подоплеки этой «национализации» чрезвычайно важно и интересно, но автором, к сожалению, не дано.

Другим существенным недостатком книги следует считать слабое освещение вопроса об отношении туземного населения к русским переселенцам и, в частности, отношения их к вооружению. Между тем, как освещение этого вопроса бесспорно должно было бы пролить свет на некоторые черты национально-революционного движения в Туркестане и в частности на вопрос о восстании 1916 года.

В общем же книга является очень интересной, и ее следует рекомендовать всякому интересующемуся колониальной политикой царизма.

Е. Зелькина

К. ХАРНСКИЙ. Япония в прошлом и настоящем. Изд. «Книжное дело». Владивосток 1926. Стр. 411. Ц. 3 р. 75 к.

От солидного знатока Японии, преподавателя Д. В. Университета К. Харнского мы в праве были ждать более капитальной работы, чем настоящая. Книжный рынок уже достаточно загружен не всегда удачной литературой по зарубежному Востоку, и нужда в серьезной исторической работе по Японии огромна. Книжка К. Харнского лишь наполовину может удовлетворить поставленной задаче.

Она начинается традиционным географическим очерком Японской империи, слишком кратким, чтобы получить от него подлинное представление о физической географии Японии. Лучше бы в книге нашла себе место хорошая карта.

Любопытная мелочь—автор указывает в этой главе на обычную варварскую транскрипцию японских слов: шима вместо сима (остров) и др., а сам далеко не безгрешен в этом отношении. Что это, например, за «Цносю», когда надо читать «Тесю»...

Дальше идет очерк истории дореформенной Японии, начиная с эпохи Нара и Хепан и кончая падением сегуната Токугавской династии и переходным периодом 1853—1877 г.г., занимающий почти половину книги. Это безусловно обязывает. Но как раз здесь автор и не дал почти ничего самостоятельного.

Налицо довольно тщательное использование имеющейся литературы на русском и далеко неисчерпанной литературы на западно-европейских языках и ничего на японском и китайском. Последнее, конечно, не обязательно, но ценность сообщаемого естественно понижается.

Взять хотя бы для сравнения богатый по материалу и выводам исторический очерк проф. Н. Конрада—«Япония».

Не останавливаясь на отдельных деталях трактовки (в общем поверхностной) автором тех или иных исторических фактов, отметим все же следующие моменты. Значительной и по размаху и по результатам борьбе двух крупнейших домов Тийра и Минамото, приведшей к окончательному распаду аристократической монархии и к торжеству военно-феодальной системы, К. Харнский уделил всего лишь несколько ничего не значащих фраз. Происхождение такого любопытного явления японской истории, как сегунат, осталось также в тени. Ясность же в этом вопросе более чем необходима. В противном случае, факт существования ряда сегунов—лиц, в течение веков обладавших всей полнотой политической власти, наряду с императорами—носителями только патриархально-религиозной власти,

остается просто непонятным. Это, в свою очередь, не может в дальнейшем внести ясности и в смысл падения в 1868 г. сегунского правительства и возвращения императору политической власти.

Достоинство автора, однако, в том, что он ни разу не забывает, что политическая история тесно связана с экономикой и развитием хозяйственных форм страны. В свою очередь является весьма показательным и поучительным сделанное автором сопоставление эпох и исторических событий в Японии с соответствующими по времени на Западе и в России. Отметим еще, что внешним сношениям Японии с другими державами, особенно перед Токугаевской эпохой, следовало было бы отвести значительно больше места, чем это сделал К. Харнский.

Бурный период т. наз. «открытия» Японии и переустройства ее на новые капиталистические рельсы автор почему-то включил в первый раздел книги. Это неправильно, так как этот период, оказавшийся в книге несколько в тени, принадлежит безусловно не к прошлому, а к настоящему Японии. Кроме того отведенных ему 25 страничек, безусловно, недостаточно.

Наиболее удался автору второй отдел—«Новая Япония», по существу являющейся совершенно самостоятельной темой для новой большой книги.

Пульс жизни этого времени (автор останавливается главным образом на последних 25 годах) уловлен более удачно, чем в предшествовавшие периоды японской истории.

Этой части больше подходит и фельетонно-публицистический стиль автора, далекий от стиля серьезного исторического исследования.

Тем не менее, главы, рисующие типы японской плутократии и в частности таких некоронованных королей Японии, как Мицуи, Мицубиси и др., заслуживают серьезного внимания.

На ряду с этим, представляют интерес и главы, рисующие исключительную беспринципность и продажность японских политических партий, прессу, религию и рабочее движение. Даны небольшие сведения и о японских колониях: Формозе, Корее и др.

Досадно, что в тексте автор слишком часто оговаривается, что тот или иной вопрос освящен в такой-то книге, иногда не указывая даже ее полного названия. Не лучше ли было дать все это в конце в виде систематической библиографии по Японии?

В общем в книге можно найти не мало заслуживающих внимания страниц, хотя для широкого круга читателей она может показаться слишком об'емистой, а для специалиста-востречника далеко не всегда интересной и нужной, так как материал подан часто из вторых и даже третьих рук.

История Японии еще ждет своего историка-марксиста. Издана книга совсем неплохо, хотя и попадаются неисправленные опечатки. Текст оживляют рисунки.

Цена несколько высока.

Г. Рейхберг

ЛАБОРАТОРНЫЙ ПЛАН В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ. Сборник статей под редакцией Е. Л. Брюннели. Выпуск второй. История. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 80. Ц. 60 к.

Сборник посвящен вопросам преподавания истории. В действительности он представляет собой атаку на решения 5-й методической конференции преподавателей совпартшкол и попытку выставить т.т. М. Н. Покровского и Ц. Фридлянда, как представителей «лекционной реакции» (стр. 17), «застрельщиками поворота назад, к лекционному методу» (стр. 16).

Доказательством этих «ужасов» и спасением нашей партийной школы от «реакции» и заполнены все статьи сборника (В. Волосевича—«Основные вопросы преподавания истории в совпартшколах», М. Флиднер—«К вопросу о стадийности развития лабораторного плана в преподавании истории» и исторической предметной комиссии ЛОСПШ[1])—«К вопросу о работе преподавателя истории по составлению и проведению задания»).

Исключение составляет только статья т. Волосевича—«Учеба в жизни и школе», которая непосредственного отношения к вопросам преподавания истории не имеет и является критикой взглядов проф. Кильпатрика, автора метода проектов.

Авторы сборника поставили себе задачу доказать, что как выступления т.т. Покровского и Фридлянда, так и резолюция по докладу т. Фридлянда, принятая конференцией, являются «походом в пользу лекций» (стр. 18), «ликвидацией лабораторного плана» (там же), что упомянутые товарищи «упустили из виду воспитательное значение самого процесса обучения» (стр. 20), что «у них один метод, метод готовых знаний» (там же) и т. п.

Все эти выводы делаются на основании следующих мест из доклада т. Фридлянда: «В курсе должно быть минимальное количество лекций, обобщающих самостоятельную работу слушателей... Прорехи могут быть заполнены умело поставленными лекциями... Лекции должны играть роль, с одной стороны, вводных указаний по отношению к известному разделу программы, одновременно будучи указаниями также и методического

[1]) Ленингр. област. совпартшколы.

характера для слушателей. Лекции могут быть обобщающими после того, как известная эпоха уже разработана... Лекции, наконец, в отдельных случаях могут быть дополнительными» (Сборник «Вопросы преподавания исторических дисциплин в совпартшколах», стр 121—122).

Эти же мысли развиты т. Покровским в его выступления и подтверждены X пунктом резолюции конференции, который, по мнению тов. Волосевича, «является не чем иным, как тщательно завуалированным резюме взглядов т.т. Покровского, Фридлянда и Милюкова, ликвидирующих исследовательский метод, как таковой» (ст. 18 рецензируемого сборника).

Нет необходимости доказывать, насколько сплошное изгнание лекций из нашей школы было бы нецелесообразным. Мы отказались от лекций, как основного метода преподавания, но было бы смешно и вредно «вместе с водой выплеснуть из ванны и ребенка» и отказаться от лекций, как от «подсобного средства» (см. упомянутую резолюцию).

Да и у самих ленинградцев, так воинственно настроенных против лекций, все же вырываются интересующие нас признания

«Если мы проследим все процессы работы курсанта,—говорила на конференции т. Лазуркина, делегат из Ленинграда,—подытожим его работу и увидим, что курсант не овладел темой целиком, тогда, товарищи, обобщающий урок может быть и лекцией для курсанта» («Вопросы преподавания исторических дисциплин в совпартшколах», стр. 143).

«Лекции не как система,—пишет тов. Флиднер,—а как эпизод, ставящий себе целью показать курсантам, как должна логически развиваться мысль, как надо строить четкий план лекции, или ставящий целью углубить знания слушателей по уже знакомому им вопросу—такие лекции вполне допустимы и даже желательны» (реценз. сборник, стр. 40).

Несмотря на эти признания, ленинградцы все же воюют против резолюции и ее авторов, усматривая в допущении лекции, как подсобного средства, «лекционную реакцию».

Между тем в своих же собственных заданиях они прибегают, и довольно широко, к этому подсобному средству (см. стр. 26, 29, 32, 56, 73).

Все дело в том, что конференция старалась оформить место этих необходимых лекций в преподавании и называть вещи своими именами. Ленинградцы же в этом вопросе культивируют какой-то своеобразный педагогический анархизм, предоставляя все воле случая. (Преподаватель произносит заключительное слово «если потребуется», см. стр. 73).

Построение ленинградских программ, поскольку оно нашло отражение в статьях сборника и в образцах заданий, не может не вызвать возражений. Ленинградцы, наперекор существующим программам, об'единили в один курс историю классовой борьбы и историю партии. В сборнике образцов заданий в одних—совершенно выпадают специальные вопросы партийной истории и борьбы, будучи поглощены вопросами истории рев. движения; в других—вопросы парт. истории вытесняют важнейшие вопросы истории классовой борьбы.

Единственным выходом из этого противоречия является построение двух параллельных курсов. Именно на этот путь стал Главполитпросвет в своих программах. На этот же путь стала и 5-я метод. конференция.

На конференции ленинградские делегаты против этого возражали (в особенности т. Флиднер). Странным поэтому кажется замечание т. Волосевича (стр. 26) о том, что «разделение его (курса истории. *Л. М.*) на два самостоятельных курса мы можем лишь приветствовать».

«Мы»—это, очевидно, ленинградцы. Кто же мешал им это разделение проводить и кто же заставлял их вводить об'единенный курс? Ответа на эти вопросы в сборнике мы не найдем.

Сборник дискуссионный,—об этом предупреждает т. Брюнелли в своем предисловии,—но для разрешения спорных методических вопросов он дает чрезвычайно мало материала.

Л. Мамет

Х Р О Н И К А

В Обществе Историков-Марксистов

(Октябрь—декабрь 1926 г.).

К осени 1926 г. Общество Историков-Марксистов при Коммунистической Академии оформилось как организация. об'единившая широкие кадры научных работников исторических дисциплин. Это видно из общего числа членов общества. На 1 октября в обществе утверждено 168 чел., из них действительными членами—63 чел., членами-корреспондентами—105 чел. Если принять во внимание, что основной кадр падает на долю Москвы, то бесспорно можно притти к выводу, что историки города Москвы действительно об'единены в обществе. Деятельность общества, однако, не ограничивается только Москвой. Период октябрь—декабрь 1926 г. характерен массовым наплывом заявлений о приеме в общество историков, работающих в различных городах СССР. Из ряда мест. например, были получены анкеты от коллектива историков с просьбой об их зачислении и об организации отделений на местах. Любопытно, что массовое поступление заявлений из провинции проходило без всякой «агитации» со стороны самого общества и потому может служить наглядной иллюстрацией пробуждения исторической мысли в СССР. Просьба с мест об указании литературы по той или иной теме, помощи в выборе тем самостоятельных работ и консультации в работе перестают приобретать случайный характер. Все эти явления—массовый наплыв заявлений из провинции и просьбы о руководстве и помощи—заставляют общество серьезно отнестись к ним, и с нового года эти вопросы в работах общества займут одно из первых мест.

Об'единение широких кадров историков-марксистов уже с октября текущего года дало возможность дифференцировать работу общества. Прежние формы работы, когда общество существовало как единое целое. без подразделений на секции, оказались устаревшими, и в настоящее время общество разбито на секции: методическую. истории Запада. истории России и ВКП(б) и социологическую. На заседании Совета утверждено временн. бюро секций в составе: методическая—т.т. Кривцов. Максимовский Срогович. Мамет и Мильман: истории России и ВКП—т.т. Покровский, Кнорин, Ярославский, Горин, Дубровский, Слепков и Шестаков: истории Запада—т.т. Лукин, Моносов, Красный, Кунский и Фридлянд. 18 января 1927 г. состоялось организационное собрание секции по истории Востока.

В основу работ секций положено руководство разработкой исторических проблем по данным отраслям исторического знания. при чем главное внимание должно быть уделено на разработку актуальных и спорных вопросов истории. Для этих целей секции заслушивают доклады, организуют диспуты, следят за постановкой своих отделов в журнале «Историк-Марксист» и т. д. В плане своих работ, секции намерены особое внимание обратить на издание популярной исторической литературы. в которой ощущается острая потребность на книжном рынке, заполняемом нередко всякого рода халтурными работами. Общество ставит своей целью решительную борьбу с книжной халтурой, приносящей огромный вред нашему читателю.

Кроме узко секционных работ в 1926 году были организованы и широкие публичные заседания. посвященные разбору основных проблем исторического знания или тем или иным юбилейным датам. имеющим огромный интерес и среди лиц, не принадлежащих к «историкам-профессионалам».

За период октябрь—ноябрь в обществе были заслушаны доклады: М. Н. Покровского—«Буржуазная концепция пролетарской революции» (по поводу книги Милюкова «Распад России»), Арк. Сидорова—«Щапов и его место в русской исторической науке», В. Полонского и Ю. Стеклова—«Бакунин», Рожицына—«Марксизм и социология», К. Радека—«Спорные вопросы китайской революции», Иоаннисиани—«Преподавание истории в школах II ступени» и Рындича—«Лабораторный план и преподавание истории».

Из деятельности общества необходимо отметить также его работу в подготовке юбилейных торжеств 10-летия Октябрьской революции. С этой целью намечен ряд докладов в обществе, а в журнале «Историк-Марксист» будут помещены статьи, посвященные десятилетию Октября. Общество также прини-

мает активное участие в работах комиссии Истпарта ЦК ВКП(б) по десятилетию Октябрьской революции. Литературное обслуживание десятилетия преимущественно возложено на членов общества. Вопрос об организации литературно-научной деятельности общества за последнее время также начинает занимать все большее внимание. Кроме издаваемого обществом журнала «Историк-Марксист» и подготовки общей научно-популярной серии, общество принимает участие в подготовке изданий «Книги для чтения по истории России», «Книги для чтения по истории Запада», «Сборника по вопросам преподавания истории», издаваемого совместно с Главполитпросветом.

Четвертое совещание Истпартотделов при ЦК ВКП(б)

(4—8 января 1927 г.)

Нынешнее совещание было созвано после длительного перерыва (2½ г.). На совещании были представлены 54 истпартотдела. Всех решающих голосов было 64. Присутствовали преимущественно заведующие истпартотделами. Партийный стаж и социальный состав участников совещания указывает на квалифицированный в партийном отношении подбор основных истпартовских работников на местах. Так, около половины участников со стажем дореволюционным и 36%—рабочие. В порядке дня стояли следующие вопросы: а) о задачах совещания (доклад т. Гусева), б) подготовка к 10-летию Октябрьской революции в центре и на местах; итоги и перспективы истпартработы (доклад тов. Савельева), в) собирание материалов к 10-летию Октябрьской революции—этот доклад т. Максакова был об'единен с другим докладом—об едином партийном архиве на местах, г) о научной обработке материалов—доклад т. Волковичера, д) о музейно-выставочной работе (Мицкевича, Романовского и Дружинина).

На совещании представителем О-ва Историков-Марксистов А. В. Шестаковым в приветственном слове было отмечено, что работа истпартотделов тесно связана с работой «общих» историков-марксистов. об'единивших свои силы в особом обществе при Коммунистической Академии в Москве и организуемых им отделениях на местах. О-во также считает своей ударной задачей освещение проблем, относящихся к истории десятилетия Октябрьской революции как в виде особых докладов, так и в серии статей в журнале «Историк-Марксист» и надеется, что эта работа может быть полезна и для истпартовских исследований. О-во считает необходимым об'единение сил как «общих» историков, так и тех, которые работают в области истории партии и поэтому приглашает «истпартщиков» вступать в состав его членов.

В ответе на приветственное слово тов. Гусев указал на общность задач работы Истпартотделов и О-ва Историков-Марксистов и высказал пожелание об их совместной дружной работе, отметив большое значение и для О-ва пополнение его рядов работниками истпартотделов.

В центре внимания совещания был вопрос о подготовке к 10-летию годовщины Октября. Фактически все вопросы совещания вертелись вокруг этой центральной задачи. Это обстоятельство отмечает резолюция совещания, такими словами характеризующая очередные задачи истпартовской работы: «приближающийся десятилетний юбилей Октябрьской революции возлагает на Истпарт задачу сосредоточить свои силы в ближайшее время на подготовлении к этому юбилею и на проведении его».

Совещание поддержало мысль докладчика (т. Гусева) о том, что необходимо поднять и оживить истпарты, увязав «в дальнейшем всю свою научно-исследовательскую работу с текущей политической работой ВКП(б) и использовать наше революционное прошлое для революционного настоящего». Последнее—особенно важно в связи с широкой работой партии по воспитанию молодых партийцев и новых слоев рабочих.

Эта установка на увязку работы истпартотделов с внутренней и международной работой партии приближает истпарты к текущей партийной жизни, теснее свяжет их с партийными массами, привлечет пролетарскую и советскую общественность к делу изучения революционного прошлого и, наконец, предохранит от чисто-академической замкнутости.

Ряд ораторов с мест в своих выступлениях указывали, что, несмотря на проделанную работу, многие партийные организации не уделяют должного внимания истпартовской работе, нет организационной четкости, работу губит отсутствие штатов и т. п. Совещание признало желательным стремление к однородному построению Истпарта, как «отдела парткома, организующего и руководящего изучением истории ВКП(б) и Октябрьской революции, а не как только органа, непосредственно ведущего в лице своих сотрудников научно-исследовательскую работу».

Совещание признало необходимым пересмотреть положение об Истпартотделе ЦК и его местных органах.

Вопросам. посвященным конкретной подготовке 10-летия Октября, совещание уделило много времени. Несомненную трудность в этой работе создавало то обстоятельство, что оставшийся срок до юбилея слишком незначите-

мает активное участие в работах комиссии Истпарта ЦК ВКП(б) по десятилетию Октябрьской революции. Литературное обслуживание десятилетия преимущественно возложено на членов общества. Вопрос об организации литературно-научной деятельности общества за последнее время также начинает занимать все большее внимание. Кроме издаваемого обществом журнала «Историк-Марксист» и подготовки общей научно-популярной серии, общество принимает участие в подготовке изданий «Книги для чтения по истории России», «Книги для чтения по истории Запада», «Сборника по вопросам преподавания истории», издаваемого совместно с Главполитпросветом.

Четвертое совещание Истпартотделов при ЦК ВКП(б)

(4—8 января 1927 г.)

Нынешнее совещание было созвано после длительного перерыва (2½ г.). На совещании были представлены 54 истпартотдела. Всех решающих голосов было 64. Присутствовали преимущественно заведующие истпартотделами. Партийный стаж и социальный состав участников совещания указывает на квалифицированный в партийном отношении подбор основных истпартовских работников на местах. Так, около половины участников со стажем дореволюционным и 36%—рабочие. В порядке дня стояли следующие вопросы: а) о задачах совещания (доклад т. Гусева), б) подготовка к 10-летию Октябрьской революции в центре и на местах; итоги и перспективы истпартработы (доклад тов. Савельева), в) собирание материалов к 10-летию Октябрьской революции—этот доклад т. Максакова был об'единен с другим докладом—об едином партийном архиве на местах, г) о научной обработке материалов—доклад т. Волковичера, д) о музейно-выставочной работе (Мицкевича, Романовского и Дружинина).

На совещании представителем О-ва Историков-Марксистов А. В. Шестаковым в приветственном слове было отмечено, что работа истпартотделов тесно связана с работой «общих» историков-марксистов, об'единивших свои силы в особом обществе при Коммунистической Академии в Москве и организуемых им отделениях на местах. О-во также считает своей ударной задачей освещение проблем, относящихся к истории десятилетия Октябрьской революции как в виде особых докладов, так и в серии статей в журнале «Историк-Марксист» и надеется, что эта работа может быть полезна и для истпартовских исследований. О-во считает необходимым об'единение сил как «общих» историков, так и тех, которые работают в области истории партии и поэтому приглашает «истпартщиков» вступать в состав его членов.

В ответе на приветственное слово тов. Гусев указал на общность задач работы Истпартотделов и О-ва Историков-Марксистов и высказал пожелание об их совместной дружной работе, отметив большое значение и для О-ва пополнение его рядов работниками истпартотделов.

В центре внимания совещания был вопрос о подготовке к 10-летию годовщины Октября. Фактически все вопросы совещания вертелись вокруг этой центральной задачи. Это обстоятельство отмечает резолюция совещания, такими словами характеризующая очередные задачи истпартовской работы: «приближающийся десятилетний юбилей Октябрьской революции возлагает на Истпарт задачу сосредоточить свои силы в ближайшее время на подготовлении к этому юбилею и на проведении его».

Совещание поддержало мысль докладчика (т. Гусева) о том, что необходимо поднять и оживить истпарты, увязав «в дальнейшем всю свою научно-исследовательскую работу с текущей политической работой ВКП(б) и использовать наше революционное прошлое для революционного настоящего». Последнее—особенно важно в связи с широкой работой партии по воспитанию молодых партийцев и новых слоев рабочих.

Эта установка на увязку работы истпартотделов с внутренней и международной работой партии приближает истпарты к текущей партийной жизни, теснее свяжет их с партийными массами, привлечет пролетарскую и советскую общественность к делу изучения революционного прошлого и, наконец, предохранит от чисто-академической замкнутости.

Ряд ораторов с мест в своих выступлениях указывали, что, несмотря на проделанную работу, многие партийные организации не уделяют должного внимания истпартовской работе, нет организационной четкости, работу губит отсутствие штатов и т. п. Совещание признало желательным стремление к однородному построению Истпарта, как «отдела парткома, организующего и руководящего изучением истории ВКП(б) и Октябрьской революции, а не как только органа, непосредственно ведущего в лице своих сотрудников научно-исследовательскую работу».

Совещание признало необходимым пересмотреть положение об Истпартотделе ЦК и его местных органах.

Вопросам, посвященным конкретной подготовке 10-летия Октября, совещание уделило много времени. Несомненную трудность в этой работе создавало то обстоятельство, что оставшийся срок до юбилея слишком незначите-

лен. Между тем, предшествующий период прошел почти бездейтельно.

Первое постановление о подготовке и праздновании Октября и создание соответствующей комиссии было принято еще 25 ноября 1925 г. В связи с этим было намечена обширная программа, опубликованная в № 3 «Пролетарской Революции» за 1926 г. Программа эта в настоящее время не выполнена; она растягивается на ряд лет. В некоторых местах создались организационные ячейки по подготовке материала (Зиновьевск, Таганрог, Саратов и др. губ.). Архивы сохранились далеко не все. Большинство партийных архивов за 1917 г. погибло. В лучшем состоянии архивы органов Врем. правительства, советские — особенно с 1918 года. Зато в большинстве губерний проделана большая работа по собиранию предреволюционных архивов.

В отношении литературной подготовки дело обстоит крайне тяжело. из-за урезки плана. Намечено к изданию 1.200 печатных листов. Кое-что местными истпартами уже выпущено, некоторые истпарты подготовили материал к напечатанию. Выпустили свои издания Истпарты: Таганрогский, Архангельский, Казанский и др., не считая, конечно, Московского и Ленинградского. До 17 Истпартов приготовили хроники 1917—1918 г.г., из них выделяются хроники Самарская и Киевская. Приготовлены рядом Истпартов протоколы Советов (Урал, Кубань), партийных конференций (Урал).

Учитывая незначительный срок, остающийся до юбилея, совещание признало необходимым литературную подготовку провести по сокращенной программе[1]).

Разработке подлежит период, преимущественно относящийся к самому октябрьскому перевороту и его непосредственной подготовке, т.-е. 1917 год и частью 1918 год. Изучение в порядке научного исследования. итогов десятилетия совещание признало преждевременным. Все внимание необходимо остановить на истории местной большевистской организации и на ее роли в борьбе за Октябрь, на возникновении Советов и их роли.

Разработка вопросов должна итти в следующих трех направлениях: выявление движущих сил, выяснение роли советских организаций и ВКП в Октябрьской революции и работа контрреволюционных сил и организаций. В тех местах, где было сильно национальное движение, дается его краткая характеристика.

Выявление движущих сил надо понимать, как марксистский анализ особенностей экономического развития данного района, картины массового рабочего движения, отражения в данном месте больших политических событий центра крестьянского движения, движения в армии и во флоте.

Историю большевистской организации следует брать и в предреволюционный период, захватывая, преимущественно период империалистической войны; необходимо изучение борьбы большевиков в советах, овладение ими, борьбы в местном самоуправлении. Должно быть уделено внимание распространению влияния партии на массы: создание и работа в военной организации, в фабзавкомах, профсоюзах, юношеских организациях, организациях работницы и, наконец, подготовке боевой силы — Красной гвардии.

Третий момент, подлежащий изучению,—контрреволюционные силы. Сюда входит изучение работы отдельных контрреволюционных партий, отношение к органам Временного правительства, подготовка боевых сил, вооруженное сопротивление.

Принятие этого плана не означает. что специфические особенности, какие отличают ход Октябрьского переворота в какой-либо местности, останутся не отмеченными. Местные истпарты должны в своей разработке, на ряду с определением связи местных событий с общероссийским, оттенять и выделить то характерное, что отличает данный район от остальных.

Большим вопросом для совещания было обсуждение приемов и правил издания документов и порядка литературной обработки материала. Вопросы методологические было решено поручить Истпарту ЦК подработать и детально рассмотреть.

Совещание остановилось на следующих типах изданий: сборники материалов: сюда входят архивные документы, воспоминания участников[1]), статьи исследовательского типа общего характера, затем монографии и, наконец, научно-популярные брошюры.

Первые два типа изданий строятся на привлечении научно-вспомогательного аппарата, последний же, рассчитанный на более широкую аудиторию, дается на основе проделанной исследовательской работы. Кроме того, рекомендуемым типом издания является хроника, охваты-

---

[1]) Надо учесть еще издательские затруднения. Опыт работ по празднованию юбилея 1905 г. говорит о том, что 50% первоначальной программы еще не выполнено до сих пор (вышло в свет 314 печ. листов, 40 в проработке, 213 готовится к печати).

[1]) Некоторыми Истпартами проделана в этом направлении большая работа; так, Одесским Истпартом собрано до 800 воспоминаний.

…ающая все стороны обще-политической истории данного района.

При подготовке изданий, требующих научной обработки, рекомендуются некоторые работы, как «показательные», напр., «1905 г. в Петербурге», «Памятник агитационной литературы РСДРП», т. 6. «Период войны». Вып. I. Прокламации 1914 г.».

Как основную директиву в области литературно-издательской работы совещание положило следующий лозунг: меньше количеством—больше качеством.

В связи с подготовкой Октября обсуждался вопрос об участии Истпартотделов в массовой пропаганде. Совещание признало необходимым принять деятельное участие в массовой пропагандистской работе, в организации лекций по истории ВКП и Октябрьской революции, вечеров воспоминаний, в литературной компании в местной периодической прессе.

Необходимо отметить также решение о планомерной систематической работе по собиранию и учету партийных архивов, находящихся при партийных комитетах.

Совещание одобрило деятельность Музея Революции СССР и признало необходимым, чтобы во всех столицах Республик, областных, губернских и окружных, а где явится возможность, то в более мелких центрах, создать Музеи Революции, а где они существуют, там поддержать и развить их работу». В своей работе музеи должны отобразить революционное движение и историю ВКП в своем районе, увязав местную историю с общероссийской, а затем со всесоюзной. Совещание признало необходимым широкий систематический учет памятников революционного движения, проводимый органами музейного управления НКП под руководством Истпарта.

Совещание подвело итог работам Истпартотделам за ряд лет, отметило ряд достижений в этой области, указало на ближайшие задачи. В той большой работе, какая предстоит по празднованию 10-летия Октября, Истпартам принадлежит одно из главных мест, и на них возложена, быть может, самая трудная задача.

Т.

Керченская археологическая конференция

Октябрьская революция нанесла решительный удар старой русской археологии, которая в прошлом, как известно, ютилась в салонах высокопоставленных лиц и была в большой зависимости от императорского двора. Главнейшие административные органы археологической науки находились в ведении бывшего министерства двора его величества (археологическая комиссия в Петербурге), а ценнейшее собрание наших памятников материальной культуры, каковым является Эрмитаж, считалось личной собственностью царя. Собирателями памятников искусства и старины всегда были у нас титулованные особы и представители капитала.

Пожалуй, ни одна наука в старой России не была принадлежностью столь определенно избранного сословного круга, как археология. Вот почему в области содержания, методологии и общественного положения этой науки предстоят еще большие и трудные преобразования. Некоторые достижения в этой области советской властью уже сделаны.

Созванная текущей осенью конференция археологов в Керчи (5—15 сентября 1926 г.) в достаточной степени определила достижения советской археологии в отношении ее общественных задач, методов и т. д., но еще больше наметила те новые перспективы, которые ждут эту науку в самом недалеком будущем. Помимо своего прямого интереса для каждого археолога и историка, керченская конференция имела большое общественно-политическое значение, благодаря чему результаты ее работы должны служить предметом обсуждения и освещения в нашей научной литературе.

Внешним поводом к созыву керченской конференции послужил исполнившийся летом 1926 года 100-летний юбилей Керченского археологического музея. Керченский музей, один из старейших провинциальных музеев в СССР, был основан в 1826 году одним из местных бюрократов и пережил весьма пеструю и богатую историю своего прошлого (к сожалению, история Керченского музея до сих пор еще никем не написана; на конференции же была организована юбилейная выставка музея, которая отчасти восполнила этот пробел). В течение своей вековой жизни музей собрал вокруг себя огромный научной ценности вещный материал в виде золотых и серебряных изделий, мраморных статуй, плит и других предметов погребального инвентаря курганов и архитектурных сооружений старых городов греческих колоний на юге России. В условиях существовавшей в свое время научной централизации большая часть керченских памятников перешла в петербургский Эрмитаж, который, как известно, по богатству своих собраний занимает одно из первых мест в Европе. И надо сказать, что лучшая и большая часть этих собраний Эрмитажа происходит именно из Керчи и (точнее) ее окрестностей. Академик Н. Я. Марр, перечислявший на конференции все научные заслуги Керченского музея, прежде всего отметил эту сторону музея, за-

явив, что «музей всегда больше давал, чем получал».

Керченская археологическая конференция является первой конференцией археологов при советской власти. В этом важное значение самого факта конференции. Как известно из истории развития археологических и исторических знаний в России, археологические с'езды стали впервые созываться у нас еще с конца 60-х годов прошлого столетия. Они собирались обычно в три—четыре года один раз и носили общероссийский характер. С начала текущего столетия к общероссийским с'ездам прибавились так называемые областные с'езды, которые характеризовались лишь тем, что происходили не в столичных и не в больших губернских городах, а в провинции (главным образом в поволжских городах). Все эти с'езды развили широкую научную работу, и в результате давали об'емистые печатные томы трудов. Последний всероссийский с'езд был в 1911 году в Н.-Новгороде. Назначенный следующий с'езд, 16-й по счету, в Пскове не мог состояться вследствие начавшейся в то время империалистической войны.

Таким образом, еще задолго до революции русские археологи утратили возможность взаимного обмена в области археологических проблем. Правда, в революционные годы на смену археологическим с'ездам пришли с'езды различных краеведческих организаций. Эти новые с'езды включили в программу своих многочисленных и широких работ точно так же и многие вопросы археологии и, особенно, местной (областной) истории. Но все же краеведческое движение не могло заменить вполне самодовлеющего роста археологических знаний в СССР. И вот археологическая конференция в Керчи как бы заново продолжает прерванную войной научную работу.

Керченская конференция наметила срок созыва будущего первого с'езда археологов СССР и определила это срок на 1928 год, а местом с'езда избрала г. Москву.

Научная работа керченской конференции прежде всего подытожила те многочисленные археологические работы, которые были проделаны русскими археологами за революционные годы. Работы эти касались главным образом тем, которые были связаны с районом Крыма и северного побережья Черного моря. Таким образом характер содержания научных докладов был строго ограничен определенной территорией. Рассматривая с'езд с этой стороны, можно признать за ним скорее всего местное значение, а не общесоюзное. Все более или менее интересные вопросы из области археологии, искусства, истории и материального быта получили то или иное освещение в многочисленных докладах на конференции. При чем следует отметить, что задача конференции была значительно шире поставлена, чем на то указывает узкое название с'езда — археологической конференции. Дело в том, что еще и на старых археологических с'ездах работа далеко не ограничивалась одними узко-археологическими темами. Археология — термин не столько определяющий, сколько собирающий, и в широком понимании его сюда следует включить целый ряд таких историко-археологических дисциплин, как архивоведение, нумизматика, дипломатика, история архитектуры, история искусства, местная (областная) история и т. д. Точно так же и на этот раз в Керчи, среди огромного количества докладов, прочтенных на конференции, можно найти доклады по самым разнообразным дисциплинам, которые скорее были связаны между собой территорией, чем содержанием.

Все доклады были разбиты по четырем секциям конференции, которые были выделены, главным образом, по хронологическому признаку деления и лишь частично по национальному. Секции были нижеследующие: 1) доисторической археологии, 2) ирано-эллинская секция, 3) средневековой археологии и 4) тюркско-татарская.

Работы первой секции касались исключительно археологических, точнее палеоэтнологических тем. Среди докладов этой секции были такие, которые затрагивали вопросы общемирового значения и касались боевых тем и открытий последнего времени. Здесь следует отметить прежде всего важное открытие палеолита в крымских пещерах, сделанное ассистентом Ленинградского государственного университета Г. А. Бонч-Осмоловским и крымским археологом Н. Л. Эрнстом, а также интересные находки так называемой микролитической индустрии на Крымской Яйле (сборы П. А. Двойченко, С. И. Забнина и др.). Последние работы кавказского археолога Г. К. Ниорадзе и загадочная, много нашумевшая, находка окаменелого мозга человека (находка в Московской губ.) точно так же получили освещение на заседаниях первой секции.

Ирано-эллинская секция конференции поставила целый ряд докладов, относящихся к истории греческих поселений на берегах Черного моря. В самое последнее время были произведены большие раскопки на месте греческой колонии Ольвии (проф. Б. В. Фармаковский), древнего Херсонеса (К. Э. Гриневич) и Керчи (археолог Ю. Ю. Марти). Точно так же в последние годы сделаны были отдельные находки в разных местах Крыма и Черноморья: у деревни Марфовки (подле Керчи) найден готский могильник с золотыми венцами, у г. Анапы —обломок

замечательной мраморной плиты от саркофага и т. д. Все эти открытия получили отражение в работах секции. Лучшие темы выпали на долю ирано-эллинской секции, и наиболее выделяющиеся ученые выступали на ней со своими докладами (профессора Б. В. Фармаковский, Н. И. Новосадский, Н. А. Захаров и др.).

Секция средневековой археологии выявила те многочисленные открытия и работы, которые были сделаны на территории Крыма в области средневековых памятников истории, искусства и архитектуры. Крым, как известно, пережил весьма пеструю средневековую историю и оставил большое количество самых разнообразных памятников От эпохи первого христианства остались такие замечательные памятники, как «пещерные города» (доклад проф. Н. Л. Эрнста), византийское влияние дало базилики в Херсонесе (доклад Д. В. Айналова), генуэзцы и венецианцы воздвигнули мощные крепостные постройки Судака, Феодосии (доклады проф. Н. Д. Протасова, Скржинской и др.); не прошли мимо работ секции и русские славяне (загадочная Тмутаракань—доклад проф. В. А. Пархоменко).

Татарские древности были предметом специальной секции—тюркско-татарской. В центре работ секции стояла экспедиция Восточной ассоциации при ЦИК'е в Старый Крым (Солхат) под руководством археологов: проф. И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова. С 1925 года экспедиция ежегодно производит раскопки, регистрирует и реставрирует татарские архитектурные памятники, изучает быт населения. Во всех этих работах, кроме столичных ученых, принимают также участие и местные работники, выступавшие на с'езде с целым рядом докладов (У. Боданинский, О. Акчокраклы, татарский композитор Асан Рефатов).

Работы татарской секции имеют огромное научно-общественное значение, так как впервые на научном с'езде выдвигают и ставят на прочную базу вопросы национальной культуры. И Керченский с'езд эту задачу выявил во всей полноте. Сближение археологии с жизнью, увязка старых, национальных культур с новыми, широкая научная разработка забытых памятников национальных меньшинств—таковы новые вопросы, впервые выдвинутые на конференции.

Помимо секционной работы конференция провела несколько пленарных заседаний, на которых были поставлены доклады общего характера. Академик В. П. Бузескул дал общий очерк развития археологии юга России, акад. Н. Я. Марр прочел доклад о скифском языке, проф. А. А. Спицын отметил увязку археологии с краеведением, проф. В. А. Городцов прочел доклад по методологии археологии, доц. К. Э. Гриневич нарисовал перспективы научно-исследовательских работ в Крыму. Кроме русских ученых, сделал доклад и проф. Стокгольмского университета Арне о раскопках в Китае.

Но кроме такого чисто академического значения, Керченский с'езд проделал целый ряд работ прикладного научного характера.

Развернув широко юбилейную выставку, которая наглядно показала жизнь Керченского музея в течение 100 лет, конференция дала толчок и большим работам по реорганизации центрального музея и вызвала к жизни новые научные учреждения.

Так, например, керченское отделение «Общества по изучению Крыма» организовало к моменту конференции богатую краеведческую выставку, которую предположено сохранить и превратить в постоянный музей при школе им. Короленко.

В одном из постановлений конференция внесла пожелание об открытии филиального отделения в Керчи Академии истории материальной культуры, Краеведного музея, Исследовательского института и т. д.

Общественно - политическое значение керченской конференции огромно. «К о н ф е р е н ц и я в с к о л ы х н у л а всю м е с т н у ю о б щ е с т в е н н о с т ь»,— говорил в заключительном заседании председатель организационной комиссии тов. Мезер.

Самый состав почетного президиума с'езда (т.т. Калинин, Рыков, Сталин, Луначарский, члены крымского правительства т.т. Ибраимов, Шугу и Балич, М. Н. Покровский и акад. Платонов) являл собой символ единения советской власти и науки.

Во всех приветствиях, которые были произнесены на конференции от самых разнообразных организаций, подчеркивалось большое значение науки для трудящихся, указывалась связь между рабочим и ученым, провозглашался лозунг—науку в массы. Представитель от профессиональных организаций Керчи тов. Колосов в своей речи высказал остроумное пожелание поскорее включить в музейные археологические древности памятники отживающей эпохи капитализма. Трогательное подношение было сделано от рабочих водного транспорта в виде огромной вазы, выловленной в море во время землечерпательных работ у Еникальского маяка.

Члены конференции чутко отозвались на всеобщий интерес к ее работам со стороны керченских трудящихся масс и широко открыли им двери заседаний. Кроме того, был прочитан целый ряд публичных популярных лекций для рабочих. Среди отдельных лекторов были видные представители науки, как акад. Н. Я.

Марр («Старые и новые культуры, старая и новая археология и задачи соввласти») и др. Интересно отметить, что часть лекций была прочитана на татарском языке, для местных татар, в помещении татарского клуба (лекции У. Боданинского по этнографии татар и О. Акчокраклы по археологии тюркско-татарских народов). Культурно-просветительными организациями были организованы рабочие экскурсии в музей, на юбилейную выставку и на некоторые археологические памятники (в склеп Деметры и на Царский курган).

Такова большая научная и общественная работа, которую успела развернуть конференция в короткое время. Начальник Главнауки Ф. Н. Петров, подводя итоги конференции, констатировал, что программа работ выполнена полностью и, что самое главное проделано—это сближение науки с массами. «И что особенно ценно,—говорил Ф. Н. Петров,—это единение произошло в далекой окраине Крымской республики. Это впервые научный с'езд приблизился к массам и перед массой развернул свои задачи». Неожиданно было приветствие делегации от татарского населения, которое в лице татарского учителя благодарило членов конференции за всю ту работу, которая была проделана по изучению национальных культур молодой татарской республики Крыма.

Резолюция по докладу директора Керченского музея Ю. Ю. Марти вполне иллюстрирует положение об общественном значении советской археологии.

«Советская наука, вышедшая из замкнутых рамок исследовательских лабораторий и приблизившаяся к широким массам трудящихся, вовлекает эти массы в активную творческую работу по изучению своей страны, подводя научную базу под их революционное строительство».

Все резолюции и постановления, которые были вынесены, как на пленарных, так и на секционных заседаниях конференции, дают большой материал для изучения дальнейшего роста и движения археологических работ в СССР.

Группируя по содержанию постановления Керченской конференции, выделим из них прежде всего два наиболее существенных. Одно из них гласит о необходимости созыва первой всесоюзной конференции археологов в 1928 году; второе, проведенное по тюркско-татарской секции, требует созыва предварительной конференции по изучению материальной культуры тюркско-татарских народов в 1927 году в Бахчисарае.

Вторая группа постановлений касается современного положения археологического образования в СССР и вызывает к жизни целую сеть новых исследовательских организаций. Конференция постановила обратиться в Наркомпрос с просьбой расширить преподавание археологии в вуз'ах и признает желательным открытие в Ленинграде и в Москве археологических институтов.

Третья группа постановлений касается научно-исследовательской работы по изучению Крыма. Конференция одобрила работу экспедиций в Крыму и вынесла постановления продолжать и в будущем. Была подчеркнута важность изучения вымирающего быта национальных меньшинств, высказано пожелание о печатании трудов экспедиции на татарском языке, признано необходимым разработать единый производственный план в области крымской археологии, постановлено составить археологическую карту Крыма.

Охрана памятников привлекла большое внимание конференции. Постановлено было признать необходимым увеличить средства на охрану таких первоклассных памятников, как пещерные города, разграничена была зона охраны некоторых памятников, обращено внимание на выработку мер по борьбе с кладоискательством.

Интересны постановления, касающиеся непосредственного продвижения археологических знаний в массы и усиления культурно-просветительной и научно-популяризаторской работы среди рабочих и крестьян. Признано желательным раз'яснять широким массам значение охраны археологических памятников, как источников изучения хозяйства и жизни предшествующих культур.

В области методологической разработки археологической науки вынесены некоторые мелкие пожелания: о применении кинематографа и фонографа при этнографических экспедициях, создание этнографического оркестра из старинных музыкальных инструментов и т. д.

Итак, почти все более или менее важные стороны советской археологии получили освещение в рабочих конференциях. В сравнительно короткий промежуток времени конференция проделала большую работу, подвела итоги прошлого, осветила настоящее и наметила некоторые шаги дальнейшего роста археологических знаний в СССР.

Т. Гелах

В Научно-Исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока

С осени 1926 г. в реформированном Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур

народов Востока начался семинар по истории колониальной политики России на восточных окраинах, в котором работают 8 аспирантов института.

При разработке тем, кроме литературных источников, привлекаются также архивные материалы и документы как из московских хранилищ, так и из хранилищ на местах, поскольку аспиранты связаны в качестве «националов» с местными архивами, и в программу их работы входит летняя практика собирания материалов на местах.

На второй год обучения в институте по историческому разряду выдвигаются темы по изучению истории отдельных народов советского и зарубежного Востока, на третий же год намечается изучение национальных проблем на примерах тех же восточных стран.

18 декабря состоялся I пленум научных работников И-та, на котором, после речи академика Н. Я. Марра о работе Института, руководитель исторического разряда А. В. Шестаков сделал доклад на тему «Спорные вопросы восстания в Средней Азии в 1916 г.». Докладчик подверг критике так называемую теорию «провокации», развиваемую Г. И. Бройдо и др., которые в своих работах доказывают, что восстание в Средней Азии было спровоцировано царским правительством с целью захвата земель у туземцев и передачи их крестьянам из губерний с сильным аграрным движением в центральных областях России. Затем им была разобрана теория т. Рыскулова о Средней Азии, как плацдарме для захвата земель соседних государств, «решительного укрепления влияния царизма в Афганистане, занятие Западного Китая, выпрямление границы от Хай-Тенги прямо на Владивосток, с отходом к России Кульджи, Монголии и Манчжурии». Большое внимание докладчик уделил теории Миклашевского, характеризующего восстание в Средней Азии в 1916 г., как панисламистское движение. Им были подвергнуты также критике взгляды различных историков о классовых силах восстания и их экономической сущности в условиях колониальной политики царской России.

Доклад вызвал оживленные прения, в которых приняли участие т. т. Асфендиаров, Рыскулов, Галузо, Иомудский, Тюрякулов, Гурко-Кряжин, Шумилин, Хаджанов и др. Прения дали очень много ценных замечаний фактического характера, и в общем выступавшие присоединялись к точке зрения докладчика, рассматривавшего восстание в Средней Азии в 1916 г., как восстание национального типа угнетенных народных масс Средней Азии против колониальной политики русского капитализма, восстание против требований буржуазной метрополии «дани кровью». Взгляды докладчика изложены в его статье журнала «Историк-Марксист» № 2.

Научная работа по истории в Одессе

По интенсивности культурной и научной жизни Одесса занимает видное место среди провинциальных городов Союза. В частности, работа в области истории общей и местного края протекает здесь очень оживленно, о чем свидетельствует ряд действующих в настоящее время научных организаций и обществ, группирующих вокруг себя все наиболее активные в научном отношении элементы академического и партийного мира Одессы.

Придерживаясь хронологического порядка возникновения этих организаций, мы должны прежде всего отметить деятельность Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской Академии Наук. Социально-экономическая секция комиссии, об'единяющая, главным образом, историков местного края и обществоведов, особенное внимание уделяет истории революционного движения в Одессе и округе, нередко устраивая свои заседания совместно с обществом политкаторжан («вечера воспоминаний») и участвуя, вместе с Истпартом, в разработке богатых материалов одесских архивов (ген.-губернаторского градоначальника, полиции и жандармерии и т. д.), централизованных большею частью в Окрарх'е. Комиссия издает свой сборник—с неопределенной периодичностью—в котором, на ряду с протоколами заседаний и отчетами о деятельности, публикуются и отдельные статьи по истории.

Более специально вопросами истории революционного движения «на Одесщине» занимаются Истпарт, с примыкающим к нему обществом политкаторжан, выпускающим свой орган — «Кандальный звон». Журнал публикует преимущественно материалы и воспоминания участников революции. В настоящее время Истпартом, совместно с заинтересованными организациями, ведется подготовительная работа по изданию своих сборников к десятилетию Октябрьской революции.

Историческая работа в более широком смысле сосредоточена вокруг Одесского института народного образования, вобравшего в себя историко-филологический факультет б. Новороссийского университета. В 1925—1926 ак. году при ИНО функционировали семинары повышенного типа по истории Украины, России и Запада. С настоящего года, в связи с организацией научно-исследовательской кафедры украинской культуры, работает лишь семинар по истории Украины, а также секция украинской истории, которая пока одна только и организовалась

руководитель проф. М. Е. Слабченко. Следует упомянуть и исторический кружок при ИНО, где исторические и историко-библиографические доклады делаются, наряду со студентами, и профессорами-руководителями кружка.—Историческая секция исследовательской кафедры украинской культуры пока еще не успела оформить свои отношения к «Журналу Научно-Исследовательских кафедр гор. Одессы», являющемуся центральным научным органом города. Временный приют находят себе исследовательские работы по истории в отделе «Журнала», выделенном для кафедры Уголовного права (единственная, до последнего времени, «гуманитарная» кафедра в Одессе). Здесь разновременно появлялись статьи историков Загоровского, Добролюбского, Вайнштейна, Петруня и др.

Далее, отметим работу исторической секции «Наукового товариства при ВУАН», образовавшейся лишь весною 1926 г., но уже успевшей развить заметную деятельность в области разработки истории Украины. Серия ценных докладов и интересных проблем, выдвинутых на заседаниях секции, обнаруживает ее жизнеспособность и возможность дальнейшего развития.

Поистине лихорадочную организационную работу проводит одесская филия Украинской Ассоциации Востоковедения, раскидывающая сеть востоковедческих кружков по всем вуз'ам, устраивающая публичные лекции, ряд закрытых заседаний и проч. Деятельность одной из секций, на которые подразделяются Ассоциация,—социально-экономической—тесно соприкасается с кругом интересов историков.

Наконец к исторической работе имеет известное отношение библиографический семинар при Одесской Центральной Научной Библиотеке, где неоднократно ставились доклады чисто исторического характера. Семинар функционирует с 1923—1924 г. и опирается в своей работе, главным образом, на ценнейшие книжные и рукописные фонды Ц.-Н. Библиотеки.

В заключение следует заметить, что известный параллелизм, который неизбежен при наличии столь значительного количества исторических кружков, обществ и организаций, смягчается в достаточной степени тем, что в работе большинства из них часто принимают участие одни и те же лица. Таким образом, если не организационно, то персонально эти учреждения тесно между собою связаны, создавая, в своей совокупности, атмосферу, благоприятную для научной творческой мысли.

Относительно высокая активность Одессы в области гуманитарных и, в частности, исторических дисциплин обусловлена, в значительной мере, обилием крупных культурных ценностей, особенно книжных. Достаточно указать на две крупнейшие библиотеки города—Центрально-Научную и Публичную,—которые располагают вместе фондом в 1.100.000 томов, при чем в состав первой входят такие ценные для историка книжные собрания, как кн. Воронцова, гр. Строганова, Шильдера, сенаторов Пахмана и Ромуальд Губе, проф. Григоровича, Линниченки и др.

О. Л. Вайнштейн

Николай Александрович Рожков

(Речь М. Н. Покровского, произнесенная на гражданской панихиде 4 февраля 1927 г.)

Товарищи, я совершенно не умею говорить речей торжественных или погребальных, а сейчас я в таком настроении, что никакой речи у меня бы не вышло. Но позвольте мне просто рассказать несколько фактов из жизни покойного Н. А. Рожкова и дать несколько характеристик. Эти факты и эти характеристики, может быть, для большинства из вас, в особенности для молодежи, к которой в первую очередь приходится обращаться, будут новостью, и этим будет оправдано мое появление на этой трибуне.

Когда мы с т. Степановым писали, не сговариваясь и даже не зная друг о друге, что мы пишем некрологи, нами, очевидно, руководила одна мысль: снять с памяти покойного Н. А. ту кличку меньшевика, которая прилипла к этой памяти в последние годы, когда он не был активным политиком, и, значит, активным меньшевиком. Нам—и И. И. Степанову и мне—одинаково казалось нужным показать, что мы хороним старого большевика, человека, который был с нами и впереди нас в самые тяжелые минуты существования нашей партии, занимал всегда самые ответственные посты, занимая их с честью, и, можно сказать, пал на своем посту, держась до последней минуты. Это нам хотелось напомнить в первую очередь. Но к этому хотел бы я теперь кое-что прибавить.

Во-первых, т. Ленин, которого мне пришлось упомянуть по поводу его печатных отзывов о Рожкове, и в устных своих разговорах всегда отличал Н. А. от всей меньшевистской массы. Мне несколько раз приходилось говорить с ним о Рожкове, и я никогда не слышал в тоне Вл. Ил. тех резких, осуждающих нот, которые этот беспощадный к противникам революции человек давал слышать, когда он говорил о врагах революции. О Н. А. Рожкове Ленин всегда говорил, как о человеке, заблудившемся, сбившемся с пути, но который, может быть, к нам вернется. И вот как раз сегодня из достаточно авторитетного источника я узнал, что Н. А. Рожков был буквально накануне того, чтобы к нам вернуться самым настоящим образом. И если мы его хороним не как коммуниста, то это чистейшая случайность, такая же случайность, как, в глазах большинства по крайней мере, случайностью является его смерть. Это то, что я хотел сказать в дополнение к политической характеристике Н. А. Рожкова.

А затем позвольте вспомнить другой факт. Вот Н. А. нашел себе последнее временное успокоение в этих стенах *) и в этих же стенах он стал впервые открытым революционером. Революционером он стал, конечно, как все мы, суб'ективно раньше, но впервые он дал доказательство своего революционного настроения именно здесь. Ведь он был председателем Московского Педагогического Общества той поры, когда это общество особенно интенсивно бунтовало. Я знаю, здесь присутствуют товарищи, которые до первой революции прошли долгий искус ссылки, иногда даже каторги и которые, может быть, улыбнутся при виде этого бунта нескольких приват-доцентов, но эти товарищи, наверное, диалектики, а как диалектики они должны понять, что одно дело—большие, героические подвиги профессиональных революционеров, а другое дело—открытое выступление против

*) Тело Н. А. Рожкова было поставлено в актовом зале 1-го Моск. Госуд. Унив-та.

правительства, против тогдашнего начальства человека, до сих пор мирно читавшего лекции с кафедры.

Впервые на моих глазах в соседней, бывшей библиотечной зале выступил Н. А. Рожков, как председатель забунтовавшего тогда Педагогического Общества, и это, вероятно, было первое его открытое революционное выступление. Повторяю, суб'ективно он революционером сделался, конечно, раньше *).

И наконец, мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что в сегодняшних некрологах было опущено — просто на это времени нехватило,—дать характеристику Н. А. Рожкова, как ученого. Об этом надо сказать, товарищи, ибо в этом отношении мы всегда недооценивали Н. А. Перед нами, главным образом, он выступал, как автор больших, крупных исторических концепций, которые были далеко не безупречны в теоретическом отношении и в этом отношении навлекали на себя всякую критику, но которые были в высокой степени полезны тем, что они в необычайно ясной и популярной форме разносили марксизм по такой широкой арене, по какой редко кому удавалось его разносить, если исключить такие величины, как Плеханов, напр., и т. д. После таких людей Н. А. Рожков в числе популяризаторов марксизма стоял, конечно, на первом месте,—во всяком случае, на одном из первых мест. И вот этот-то его популяризаторский дар, повидимому, и помешал ему сделаться ученым такого калибра, какого он заслуживал и каким мог бы в сущности быть.

У Н. А. мы встречаем массу отдельных мыслей, отдельных научных откровений, которые потом были развернуты в целые системы, в целые решения вопроса, в качестве таковых это вошло в железный инвентарь нашей марксистской концепции русского исторического процесса, но не с именем Рожкова, потому что разработал это не он,—он только первым бросил эти идеи.

Прежде всего для того, чтобы поставить на реальную почву наше древне-русское земельное право, нужно было понять, в каких производственных условиях оно родилось, и Н. А. первый, своим сближением «межного дуба» «Русской Правды» и сибирских «чертежей», открыл перед нами ясную картину того уровня, на котором находилась тогда только что колонизовавшаяся Восточная Европа. Это все подробности земельного права древней Руси осветило ярким светом, сделало их близкими и реальными. Теперь вы найдете это во всех марксистских учебниках, но впервые это было высказано Рожковым.

*) Тов. В. И. Невский рассказал в своей речи, что Н. А. еще гимназистом, в Екатеринбурге, находился под влиянием представителей революционных организаций, а несколько позже был близок с известным революционером 80-х гг. Точисским.

Им же впервые со свойственной ему, как тогда говорили его старшие сверстники, «дерзостью» была выдвинута мысль, что можно построить картину русского исторического процесса, не прибегая к идее обороны. Он говорил: «Я берусь вам об'яснить всю историю нашего помещичьего землевладения, не упоминая о том, что помещики были военнослужилые люди». Теперь это об'яснение нашего экономического развития исключительно от внутренних причин, не привлекая к делу внешней обороны, от которой шли все буржуазные историки, стало ходячим, у нас оборона играет совершенно второстепенную, даже третьестепенную роль, но в 1905 году, когда это высказывал Н. А. Рожков, это было ново даже для нас.

Наконец, я не забуду, как в 1907, примерно, году ко мне прибежал партийный товарищ, издатель наших брошюр, и с ужасом сообщил, что в одной из этих брошюр Рожков отрицает теорию Ключевского, гласившую, что наши крестьяне искони были перехожими арендаторами, арендовавшими помещичью землю. Крестьяне, говорил Рожков, сначала владели землей, но были обезземелены помещиками. Издатель спрашивал, как быть. Каюсь, что тогда я не мог ему ответить внятно А теперь для нас общее место, что закрепощение крестьян началось с их обезземеления, и следов этого обезземеления в Писцовых книгах можно найти сколько угодно.

Вот вам наудачу взятые мною три крупных исторических идеи, связанные с пониманием русского исторического процесса, которыми мы обязаны Н. А. Рожкову. Но я очень опасаюсь, что 99% здесь присутствующих от меня впервые услыхали, что родоначальником и автором их является наш покойный Н. А. Об'ясняется это отчасти крайней спешностью его исторических трудов, тем, что он крайне быстро работал. И тут я не могу не рассказать одного факта—как создалась его диссертация «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.».

Он приехал в 1897 г. в Москву с планом диссертации в кармане и с некоторыми выписками из печатных источников. Эти печатные источники он поглощал, можно сказать, совершенно невероятным образом: сегодня я к нему отправляю том актов археографической экспедиции, завтра он возвращает его обратно и требует от меня другой том. Я заведовал тогда библиотекой исторического семинария нашего факультета. Я спросил у передатчика (Н. А. не лично брал книги), кто это пожирает книги таким способом? Тогда я впервые услыхал имя Н. А. В университете студентами мы знакомы не были.

И вот, он пришел с планом диссертации и заявил, что диссертация, требовавшая массы дополнительной архивной работы, выйдет через год. Не стану от вас скрывать, — перед открытым гробом неправды не говорят,—мы смеялись, мы гово-

рили: он не понимает, что такое архивная работа—он пять лет просидит в архиве. А через год книга в рукописи была сдана в печать, а через полтора года была у всех нас в руках. Конечно, при такой спешке не могло обойтись без довольно большого количества мелких ошибок, и, конечно, к этим мелким ошибкам привязывались, чтобы дискредитировать всю книгу. Но позвольте спросить: а написал ли кто нибудь с тех пор новую книгу на эту тему, которая была бы лучше книги Н. А.? Мы до сих пор ссылаемся на книгу «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.». И он произвел эту операцию в год с небольшим, создал ученую книгу по вопросу, к которому не подходил ранее ни один ученый.

И нет ничего мудреного, товарищи, что в то время, как у нас Николая Александровича,—надо правду сказать,—как ученого ценили не особенно высоко, западно-европейская наука его заметила. Возьмите большую книгу Л. Геца о «Русской Правде» —вы увидите там ссылки на труды Рожкова чуть ли не на каждой странице. Этот немецкий ученый понял и оценил, кого он имел в этом русском своем современнике, мы не всегда ценили.

Но были и другие черты, которые мешали Н. А. дорабатывать его ученые идеи, и одна из этих черт особенно для нас ценна. Эта черта показывает, что если Н. А. не всегда был, может быть, революционером боевого типа, человеком непосредственного действия, он всегда оставался революционером того типа, к которому принадлежали на Западе Дидро, а у нас Чернышевский. Что мешало ему дорабатывать научные идеи? Стремление немедленно же, как только он что-нибудь откроет, переходить к поучению, переносить свои идеи в массы. Я недаром и не случайно и не сегодня только сравниваю Н. А. с Чернышевским,—конечно, не по размеру таланта и влияния; Чернышевский—гигантская, единственная в своем роде фигура,—но это тип тот же самый, тип человека, который работает над наукой, копит знания не ради самого знания - не это для него стоит на первом плане, а ради того, чтобы светом этих знаний просветить мозги своих современников, немедленно пустить эти знания в оборот. Ведь и статьи Чернышевского, с точки зрения строгой науки, не бог весть что такое, а какая в них масса блестящих, прямо гениальных исторических мыслей! Конечно я не думаю сравнивать по калибру эти две фигуры, но Чернышевский невольно приходит в память, когда вспоминаешь судьбу Н. А. Рожкова, правда, иначе кончившуюся чем судьба Чернышевского, но тоже долгие годы заключения, ссылки, а перед этим и после этого - неустанный, постоянный труд.

Написал Н. А. невероятно много и, как преподаватель, он выступал в бесчисленном количестве учебных заведений. И сей-

час и Академия Коммунистического Воспитания, и Институт Красной Профессуры, и Научный Институт Истории при I МГУ, и Этнологический Факультет—все считали его в числе своих активных преподавателей. Он нигде не «числился», и, мне кажется, этот человек органически не мог нигде «числиться»: он везде и всегда работал. И вот эта неустанная работа просветителя большого стиля, на ином уровне, чем старые просветители,—она лишала его возможности написать, после первой его диссертации, вполне, совсем законченную в научном отношении работу. Но тем не менее он дал нам «Происхождение русского самодержавия».

Но когда написал он эту книгу? Он написал ее в Москве в декабре 1905 г. во время московских баррикад. Московские баррикады выбили на некоторое время из строя всех нас—литераторов и лекторов, потому что тогда требовались люди совершенно другого рода. Писать что бы то ни было не имело смысла, потому что ничего не печатали, газеты не выходили, митинги устраивались, но на митингах выходили с речами агитаторы, которые лучше подходили для того момента. А мы сидели большею частью заключенные в своих комнатах или же занимались работой военных корреспондентов: ходили по улицам и изучали ход восстания, чтобы потом его опыт использовать для теоретической разработки вооруженной борьбы.

Н. А. Рожков засел у себя в квартире и в течение этих двух недель написал целую книжку—«Происхождение русского самодержавия». Опять-таки пред'являть к этой книжке требования, какие пред'являются к диссертации, невозможно. Диссертации не так пишутся. Но нужно оценить, во-первых, огромную выдержку человека, который знает, что, может быть, завтра его расстреляют, потому что в декабре 1905 г. мы все были под угрозой расстрела без исключения. Нас всех знали наперечет, и, при известном повороте событий, нас расстреляли бы в первую голову. И тем не менее он не терял ни одной минуты, по десяти часов в сутки он писал и писал, и в конце восстания была готова книга. Это образчик изумительной выдержки, и эту выдержку он обнаруживал всегда. Это была настоящая большевистская складка в своем роде.

И вот почему отход от нас Н. А. мы никак не можем поставить в связь с какими-нибудь чертами его характера. По характеру это был всегда непреклонный, чрезвычайно мягкий во внешнем обращении, но железный человек по тому внутреннему стержню, который в нем был. И заметьте, даже когда он начал переходить к тем идеям, которые отрезали его от нас, к меньшевистским и полуменьшевистским идеям, он не покидал своего поста. Ведь его первые споры с Лениным относятся еще к 1907 г.—они при мне происходили, я их хорошо помню. Уже

тогда Н. А. начал разочаровываться в лозунгах вооруженного восстания и в других, как потом говорили, «неурезанных лозунгах». Но тем не менее после этого он один нес на себе в Питере почти всю цекистскую работу и, бравируя перспективой неизбежного ареста, держался буквально до последней минуты, как последний солдат, защищающий какой-нибудь мост или баррикаду.

Таким образом, в характере Н. А. несомненно было много истинно большевистского, и только печальное недоразумение, которое образовалось на почве окружения его меньшевистской средой, атмосфера ссылки, а раньше атмосфера тюрьмы, его отрезанность от наших большевистских центров—только все это вместе взятое может об'яснить тот поворот, который совершился между 1910 и 1915 г. г., поворот, который оторвал его от нас, но, как я вам сказал в самом начале, оторвал не окончательно, не навсегда. Уже года четыре он говорил о том, чтобы вернуться к нам. Что его от этого удерживало? По всей вероятности, только чрезвычайная революционная добросовестность. Вернуться для того, чтобы ходить с партийным билетом в кармане? Зачем? Кому это нужно? А вернуться для того, чтобы работать—вот тут-то Н. А. лучше, чем кто бы то ни было, чувствовал ту идейную пропасть, которая между нами образовалась, которую он стремился заполнить—потому что он шел к нам, стремился понять наши лозунги и дальше их распространять, но, очевидно, еще не чувствовал себя окончательно готовым и откладывал свое вступление со дня на день. И вот, наконец, когда этот день стал приближаться, пришла нелепая физиологическая случайность и покончила с этой чрезвычайно богатой жизнью гораздо раньше, чем кончилась духовная жизнь Н. А., ибо никто не станет отрицать, что он до последней минуты был свеж и бодр, каким был в лучшие годы, и что при нормальных физических условиях по крайней мере лет 20 или 25 он работал бы на пользу русской науки и работал бы как просветитель, какие очень редки.

История, несомненно, зачислит Н. А. в ряды наших, не скажу великих,—не нужно льстить покойникам, мы обязаны говорить о них правду,—но в ряды крупных наших просветителей большевистского склада, характера и устремления. И хоронить его мы будем, как своего, как старого большевика.